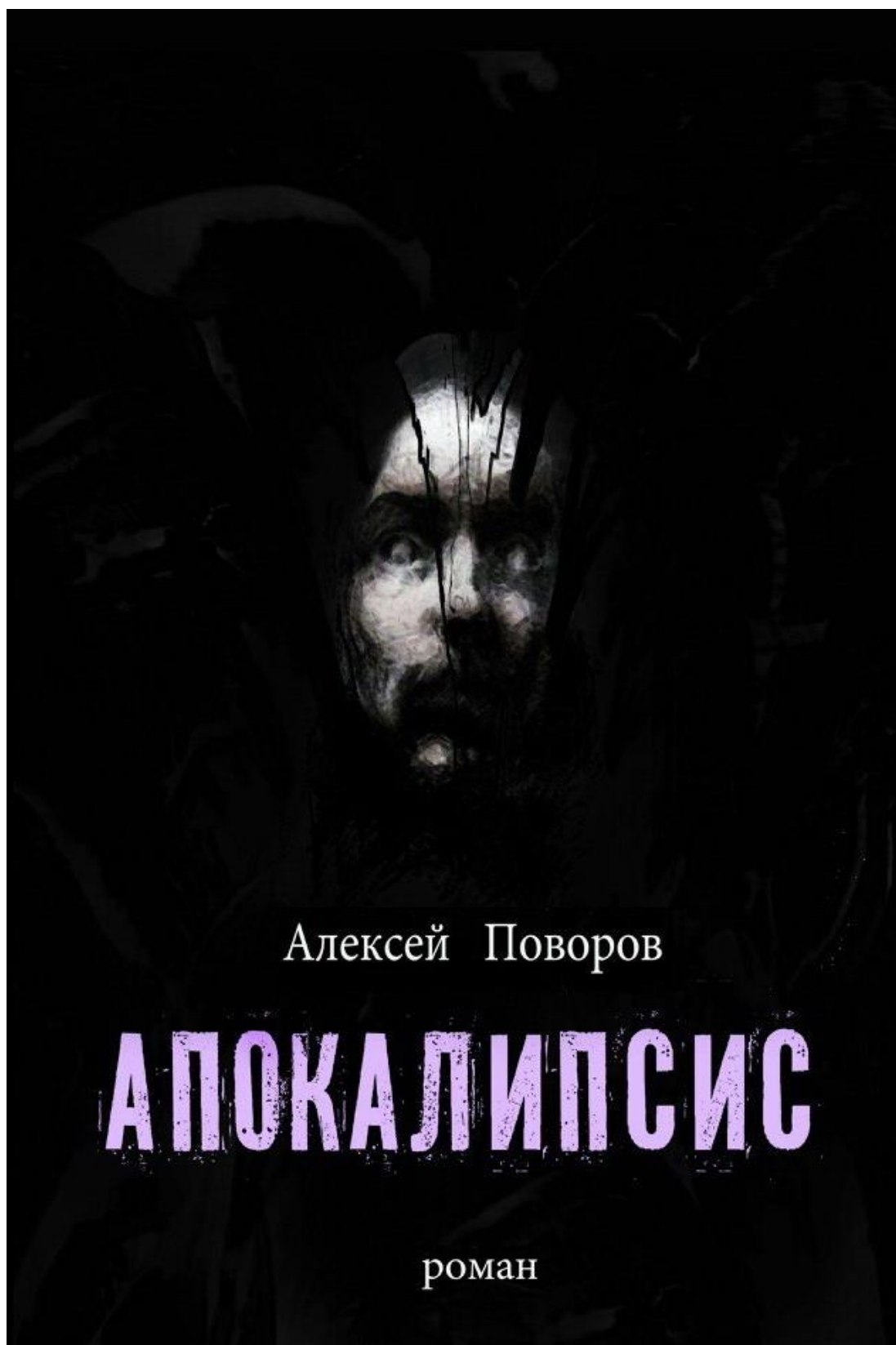

www.alexporov.ru

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П 42

П 42 Алексей Поворов

Апокалипсис. – М., 2018. – 373 с.

ISBN: 978-5-9904730-1-0

Настало время финального раунда большой игры. Силы не равны, награда не определена, но стороны готовы пойти на все, чтобы выиграть. Ибо дальше не будет ничего.

Возрастное ограничение – 16+.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN: 978-5-9904730-1-0

© А. С. Поворов, 2018

Глава I

УТРАТА

Шел 2045 год, наверное. Мелкий дождь вперемешку с мокрым снегом говорил, что до зимы осталось не так уж и далеко. Марс решил, что сейчас начало ноября, но точно не был в этом уверен: вести календарь он бросил давно. Некоторое время он лежал неподвижно, слушая, как дождевая вода шуршит по клочку полиэтилена, под которым он укрылся прошлым вечером. Его тело заоченело до такой степени, что шевелиться вовсе не хотелось. Полуразрушенное здание, в котором он находился, продувалось со всех сторон, но это было гораздо лучше, нежели остаться ночевать на улице. Собрав в себе остатки сил, он медленно поднялся.

Рядом с ним под кучей вонючего, грязного и влажного тряпья спала девчушка лет четырнадцати. Они с Виктором подобрали ее еще совсем ребенком. Тогда Катина община была истреблена группой отморожков, которые возомнили себя «волками»: они считали, что должны уничтожить в этом мире всех слабых и немощных — во всяком случае тех, кто был слабее их самих, — дабы осталась только элита. Катиной группе не повезло: она оказалась на пути «волков» и была слабее их. А Марс и Виктор очутились рядом по простому стечению обстоятельств. Даже сейчас, прикрыв глаза, он видел эту страшную резню, желтый луч прожектора, выискивающий жертв в темноте, слышал звук пулеметной очереди. Сколько же прошло времени?

Марс вспомнил, как хотел бросить Катю. От этой мысли его передернуло. (Тогда было не до маленькой девочки, выжить бы самим. А дети умирали сотнями каждый день, впрочем, как и взрослые. Смерть уравнивает всех в своих правах.) Хорошо, что Виктор не позволил. Старик всегда верил, что люди вернуться к своей истинной природе, как река возвращается в русло после весеннего разлива. Теперь Марс был несказанно рад, что наставник убедил его спасти девочку. За долгие годы он привязался к ней. Катя стала для него кем-то большим, чем друг или даже собственное дитя. Она стала лучиком надежды, смыслом его жизни, родным существом, держащим его на этом свете, в этом сошедшем с ума мире. Вот и сейчас, проснувшись, он первым делом потянулся к девчушке

проверить, дышит ли она. Страх за ее жизнь не покидал его, а может, Марс просто боялся остаться один.

Недавно у нее был жар. Ему пришлось зайти в город, чтобы раздобыть медикаментов. Там оказались хорошие люди, хотя такое сейчас редкость, большая редкость. Сейчас нужно держаться подальше от тех мест, где можно встретить людей. Да, здоровье Кати обошлось ему недешево: антибиотики стоили половину имевшихся на тот момент запасов провизии. Зато болезнь быстро отступила. А припасы... Ну что припасы? Не в первый раз голодали. Главное было не скатиться, как многие, до каннибализма. У него побежали мурашки, и он невольно обхватил себя руками и растер тело.

Зима приближалась, каждая ночь становилась темнее и холоднее предыдущей. Марс с опаской положил руку на закутанное в тряпье тело девочки. От ее дыхания ладонь медленно поднялась и опустилась. Значит, все в порядке. Ему есть ради чего жить. Хотя Виктор всегда убеждал, что Марс должен жить ради спасения человечества. А может, человечество, все эти так называемые *homo sapiens* не достойны спасения? А что, если весь людской род — это тупиковая ветвь эволюции, которая должна исчезнуть, как динозавры? Груда тряпья зашевелилась. Да нет, еще можно дать шанс людям. Вот хотя бы ради таких, как эта девочка.

Солнце нехотя начало подниматься из-за горизонта, тускло прорезая своими лучами изморось. Марс выдохнул на озябшие руки теплый воздух и потер их, пытаясь разогреть пальцы, проверил, как закреплен на бедре охотничий нож, вытащил из-под вороха тряпок пистолет, засунул его за пояс. Какое-то время понаблюдал за спящей Екатериной.

Свет солнца пробился сквозь тучу и длинным лучом потянулся к нему, проскользил у его ног и замер на девочке. Если бы Виктор был рядом, то он непременно принял бы это за знак свыше: он всегда видел в природных явлениях некое предначертание. Забавный был старик. Марс улыбнулся, вспомнив, как много лет назад они наткнулись на погреб, до отказа забитый самогоном. Виктора удалось вытащить оттуда только после того, как он уничтожил весь алкоголь. Страшные две недели запоя. Как его печень смогла выдержать такое?

Теперь Марс вспоминал это с улыбкой, а тогда было не до шуток. В пьяном бреду Виктор нес чушь, что выполняет последнее указание Бога, а Марс и есть тот самый мессия, который должен спасти человечество от посланника апокалипсиса. Пьяный Виктор звал Марса, тянулся к нему, тряс за грудки, выдыхая зловонный перегар в лицо, и орал о спасении мира. Бормотал про какой-то цветок жизни, который Марсу непременно следует сохранить, иначе бездна поглотит этот мир окончательно. Виктор пил, блевал, снова пил и снова блевал. Плакал, вспоминая прошлое, раскаиваясь в чем-то. Счастьем было, когда он вырубался и подвал содрогался от режущего уши храпа. Эти впечатления из детства научили

Марса относиться к спиртному с опаской. Что-что, а делать правильные выводы он умеет. Протрезвев, Виктор притворился, что ничего не помнит. А может, и в самом деле не помнил.

Марс поднялся и, оставив Катю досыпать, вышел из развалин. Ни души, ни звука, только мусор и хлам кругом.

Вначале они двигались на юг, к городу с названием Новый Рим. Так хотел Виктор. Он считал, что именно там они найдут Александра — некоего мифического человека, причастного к тому, что произошло с миром, и виновного в смерти семьи Марса. Виктор бредил противостоянием добра и зла и внушал свои представления Марсу с самого раннего детства. Страшный человек по имени Луций, совершенное зло во плоти, постоянно перерождаясь, тянет этот мир в бездну саморазрушения. Демон, заточенный в человеческом теле, не принадлежащий себе. Темная сущность, стремящаяся к истреблению всего людского рода. Поначалу Марс верил в это. Верил, что некий архангел Михаил был послан к его приемному отцу Виктору с наказом обучить маленького мальчика, дабы тот восстал против зверя и спас человечество. Какое, к чертям собачьим, человечество?! Где он его тут увидел? Старик, видимо, тронулся умом. С учетом того, как Виктор любил прикладываться к бутылке, это было немудрено.

Марс пнул ногой камень, и тот, устремившись вперед, скрылся в сухостое. Хотя, надо признать, Виктор был нереально крут. Все, что сейчас умеет Марс, все это вложил в него именно Виктор. Он очень хорошо научил его выживать, добывать пропитание, охотиться, и да, он научил его превосходно убивать себе подобных, тех, кто, по его мнению, служил Анатасу. Дурацкое имя для князя тьмы! Посмотреть сейчас на то, что творится повсеместно, так все служат только ему. Наверное, старик хотел видеть в своем воспитаннике некое божество, идеального человека, спасителя. Марс усмехнулся и почесал затылок. Грязная голова зудела. Он уже забыл, когда последний раз видел мыло. Радовало только, что вшей пока у него не было.

Он снова вспомнил своего наставника: «Земля тебе пухом. Там тебе гораздо лучше, чем здесь». Теперь везде лучше, чем здесь, а фантазии Виктора отошли на второй план, померкнув за реальностью происходящего. Сейчас Марс понимал одно: люди сами виноваты в том, что случилось. Ни Бог, ни дьявол тут были ни при чем. Все рухнуло, как рушились древние империи и цивилизации. Все знали о Судном дне, но никто не знал, что к нему приблизятся так быстро, так неожиданно и незаметно. Не было ни ядерной войны, ни нашествия зомби, не было и смертельного вируса, хотя сейчас болезни косят целые общины, а все потому, что нет элементарных медикаментов, они теперь на вес золота. Впрочем, какое, к чертям, золото — теперь всё на вес еды, одежды и

оружия. Производство встало, поля не возделываются. Потому что проще отнять, чем создать.

Да, все рухнуло. И произошло это как-то обыденно. Затянулся всемирный кризис. Цены обвалились, а за ними и экономика. Люди потеряли контроль над ситуацией. Нищета стремительно росла, словно вирус, охватывая город за городом, регион за регионом, страну за страной. Стоимость хлеба доходила до килограмма денег (только вес бумаги еще сохранял какую-то ценность). Человечество оказалось застигнутым врасплох. А все потому, что люди чувствовали себя непричастными к происходящему, не хотели задуматься над тем, что творилось. Все, абсолютно все закрывали глаза на детали. Страх и отчужденность всегда заканчиваются разрушением.

А потом правители государства, в котором они жили, неожиданно прозрели. И что сделали небожители? Прибегли к стандартному приему, работавшему всегда безотказно: маленькая победоносная война должна была решить все проблемы и отвлечь народ от тягот, свалившихся на их головы. Под предлогом установления всем уже осточертевшей демократии и свободы ввязались в дела соседнего государства. Но там, где они планировали пройти парадным маршем, случилась катастрофа, вылившаяся в кровопролитную бессмысленную бойню. Города наполнялись материнским плачем, цинковые гробы поставлялись в дома обезумевших родителей с ужасающим постоянством.

Как грибы стали вырастать проповедники, призывавшие народ встать на путь истинной веры и свергнуть тиранию. Повсеместно прошли забастовки и митинги. Правительство пыталось разогнать людей с помощью полиции, что лишь усугубило обстановку. В результате первые жертвы, а дальше гражданская война, которая обескровила и опустошила страну. Все полетело к черту, армия стала неподконтрольной. Каждый тянул одеяло на себя. Паника и полный хаос.

И так — во всем мире. Локальные войны, постоянные конфликты между группировками. Весь мир превратился в Африку, над которой прежде смеялись.

Теперь не было ни правительства, ни армии, ни полиции — никого. Каждый был сам за себя. Если ты объединил достаточно людей и сумел их сплотить — что ж, можешь выбрать себе клочок земли и создать свое собственное государство. Полная свобода. Но это хорошо только на словах. В действительности почти ни у кого не было оружия, не было еды, не было лекарств. Говорили, на юге осталось что-то типа цивилизации. Но это громко сказано. «Огненные братья», фанатики под руководством некоего Александра. Многие бежали к нему, когда начался хаос. Он обещал «путь света». Но именно «Огненных братьев» обвинял во всех бедах Виктор. Его ключевой идеей было покончить с ними. Вдвоем — покончить с целой армией?! Старик явно спятил.

Однажды Виктор кардинально поменял свое решение двигаться на юг и как безумный устремился на север. Ту ночь Марс помнил отчетливо. Приемный отец, уединившись, долго смотрел на звезды, будто ища там заветный ответ на все вопросы. А утром они уже двигались в противоположном направлении. На расспросы он, как всегда, отмалчивался. Когда его не стало, Марс не осмелился изменить указанную цель, север так север. Пусть будет он. Они пойдут туда, откуда все бегут. Сейчас безопасно там, где нет людей. Возможно, старик знал все наперед. Возможно.

Марс прикрыл глаза и втянул ноздрями прохладный воздух, заполняя им до отказа свои легкие. Жизнь в этом мире отвратительна, но они пока что живы, и это уже хорошо. Он вернулся на место ночлега и взглянул на ворох тряпья, под которым так сладко спала Катя.

— Эй, — тихо произнес он и пошевелил девчужку.

Комок из тряпок зашевелился, Катя приподнялась, опираясь на локти. На чумазом личике блестели заспанные глазенки. На голову накинута капюшон теплой толстовки, сверху короткая болоньевая куртка с заплаткой спереди. Все это было плотно натянуто на худое, хрупкое тело.

— Привет, — зевая и потягиваясь, проговорила она.

— Привет. Как спалось?

— Нормально.

— Не замерзла? — он дотронулся до ее лба тыльной стороной кисти.

— Да все нормально. Ты и так нарядил меня как капусту. Я уже не маленькая, — насупилась Катя.

— Я знаю, знаю. Вот поэтому переживаю еще больше. На, держи, — он протянул ей коробок со спичками. — Разведи пока костер, только небольшой, а я обойду все вокруг. Не хочу, чтобы нас кто-то нашел. Заодно, может, удастся найти что-то съестное. — Он направился к пролому в стене, но приостановился. — Если что, кричи. Я буду рядом. Я услышу.

Марс ухватился за торчащую арматуру, пригнулся и скользнул в проем, выпрямился, долго вглядывался в угнетающий пейзаж поздней осени, пытаясь обнаружить хоть какое-то движение, поправил нож, потер запястьем переносицу и стал спускаться с пригорка, на котором они заночевали.

Екатерина вылезла из-под тряпок, еще раз зевнула, достала из кармана потертых штанов свернутую в несколько раз газету, оторвала от нее клочок, остальное сунула обратно. Сложив из битых кирпичей что-то вроде очага, она поместила туда куски дерева, подпихнув вниз клочок газеты. Чиркнув спичкой, развела костер. Огонь неуверенно, но все же принялся пожирать то, что предложили ему на этот раз. Катя сидела и смотрела на него, поднося руки, впитывала его тепло. В желудке заурчало, и она поморщила лицо. О еде последнее время думалось очень часто. Даже

холод изводил ее не так сильно, как желание набить живот чем-то съестным, и даже необязательно вкусным. Она подкинула веточек, костер стал ярче. Позади что-то хрустнуло.

— Максимыч, это ты?

Она почти всегда называла его так. Римское имя ей казалось смешным и нелепым. Марс рассказывал о своем отце, которого якобы звали Максим. Катя подхватила это и почти всегда обращалась по отчеству.

Не успела она обернуться, как незнакомый мужчина схватил ее за шкирку, заткнул рукой рот и повалил на пол.

— Ш-ш-ш-ш, — зашипел он, все сильнее придавливая ее к земле. — Ты тут одна?

Девчушка закивала головой.

— Это хорошо. Еда есть?

Она глазами указала на лежащий в стороне рюкзак.

— Сходи посмотри, что там, — приказал незнакомец кому-то.

Катя смогла разглядеть лишь пару ног в потрепанных кроссовках, быстро прошедшую к заветной сумке.

— Нам приказано найти парня, а не вещи их осматривать!

— Делай, что говорю!

— Тут только одно барахло! — вытряхнув содержимое из рюкзака, раздосадованно проорал человек в спортивной обуви.

— Где он?! — произнес третий, входя в развалины. Черные потертые кожаные штаны, армейские ботинки. По тону он походил на главного.

— Тут только эта девка! И долбаная банка консервов! — в злости отшвырнув рюкзак в сторону, проорал тот, что был в кроссовках, и направился к девочке. — Ну хоть чем-то можно скрасить огорчение.

— Постой, — спокойно произнес человек в армейских ботинках. — Подними ее.

Сейчас Катя смогла разглядеть его. Среднего роста, крепкого телосложения. Длинный темный плащ, капюшон почти полностью скрывает лицо. По виду поблескивавшей на груди кольчуги с нашитыми, словно чешуя, пластинами, понятно, что ее обладатель был не раз в переделках. Поверх плаща на руках красовались стальные наручи почти до локтей. На поясе короткий меч с рукояткой в виде змеи.

— С кем ты тут, девочка?

— Максимыч перебьет вас всех, если хоть один волосок упадет с моей головы, — злобно прошипела Екатерина, и из ее глаз потекли слезы.

— Максимыч? — кожаная перчатка коснулась ее лица и вытерла со щеки слезу.

— Да, Марс! — сквозь зубы, сдерживая гнев, произнесла она.

— Марс? Значит, Марс. Это хорошо. Значит, я не напрасно столько времени искал его. — Он потрепал ее волосы, затем ласково погладил ее, словно несмышленного щенка. — Я за остальными. И запомните, Александру он нужен живым!

— А с ней что делать?

— Да что хотите. Главное, чтобы ее приятель пришел к ней на помощь, — бросил он и пошел прочь.

— Ха! Моя сладенькая, — оскалившись, заржал первый мужчина. — Расслабься, дядя тебя не обидит. — Он ухватил ее за подбородок, подтащил к себе и облизал щеку, по которой катились слезы.

— Давай, Кабан, побыстрее, не задерживай очередь! — рассмеялся парень в кроссовках.

В этот момент чья-то рука схватила его за волосы и задрала голову кверху. Нож мгновенно скользнул по горлу, рассекая плоть почти до позвоночника. Тело рухнуло на колени и завалилось набок, дергаясь в предсмертных конвульсиях. Раздались страшные хрипящие и булькающие звуки. Кабан отшвырнул девочку и кинулся на Марса. Выбив у него нож, повалил его на землю, вцепился в горло и стал душить. Вес Кабана был далеко за центнер. Марс тщетно пытался спихнуть его с себя. Оскаленная пасть напавшего плевала на Марса слюной от напряжения. Марс вцепился ему в глаза, пальцы провалились в глазные яблоки. Кабан завыл, скатываясь в сторону и зажимая окровавленные дырки руками.

— Сука! Убью, сучара! — поднимаясь на четвереньки, орал изуродованный мужчина.

— Не смотри! — крикнул Марс девочке.

Та послушно зажмурилась, закрыв глаза руками. Быстро подняв нож, он подошел к несчастному и всадил оружие в область почки, провернул рукоять и резко выдернул обратно.

— Это тебе за девочку, ублюдок!

Кабан взвыл и стал кататься по земле, пытаясь зажать новую рану рукой.

— Катя, уходим! Быстро! — схватив девочку за рукав, командовал Марс, и они выскочили наружу.

Бегом кинулись в ближайший кустарник и там замерли, упали плашмя, стали прислушиваться, с трудом переводя дыхание.

— Почему ты его не убил? — шепотом спросила Катя.

— Считаю, что убил.

— Как это?

— Сам сдохнет. Не заслужил он быстрой смерти. Ш-ш-ш-ш. Тише, Катюша, тише. Сколько их было? — Она показала руку, на которой было оттопырено три пальца. Марс кивнул. — Значит, где-то еще один.

Вскоре послышался гул мотора, к месту их ночлега подъехал военный «Урал», из которого выскочило несколько вооруженных человек.

Эти были не похожи на прежних: черная униформа, хорошо экипированы, словно спецназ из далекого прошлого. Командовал ими человек в темном, почти черном плаще. Марс, стиснув зубы, ударил себя рукой по щеке. Откуда их нелегкая принесла? И как вообще они смогли их вычислить? Он же так тщательно скрыл все следы, перед тем как заночевать здесь.

Катя от страха втянула голову, прижимаясь все ближе к земле. Он привлек девочку к себе, ее тело сотрясала дрожь.

— Ищите лучше! Они не могли далеко уйти! — орал командир.

Он снял капюшон, но лицо разглядеть было невозможно: слишком далеко. Он стоял не шевелясь, смотрел в их сторону, словно чувствовал их.

— Он двоих завалил из банды Толстого, генерал!

— Я сказал, ищите! — командир снова накиннул капюшон.

— Максимыч, — толкая Марса в бок и кивая в сторону, прошептала Катя, — там.

Он приподнялся и увидел, как сквозь кустарник пробирается человек. Еще минута — и они столкнутся с ним нос к носу. Сняв с предохранителя пистолет, Марс выскочил навстречу.

— Руки поднял, — тихо произнес он. — И без глупостей, а то башку продырявлю.

Тот посмотрел на пистолет, посмотрел на Марса и поднял руки. Незнакомец глядел глазами дикого животного, на лице был черный грязный платок, закрывающий все до глаз. Высокий, худой. Почти на полголовы выше Марса. Старая, затертая камуфляжная куртка, на правой руке шеврон в виде пентаграммы в огне, на ногах когда-то синие джинсы. На плече висела винтовка, в руке он держал пластиковую бутылку с водой.

— Брось оружие и раздевайся до пояса.

— Хм, — недовольно буркнул человек и сделал все, о чем его просили. На груди красовалось клеймо с тем же изображением, что на шевроне.

— Что вам от нас нужно? У нас ничего нет.

— Нам нужен ты. Лживый пророк!

— Что за бред?!

— Не прикидывайся! Зверь в человеческой шкуре! Неужто ты не знаешь, кто ты? — он сделал шаг навстречу Марсу.

— Э-э-э! А ну, стой, где стоишь!

— Братство все равно найдет тебя рано или поздно. Мы всех находим.

— «Огненные братья»? — Марс дулом пистолета указал на клеймо на груди. — Наслышан. Зачем я вам?

— Скоро такие будут носить все. Скоро все закончится и начнется новый мир! Мы построим его на руинах старого, — он снова шагнул вперед.

— Думаешь, не смогу убить? А?!

— Моя смерть будет вкладом в нашу победу! Александр многое рассказывал о тебе. Говорил, что ты можешь одурманить меня, дабы испытать мою веру! Я не поддамся!

— Александр? Одурманить? Что за пургу ты несешь?

— Вера истинная только наша вера! Млечный путь — спасение души и тела! Мы избавим мир от тебя и твоих последователей и последователей твоих последователей!

— Максимыч, мне страшно, — девочка одернула Марса за рукав.

— Сними маску, живо! — взводя курок на пистолете, приказал Марс.

Незнакомец медленно потянулся к платку, но через мгновение кинулся вперед. Раздался выстрел. Оба упали на землю.

— Катя, беги! — прокричал Марс, сваливая с себя противника.

Он попытался подняться, но тот схватил его за ногу. Марс развернулся и ударил свободной ногой. Послышался хруст переносицы, но парень в платке не ослабил хватку, словно и вовсе не чувствовал боли. Он, лишь хрипя, подтягивал его к себе, пытаясь залезть сверху. Марс уперся в его грудь ногой и со всей силы оттолкнул от себя.

— Беги! — снова прокричал Марс, вскакивая с земли.

Девчонка сорвалась с места и бросилась через кустарник. Марс почувствовал удар по затылку, в глазах потемнело, он по инерции сделал несколько шагов вперед и развернулся. Снова прилетело в челюсть, и он свалился набок. Перед глазами поплыло, в голове стоял треск. Он осознал, что его пинают, перевернулся и кубарем скатился с пригорка, попал на валун, боль пронзила грудную клетку, дыхание перехватило.

— Твою мать, — на выдохе пробормотал он и с трудом поднялся.

Человек с закрытым лицом быстро спустился по склону, цепляясь за небольшие деревца, и попытался нанести удар, но Марс увернулся и контратаковал. Еще удар и еще. Противник упал, и тут же ботинок Марса стал втапывать голову поверженного в землю до тех пор, пока тот не перестал подавать признаков жизни, а его лицо не превратилось в кровавое месиво, в котором нельзя было различить ни маску, ни кожу.

Выдыхая и переводя дух, Марс прислонился к дереву. Пот лился ручьем, тело еще немного потрясывало от нахлынувшего адреналина. Он расстегнул куртку, задрал шерстяной свитер вверх и осмотрел разбитый темно-бордовый бок. Под кожей набухла скопившаяся кровь, которая сочилась небольшой струйкой чуть ниже. Он потрогал ушиб, его лицо искривилось от боли.

— Вот дьявол!

Он подошел к телу и проверил карманы. Еще раз посмотрел на клеймо.

Вверху раздалась грубые мужские голоса.

— Тут только одежда!

— Соберите оружие! Они где-то рядом! Ищите! Ищите лучше! Они не могли далеко уйти!

Послышался треск сухого кустарника, звук приближался. Марс, прижав рукой место ушиба, сорвался с места и побежал что есть силы, вытянув свободную руку вперед, пробираясь через частокол мелкого кустарника, расцарапывая в кровь открытые участки кожи. Он бежал до тех пор, пока голоса позади него внезапно не стихли. Нутром почувствовал неладное. Почему перестали преследовать?

Нужно вернуться, пойти вслед за Катей. Бок предательски болел, даже больше, чем разбитая голова. Марс пошел обратно и остановился только тогда, когда в горле встал едкий привкус крови, а дыхание слишком участилось. Вдруг раздался истошный детский крик. Марса словно окатило холодной водой. Он прислушался: не показалось ли? Снова крик. Нет, теперь точно не показалось. Вот почему погоня за ним прекратилась. Из последних сил кинулся туда, откуда кричали. Минут через пять выскочил на пригорок и замер. Внизу двое тащили Катю к автомобилю. Она брыкалась, пытаясь вырваться. Человек в капюшоне указал на кузов. Марс потянул руку к поясу. Пистолета не оказалось на месте: потерялся в схватке.

— Максимыч, помоги! Марс! А-а-а-а! — девочку, словно пушинку, забросили в грузовик.

— Я сейчас, сейчас, — попытался прокричать он осипшим и обессиленным голосом, но только шептал себе под нос. — Я сейчас.

Бросился вниз, споткнулся и скатился к подножью. Подняться уже не было сил.

— Я сейчас, Катя. Я сейчас... — В глазах все расплылось, мир скрылся в темноте. — Я сейчас...

Глава II

ОДИНОЧЕСТВО

Летним жарким полднем солнце в зените одаривало все вокруг живительным светом. Мальчик лет трех-четырёх бегал по двору, гоняя в траве кузнечиков, задорно смеялся. Его беременная мать разговаривала на лавочке с женщинами. Щебетали птицы. Мимо проехала машина. Мальчик замер и присел на корточки, долго разглядывал что-то в траве. Это заметила мать.

— Марс, что ты там нашёл?

Мальчик поднял с земли предмет, зажал в ручонке и поспешил к матери. По лицу расплылась такая улыбка, будто он обнаружил игрушку, о которой мечтал. Неуклюже перепрыгнув через доски песочницы, споткнувшись о деревянную перегородку и чуть не упав, он врезался в сидящую мать и прижался к ее большому животу так, что та от неожиданности охнула. Она хотела было отругать свое чадо, но, видя, как малыш смотрит на нее своими глазенками, только улыбнулась и погладила его по голове.

— Ты поосторожней, богатырь. Я тут не одна. Сестру-то побережь нужно. Она все же девочка у нас.

— Ага, — радостно ответил малец и запрыгал, словно ягненок, выделываясь перед публикой и зажимая что-то в ладошке.

— Ну все, хватит, Марс. Хватит. Что там у тебя? — придерживая живот, поинтересовалась женщина.

— Паук, мам! Я покажу его папе! — Малыш сорвался с места и побежал к подъезду многоэтажки.

— Какой еще паук? Пстой, Марс. Стой, я сказала! Вот негодник, — неловко поднимаясь и спеша за сыном, прокричала ему вслед мать...

Воспоминания. Туманные, почти стертые из памяти. Словно наваждение, мираж, они накатывают из глубины, неожиданно. Раньше все было по-другому. Трава была зеленее, а снег белее, вода прозрачнее. Даже солнце светило ярче. Теперь холодно и темно. Холодно так, что не чувствуешь ни рук, ни ног.

Марс открыл глаза. Серое небо нависло над ним, того и гляди упадет сверху и придавит. Свинцовая туча изрыгала на землю мелкую изморось, которая грозилась перейти в дождь со снегом. Марс еще какое-то время просто лежал, смотря в угрюмые, скучные осенние облака. Мокрая «сечка» покрывала лицо, по которому уже катились вниз обильные ручейки. Он прикрыл глаза. «Максимыч, помоги! Марс!» Девочку закинули в грузовик и увезли. Он стиснул зубы до скрипа. Как же так? Столько раз они были на волоске от смерти — и тут его обвели.

Год назад они потеряли Виктора. Те же парни в черной униформе подкараулили их, сделали все грамотно. Но в тот раз ими командовал другой, в красном, словно морозный февральский закат, шлеме. На затылке рисунок в виде черепа. Он был выше, в другой одежде. Тогда они спаслись. Спаслись ценой жизни его наставника. Жизни того, кто заменил ему отца. Того, кто научил его всему, рассказал, как выжить в этом безумии. Такое бывало и раньше. Марс спасал девочку, а его наставник запутывал следы, уводя за собой опасность. Потом он всегда возвращался. Всегда, но только не в тот раз. Разорвавшаяся граната заставила Марса и Катю бежать. Они прятались три дня, опасаясь преследования. Три долгих, казавшихся вечностью дня. А затем Марс, оставив девочку, пошел обратно на этот проклятый холм, рискуя нарваться на преследователей. То, что он увидел, не забыть ему никогда.

В тот день он потерял своего приемного отца. Теперь он потерял и Катю. Случилось то, чего Марс боялся больше всего. Он остался один, и правде в глаза смотреть совсем не хотелось. Он вцепился руками в холодную склизкую землю. Если нет Кати, ради чего тогда жить? Не ради же бредней Виктора? Он попытался подняться, но боль прострелила бок.

— А-а-а-а! Черт! А-а-а-а, — отрывисто задышал, но, преодолевая боль, все же поднялся.

Одежда вымокла насквозь. От холода трясло. Он осмотрелся вокруг. Солнце нехотя заваливалось за горизонт. Начинало темнеть. Прижимая рукой бок, кряхтя от боли, он доковылял до места, где стоял грузовик. Глубокая колея, продавленная большими колесами, уходила на юг. Марс присел на корточки и посмотрел вдаль. На юг. А они шли на север.

— Александр, — прикусив нижнюю губу, пробормотал он. — Зачем же мы тебе сдались? Если ты и вправду существуешь. Или это просто охотники за рабами? Да нет, слишком хорошо экипированы, и знак был на груди у того верзилы.

Он поднялся по насыпи наверх, когда уже почти совсем стемнело, углубился подалее в кустарник, набрал охапку сухостоя, что посуше. Выкопав руками ямку, сложил в нее ветки. Разгреб сырой пласт скользких и холодных листьев, под которыми выдрал пучок сухой травы, и подсунул ее под ветки. Пальцы свело от холода; подышав на них, сунул руки под мышку, скривил лицо, покачался вперед и назад. Из внутреннего кармана

куртки вытащил бензиновую зажигалку. Она была на черный день. Похоже, такой настал. Потряс ее рядом с ухом — внутри железной коробочки забулькало. Марс хмыкнул и улыбнулся, но без особой радости. Медленно приоткрыл крышку и прокрутил колесико. Ничего.

— Ну же!

Его трясло, словно при Паркинсоне, зубы били чечетку. Снова чиркнул зажигалкой — и опять ничего.

— Сука! Ну же! Ну же!

Последняя попытка увенчалась успехом — сине-красный огонек появился на фитиле.

— Аллилуйя! — проговорил он и, сгорбившись над кучей дров, поднес к ней зажигалку.

Словно Прометей, укравший у богов огонь, с безумной любовью прикрыл еще совсем беспомощный огонек своим телом. Сухая трава затрещала, поднялся густой дымок, огонь начал набирать силу. Марс стал заготавливать дрова на ночь. Когда жар будет достаточно сильным, костер проглотит даже сырые поленья. Тогда можно будет погреться и более-менее высушить одежду.

Часа через три тепло от костра уже припекало. Марс сидел голый, смотря на игру языков пламени. Он держал в руке рогатину с надетыми на нее штанами, от которых валил густой пар. Куртка и свитер свисали с кольев по другую сторону костра. В голове только одно — Катя.

К утру одежда подсохла, но все равно кое-где оставалась влажной. Марс посмотрел на свой опухший темно-фиолетовый бок. Хорошо, что кровь перестала сочиться, запеклась черной коркой. Дотронулся до него и стиснул зубы от пронзительной боли. Нажал еще сильнее, покрутил тело из стороны в сторону. Вроде перелома нет, а там кто знает. Не спеша оделся и, размяв шею до хруста в позвонках, опираясь на палку, направился к месту, где он убил парня с платком на лице. Сейчас любая вещь в цене.

Шел аккуратно, прислушиваясь к каждому шороху. Излишняя осторожность никогда и никому не вредила. Хотя если подумать, то он этой ночью устроил такой костер, что, наверное, его было видно за несколько километров. Марс остановился и оперся на палку. Место было то самое. Отчетливые следы борьбы, кровь почти смыло дождем. И больше ничего. Они забрали все. И труп своего соратника. Идти туда, где Марс убил первых двух, смысла не было. Там, скорее всего, то же самое.

Он тяжело вздохнул и потер переносицу. Ему нужна еда, оружие и медикаменты. И просто так их никто не даст. Оставалось одно — идти к ближайшему городу.

Скрываясь в густых кустах, Марс стал пробираться на юг. Когда-то давно он пообещал защищать Катю. И до вчерашнего дня ему это

удавалось. «Они приходили за мной. Снова за мной. Зачем я им?» Виктор всегда отмалчивался. Менял тему, если он что-то у него спрашивал по поводу этих парней и Александра. Единственное, что постоянно говорил, — мол, зверя нужно убить, а он не в силах. И поэтому им нужно уйти так далеко, чтобы вокруг никого не было. «Виктор, Виктор! Мне не хватает сейчас твоих наставлений. Сколько бы я хотел узнать!»

Марс замер: впереди, метрах в двухстах, он увидел тоненькую струйку дыма.

«Тише. Тише. Спокойней, — успокаивал он самого себя, припадая ближе к земле. Посидел на корточках несколько минут, вслушиваясь в тишину. — А если их там много? Ты потрепан, Марс, сильно потрепан. Но тебе нужна еда и хоть что-нибудь, чтобы перетянуть разбитый бок», — убедил он себя двигаться вперед.

Он глубоко вдохнул, отложил аккуратно палку в сторону и, медленно ступая, словно кошка, направился к намеченной цели. Затаился за большим деревом, до костра — метров десять. Выждал время. Никого. Подождал еще и после этого вышел. Рядом с большой кучей углей были разбросаны человеческие кости, чуть дальше — свалены горкой и слегка присыпаны листвой кишки. Неподалеку лежала отрубленная голова, со срезанными щеками и вырванным языком. Марс присел перед углями и поднес к ним руку. Почти остыли. Наверное, те, кто тут был, ушли несколько часов назад. Он вытащил из пепла наполовину почерневшую берцовую кость, с опаской еще раз осмотрелся по сторонам.

«Каннибалы».

Он презрительно сплюнул, подсунул под ногу обугленную часть кости, второй конец потянул на себя. Раздался щелчок. Кость обломилась, образовав заостренный конец. Марс поднял с земли охапку листьев, протер кость от сажи и остатков мяса. Кончиком указательного пальца ощупал острие. «Совсем недурно». Пока он не найдет что-то получше, сойдет и это.

Марс выпрямился в полный рост, выгнул спину. Нужно было идти дальше.

С того момента, как мир покатился в бездну, люди стали больше походить на животных. Жрать друг друга стало выгоднее, нежели искать пищу. Все воевали друг против друга ради еды, медикаментов, оружия и одежды.

Теперь же люди Александра, «Огненные братья», для чего-то убили Виктора, устроили охоту на Марса и похитили Катю.

К горлу подкатил ком, а в глазах поплыла красная пелена. Он пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватился за ветку дерева. Ему на секунду причудилось чумазое лицо Екатерины. Он стиснул зубы, тяжело и отрывисто задышал. Злость ядом растеклась по венам. Он один против своры головорезов. Что он может? Ну хотя бы умереть ради этой

девчонки, пытаюсь помочь ей. А вдруг она уже мертва? Гоняться за ветром — не лучшая идея.

«Тише, тише. Она жива. И пока ты не убедишься в обратном, будешь ее искать. Но сначала нужно найти оружие. С обломком кости ты как пещерный человек, Марс. Оглянись вокруг. Ради чего тебе еще жить?»

«Если не хочешь существовать ради всего этого, то найди, ради чего стоит умереть» — так говорил Виктор, когда Марс терял надежду, когда не хотелось больше бороться, когда не хотелось жить. Как быстро деградировал мир! Тысячелетия развития — и падение в бездну за каких-то жалких пятнадцать-двадцать лет. Марс отцепился от ветки и побрел дальше.

Окраина города показалась, когда стало темнеть. Две большие трубы завода возносились в небо, словноobelisks. Вереница серых многоэтажек, многие из которых были обрушены. Заваленные мусором лабиринты улиц. Солнце закатывалось в огромную черную тучу. Ночью явно польет дождь или пойдет снег, а может, и то и другое. Нужно было найти ночлег. Марс вздрогнул. Он ненавидел города. Он ненавидел любые места, где можно было встретить себе подобных. Он снова взглянул на тучу, пожиравшую солнце, и, прижав бок рукой, перебежками поспешил к каменным постройкам.

Крадучись он прошел по улице до стоящего отдельно двухэтажного дома. Пролез через разбитое окно внутрь. Полная разруха. Все, что можно было из него вытащить, давно вынесли. На всякий случай обыскал шкафы, но, кроме пыли, грязи и засохшего мышинного дерьма, ничего не обнаружил. Желудок заурчал, и рот наполнился вязкой слюной. Не в силах проглотить ее, он сплюнул на пол и растер ногой. Двери все нараспашку, кроме одной. Марс настороженно пошел к ней, но скрипучий пол все равно выдавал его присутствие. Он приоткрыл дверь — в нос ударило едким запахом гнили. Вошел внутрь и осмотрелся. На кровати — два трупа, похожие на мумии: мать и ребенок лет восьми застыли, обнимая друг друга. Лежавшая рядом, посеревшая от времени кукла с выпученными стеклянными глазами бездушно смотрела на гостя. Справа на тумбочке — покрывшаяся пылью пустая упаковка таблеток снотворного. Тут же у тел — куча засохших личинок, из которых вывелись мухи. Пол был усеян мертвыми насекомыми. Их маленькие тельца хрустели под ногами при каждом шаге. Омерзительно.

Мать решила за двоих. Тут нет смысла в чем-то кого-то обвинять. Такой мир. Возможно, для них в тот момент это было лучшим решением. Так поступали многие. Сейчас ребенком лучше не быть. Точнее сказать, лучше не рождаться вовсе. Умереть от голода или попасть в лапы шайки бандитов гораздо страшнее, нежели спокойно и безболезненно умереть от действия таблеток. Марс достаточно повидал, на что способны люди, и поэтому, смотря на эту страшную картину, жалости не испытывал. Все

человеческое в людях умерло. Мир скатился к Средневековью. Хотя нет, намного дальше. Нет никаких законов, нет никакой морали, есть только инстинкты. Хочешь выжить — будь зверем. Никому не доверяй, кроме себя. Чтобы жить, режь, рви, кусай, убивай. Иначе все это сделают с тобой.

А он просто хотел выжить. Хотел найти Катю. Хотел найти такое место, где можно не думать о том, что тебя могут убить из-за обуви или банки тушенки либо просто так, для удовольствия, потому что дозволено и за это ничего не будет. Или убить для того, чтобы сожрать.

Север. Вот куда следовало уйти. Суровый климат, мало людей, и наверняка там было чем поживиться, так как все сразу ринулись в противоположную сторону, туда, где теплее. Он не боялся трудностей. Но сначала нужно было найти девочку, которую Виктор называл цветком жизни.

Марс развернулся. Напротив кровати стоял шкаф. Он открыл дверцу: внизу скомканные одеяла, на вешалках несколько детских платьев, женская ночная рубашка. Снял все с вешалок, смастерил что-то наподобие подушки, засунув в ночнушку детскую одежду, забросил ее под кровать вместе с одеялами. Подошел к окну и приоткрыл форточку, сам залез под кровать и укрылся. Кость, как оружие, положил рядом с собой. Мертвецы — лучшая защита. Кто станет искать живого среди мертвых? За окном завыл ветер, почти совсем стемнело. Эту ночь можно было выспаться без опасений, что тебя кто-то найдет.

Глава III

АНДРЕЙ

Мальчишка радостно влетел домой и понесся к отцу, читавшему в кресле книгу.

— Папа! Папа! — детский голос звучал звонко.

— Привет! Что там у тебя? — отложив книгу, поинтересовался отец.

— Тут секрет! Хочешь, покажу? — мальчонка протянул руку, в кулачке что-то зажато.

Отец улыбнулся и перевел взгляд на жену, опершуюся на дверной проем. Та недоуменно пожала плечами — мол, спрашивай сам, я понятия не имею, что у него там.

— Ну и что ты в очередной раз отыскал, а? — отец потрепал сынишку по волосам.

— Вот! Смотри! Смотри, пап! — мальчик вытянул ручонку и разжал маленькие пальчики. На ладони лежал черный камушек. — Это паук, папа!

От переполняющей радости ребенок не мог стоять на месте — сорвался и побежал в другую комнату, чуть не сбив мать.

— Почему паук? — поинтересовался у нее отец.

Та лишь улыбнулась и снова пожала плечами.

Оникс идеально черного цвета — необыкновенная редкость в природе. Говорят, что перед обладателем такого камня открывается масса возможностей. Но есть предание, что такой камень может поглотить душу и свести обладателя с ума, как только почувствует более сильного хозяина.

Утром пошел холодный дождь со снегом. Вода, летящая вниз, разбивалась о стекло порывами ветра, проникала через открытую форточку. На полу образовалась небольшая лужа, а воздух в комнате стал вязким, зато немного выветрился спертый запах тлена. Дождь лупил по старой крыше, которая больше походила на решето, отовсюду доносился звук падающих капель. Марс открыл глаза, почти не дыша, осмотрел из-под кровати все вокруг, затем вылез. Кулончик из черного камня в золотой оправе выскочил наружу, он автоматически убрал его обратно, спрятал за

свитером. Взглянул на силуэты тел на кровати. Словно два манекена навечно застыли, прижавшись друг к другу. Что ж, для них уже все решено, а ему нужно двигаться, нужно жить для того, чтобы спасти Катю.

Проклятый бок по-прежнему ныл. Свербящая однообразная боль действовала на нервы.

Тусклая тень его застыла на стене. Он посмотрел на темное очертание, будто издевавшееся над ним. Он протянул руку. Тень сделала то же самое, словно сама смерть потянулась к нему. Марс кончиками пальцев коснулся стены, соприкасаясь с тем, что нельзя ощутить, а можно только узреть. Темное безликое очертание самого себя напоминало о том, что за тобой неизменно присматривают.

— Нет, нет. Не дождешься. Я и не через такое проходил. Я тебя не боюсь. Ясно? Я не из тех, кого можно превратить в животное и мирно повести на убой. — Тень будто смеялась ему в лицо, хохотала. — Хочешь, чтобы я сдался? Перестал искать ее? Бросил ради спасения своей шкуры? Нет, ты не права. Считаешь, что я подошел к краю? Возможно. Но даже если ты и столкнешь меня вниз, уж поверь, когда я перейду границу человечности и стану рвать глотки другим, как зверь, я все равно добыю своего. Я найду ее живой или мертвой. И найду в себе силы покарать тех, кто причинит ей боль.

...Распогодилось только в полдень. Марс вышел во двор, нашел там пару камней, с помощью которых превратил кусок кости в нечто похожее на заточку. Из куска ткани, порвав его на лоскуты, сделал ручку. Проверил, как лежит в руке, одобрительно покивал головой сам себе. То, что получилось, засунул за пояс. Окинул взглядом дом, послуживший ему ночлегом. Поднял правую руку, то ли благодаря кого-то, то ли прощаясь, и пошел прочь, аккуратно прячась за развалинами. В маленьких городах почти никого не осталось. Если кто тут и обитал, так это местные банды, которым лучше на глаза не попадаться.

Он вышел на перекресток и замер, смотря, как ветер нехотя переворачивал газету и гнал ее по улице. Пожелтевшая пресса зацепилась за опору разбитого светофора, согнутую под сорок пять градусов к земле. На опоре болтался труп, точнее сказать, то, что от него осталось: погода и птицы сделали свое дело. На груди висела табличка с надписью «Мародер». Да, когда все начиналось, за это еще вешали. Как давно это было. Сейчас все мародеры. Более-менее порядок поддерживают общины, которые сосредоточены в крупных городах. Это все напоминает раздробленную Русь. У каждого своя волость, каждый в ней господин. Но скоро фанатики с клеймом в виде звезды поставят на колени всех, а если не поставят, то уничтожат.

— Катя, — Марс покачал головой, — ты только постарайся меня дождаться.

Он поднял взгляд к небу, хотел попросить Господа о помощи, но болтающийся труп на полусгнившей веревке вернул его в реальность. Господь покинул эту землю еще лет пятнадцать назад, а может, его и вообще тут не было. Не было никогда.

— Сегодня хороший улов, — слышался голос из переуллка.

Марс кинулся к ближайшему зданию, пересиливая боль, подпрыгнул, уцепился руками за раму выбитого окна на первом этаже, подтянулся и через мгновение уже был внутри, прижался к стенке и затих. Шаги становились все четче.

— Ты слышал это?

— Что именно?

— Шаги.

— Да ты совсем спятил? Тут не осталось ни души. Пойдем давай!

Кто-то пнул жестяную банку, и она с дребезгом покатилась по разбитой мостовой.

— Привет, Роджер! Как отдыхается, приятель?

— Почему ты всегда с ним здороваешься? Он же трупак и висит тут лет сто, наверное.

Марс привстал и выглянул из окна так, чтобы его не было видно. На перекрестке стояли два парня. Один, в легкой болоньевой куртке, держал за хвосты штук пятьдохлых крыс и покручивал мачете. Потертые ботинки, правый перемотан скотчем, чтобы не развалился окончательно. Грязные камуфляжные штаны на обоих парнях. У того, что без добычи, солдатские кирзовые сапоги, темный пуховик и дырявая шапка, через плечо висело охотничье двуствольное ружье.

— И почему ты называешь его Роджером? Он что, пират, что ли, по-твоему?

— Ага, глянь, как на нее болтается. Брось, Вадим. Имей ты хоть чуток чувства юмора.

— Слушай, клоун, ты находишь в этом что-то веселое? Нас четырнадцать харь, а мы достали только этих жалких крыс!

— Ну, сварим из них суп. По-моему, приправа еще осталась, да и макароны тоже.

— Супчик из крысятины — милое дело! — сплюнув и поправив на плече ляжку от ружья, ответил Вадим.

— На крайний случай «консервы» достанем. Этого-то добра у нас пока навалом.

— «Консервы» — это хорошо. Лучше, чем эта мерзкая живность. А еще лучше бы тушенки пожрать. Аж слюни потекли. Вот бы в запасы Змея залезть, которые он на черный день бережет.

— Да у нас тут каждый день черный, мать его ети! А об этом лучше не думай. За припасы он тебя познакомит со своей кувалдой. Так что ты это брось. Змей знает, что делает. Сколько у нас сейчас «консервов»?

Разделаем одного — и все сытые. Шайтан опять поджарит мясо по своему фирменному рецепту. Он мастер в этом. Руку набил за столько-то времени.

— Согласен, лучше него никто не готовит из нас. Повар от Бога!

— Скоро нужно будет уходить из этого города, двигаться на юг к нашим. Мы и так задержались. Сколько уже ни рыщем тут, больше ничего не находим. Даже вон эта мелкая мразь и то перестала попадаться, не говоря о «консервах». Ладно, пойдем, а то нас уже заждались. И так полдня шастаем. Я вымок весь до нитки. Слушай, Вадим...

— Чего?

— Помнишь, мы в лесу пережидали? Ну, когда те вояки приезжали.

— Ну.

— Не знаешь, зачем к ним тогда Змей ходил? Главное, один и без охраны.

— А я почему знаю? Захочет — скажет. Да и вообще, не твое и не мое это дело. Понял?!

— Слушай, а правду говорят, что после того, как мы в стаю вернемся, Боров нас в Новый Рим поведет?

— Они со Змеем решат, куда и что! Что ты пристал, как банный лист к заднице! Наше дело маленькое — пополнить запасы! А в этом несчастном городишке, как и в прошлом, ничего интересного. Такое ощущение, что мы одни на планете остались. Так что заткнись! Понял?

— Да понял. Слушай, Вадим...

— Ну чего еще?

— А если бы нам встретилась баба, а? Ну так, не на общак, а нам с тобой вдвоем? Вот прямо сейчас? Что бы ты с ней сделал?

— Чего-чего? Я бы ее трахнул в самом извращенном виде!

— Ну и...

— Ну а потом еще раз бы трахнул! А как завершил бы над ней глумиться, прирезал бы и сожрал! Что не говори, а мясо у девок куда нежнее!

— Ах-ха-ха! — раздался в унисон дикий смех удаляющихся парней.

Марс еще некоторое время сидел на полу неподвижно. Похоже, это были те ребята, на стоянку которых он набрел прошлым вечером. Свора бешеных псов, не брезгующих ничем. Впрочем, он и сам такой. Конечно, есть табу на человечину. Людоедом он уж точно никогда не станет. Все же пока он считал себя человеком, а не безмозглой скотиной, у которой только одна цель — набить брюхо. А есть-то тем не менее хотелось, и даже очень. Он снова выглянул в окно. На перекрестке мирно качался Роджер.

Марс вышел на улицу и двинулся вдоль покосившегося забора. Метров через сто услышал какой-то шум, застыл на месте. Прислушался — словно детский плач. Посмотрел в щель между

досками — ничего не видно. Прошел дальше до пролома, потихоньку пролез в него. Шум усилился. Короткими перебежками, прячась то за кучей мусора, то за разбитыми автомобилями, добрался до цели. Тощая до безобразия, словно больная анорексией, облезлая дворняга умудрилась попасться в капкан. Перебитая лапа была накрепко зажата в стальных тисках. Псина была настолько истощена и обессилена, что толком не могла визжать, даже дергаться у нее получалось с трудом. Похоже, ловушку устроили те парни из группы Змея. Прошли мимо своей добычи, не услышав звука. Марс присел рядом. Дворняга попыталась зарычать, но лишь тяжело выдохнула.

— Бедолага, — Марс погладил ее по голове. Псина жалостно завилыла хвостом. — И как тебя только угораздило?

Небо стало затягивать тучами — нужно было найти безопасное укрытие. Марс чесал собаку за ухом, осматривая территорию. На глаза попала разрушенная девятиэтажка. Там можно будет перекантоваться до утра, а заодно и развести огонь. Еще есть время, чтобы подготовиться, а завтра продолжить путь.

— Ну что, приятель, жизнь — дерьмо? Или ты так не думаешь? — обратился он к собачонке. Та ответила ему умным взглядом, казалось, что сейчас она заговорит с ним по-человечески. Хвост с трудом перекинулся справа налево. Марс только слегка хмыкнул.

Когда солнце совсем спряталось за горизонтом, Марс уже обустроился на ночлег. Дальняя угловая комната с обвалившейся стенкой вела в другой подъезд: если придется, можно будет отступить и быстро скрыться от преследования. С дровами проблем не возникло: в развалинах нашел много поломанной мебели, тряпья и сухой бумаги. Развел костер так, чтобы не было видно. Сложнее было с запахом жареного мяса. Собачатина давала такой аромат, что слюна наполняла рот до предела. Первый кусок съел, обжигая пальцы и почти сырой. Остальное дожаривал тщательно. Отсутствие соли не мешало наслаждаться вкусом. Рядом была расстелена шкура, на ней отрезанная голова, тут же окровавленная кость, та самая, которая превратилась в нечто, похожее на нож. Он откусил кусок и, медленно пережевывая, стал рассматривать оскаленную, с одним приоткрытым глазом и вывалившимся языком голову псины.

— Извини, приятель, тебе не предлагаю, — отрывая зубами часть плоти животного, произнес он. — Ты не обижайся. Лучше уж ты, чем я, правда? Можешь не отвечать, я не обижусь. Знаешь, я могу тебе сказать только одно. Если бы сейчас меня видела Катя, — он усмехнулся и даже подмигнул собачьей голове, — она бы точно меня загнобила за то, что я сделал с тобой. Точнее сказать, она бы и не дала мне этого сделать. Любит она всякую животишку. Сейчас бы задрала свой носик кверху, встала в третью позицию и присела на уши, чтобы тебя с собой взять. Я бы отказался, конечно. Но она упертая, тащила бы тебя на руках, лечила бы,

последний кусок хлеба тебе отдала бы. Не понимая того, что ты, тварь, все равно бы сдох. Смешно даже. Прикинь! — он разулыбался, представляя, как все могло бы быть, однако улыбка мгновенно сошла. — Но ее нет сейчас рядом. И тебя нет. Ты просто еда, — обсосав косточку и швырнув ее от себя прочь, злобно прошипел он.

Марс облизал пальцы и посмотрел на шкуру. Ее можно было бы нашить на свитер, что даст дополнительную защиту и тепло. Только нужно будет ее выделать и найти нитки с иглой. Он почесал переносицу тыльной стороной кисти. Сколько всего нужно, только где все это взять и на все найти время?

В темноте послышался треск разбитого стекла: кто-то наступил на него ботинком. Марс мгновенно схватил свою заточку, наспех затоптал огонь и встал к стене у входа в комнату. Медленные, аккуратные шаги приближались. Марс прикрыл глаза, вслушиваясь, в висках стучало, рука судорожно теребила заточку. Шаг, еще шаг. Кто-то замер рядом с проемом, слышно даже дыхание. Вдох, выдох. Посетитель вкушал аромат жареного мяса. Он точно был один. Неуверенный шаг вперед. Марс мгновенно среагировал на опережение, схватил незнакомца за шкуру и прижал к стене так, что несчастный звучно ударился головой о бетон. Для взрослого слишком легкий. Или это женщина? Марс уже был готов пронзить горло костяной заточкой, когда раздался плач.

— Не надо, прошу, не убивайте меня.

Черный силуэт ниже Марса на голову, шапка-ушанка завязана на подбородке, какое-то тряпье сверху, спортивные штаны. Опустил заточку, но на всякий случай ударил коленом под дых. Незнакомец взвизгнул и, скрючившись, упал на пол, закашлялся и отрывисто задышал сквозь слезы. Марс подскочил к дверному проему, выглянул. Никого. Подбежал к окну, взгляделся в темноту. Ничего не видно. За спиной слышались только всхлипы и стоны.

— Кто еще с тобой? — грозно, но шепотом спросил Марс.

В ответ только тихий плач. Он подошел ближе. Тело в лохмотьях отползло в сторону, забило в угол, закрываясь руками.

— Не бейте, я один. Я один, больше никого нет.

Марс сорвал шапку, присел на корточки. Перед ним мальчишка Катиного возраста.

— Тебе что, жить надоело, засранец?! — Марс отвесил ему пощечину. — Баран, блин! — снова оплеуха. Мальчишка не успевал закрываться. — А если бы я тебя прирезал?! На что ты вообще надеялся, когда перся сюда?!

— Есть очень хочется, — сквозь слезы вымолвил пацан и по инерции поднял руки, закрывая лицо в ожидании очередной пощечины.

Марс опустил глаза, тяжело вздохнул и помотал головой. Потом пошел к месту костра, подкинул мелкие дрова, встал на четвереньки и

раздул угли. Парень сидел в углу, боясь пошевелиться. Минут через пять пламя осветило закуток, в котором они находились.

— Иди сюда, — указывая пальцем место напротив себя, произнес Марс.

Парень медленно поднялся, вытер слезы, размазывая грязь на чумазом лице. Сел туда, куда указали. Он больше смотрел на жареное мясо, чем на своего несостоявшегося убийцу.

— На, держи, — Марс выломал ребра из тушки и протянул их парню. — Ешь, не бойся.

— У меня ничего нет взамен, — жадно проглатывая слюну, пробормотал парень.

— Ты будешь жрать или как?! — швырнув кусок поближе к мальчишке, рявкнул Марс.

Тот диким зверем кинулся вперед и вцепился в пищу. Глотал, почти не жуя. Казалось, еще немного — и он зарычит. Обглодав мясо с костей, он облизал пальцы и протянул руку Марсу.

— Меня Андрей зовут.

— Мне плевать, как тебя зовут. Пожрал?

— Да, спасибо.

— Теперь проваливай.

— Мне некуда идти.

— Я же сказал, мне плевать!

Он неловко потянулся за деревяшкой, чтобы подкинуть в огонь, но бок прострелило болью, и он обхватил его одной рукой. Сморщившись, прикрыл глаза.

— Вы ранены?

— Я же сказал, проваливай! — все же достав палку, швырнул ее в пламя.

— Если вам нужен йод или бинты, я знаю, где их можно достать. Правда-правда, — затряс головой с неподдельной радостью парень. Марс посмотрел на него исподлобья. — Мой отец работал в аптеке до того, как все началось. Мы припрятали кое-что. Раньше было много чего, но и сейчас еще осталось. Вам этого хватит. Раньше мы помогали людям, — он сказал это так, словно ждал одобрения. Но собеседник бездумно смотрел на пламя, язычки которого блестели в его стеклянных глазах, и, казалось, совсем не слушал. — Я могу отвести вас туда. Но нужно быть осторожными. Рядом с этим местом расположились плохие люди, — он шмыгнул носом и потер его грязной рукой, стараясь не смотреть на еду, что у него плохо получалось.

— Что там есть? — убирая подальше от огня мясо, спросил Марс.

— Я же говорю, бинты, йод, таблетки.

— Ясно, — он оторвал еще кусок от тушки и протянул парню, но тут же одернул руку назад, как только тот потянулся к куску. — Если

подставишь меня или выкинешь какую-нибудь херню, я тебя убью. Ты меня понял? — он подкинул кусок, и парень ловко поймал его на лету, кивнул головой, что все понял. — А теперь ешь и ложись спать, если, конечно, хочешь. Я покараулю.

Он подкинул в огонь крупные палки, разделал остатки собачатины и завернул куски в газетную бумагу, которую нашел в соседней комнате. Парень жевал мясо, а Марс принялся выделывать собачью шкуру, скобля ее своим костяным ножом, чтобы очистить от остатков мяса и подкожного жира. До утра из них так никто и не заснул. Молча просидели у костра.

Глава IV

ЖАР

К утру огонь совсем погас. Угли, подернутые сединой, и еле дымящиеся огарки дерева лежали в черном кругу золы. Мальчишка, обхватив колени руками, качался туда-сюда. Марс достал кусок мяса, завернутый в газету, и протянул парню.

— На, поешь.

Андрей неуверенно взял сверток, развернул и принялся жевать. Марс задрал верхнюю одежду, обнажив гематому, тронул ее рукой, сморщился, нажал еще сильнее. Надулся пузырь. Костяной заточкой сделал небольшой надрез, стал выдавливать темную жидкость.

— Сильно тебя, — промолвил парень, видя, как Марс издевается над своим телом. Но тот только морщился от боли, вытирая сочившуюся жидкость рукавом. — Кто тебя так?

— Люди, — он поднял взгляд на мальчика. — Ты задаешь слишком много вопросов, тебе не кажется?

— Я просто пытаюсь поговорить.

— Не стоит. Я в друзья не навязываюсь. Считай, что у нас с тобой деловое соглашение. Ничего личного. Я дал тебе поесть — ты пообещал показать, где есть лекарства. Я свой уговор выполнил — ты пока нет. Обманешь, — он снова сильно надавил на гематому, и его лицо исказила ужасная гримаса, — переломаю тебе ноги и оставлю подыхать.

— Ты такой же, как и остальные, — насупившись, произнес Андрей.

— Нет, я намного хуже.

Марс опустил одежду, поднялся и запихнул заточку за пояс, остатки собачатины завернул в шкуру. Осмотрелся по сторонам. Неплохо бы найти рюкзак или сумку. Рюкзак лучше. Но где его взять? Все ценное подчистили. Тем не менее попробовать поискать стоит.

— Господь все равно все видит и воздаст всем по заслугам.

От услышанного Марс вздрогнул и замер на месте, его голова склонилась набок, взгляд стал бешеным, скулы задергались. Шкура с едой упала на пол. Марс шагнул к мальчишке. От ужаса тот попятился, не понимая, что он сказал не так, но четко осознавая, что сейчас произойдет нечто плохое.

— «Господь видит все, что происходит»?! — Марс схватил пацана за шиворот и потащил к проему, открывающему шикарный вид на город с высоты птичьего полета.

— Не надо! Не надо! — запричитал Андрей, оказавшись у пропасти.

— Посмотри на все это! Посмотри повнимательней, маленький дебил! Тебе сколько лет? Тринадцать? Пятнадцать? Посмотри на мир, в котором ты живешь!

Парень в ужасе повернул голову. Порывы ветра врезались в лицо так, что перехватило дух, а на глазах появились слезы. Разрушенный городок, словно после бомбежки. Кругом мусор, завалы, сгнившие, вросшие колесами в землю автомобили, и ни одной живой души. Все прятались друг от друга.

— Мы вымираем, парень! Понимаешь ты это?! Какой, к черту, бог?! Где, мать твою, ты его тут видишь?! Ты только что жрал собаку. И это уже круто, потому что многие жрут друг друга. Посмотри! Посмотри на этот мир! Посмотри вокруг и скажи мне, где ты видишь своего гребаного бога здесь? — тряся его, как грязный коврик, орал Марс с пеной у рта.

Андрей стоял на цыпочках, большая часть его тела свисала над обрывом, и он не падал лишь потому, что Марс крепко впился в него руками. Ветер трепал одежду, завывал в верхах, пронесся по прогнившим трубам, издавая злобный и страшный звук, гнал почерневшую листву по захламленным улицам.

— Ну так что?! Где твой бог, мальчик?! Или, быть может, мне тебя отпустить и ты попытаешься разглядеть его поближе? А может, он подаст тебе руку помощи? — Марс снова потрянул пацана несколько раз. — Эй, бог! Где ты?! Бог, ты слышишь меня, а?! Эй, или ты оглох?! — он дернул парня на себя, тот споткнулся и упал на пыльный бетонный пол. Шаркая руками и ногами по пыли, отполз подальше от пролома. — Вот видишь, его нет. Ничего нет вокруг, кроме умирающего мира. А теперь утри свои сопли и слезы, соберись и отведи меня, куда обещал. После каждый пойдет своей дорогой.

— Мне некуда идти, — всхлипывая, пробормотал Андрей.

— А мне плевать. У тебя есть бог. Так что ты не одинок, парень. Главное, не рассказывай про него всем подряд. Многие сейчас искренне ненавидят его. И я думаю, им есть за что. — Марс поднял шкуру с припасами, расстегнул куртку и запихал свое добро за пазуху. — Давай шевели своей задницей и не отставай от меня.

— Мой отец говорил, что нужно помогать людям, что без веры мы превратимся в животных.

— О-о-о-о! Правда? Знаешь, а, по-моему, мы уже давно залезли обратно на деревья. И кстати, где сейчас твой отец? Наверное, там же, где и твой бог? Сидят сейчас вдвоем на облачке, свесив ноги, и плюют на эту проклятую землю, да еще и ржут над нами. И над тобой в первую

очередь! — Марс прошел метров десять и остановился, поняв, что парень не сдвинулся с места. — Чего ты ждешь? Особого приглашения?

— Мой отец был хороший человек, — голос Андрея сорвался.

— Я же сказал, мне плевать. Ты идешь?

— Мой отец был хороший человек! — что есть мочи заорал парень.

— О господи! — Марс махнул на него рукой и двинулся к лестнице.

Он вышел на площадку с открытой шахтой лифта. Болтающиеся стальные тросы, словно чудовищные змеи, извивались от порывов ветра, издавая протяжный металлический звук. Марс тяжело вздохнул. Он понимал, что теряет драгоценное время. Перед глазами стоял образ задорно улыбающейся чумазой девчонки. Бок предательски заныл. По телу разошлась слабость, и его слегка повело в сторону, бросило в жар. Он уперся рукой в стену.

— Ладно! Он был хороший человек! Я согласен! Людям иногда следует помогать! Вот дерьмо, — последние слова он произнес шепотом и больше для себя, чем для мальчишки, покачал головой. Послышались неуверенные шаги, Марс обернулся, посмотрел на недовольное лицо парня. — Давай показывай дорогу.

Они вышли из подъезда и огляделись. Мальчишка быстро нырнул в сторону, Марс поспешил за ним. Очевидно, малец знал эти места очень хорошо. Понятно, почему ему удавалось оставаться в живых так долго. Шли закоулками, пролазили под завалами через узкие щели, словно крысы. Вскоре вышли на окраину города. Знать бы только, какую окраину. Сухая трава повсюду шевелилась. Стало даже немного страшно. Метрах в трехстах ровные ряды темных деревьев выстроились солдатскими шеренгами. Лес постепенно захватывал пространство. Природа методично отвоевывала свое у людей.

— Нам туда. Осталось немного, — щурясь от ветра, парень снова указал на город, из которого они выбрались. Марс кивнул.

Перебежками добрались до частного сектора, представлявшего собой лабиринт из развалин домов, заборов и мусора. Марс следовал за Андреем вдоль покосившейся рабицы, в которой, словно в рыболовной сети, застряли клочья одежды и полиэтиленовые пакеты. Все это развевалось на ветру, серое, под стать омерзительной погоде, под стать всему миру. По краям дороги темные лужи были подернуты льдом. Вышли к частному дому в три этажа из красного облицовочного кирпича. Это была крепость, обнесенная забором выше человеческого роста. Ворота раскрыты. Одна створка ходила вперед-назад, скрипя несмазанными петлями.

— Сюда.

Первый этаж дома полностью выгорел. Во дворе черное выжженное пятно на месте кострища, много углей, рядом стопка дров, везде разбросаны кости. Два врытых в землю бревна были соединены

металлической трубой, на которой висела разделанная человеческая туша. Тело почернело и источало зловонный сладковатый запах тухлятины. Видимо, те, кто приготовился к трапезе, снимались с обжитого места впопыхах: еду бросать было не принято. Чуть дальше торчали пять кольев, украшенных головами: тремя женскими и двумя мужскими. Страшные, искаженные черно-синие лица с ввалившимися в череп глазами. От ветра и непогоды кожа стянулась, обнажая торчащие ряды зубов. Марс закусил нижнюю губу и натянул воротник свитера на лицо, закрывая тем самым рот и нос.

— Раньше мы тут жили, — тихо произнес Андрей. — А потом пришли они.

— Кто они?

— Те, от кого ты прятался на перекрестке.

— Ты что, следил за мной?

— Я следил за ними.

— Твой отец тоже тут?

— Да. Они убили его первым, — мальчик кивнул в сторону голов.

— Мне жаль.

— Ты же сказал, тебе плевать. Ладно, пойдём. Тебе нужны бинты и лекарства, — Андрей поднялся по ступенькам и остановился у покосившейся двери, висевшей на одной петле. — Ну, ты чего замер?

— Как это произошло?

Они вошли в дом и проследовали на чердак. Андрей ответил только наверху.

— Как со всеми. Сначала было много народа. Еды хватало. Потом с каждым днем становилось все хуже и хуже. Люди стали разъезжаться. — Он разгреб керамзит под деревянной балкой и вытащил старый, еще советских времен чемодан. — Когда стало всего не хватать, то проще было отнять, нежели попытаться договориться и объединиться. — Парень рассуждал по-взрослому, несмотря на свой юный возраст. — Вот! — он поставил раритет на пол напротив Марса. — Отец помогал всем, лечил людей. Нас тут было двадцать человек. Почти все, кто приходил, оставались. Ну а потом появились те люди. Кто смог, тот скрылся. Кто не смог... — Он захлюпал носом, но, видимо, взял себя в руки. — Ну а кто не смог, тот не смог. Отец спрятал меня в подвале, там выход на другую сторону улицы. Прорыли давно. Так сказать, на всякий случай... — Небольшие замочки на чемодане отщелкнулись, и парень открыл крышку. — Пользуйся.

— Охренеть!

Бинты, йод, антибиотики, шприцы, в жестяной коробочке хирургические инструменты. Марс быстро стянул с себя верхнюю одежду, обнажаясь до пояса, смазал вокруг раны йодом, начал мастерить повязку.

— Помоги, — он перекинул бинты за спину. — Много их было?

— Не знаю. Больше десяти — это точно. У них оружие есть. У нас не было. Их главный, здоровый такой, с повязкой на глазу, очень жестокий. Они называли его Змеем.

— Видел, что тут происходило?

— Сначала они сожрали все наши припасы, потом принялись за пленников. Эти твари тут как у себя дома расположились, но их спугнули другие.

— Другие?

— Да, — Андрей затянул узел на боку Марса. — Другие. Я раньше таких не видел. Три грузовика, набитые людьми. Все вооружены, хорошо экипированы, явно охотились за кем-то. Прочесали весь город. Главный у них — в плаще с капюшоном, весь в черном. Все что-то приказывал, командовал. Те, что моего отца убили, в лес тогда ушли, правда на время. Я-то думал, что навсегда, но ошибся.

— Постой-постой. Как, ты говоришь, их лавный выглядел?

— Ну как — в черном плаще с капюшоном. У него еще на руках какие-то железки прикреплены были. И меч на поясе висел. Впервые такое видел. Три дня назад снова приезжал грузовик, но только один. Он проехал через город, двигался на юг. Странно, но банда Змея в этот раз никуда не скрывалась, — парень сделал удивленное лицо и пожал плечами.

— Кто был в грузовике?! — схватив парня за грудки, прокричал Марс.

— Люди. Те же. Я не всматривался, я прятался, как и остальные. Тут все прячутся.

— Вот черт, — отпуская Андрея, на выдохе пробурчал Марс и пошатнулся.

Его повело в сторону. Неуверенными движениями он нащупал деревянную балку и по ней опустился на пол.

— Да у тебя жар! — прислонив руку ко лбу Марса, воскликнул Андрей.

— Нормально все. Нормально. Мне нужно идти, — он попытался подняться, но голова закружилась, и он снова сел.

— Я знаю, где достать воды. Ты только не уходи, я быстро! — прокричал мальчишка и сорвался с места.

— Постой! Вот черт! — Марс тяжело задышал. — Нужно идти. Катя. Катя, я уже иду, — он прикрыл глаза и провалился в бездну.

Его тело, вращаясь по спирали, падало все глубже и глубже в черную пропасть до тех пор, пока свет сверху не пропал вовсе.

— Мама? Мама? Что случилось?

Беременная женщина рыдала, сидя на кровати, сотовый телефон валялся на полу.

— Мама, я тебя чем-то обидел? Не плачь, мам, — неуверенно подходя к матери, произнес маленький мальчик грустным голоском.

Кристина сползла вниз и прижала мальчика к себе так крепко, насколько ей позволила сила, всхлипнула и уткнулась в него. Ее сын стоял в оцепенении, не понимая, что произошло. А она все больше и больше расходилась, уже кричала. Ему стало страшно и больно оттого, что мать пыталась все сильнее и сильнее вжаться в него. Он вырвался, оттолкнул ее от себя и снова сорвался в пропасть. Мать осталась наверху, протягивая к нему руки, а он летел все ниже и ниже. Ее дикий крик был похож на вой волчицы, потерявшей свое потомство...

Яркий свет, люди в белых халатах. Он стоял среди них, и никому не было до него дела. Мать разговаривала с врачом, который лишь разводил руки в стороны и говорил, что ничего не может обещать, что он реаниматолог, а не Господь Бог. Человек, похожий на картофельную ботву, ломаный и жилистый. Мальчишка потянул мать за подол куртки.

— Мама? Мама? А мы тут надолго? — та только отмахнулась рукой. — Мам, а если папа приедет, а нас дома не будет? Мам, поехали домой.

У Кристины потекли слезы, она села перед ним на корточки и погладила по голове. Пыталась что-либо произнести и не смогла, просто продолжила ласкать его, словно котенка.

Марс приоткрыл глаза. Туман. Андрей поднял голову, поднес стакан с водой и кое-как влил в Марса жидкость.

— Катя... Где Катя? — он потянул парня на себя. — Я убью тебя, если ты с ней что-то сделал! Убью! — пересохшим ртом захрипел Марс.

— Здесь только ты и я. Ты бредишь, попей еще. Нужно сбить жар. Твоя рана воспалилась, я ее обработал, прочистил. Тебе скоро станет лучше. — Андрей снова попытался влить в него воду.

— Я убью тебя... Уб... У...ю... — Марс снова отключился.

Андрей положил ему на лоб холодную тряпку. Рядом стояла мятая алюминиевая, почерневшая от времени кастрюля со снегом. Ночью были заморозки.

— Все будет хорошо.

Парень перевернул примочку на другую сторону. Он задрал свитер и поменял повязку. Марс только облизнул потрескавшиеся сухие губы. Андрей обработал рану. Теперь она выглядела куда лучше: гноя было уже меньше, воспаление спадало. Мальчик завершил процедуры и опустил свитер, накрыл дрожащее тело Марса тряпьем. Сам подошел к небольшому окошку на чердаке. Из нависшей тучи посыпали редкие снежинки. Марс надолго закашлялся. Андрей стоял у окна, не оборачиваясь. Спустя некоторое время снег повалил сплошной стеной.

Ничего уже нельзя было разглядеть. Монотонный стук створки ворот немного отвлекал от царившего вокруг омерзения.

— Все будет хорошо, — смотря в пустоту, тихо произнес парень и снова повторил: — Все будет хорошо.

Глава V

КОГДА-НИБУДЬ МЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО УМРЕМ

Кристина сидела на длинной скамейке в коридоре. Сын рядом возился с машинкой. Мимо ходили люди в белых халатах. Их шаги эхом разносились в пространстве. Минут через десять появился врач. Женщина резко встала, но, схватившись за живот, замерла: ребенок, очевидно, перевернулся и надавил на ребра.

— Спокойней, — врач помог ей сесть обратно.

— Что с ним? — она тяжело вздохнула.

— Вам сейчас нельзя волноваться, в вашем-то положении.

— И как мне это сделать? — она погладила себя по животу. —

Тише, тише, все хорошо.

Хотя никакого «хорошо» не было. Ее сын смотрел на нее щенячьими глазами, ждал отца, а она никак не могла объяснить ему, что произошло.

— Вы меня слышите? — голос врача снова добрался до сознания Кристины. — С вами все в порядке?

Она кивнула.

— Он выживет?

— Я не могу вам ничего обещать. Я врач, а не Бог. Его состояние крайне тяжелое, мы делаем все возможное. Вообще чудо, что он остался жив. После такого обычно не выживают. С такими травмами, — он покачал головой и на секунду о чем-то задумался. — Невероятно.

— Невероятно, что он все еще жив?

— Именно.

Марс медленно открыл слипшиеся глаза. Жутко хотелось есть, еще больше — пить. В темноте завывал ветер, на улице глухо хлопала створка ворот. Полежал немного до тех пор, пока не привыкло зрение, попытался подняться.

— Эй, тише, — раздался голос Андрея.

Мальчик выполз из темноты, ловко схватил кружку и, поддерживая голову, дал Марсу воды.

— Ты еще здесь? Почему не ушел?
— Вообще-то я тут живу. Да и куда мне идти?
— Долго я был в отключке?
— Три дня. Сегодня четвертый. Я твою рану обработал. Слава богу, все обошлось. Ты везучий. Рана на удивление быстро заживает.
— Все обошлось не из-за какого-то там бога, а потому, что ты все сделал правильно. — Марс стиснул зубы и прикрыл глаза.
— С едой совсем плохо. Я хотел выйти поискать чего, но тут вчера ходили эти. В общем, я не пошел, присидел с тобой.
— А то, что оставалось? Я имею в виду мясо.
— Я доел. Там совсем чуть-чуть было, — он бесхитростно пожал плечами, оправдываясь.
— Хорошо. Все равно бы пропало, а так хоть ты сытый. Ладно, утром поищем чего-нибудь, а сейчас отдыхай, — он укрылся с головой.
Марс проснулся на рассвете от жуткого холода. Как ни кутался в тряпье, не смог согреться. Бок болел, но не так сильно, как раньше. Марс был немало удивлен белоснежной повязке на грязном теле. Он и забыл уже, когда мылся в последний раз. Наверное, летом. Медленно поднялся и осмотрелся вокруг. Мальчишка спал в дальнем углу. На чумазом исхудавшем лице ввалившиеся глаза, как у тех отрубленных голов на улице, среди которых был его отец.
Марс подошел к маленькому окошку. Все завалило снегом. Белым и чистым, идеальным.
— Давно проснулся? — послышался голос Андрея.
— Только что.
— Как себя чувствуешь?
— Гораздо лучше. — Марс приблизился к парню и протянул руку. Тот с настороженностью пожал ее. — Спасибо.
— Пожалуйста, — стесняясь, тихо ответил Андрей.
— Меня зовут Марс.
Спустились на первый этаж, разожгли небольшой костер, в почерневшей от сажи кастрюле растопили снег и вскипятили воду. Молча, пили кипяток, передавая друг другу.
— Поможешь мне их похоронить?
— Прости, это плохая идея. Они мертвые, им все равно, а мы можем привлечь внимание. — Парень насупился, но кивнул головой в знак согласия: идея и впрямь была плохой. — Допивай.
Допив, Андрей принес черно-зеленый школьный рюкзак:
— Я кое-что нашел для тебя — вот, смотри. Теперь ты сможешь носить вещи в нем. Он почти новый!
— Хм. Отличная штука. — Марс взял рюкзак и внимательно рассмотрел его. — Нужно будет собрать медикаменты. Все, что осталось. Сможешь сложить их сюда?

— Конечно!

— Давай приступай. Нам пора уходить. Тут больше нельзя оставаться.

— Ты меня возьмешь с собой?

— Не могу же я бросить того, кто помог мне.

— А куда мы пойдём?

— На юг. Нужно кое-кого отыскать.

В мальчишеских глазах повис вопрос, задать который он побоялся. Лишь кивнул и умчался наверх выполнять поручение.

Полдня безуспешно шатались, а точнее сказать, скрытно перемещались по развалинам города в поисках хоть чего-то съестного. Марс то и дело отдыхал — от напряжения рана начинала болеть, он терпел до последнего, но потом все же приходилось останавливаться, чтобы отдышаться.

— Раньше тут было много народу. Все как-то старались помогать друг другу.

— Да, я в курсе, как было раньше, — Марс, морщась, нашел удобное положение.

— А сейчас каждый сам за себя. Интересно, в других странах так же?

— Сейчас везде так. Границ нет, стран нет, жизни нет. Люди воюют друг против друга из-за всего, что может хоть немного продлить им жизнь. А тех, кто все же выживет, добьют болезни. Вокруг идет война. Ее никто не объявлял, и общего врага на ней нет. Сейчас все враги, и, чтобы выжить в этом мире, Андрей, нужно думать о тех, кто жив, а не о мертвых. Мы пока живы, и поэтому остальное не важно. Хочешь жить — стань незаметным, стань бесчувственным и помни: все, кого ты не знаешь, — это не люди, даже не животные, это угроза, и, чтобы выжить, нужно угрозу устранять. Мы катимся в обратную сторону с геометрической прогрессией. Если ты, конечно, понимаешь, о чем я.

— Говорят, есть большие общины. Может, нам туда податься?

— Видел я такие. Думаешь, там лучше? В каждой из них обиженный жизнью главарь, считающий себя как минимум богом. Нет уж, я под чужую дудку плясать не стану, — он сплюнул в сторону.

— Но у них есть кров и еда, медицина.

— Ничего у них нет. Только жалкое подобие прошлого мира, которого больше никогда не будет. А если и будет, то он начнется с дубинки и камня, как и раньше. Ты уж поверь. И не нужно строить иллюзий. Посмотри сам, люди умирают от простого аппендицита. Обычная простуда гарантирует тебе отек легких, рана — гангрену, даже долбаная дизентерия и та стала смертельной. Так что, Андрей, прошлый мир исчез безвозвратно. Пройдет еще не одна сотня лет до того момента, когда все утрясется. Впрочем, если хочешь, я могу довести тебя до

ближайшего большого города, и, если там есть так называемая община, останешься. Твое право, — он пожал плечами.

Андрей шмыгнул носом. О чем этот парень сейчас думал, было известно только ему. Марс, кряхтя и опираясь на большой железобетонный блок, поднялся, осмотрелся по сторонам и замер, словно охотничья собака, которая увидела дичь и встала в стойке.

— Ха. Надо же.

Мальчишка впервые увидел на его лице еле заметную улыбку.

— Что там?

— Рябина.

Андрей сощурился и приложил ко лбу руку. Одиноко стоящее дерево с небольшим количеством огненно-красных ягод. Их было мало, и от этого они казались еще прекраснее. Небольшое деревце росло рядом с разбитой детской площадкой. Когда-то давно здесь был дворик. Андрей проглотил слюну, кадык дернулся вверх и вниз.

— Пошли потихонечку, только осторожнее. Не забывай, что мы тут не одни. Держи ухо востро.

Они набили полные рты кислой, с горчинкой мороженой ягодой. Подобрали даже то, что валялось на земле. Было слышно только чавканье. Эта скудная пища дала им немного сил и надежды.

Через час погода в корне изменилась — поднялся ветер, сильно завьюжило. Решили переждать непогоду в городе: все же внутри стен гораздо лучше, чем на открытой местности.

Два дня сидели в разваленном пятиэтажном доме. Марс обшарил все углы не только в этом, но и в соседних домах. Один раз чуть не нарвался на людей Змея. Чудом пронесло. Выходил ближе к вечеру, Андрея с собой не брал. Парень поддерживал огонь, разбивая уцелевшую мебель. Тут даже крыс не было. Нет еды — нет и грызунов. На второй день Марс отыскал консервную банку с фасолью. Разогрев на костре что-то вроде супа, проглотили, почти не жуя. С рассветом решили выдвигаться в путь.

— Как думаешь, мы умрем?

— Когда-нибудь обязательно.

— Есть охота.

— Зимой всегда так.

— Я раньше, представляешь, рыбные консервы не любил. У нас запасы были, пока эти не пришли. Я бы сейчас за них... — Наверное, хотел сказать, что все бы отдал, только вот отдавать было нечего.

Марс ухмыльнулся.

— Что смешного?

— То есть у вас были консервы?

— Ну да. Мы заготавливали, искали припасы, даже огород был.

— А потом пришли те ребята и все забрали?

— Да. И что?

— Ничего. — Он снова ухмыльнулся. — Так вот почему они вернулись обратно в город: они оставили тут припасы. Эти парни, скорей всего, из шайки Борова. Шакалы ходят из города в город, опустошая все, не брезгуя ничем. Долбаные каннибалы.

— Борова?

— Да. Есть такой жирный ублюдок. Сколотил себе здоровую банду из отморожков. А эти парни, наверное, поисковый отряд. Ищут людей и припасы, чтобы обеспечить основную группу. Знаешь, а я бы их грабанул.

— Их много, и у них оружие. Как мы сможем их ограбить? Они нас попросту убьют!

— Это если поймают. Они уверены, что они короли положения, и уж точно не ждут такой наглости. Тем более скоро они покинут этот город. Они высосали его до дна, не оставив ничего, что может кого-то заинтересовать. Город-призрак, пустой и безжизненный. А нам нужна еда, без нее нам далеко не уйти. Нам нужно оружие, нам нужна одежда. Это все нам просто так никто не отдаст.

— Я не пойду с тобой, — робко пробормотал парень. — Это чистой воды самоубийство. Я видел, на что они способны. Лучше сдохну от голода.

— Пойдешь, Андрей. Еще как пойдешь!

— Нет, — мальчик завертел головой в разные стороны.

— Мне нужна будет твоя помощь. Я не шучу, парень, и больше просить не стану. Не глупи. Сделаешь, что скажу, и я доведу тебя до общины, в которой ты сможешь остаться. Ты либо со мной, либо против меня. Третьего не дано.

Андрей злобно посмотрел на Марса, поерзал возле костра, потом отвернулся и лег, натянув куртку поверх головы.

— Знаешь, где они расположились?

— Угу.

— С рассветом пойдем посмотрим, а там решим, как действовать. Понял меня?

— Угу, — сворачиваясь калачиком, пробухтел Андрей.

— Вот и хорошо.

Марс переломил доску, кинул ее в огонь, повторил еще пару раз. Стало ярко и тепло. Костер потрескивал. Они находились в ванной комнате — без окон, чтобы света от костра не было видно снаружи, и одновременно с вентиляцией. Кроме того, небольшое помещение отапливалось лучше. Марс долго боролся со сном, но вскоре усталость взяла верх. Подход он завалил хламом, чтобы было слышно тех, кто подбирается. Забился в угол и уснул.

Когда открыл глаза, костер совсем погас.

— Андрей, вставай. Нам пора.

Тишина.

— Андрей! — повысил голос Марс.

Парня не было. «Хм. Вот сученыш! Хорошо хоть рюкзак себе под голову положил, а то спер бы, наверное! Сколько раз я зарекался доверять людям? Сколько? Тысячу? Сто тысяч раз! Вот дерьмо!»

Он быстро собрался и выскочил в коридор, потом на лестничную площадку, затем на улицу. Следы на снегу уходили в глубь города и еще не были занесены.

— Смотри, следы! — послышался незнакомый голос.

— Вижу. Совсем свежие.

— Давно тут живность не появлялась. А Змей уже хотел уходить!

— Хоть бы баба была! А?!

— Хорош орать! Погнали, а то упустим!

Марс заскочил в подъезд, подождал, пока голоса утихнут, пробежал внутрь здания, выпрыгнул в окно с другой стороны и пошел к лесу, подальше от города. Через пятнадцать минут уже был в чаще. Остановился, чтобы отдышаться. С непривычки заколол бок, голова закружилась.

«Что-то ты стал сдавать, братец. Раньше мог бежать по десять километров не останавливаясь. Да, когда был Виктор, он гонял тебя как сидорову козу. Сейчас ты явно расслабился, перестал тренироваться. Вот дьявол! — он ударил рукой по дереву. — Долбаный пацан! — поднял снег с земли и вытер лицо. Поднял еще и запихнул в рот, прожевал, глотая талую воду. — А ведь он тебе жизнь спас! Да чтоб тебя!!! — колотил березовый ствол до тех пор, пока не сбил костяшки в кровь. — А-а-а-а-а! Зараза! — сел на корточки и разгреб снег руками. Руки вмиг заоченели. Подышал на них, потер друг о друга, выкопал яму. — Хорошо, Марс! Хорошо! Ты все равно хотел раздобыть припасов. С ним или без него, — скинул рюкзак и засыпал его. — Ты же знаешь, он наверняка мертв. Ты идешь не за ним. Не за ним! За припасами. — Глубоко вдохнул и вспомнил Катю. — Фу-у-у-у! — протяжный выдох, густой пар рассеялся в морозном воздухе. Марс достал костяную заточку. — Не густо, но лучше, чем ничего. Ладно. Ладно! Попробуем!»

Глава VI

ЛОГОВО ЗМЕЯ

К вечеру Марс вышел на лагерь. Тишина. Большой кирпичный дом в два этажа, высокая изгородь. Почти на самой макушке сухого дерева — сорочье гнездо, одинокое и страшное украшение. Снег вокруг утоптан, можно подобраться, не привлекая внимания. Подождал, пока стемнеет, прячась в разбитой машине и наблюдая за происходящим. Никаких движений. Хотелось верить, что это именно то место, которое ему было нужно. Многочисленные следы вели сюда. Те, кто обосновался здесь, не скрывали своего присутствия.

Шло время, но ничего не происходило. На секунду он подумал, что там вообще никого нет, что не успел и свора покинула насиженное логово. Но нет. Дверь с шумом отворилась. Из нее вышли двое парней, стащили дрова в кучу, о чем-то споря, было плохо слышно. Огонь запалили такой, что стало понятно: ничего не боятся. Марс подобрался ближе, укрылся за изгородью.

— Какого черта они нас тут оставили?

— Дурак, что ли? «Консервы» стеречь, — ответил высокий и тощий в армейском бушлате и шапке-ушанке.

Второй — пухлый, низкого роста, одет в легкую куртку. У него на коленях лежал обрез.

— «Консервы» стеречь? Да куда они денутся? — хрюкнул носом толстый и сплюнул в сторону. — А что они уперлись с этим оборвышем? Похоже, Змей и правда думает, что этот малец был с этим... Как его? Ну, которого ищут те парни с юга во главе с их стебанутым на всю башку маньяком.

— Брось, это все сказки.

— Сказки не сказки — не тебе решать! — воскликнул пухлый, подкинул еще дров и протянул к огню руки. — Если его поймает, будем жить припеваючи! Говорят, у них там на юге, у этих... Как их?

— «Огненные братья».

— Да, точно! Говорят, у них там цивилизация. Город, обнесенный стеной, на берегу моря. Глава у них Александр. Говорят, великий правитель.

— Да брешут все! Если бы так было, к ним бы все ломанулись, а не тут бы сидели, последний хрен без соли доедали.

— У них армия. Они что, дураки, что ли, всех к себе брать? Сам прикинь, город-то не резиновый. Чужаков туда не пускают, у них там блокпосты стоят по дорогам. К ним живым не попасть. Мы с тобой — простые смертные — только помечтать можем. А если Змей этого поймает, так все словно в раю жить будем.

— Ага, точно. Сейчас нашу всю свору туда прям пустят! Змея и его братца Борова — это да, а нас... — Он заткнул одну ноздрю пальцем и высморкался, после чего вытер руку о штанину.

— Я слышал, что всех возьмут.

— Ага. Тебя в первую очередь. А вообще, подумай: раз они такие великие, что сами-то его не поймают?

— По всему земному шару за ним бегать, что ли? Гонцов вон разослали, теперь каждая более-менее серьезная группировка про него знать будет. Э-э-эх! Вот если там окажусь, первым делом спирта попрошу или еще какого бухла. Все равно какого. Ужрусь в хлам, — расплылся в улыбке толстяк.

— Да заткнись ты! Хорош мечтать. Тошнит уже. Скоро Змей придет с ребятами, нужно жрать готовить.

— Опять «консервы»? — поднимаясь, недовольно заныл толстяк. — Картофанчика бы сейчас или салатика из свежих овощей да с солью. Ух, — мечтательно прищурился он и посмотрел в небо. — Ладно, давай тащи, а я пока приготовлю место.

Долговязый скрылся за дверью. Пухлый достал из-под крыльца веревку, перекинул через сук сухого дерева, затянул, с другого конца сделал петлю. Марс уже было приготовился напасть, но затих. Длинный вытащил худое нагое тело, трудно различимое в полумраке. Человек не шевелился. Его подвесили за ноги. Длинный вытащил нож и начал свежевать тело, словно свинину.

— Чуть не подох! Мертвечину-то жрать не очень хочется. Там еще один на подходе. Может, тоже разделать? Пока морозы стоят, в снег мясо прикопаем.

— Не, без указа Змея лучше не надо, — толстяк достал из трупа кишки. — Он завтра хотел выдвигаться на юг. Пойдем обратно к нашим. Улов неплохой, довести бы больше половины до места. Змея будем ждать. Придет — сам решит, что да как. Ты давай топор тащи. Сейчас кровь стечет, нужно на куски порубить. И сетку принеси, на которой жарим. — Он отошел в сторону, сгреб с земли снег и вытер им руки.

— Топор-то где? — заорал длинный из дома.

— Справа стоит, около печки! Вот скотина слепая.

Усмехаясь, толстяк подошел к забору, немного покопался, пустил через дыру в заборе струю мочи и облегченно вздохнул. Лицо его тут же

скривилось в страшной гримасе. Марс сжал его достоинство в руке так крепко, что, казалось, даже послышался хруст «скорлупы». Резким движением он подтянул толстяка к себе. Тот привстал на цыпочки, словно балерина.

— Сколько вас? — еле слышно прошептал Марс, контролируя открытую дверь в доме.

— Четырнадцать, — так же еле слышно со слезами на глазах пролепетал пухлый, боясь даже вздохнуть.

— Я спрашиваю, тут вас сколько?

Толстый сжал кулак и выставил два пальца вверх.

— Ясно. Наклонись, скажу кое-что.

Толстяк подался вперед. Резкий удар, костяная заточка вошла в глаз почти по рукоять. Тело вздрогнуло, упало на колени и завалилось на забор.

— Нашел! — радостно проорал из дома длинный.

В это время Марс уже перемахнул ограждение и затаился возле входной двери, прижимаясь к стенке.

— Готов поработать? — длинный вышел на крыльцо, озираясь по сторонам.

Марс сделал шаг вперед, доска скрипнула под его ногой, длинный обернулся. Немая пауза длилась секунду. Марс одним рывком вырвал топор у изумленного мужика. Прямой удар ногой в грудь отправил человека Змея вниз с крыльца. Марс действовал так стремительно, что поверженный даже не успел подняться до того, как противник обрушил ему на голову топор и снес полчерепа. Марс поднял с земли обрез. Один патрон. Ну, тоже неплохо. Вытащил горящую палку из костра, поспешно направился внутрь дома. Ступени крыльца предательски скрипели от каждого шага.

Темнота — что может быть страшнее? Горящая палка еле освещала темный проход длинного коридора, больше давала дыма, чем света. Темный длинный коридор, как и много лет назад, отделял его от смерти. Он впитал это чувство беспомощности и все время боролся с ним, преодолевая оцепенение в ногах и дрожь во всем теле. Заставляя себя победить детский страх.

Марс запомнил тот день навсегда. Тогда они с матерью уже за полночь возвращались из больницы. Кристина всегда засиживалась около больничной койки мужа, держала его за руку, разговаривала с ним, смотрела на него, мечтая, что вот-вот он придет в себя и откроет глаза. Она могла проводить с ним дни напролет, а маленький Марс играл на подоконнике в солдатиков и особо не переживал за своего отца. Что было переживать, если он просто спал? Ну и что, что весь в бинтах? Так он же болеет. «Больной должен лежать в кровати» — так говорила ему мать. Это

был обычный день, ночное возвращение. Марс дремал на заднем сиденье такси, положив голову на колени матери. Внутри нее кто-то шевелился. Она говорила, что это его сестра. Интересно, кто ее туда засунул и как она оттуда вылезет? Все было привычно: его разбудили, мама заплатила таксисту. Он нехотя поднялся. Оказавшись на улице спрσονья, ощутил легкий озноб, хотя погода была теплая.

Яркая тихая ночь. Звездное небо стояло высоко; казалось, вот-вот оно заберет тебя к себе, в свою бесконечную темноту вселенной. Кристина взяла его за руку и направилась к подъезду. Марс вяло перебирал косолапыми ножками, зевая и еле поспевая за ней. Рядом с домом детская площадка. С лавочки поднялся человек, держа руки в карманах ветровки, и поспешно последовал за ними. Темный силуэт, больше ничего. Он что-то прокричал, когда Кристина открывала дверь, но это лишь испугало маму, и она поспешно вбежала в подъезд.

Темнота, длинный коридор до лифта, лампочка почему-то не горела. Она тащила сына вперед. Дверь подъезда открылась и закрылась. Марс выпустил руку матери. Какая-то возня, Кристина вскрикнула и упала. Сильный толчок отбросил его в сторону. Тяжелое мужское дыхание, снова возня, глухие удары, стоны и всхлипы. Это длилось минуты две, ему казалось — вечность. Тишина, лишь чьи-то шаги. Глаза привыкли к темноте. Можно было разглядеть силуэт мужчины, который подошел к нему и присел на корточки. Чиркнула зажигалка, освещая лицо присевшего. Это был тот дядя, который приходил в больницу и вернул ему кулончик. Сейчас у него были растрепаны волосы, красные брызги на лице, большая царапина на лбу. Сквозь тусклый свет виднелся лестничный проем. Два тела лежали по разные стороны площадки. Мама застыла в бесформенной позе возле лифта.

— Ты в порядке? — спросил дядя.

Марс смотрел на него огромными ошарашенными глазами. В пору было заплакать, но страх небывалой силы сковал все тело, не позволяя даже раскрыть рта. Мужчина подошел к Кристине и пощупал пульс.

— Плохо.

Марс рассмотрел голову матери, утопающую в черной луже. Он просто стоял статуей, боясь пошевелиться, теребил низ майки и хлопал глазенками, еще не понимая, что все... началось.

— Я должен был успеть. Должен был. Прости, потом все поймешь.

Странный дядя (Марс вспомнил его имя — Виктор) закрыл ему рот и нос платком и подхватил на руки. Снова темнота.

Еле горящая палка тускло освещала коридор. Детский страх накатил снова, от него не избавиться. Храбрость — это сделать первый шаг в темноту, когда только ты один знаешь, как тебе на самом деле страшно. Сделай его — и назад возврата не будет. Он крепче сжал обрез, выставил

руку вперед и пошел вперед по скрипучему деревянному полу, толкнул ногой дверь. Она медленно открылась, проворачиваясь на ржавых петлях. Большая комната с отвалившимися от сырости обоями, на потолке черная плесень расплзлась загадочно-жутким узором. В правом углу лежали вещи, наваленные горкой, инструменты: молоток, две пилы, отвертки, рубанок. Комната проходная, дальше зал. Посередине стол с грязной посудой, свечи, много стульев. Разваленная печь, на ее останках сложены дрова, точнее, обломки мебели. Плетеное обветшавшее кресло-качалка с наброшенным разноцветным покрывалом одиноко стояло напротив будущего костра. Скорее всего, место главаря. Все приготовлено, не хватало только обитателей. В углу раздался хрип. Марс резко навел оружие на звук. Дверь закрыта на шпингалет. Подошел ближе, открыл, обрез наготове. Тусклый свет осветил полуживого парня. Его голое тело привязано к трубе отопления. Бедолага даже не поднял взгляда. Он был настолько изможден, что ему, похоже, было все равно, что с ним станет. Смерть для него лучший выход. До утра он не дотянет.

— Эй, — на всякий случай шепнул парню Марс. Реакции ноль.

Прикрыл дверь, пошел дальше. Обыскав все комнаты, убедился в том, что дом пуст. Снова пошел по комнатам, по пути открывая ящики, заглядывая в шкафы, осмотрел столовую, прошел в дальнюю комнату. Слева большой сундук с кодовым замком. Интересно, откуда взялся тут такой раритет? Справа еще одна дверь забита досками и подперта стулом. Он сбегал за топором, задержался на улице, прислушиваясь к тишине. Все нормально. Когда вскрыл сундук, оторопел: банки с тушенкой, крупа, сухари, макароны. Марс даже отошел в сторону, зажмурил глаза и снова посмотрел на содержимое сундука — нет, не кажется с голоду, так и есть. Нашел тряпку, стал наваливать на нее припасы. Злость брала, что все унести невозможно. Наложил столько, что еле смог оторвать от пола. Было понятно, что с таким баулом далеко не уйти. От отчаяния пнул сундук. Сжав зубы, отложил менее калорийные продукты, завязал все в узел.

Еще раз осмотрелся. Привлекла заколоченная дверь. Понимал, что лучше уйти, но любопытство взяло верх. Подсунул острый край топора под доску, со всей силы дернул на себя. Доска заскрипела, обнажая гвозди. Схватился за нее руками, потянул в сторону и, провернув, наконец оторвал. Со второй поступил так же. Замок сбил с одного удара, высекая искры о сталь. Схватил обрез и резко открыл дверь. Каморка три на три метра, выложенная светлым кафелем. По всей видимости, раньше была ванная комната. Невыносимый смрад от пота, грязи и испражнений ударил в нос. В углу, словно бараны, сбились в кучу человек восемь, может десять, запуганные и забитые, в лохмотьях, боясь посмотреть, кто открыл дверь. Ждали, наверное, кого заберут следующего.

Марс не первый раз встречал каннибалов, но все равно никак к этому не мог привыкнуть. «Консервы». Пленников таскали за собой, а когда приходило время, забивали и съедали. Проще было сожрать человека, чем найти еду. Продукты держали на крайний случай. Когда кончались живые «консервы», в ход шел неприкосновенный запас.

— Твою мать, — протянул он и сделал шаг назад.

Невольники впервые обратили внимание на вошедшего и зашевелились, будто единый организм. Марс медленно поднял свой мешок и закинул на плечо.

В темноте почувствовалось движение. Послышался разговор, то ли из комнаты, то ли с улицы. Марс подскочил к окну. Вдоль штакетника мерцали огни керосиновых ламп, мелькали тени, уже отчетливо различались голоса. Время застучало в ушах, зашумело, глубокий вдох, пауза, выдох, поворот головы, и снова вдох, пауза, выдох. Он кинулся к противоположному окну. Деревянные ставни разошлись. Разбить стекла — значит, выдать себя с потрохами. Дернул еще раз и еще, окно не поддавалось.

— Успокойся, парень. Все нормально. Нормально, — разглядывая окно, шептал он сам себе. — Надо же... — сверху вбиты два гвоздя и загнуты так, что не позволяют распахнуть ставни.

Залез на подоконник, кое-как пальцами отодвинул гвозди в стороны, спрыгнул вниз, дернул за ручку. Окно со скрежетом и скрипом подалось вперед. Холодный ветер ударил в ноздри, сквозняком пронесся по дому, где-то вдалеке с шумом хлопнула дверь. Выскочил на улицу и, что было силы, рванул на задний двор. Как оказался за забором, сам не понял. Позади был слышен крик и ругань.

Остановился он только в полной тишине. Бок жутко колот с непривычки. Пересохшим ртом хватал воздух. Небный язычок то и дело прилипал. Стал жадно есть снег. Все тело охватил жар, будто только что вышел из парной. Посмотрел на узел с припасами и засмеялся. В руке обрез. Хоть и с одним патроном, но все же оружие. Упал на колени, головой воткнулся в пушистую прохладу, завалился на бок, перевернулся на спину. Минуты две лежал. Пот тек по телу. Нужно идти. Идти на юг, идти спасать Катю. Вскочил, закинул на плечо свой тюк и остановился.

— Сука! Сука! Сука! — обернулся и посмотрел в сторону логова.

«Иди, Марс. Он сделал свой выбор! Ну же, иди! Да, ты жив потому, что он помог тебе, но и ты сделал для него многое! А что ты для него сделал, а? Ты сделал многое и для Кати — и где она теперь? А где Виктор? Вот зараза!»

Он спрятал узел с едой в кустарнике, еще раз проверил обрез, словно там могли появиться новые патроны. Нет, только один, хоть самому стреляйся. Он жалел, что впопыхах не захватил топор или молоток. Можно было бы обыскать и тех двух, которых он прикончил. Можно было

бы сделать кучу всего, но теперь не время об этом рассуждать. После драки кулаками не машут.

«Ладно! Посмотрим, на что ты еще годишься. Надеюсь, старик был прав. Людям нужно помогать». Он натянул ироничную улыбку и направился в сторону злополучного дома.

За сто метров стали слышны голоса. Марс лег в снег, остальной путь прополз по-пластунски. Притаился у забора, взвел курок на обресе. Сердце колотилось, словно бешеное. То ли от нервов, то ли от перенапряжения бок снова заныл, да так, что пришлось прикусить губу, сунуть лицо в холодный «пух» и переждать приступ. К опасности нельзя привыкнуть. Инстинкт самосохранения отсутствует только у дураков и самоубийц, остальные хотят жить. А в таких экстремальных условиях ты либо перестаешь думать совсем, либо соображаешь за десятерых. Пересиливая себя, он приподнял голову и подполз ближе, наблюдая через щель в заборе. Голоса стали четче.

— Долбаная кучка придурков! Ублюдки! Да как такое вообще могло случиться?! — орал здоровый мужик.

Он был ростом метра два, не меньше. Каменно-крепкий, в дубленке из овчины, в шапке из пушного животного, на ногах унты, на левом глазу пиратская повязка. В руке он держал кувалду, держал играючи, будто небольшой молоточек. Инструмент летал в воздухе вместе с его рукой, когда он жестикулировал. Змей словно не замечал в своей ладони молот.

— Твою мать! Оставил присмотреть за местом! Сто раз проверили город. Ведь никого не было, а тут на тебе! Плыли,плыли, у берега обосрались! Твари! Я вас кормлю, пытаюсь решить проблемы, а что в итоге?! Два трупа! «Консервы» чуть не разбежались, да еще, мать вашу, нас ограбили! Забрали НЗ! И кто, позвольте, будет за это отвечать?! А что б мы делали, если бы скотина сбежала?! То, что было в сундуке, нам на месяц! Теперь нас ополовинили! Как детей поимели нас всех!

— Змей, но так «консервы»-то все поймали, — попытался оправдаться один из членов банды, но тут же получил по морде.

— Еще бы вы их, суки, не поймали! Я бы тогда друг друга вас жрать заставил! Что говорит скот?

— Говорят, был один. Они его особо не рассмотрели.

— Вот дерьмо! У нас что тут, долбаный супермен завелся?!

— Змей, нужно у пацана спросить, что это за парень. Мы тут всё обыскали, не было тут никого! — снова заговорил получивший по роже, запрокинув голову, чтобы остановить кровотечение из носа.

— Не было! А теперь выясняется, что есть! Откуда этот пацан взялся?! Откуда взялся тот, кто нас ограбил?!

— Я же говорю, нужно малого тряхануть, — он сплюнул сгустки крови в сторону, поднял с земли снег и приложил к переносице.

— А ты прав, Солома! Тут ты прав! Приведите щенка! — проорал Змей кому-то в темноту.

Солома снял шапку, зачем-то ударил ею несколько раз о колено и снова надел, спрятав желтые, ближе к белому, волосы.

Андрея пригнали взащей, отвешивая тумачи направо и налево. Парень только успевал закрываться от ударов. Змей схватил несчастного своей огромной рукой и подтянул к себе.

— Кто он?!

— Я не знаю, — мальчишка затряс головой в разные стороны. Под глазом синяк, губа разбита.

— Хорошо! — Змей сделал жест рукой, и парня поставили перед ним на колени. Он поднял кувалду так легко, словно перышко, абсолютно не напрягаясь. — Попробую задать вопрос по-другому. — Обхватив рукоять двумя руками, он медленно приставил железный набалдашник к голове Андрея, отвел его на замах и снова медленно вернул к черепу, прицеливаясь к голове парня. — Так кто он?

— Я не знаю. Правда не знаю. Я просто нашел его, когда он жарил собаку. Он накормил меня, вот и все, а потом я помог ему с его раной. Его зовут Марс! Все, я больше ничего не знаю. Не знаю. Не убивайте меня. Пожалуйста. Умоляю, не надо. Я больше ничего не знаю! — Он разрыдался.

— Значит, Марс? Гаденыш, что нас ограбил, носит имя Красной планеты? — Змей опустил кувалду. — А слухи-то не врут. Да, парни? — В ответ раздался радостный гул. — Что ж, эта тварь далеко уйти не могла.

— Прикажешь прочесать все вокруг?

— Нет, Солома. Бегать в ночи за одним человеком все равно что искать черную кошку в темной комнате. Значит так, Пес, Краб и Овощ, отвечаете за ужин, — он кивнул на висящий на дереве труп. — Толстого и длинного тоже разделайте, не хрен добру пропадать. Этого молокососа — к «консервам». Шайтан, займись мясом! За жратвой обсудим обстановку, я назначу дежурных. Все, погнались. Остальные знают, что делать. И будьте так любезны, не прощелкайте его еще раз. Иначе я разозлюсь по-настоящему!

Марс лежал на снегу, боясь пошевелиться. Увидев Андрея, он прекрасно понял Виктора, который учил: лучше убить себя, чем попасть в лапы таких, как этот Змей. Ему было четырнадцать (наверное, столько же, сколько и Андрею сейчас), но он помнил это отчетливо.

Люди ворвались в их дом. Они чудом ускользнули и спрятались в кукурузном поле. Да, тогда еще были поля и росла кукуруза.

— Не бойся. Держи, — Виктор прижал Марса к себе, достал пистолет и вложил его в руку мальчишки. — Если они тебя найдут, тебе придется это сделать. Ты меня понял? Сюда, — он указал пальцем на

висок. — Это не больно. Ты не должен попасть к ним в руки. Сюда. Плавно на курок. Ты все понял?

Марс кивнул, в глазах стояли слезы, но он храбрился. Ему было страшно. Умирать всегда страшно. Но смерть бывает очень разной.

— Вот и хорошо. Молодец.

Он лежал перед забором, словно перед очередной чертой своей жизни. У него есть еда, есть медикаменты, есть все, что нужно, чтобы двигаться вперед, спасти Катю. Но там, за этой долбаной чертой, тот, кто помог ему, протянул руку и вытащил из бездны, дал ему возможность жить дальше. Рискнуть или поступить разумно? Он лежал в снегу, мерз и думал. Вспоминал о кукурузном поле, о том, как Виктор, отдав пистолет, вытащил нож, как его наставник оценивающе посмотрел на него. Сможет ли Марс выстрелить себе в голову? А если нет? Если испугается? Не так просто перейти эту грань и отодвинуть инстинкт самосохранения в сторону. Теперь он понимал, для чего Виктор достал нож. Если бы он не справился или пистолет дал осечку, его наставник, его приемный отец взял бы все в свои руки. Прирезал, убил самое дорогое в своей жизни. И ради чего? Ради своих идей? Ради веры? Или ради того, чтобы участь Марса была не столь тяжелой? Или была другая причина? Неужели в каждом из нас живет нечто такое, о чем окружающие не догадываются? Марс уткнулся лицом в снег. «Нет! Такого не может быть! Моя мать, мой отец, Виктор — они бы отдали за меня свою жизнь. Марс, тебя испортил этот мир. Хватит. Думай, как помочь парню! Думай, долбаный засранец, и перестань мечтать о том, как слинять отсюда! Хотя ты единственный, кто может помочь Кате...»

Он наблюдал за тем, как потрошили трупы на улице, расчленяли их и жарили части на костре. Морозный воздух вокруг наполнился ароматом жареного. При всей рвотной картине запах был прекрасен, желудок урчал, а слюна предательски наполняла рот, так что ее приходилось постоянно сплевывать. Чтобы хоть как-то утолить голод, он стал жевать снег, растапливая его во рту и глотая ледяную воду. «Я никогда тебя не оставлю! Понял?!» — голос Виктора врезался в мозг. «Хорошо так говорить, если ты уже мертв», — возразил Марс в своих мыслях. Он приподнялся и, пригибаясь, пошел на полусогнутых ногах вдоль забора. Несколько раз обошел периметр. Все бесполезно, их слишком много, и они хорошо вооружены, еще бдительней охраняют Андрея, запертого в душной, темной, вонючей комнате вместе с остальными, которые также решили пожить подольше, испугались смерти, испугалась сделать правильный, хотя и трудный выбор.

Повалил крупный снег. Это на руку: занесет следы. Змей не глупец: выслал трех человек проверить территорию. Двоих из них Марс видел на

перекрестке, третьего — впервые. Прошли мимо, не заметили его в темноте, покружились с полчаса и вернулись.

До утра Марс пролежал в сугробе, всю ночь взвешивая плюсы и минусы. Жутко замерз. Минусов было куда больше, чем плюсов. Один против банды головорезов. Убьет себя, да и только. А если он погибнет, то не спасти Катю, если она вообще еще жива. Впрочем, этого он наверняка не знал. Зато он знал, что Андрей уж точно труп, если он не вмешается. Они все мертвецы, просто боятся осознать это. Если бы его заперли с ними, он бы попросил придушить его или сломать ему шею, да все что угодно, лишь бы смерть была легкой. А они и правда бараньи консервы: стоят гуртом, ждут своей очереди, а может, мечтают о том, что их помилуют. Какой же бред!

В доме послышалось движение, часовые засуетились. После трапезы Змей выставил почти всех своих людей на улицу. Они стояли на виду друг у друга вокруг дома. Смысла лезть не было, пристрелили бы еще на подходе. За час до рассвета главарь каннибалов снял с постов своих людей, и банда стала собираться в дорогу. Вывели пленников, среди них был и Андрей. «Консервы» стояли в рядок, на шее у каждого веревка, на поясе тоже, руки связаны за спиной. Четверо вытащили сундук, продев длинные палки в специальные петли по бокам у него. Через двадцать минут колонна тронулась. В центре Змей и ребята с сундуком, плюс пленники, остальные по периметру с оружием наготове. Двинулись на юг, наверное, до следующего поселка, а может, решили вернуться к общине.

Марс лежал еще час и только потом вылез из-под снега, зашел в дом, где угли были еще теплые. В кострище валялись кости, пакет от макарон — гарнир, мать их. Дрожащими руками сгреб огарки в кучу вместе с костями, раздул небольшой огонек. Снял со стены полку и подкинул в огонь. Разломал плетеный стул-качалку, который дал хороший жар. Сидел у огня больше часа, никак не мог согреться. Мыслей в голове уже не было. Все передумал за ночь. Хорошо хоть не ударили морозы, а то бы зачоченел насмерть. Подкинул еще дров и пододвинулся вплотную к огню. У каждого есть выбор, и это священное право каждого. Так говорил Виктор, а ему вроде как говорил Михаил, посланник Бога. Какая чушь! От этих мыслей он дернул щекой и поежился.

Когда согрелся, вернулся за рюкзаком с медикаментами и узлом с едой. Вышел из города и двинулся на юг. К вечеру наткнулся на следы группы Змея. Они уходили в лес, скорее всего для привала. Пошел краем. Сам остановился в овраге. Ночью из леса доносились страшные звуки, кто-то орал, просил пощадить. Одно и то же, все просят, но Марс не знал ни одного, кого пощадили. Под этот крик он достал жестяную банку и, дернув за кольцо, открыл. Не спеша ел, а точнее, грыз рыбные консервы. На холоде они смерзлись в единый кусок. Рыбные консервы напомнили об Андрее, но он только мотнул головой, засунул очередной кусок в рот.

Костер разводить было опасно: люди Змея могли выйти в дозор и увидеть дым. Облизал пальцы, упаковал все обратно бережно, как святыню, и, не ложась спать, отправился подальше, чтобы больше не видеть и не слышать никого и ничего. Чувства свои запихал так глубоко, как только мог. А он мог. Его предавали, обманывали и пытались убить не один раз. Так что единственное, что он сейчас хотел, — это просто найти Катю или хотя бы узнать о ней. А тот парень... как его... Андрей. Что ж, он бросил его первый. Напоследок Марс остановился и обернулся, посмотрел на полоску леса, покачал головой, дернул плечами, чтобы поднять свой груз повыше на спину, и двинулся в путь.

Глава VII

БЛОКПОСТ 44

Монотонное рычание двигателя контрастировало с неритмичной тряской от разбитой дороги. В кузове грузовика по бокам сидели вооруженные люди в черной униформе и военной обуви. У большинства на головах были темные шлемы, похожие на мотоциклетные. На общем фоне выделялись только человек с мечом и сидящий рядом с ним офицер в красном шлеме, на затылочной части которого красовался рисунок в виде черепа. Некоторое время ехал с ними еще один человек — в алом балахоне, держался отдельно от остальных, все смотрел на Катю с нескрываемой ненавистью. Сейчас его не было. Этого странного типа оставили, когда проезжали маленький городок, разделенный оврагом. Девчонка прищурилась, осмотрела солдат. Таких Кате видеть еще не приходилось. Четкая организация, единый механизм, подчиненные слушались командира беспрекословно. Генерал — так они называли своего главаря — в плаще с капюшоном сидел спиной к кабине и точил меч. Движения были плавные, ровные, даже немного гипнотизирующие, хотя автомобиль ужасно трясло.

В пути к ним присоединились еще два грузовика и один уазик. Двигались колонной практически без остановок уже почти сутки. Машину заправляли из бочек, находившихся тут же, в кузове, и источавших сильный запах солярки.

Генерал закончил свою работу, осмотрел оружие, попробовал на остроту лезвие большим пальцем и убрал меч в ножны. Долго смотрел вперед, потом поднялся, постучал по крыше кабины и вытянул руку вверх. Колонна замерла.

— Привал!

Он скинул капюшон, и Екатерина впервые увидела его лицо. Темные волосы, пронзительные карие, почти черные глаза, в которых можно было исчезнуть, словно в бездне. Привлекательные черты лица, отдаленно напоминавшие Марса. «Странное сходство», — поймала Катя себя на мысли. Она почему-то любого сравнивала с ним. Впрочем, с кем еще ей было сравнивать?

После команды все зашевелились, каждый знал, что нужно делать. Началась заправка машин, многие пошли в кусты справить нужду. Выделялась только одна группа людей, развязно хохотавших. Одеты во что пришлось, небритые, грязные. Их было человек десять. Похожих убил Марс, перед тем как Катю похитили. Они изредка оценивающе косились на девчонку, что-то обсуждали и ржали. Ехали они в отдельной машине. Один из людей генерала вытащил из автомобиля ящик, подошел к этой группе и поставил на землю. Внутри была еда: сухари, консервы, еще какие-то банки. Те принялись их делить. Чуть не дошло до драки, но им тут же дали понять, чтобы они угомонились.

Генерал подозвал к себе человека, что-то шепнул на ухо и кивнул на девчонку.

— Пойдем, — схватив Катю за руку, боец потащил ее к краю кузова. — Спускайся! — Та послушно исполнила приказ. Он отвел ее в кусты. — Давай, делай свои дела. Дорога дальняя, больше останавливаться не будем.

— Может, отвернешься?

— Луций приказал с тебя глаз не спускать!

— И что? Теперь ты так и будешь на меня пялиться?

— Думаешь, я увижу что-то новое?

Боец сделал пару шагов назад, снял с предохранителя и передернул затвор автомата, висящего на груди.

— Только попробуй выкинуть какую-нибудь глупость. Поняла?

— Поняла, — недовольно пробурчала Катя и расстегнула молнию на штанах.

Когда вернулись к машинам, все ждали только их. Ее снова запихали в кузов. Внутри «Урала» оживило железное сердце, он дернулся вперед, оставив за собой облако черного дыма. Движение продолжилось. Луций достал из-под своего сиденья зеленый пластиковый контейнер и, словно собаке, швырнул армейский сухпак Кате.

— Жри давай! Еще не хватало, чтобы ты сдохла по дороге!

— Я его, по-твоему, зубами открыть должна? — проворчала себе под нос девочка.

В сантиметре от ее ноги в настил вонзился нож. От неожиданности она вздрогнула.

— Хочешь что-то сказать — говори, а не скули! Еще раз будешь шептать — зашью тебе рот нитками! И это не шутка!

Катя вытащила нож и, сжав его в руке, злобно посмотрела на генерала, на что он только усмехнулся, набросил капюшон на голову и откинулся назад. Она быстро вскрыла упаковку. От такого изобилия у девочки загорелись глаза. Каша с тушенкой, армейские галеты, было даже повидло, которое она видела впервые в жизни.

— Только не ешь все сразу — живот скрутит, а я с тобой здесь нянькаться не собираюсь! Да, и не забудь вернуть нож, — из-под капюшона появилась еле заметная улыбка.

Катя давно так не ела. И после того, как набила желудок, свернулась калачиком прямо на полу в ногах у сидящих и крепко заснула.

К вечеру снова пошел снег, стало подмораживать. От холода девочка открыла глаза и залезла на скамейку, начала растирать руки, дышать на озябшие пальцы. Луций, держась за поручень рядом с кабиной, стоял и смотрел вперед. Сколько уже ехали, а на пути никто не встретился, только бескрайние поля, кустарники да посадки, которые уже начали разрастаться, поглощая плодородную почву. Вдалеке, на самом краю поля, показались небольшие строения. В сгущающихся сумерках колонна двинулась в их направлении.

Минут через двадцать приблизились к домам, обнесенным высокой стеной из бревен, железа и камня. На вышке зажегся прожектор (тут даже было электричество) — луч света ударил по автомобилям, выхватил вооруженных людей, патрулировавших стену. Когда подъехали ближе, ворота открылись, и колонна въехала внутрь.

По всей видимости, это был дозорный или перевалочный пункт. Около пятнадцати разного плана домов прятались за спасительным ограждением. Четыре вышки с прожекторами по периметру не давали шанса подъехать незамеченными.

Луций спрыгнул с борта машины. К нему подбежал человек. Черная форма, на правом плече красная лента с серебряным черепом, в руке красный, потертый от времени шлем, точно такой же, как и у офицера в машине, только хуже сохранившейся. Человек ударил себя в грудь и откинул руку вверх. Луций кивнул ему в ответ и сбросил капюшон.

Личный состав повыскакивал из домов и построился в две шеренги по десять человек. Остались только часовые на стене. Катя прикинула: всего тут двадцать пять человек, если в домах больше никого нет. Как оказалось позже, увидела она только солдат — жители этого местечка еще не вернулись с работ.

— Докладывай! — Луций размял шею и поставил руки на пояс.

— Две недели назад группа из шестнадцати человек пыталась пройти на юг, атаковала наших рабочих. Скорее всего, разведгруппа, искала дорогу в Новый Рим.

— Всех перебили?

— Половину. Остальные ушли. Трупы свалили в общую яму, присыпали землей, одежду и инвентарь сложили на складе.

— Среди наших потери есть?

— Среди солдат нет. Четверо рабочих погибли.

— Хорошо, — Луций одобрительно кивнул. — Что еще?

— В десяти километрах от нас появилась крупная банда. Пришли с запада, разговаривают не по-нашему. Думаю, те, с кем мы схлестнулись, были из их числа.

— Может, каннибалы Борова? Он всякое отребье собирает. Шастают где придется.

— Вряд ли. Они хоть и отмороженные на всю голову, но под нами ходят. Наши границы знают. Да и нападать им зачем? Они ж понимают, что их тогда ждет.

— Может, люди Князя?

— Я думал об этом. Но тоже не похоже. Нет. Они явно нездешние. Пока заняли окраину города рядом с нашими рабочими. Охраны там у нас всего пять солдат. Есть вероятность, что ограбят, разорят все там, а потом на нас пойдут. Их разведка уже была замечена. Наблюдали за нами вон из того перелеска.

— Почему не послал подмогу к нашим работникам?

— Чужаков человек тридцать, вооружены. Лучше встретить их тут. Понесем меньше потерь. Если рабочих перебьют, то проще послать туда новых. Тем более мы не знали, когда вы вернетесь.

— Ладно. Накормите людей, пускай отдохнут. Сергей!

— Да, генерал! — с машины спрыгнул офицер в красном шлеме.

— Пошли Самурая, пусть посмотрит, что да как там. Утром примем решение, что с ними делать. Девчонку заприте.

Катю провели, а точнее, протащили через двор и затолкали в сарай. На удивление, в нем оказалось тепло — наверное, от наваленной в углу соломы. Глаза быстро привыкли к темноте. Она направилась к копне, по пути споткнулась о ведро — видимо, стояло тут для естественных нужд. Недолго думая, Катя улеглась на солому и немного поерзала, приминая ее для удобства.

— Тоже не повезло тебе? — раздался голос из темноты. Екатерина вздрогнула и вскочила. — Ха-ха-ха! Не бойся, не трону. Да и не смогу при всем желании.

Черное пятно у стены зашевелилось и приподнялось, неловко встало, зазвенели цепи, и только теперь Катя смогла разглядеть мужчину. Он стоял немного сторбившись, на нем был ошейник, цепь от которого, раздваиваясь внизу, опутывала ноги. Ремень на поясе был пристегнут к стене.

— Да не бойся ты. Меня зовут Володя. Хотя какая теперь разница, как кого зовут...

Катя молча смотрела на незнакомца. Она прекрасно помнила наставления Марса: «В этом мире друзей нет, и не стоит их заводить. Каждый сам по себе. Никому не верь». Она медленно села на солому.

— Добро пожаловать на блокпост номер сорок четыре, одно из многочисленных заградстроений «Огненных братьев». Жаль, что тут особо не задерживаются такие, как ты.

— А такие, как ты?

— О-о-о-о! А такие, как я, тут вообще редкость, — рассмеялся Владимир.

— Это еще почему?

— Ну, немногие осмеливаются ослушаться приказов. А я — вот, — он схватился рукой за цепь, протянул ее вперед и снова захохотал.

— Что тут смешного?

— Да все! Разве тебе так не кажется? Все, что происходит сейчас, — это просто-напросто какая-то нелепая трагикомедия. Сейчас я это понимаю как никогда.

— Да неужели?

— О-о-о-о-о да! Ты уж поверь мне. Сейчас я стал видеть гораздо лучше. — Он опять засмеялся, потом внезапно затих и спросил: — Как ты сюда попала?

— Тебе какая разница? — огрызнулась Катя.

— Да никакой, в принципе. Просто хочу поговорить напоследок. Я слышал шум моторов грузовиков. Значит, приехал генерал. А из этого следует, что жить мне осталось недолго, так что я просто хочу поболтать.

— Они что, убьют тебя?

— Ну конечно. Сначала разыграют суд, типа у нас тут цивилизованное общество, а потом в лучшем случае пристрелят. Я на это очень надеюсь. Или повесят. Это тоже было бы неплохо. А так фантазия у Луция богатая. — Он вновь начал смеяться.

— Что же ты сделал?

— А что, в наше время нужно что-то сделать, чтобы тебя убили?

— И все же?

— Я был против, так сказать, их политики. Позволил себе немного поверить.

— Поверить? Я не понимаю.

— Чего тут непонятного? Вера. За нее всегда приходится страдать. Какая ирония, — он развел руки и прогремел цепями. — Теперь в этом мире, если ты не можешь сделать выбор, за тебя его все равно делают. И я понял, что у нас осталось лишь то, про что мы все забыли.

— И что это?

— Вера. Ее нельзя отнять у нас.

— У кого у нас?

— У людей. У всех людей, — тяжело вздохнул Володя.

— А-а-а-а, ясно. Лучше расскажи, кто эти фанатики.

— А что про них рассказывать? На юге рядом с морем стоит их город. Они называют его Новым Римом. Как смешно! Раньше это был

неприметный городишко, даже не помню его название. Хорошее расположение. С одной стороны — Миусский лиман, с другой — большой залив. Попасть в город можно по двум дорогам, которые хорошо охраняются. Они отгородились стеной, и теперь это крепость. Ну а потом они стали расширяться на север. Настроили блокпостов. Теперь ни одна мышь не проскочит мимо них. Сейчас активно подминают под себя различные общины и группы. Похоже, готовятся к войне. Раньше они захватывали пленников и превращали их в рабов, но потом это стало невыгодно. Лучше держать жителей, которые и так будут благодарны за то, что им дают кров, работу, охрану и еду. Такие люди гораздо лучше невольников. Да и следить за ними не нужно.

— Но есть и другие общины.

— Есть, и довольно много. Есть еще даже такие, которые могут посоперничать с «Огненными братьями». Но скоро Луций их покорит. Нельзя чувствовать себя в безопасности с сильным соседом. — Володя опять рассмеялся. — У генерала есть цель, есть идея, которая им движет, а у других ее нет. И в этом его сила и слабость остальных.

— Он что, хочет все захватить, чтобы построить новый мир?

— Нет, он просто хочет все захватить. Власть ради самой власти. Вот его цель. Луций — это вирус, смертельный вирус. У болезни ведь нет цели овладеть носителем. Она просто убивает его, вот и все.

— Откуда ты это знаешь?

— Я долго был офицером в его армии. Управлял этим местом. Теперь я вот тут в цепях. Система не любит, когда ей возражают. — Он сполз вниз по стенке. — Странно, почему тебя не убили?

— Я не знаю, — пожалала плечами Катя.

— Значит, на это у них есть свои причины. Они делают все неспроста.

— Они?

— Да, они. Боги. Ты веришь в Господа? — После вопроса раздался смех.

— Да иди ты! — буркнула Катя и зарылась в солому. — Дурак, — добавила она себе под нос, а ее собеседник еще какое-то время закатывался от смеха, потом затих.

Она быстро уснула. За долгое время впервые ниоткуда не дуло, было тихо и тепло.

— Эй! Эй! Да проснись же ты! — голос Володи звучал будто издали. Было уютно и не хотелось подниматься. — Эй! Девчонка! Ты меня слышишь?!

— Да чего тебе?!

Высоко в крыше было четыре окна, из которых в сарай лился утренний свет. Воздух был влажный, и от этого на стеклах образовались

капли. Катя зевнула, обернулась и только сейчас увидела своего ночного собеседника. Мужчина сидел на полу, его голова была повернута в сторону, немного опущена, словно он вслушивался в то, что она делает.

— Утро настало, — проговорил он и попытался улыбнуться, но как-то странно и даже немного жалко.

Его задорный смех растворился с наступлением рассвета. Крепкий, широкоплечий. Сразу видно, что очень сильный, потому-то его и спутали по рукам и ногам. Черные штаны, как и у тех парней, что были в грузовике, грязная рваная светлая майка в кровоподтеках, босые ноги.

— Вот и все, — усмехаясь, повернулся он.

И Катя заметила, что у него не было глаз. Вместо них только черная, запеченная кусками кровь.

— Очень больно? — девочка подошла ближе и остановилась в паре метров от него.

— Жить вообще больно, — Владимир повернул голову на звук и натянуто улыбнулся.

— Тебе страшно?

— Да. Мне страшно.

— По тебе особо не скажешь.

— Думаешь, если я буду биться в истерике, это мне поможет? — Он поднял голову. — Надо же, когда тебя лишают зрения, все равно остается свет и тьма. Ты различаешь их даже без глаз. Жаль осознавать, что нашему миру настает конец. Эта предсмертная агония продлится недолго. Мы всего лишь пешки.

— Пешки? Какие еще пешки? О чем это ты?

— Нами играют. У богов свои игры. Вот только понять их мы вряд ли сможем.

— Никаких богов нет! Максимыч придет за мной и спасет. Они еще пожалеют о том, что меня схватили, — сквозь зубы прошипела Екатерина и шмыгнула носом совсем по-детски, с обидой.

— Максимыч? Глупое имя!

— Ничуть не глупое! У него имя бога войны! Ясно тебе?

— Что? Что ты сейчас сказала?!

— Меня спасет мой друг.

— Его зовут Марс? — шепотом произнес Владимир и стал качать головой и кусать губы. Катя, недоумевающая, смотрела на него. — То есть твоего друга зовут Марс?

— Да. Его так зовут. И он убьет любого за меня! Знаешь, какой он?

— Ш-ш-ш-ш! Тише! Значит, пророчества не врут.

— Какие еще пророчества?

— Зверь ищет зверя. Проповедники «Огненных братьев» внушают всем подконтрольным общинам, что придет зверь с именем Красной планеты, дабы отправить всех в геенну огненную. Генерал охотится на

человека по имени Марс. Я ходил с ним на вылазки. Мы искали твоего друга. Теперь понимаю, почему ты еще жива. Они используют тебя как приманку. — Послышались шаги за дверью, звон ключей и скрежет замка. — Грядет война! Понимаешь?! Последняя для человечества война! Многим осточертел Новый Рим и его порядки. Те, кто сопротивляется насаждению законов Александра, видят в твоём друге мессию. Спасителя! Послушай меня! Слушай! Не верь им! В особенности не верь стерве Луция! Она может все представить в другом свете. Не верь никому. Верь только своему сердцу, и оно тебя направит на истинный путь. Если твой друг тебя найдет, если такое случится, бегите! Бегите как можно дальше! Зло порождает зло! Трудно отказаться, когда тебя возводят до уровня бога! Генерал тоже не был таким, его вознесли на вершину и показали изнанку мира. Твой друг может угодить в те же сети. Благими намерениями выстилается дорога в ад! Есть только один Создатель! Но мы забыли про это! — Когда дверь открылась, Владимир замолк, но потом рассмеялся. — Что, петухи уже пропели? Пришли прихвостни долбаного ублюдка и ведьмы! — ржал он, скалясь в злобной гримасе. — Он вас всех утащит за собой в преисподнюю! Все будете жариться в пламени ада, а Сатана будет хохотать над вашими муками! Очнитесь, пока не поздно, и возлюбите Господа нашего и Сына Его, Иисуса Христа!

Четверо солдат подошли к Владимиру, который продолжал нести ахинею, расстегнули цепи и вытащили на улицу. Он пытался сопротивляться, кричал что-то про бога и дьявола. Его было слышно еще долго, а потом все затихло. Екатерина сидела на полу, ошарашенная, смотрела на открытую дверь сарая, яркий свет слепил глаза. Она не спеша поднялась и направилась вперед, но, когда до выхода остался один шаг, из-за угла вышел Луций. Плащ покачивался от еле уловимого ветра, на голове, как обычно, был капюшон, левая рука лежала на рукоятке меча, крепкое тело сковывала чешуйчатая кольчуга. От неожиданности Катя отшатнулась назад, оступилась и упала. Луций посмотрел на нее, затем медленно потянулся к двери и прикрыл ее.

— Генерал, мы ждем только вас, — прозвучало, когда в проеме исчез последний луч света. Катя услышала звук закрывающегося замка.

Глава VIII

«ЧЕМ Я ХУЖЕ СОБАКИ?»

Марс шел третью ночь, спал урывками, опасаясь, что его будут искать. Пробираясь вдоль длинного оврага, который когда-то наполняла река, он еле поднимал ноги от усталости. Повалил снег. Марс обернулся и прислушался. Все спокойно. Задом по своим же следам вернулся метров на двести назад, до небольшого деревянного, чудом сохранившегося мостика, спрыгнул вниз и расположился под ним. Обосновался на промерзшей земле, лег и смотрел на темные доски, покрытые пыльной паутиной и инеем. Затем открыл банку тушенки, рукой доставал мясо и долго пережевывал, наслаждаясь каждым куском. Сейчас бы пару одеял для полного счастья или костер, но первого не было, а второе крайне опасно.

Как отключился, и сам не понял, но тут же открыл глаза. Ветер стих, а снег сыпал по-прежнему сильно. Марс снова прислушался. В голову полезли мысли об Андрее, но он решительно отбросил их. Перевернулся на бок, съежился, поджал к груди ноги, обнял их руками, снова задремал. Спал до рассвета беспокойно, то и дело просыпался, слушал. Один раз даже показалось, что кто-то прошел по мосту. Потом час лежал в обнимку с обрезом, вслушиваясь в тишину.

Когда настало утро, он наконец вылез из укрытия. Снегопад стал стихать и вскоре прекратился вовсе. Ровная поверхность, белоснежная целина. Марс накинул рюкзак на плечи, взял узел с едой, в другую руку — обрез и двинул дальше на юг.

В голове с самой ночи засела мысль, что нужно найти карту и компас, нужны тряпки и сумка через плечо, чтобы это все можно было тащить. Да, все это было нужно, но для этого снова придется заходить в какой-нибудь город, чего он совсем не хотел делать.

Через полдня пути вышел на разбитую заметенную дорогу: когда-то, наверное, это была автотрасса. Пошел по ней в надежде увидеть указатели. Где-то же должен быть город? Спустя еще один день пути заметил ржавую табличку. Облупившаяся белая краска, видны только две последние буквы — «ль». Что это? Город? Деревня? Село? Марс долго думал, жуя галеты. По привычке осмотрелся по сторонам — никого,

словно он был один на необитаемой планете. Вскоре достиг окраины города. Разрушенная, разграбленная, серая и унылая местность. Впрочем, обычная картина, к которой пора бы привыкнуть. Стал продвигаться, прячась за развалинами. Кто знает, кого можно встретить? Дома с выбитыми стеклами, покосившимися дверями и обрушившимися крышами. Большинство частные, где-то вдалеке обособленно стояли трехэтажные многоквартирные, за ними — большой завод, еще дальше — огромное здание элеватора.

Забрался в один из домиков, выбрал самый неприметный. Расположился в комнатухе, нашел лист железа, по-видимому, с крыши, уложил его на пол, подставил кирпичи, накидал палок для костра. Прежде чем заночевать, решил обойти округу, осмотреться.

Увидел неподалеку колодец. Вокруг множество следов, замерзшая пролитая вода. Бетонные кольца уходили глубоко в землю, внизу — ровная чистая гладь. Отложил в сторону обрез. Аккуратно опустил помятое ведро вниз и вытащил немного прозрачной воды, зачерпнул в ладони. Пальцы обожгло холодом. Аккуратно понюхал, с опаской попробовал на язык и только потом выпил. Долго черпал пригоршнями воду. Пил и пил. Ледяная, с особым привкусом. Казалось, что вкуснее именно этой воды в жизни не пробовал ничего.

— Эй! — окликнули его словно из преисподней. — Заблудился, приятель? — Марс медленно разогнулся. — Руки подними и повернись.

— Я просто шел мимо и увидел колодец. Я сейчас уйду, — чеканя каждое слово, он поднял руки и повернулся.

— Ну, это теперь вряд ли, дружище, — усмехнулся человек в овечьем полушубке и шапке с помпоном.

В трех метрах от Марса стояли трое. Он так и не понял, откуда они появились. Человек в полушубке направлял на него пистолет Макарова. Второй был похож на фрица, попавшего в плен под Сталинградом: рваная шинель, голова замотана шерстяным платком, в левой руке копьё, вместо наконечника приделано полотно косы. В правой руке он держал бечевку, накинутую на шею пленника с мешком на голове. Торс у пойманного парня был обнажен, из одежды — только рваные штаны. Он стоял на снегу босыми ногами, посиневшими от холода, держа руки за спиной. Вся его одежда и связанные шнурками ботинки висели у фрица на плече.

— Я просто шел мимо. Я уйду, и все. Каждый пойдет своей дорогой.

— Будь так любезен, сделай пару шагов в сторону от колодца, а то, я гляжу, у тебя там игрушка припрятана. Дернешься резко — пристрелю. И давай-ка начинай раздеваться.

— Да пристрели ты его сразу! Какого хрена с ним нянчишься?!

— Слышь, умник, я потом отстирывать кровь со шмоток не собираюсь!

Марс отошел в сторону, расстегнул куртку.

— Иди лучше заberi обрез!

— Так у меня это... — фриц дернул за веревку, пленный подался вперед.

— Да брось ты свою куклу! Не убежит он никуда! Достал уже с ними! Каждый раз с тобой одна и та же история! Нужно было кончить его, как и остальных! Сказал же Хищник, пленных не брать! — он отвесил напарнику подзатыльник.

— Да чё ты?! Это не пленный! Это моя игрушка! Домашнее животное.

— Придурок! Иди поднимай обрез, я сказал! Хорошо, что родители померли и тебя не видят. Горе, а не брат! — заорал человек в полушубке и снова отвесил ему подзатыльник.

Фриц обиженно посмотрел на брата, помедлив, вонзил копьё острием в снег и направился к Марсу. Тот уже снял куртку и держал ее перед собой в руках.

— Шаг назад сделай, — скомандовал ему человек в полушубке.

Марс послушно отступил, занимая удобную позицию. Как только фриц закрыл своей спиной брата, Марс резко накинул на его голову куртку, со всего маху толкнул на подельника, а сам прыгнул за ним следом. Через секунду все трое валялись на снегу. Между Марсом и старшим завязалась борьба. Марс залез сверху, выбил пистолет, с размаха несколько раз ударил головой в переносицу, отключив противника. Фриц, словно неваляшка, пытался подняться, поскользнулся на льду и снова падал. Когда ему удалось встать на ноги, Марс уже стоял перед ним с его же копьём в руках.

— Слушай, так мы это... — Копьё заткнуло ему рот.

Фриц упал на колени. Марс рывком вдавил острие глубже, упер древко в снег, чтобы тело не упало, сам подошел к его брату и резким движением ноги сломал кадык. Отдышавшись, обшарил мертвецов. Ничего путного не обнаружил, только канцелярский степлер. Какой от него толк? Они шли налегке, а это значило, что у них рядом была стоянка и эти двое принадлежали какой-то группировке. А если это так, значит, их будут искать. А это плохо, очень плохо. Он рассчитывал не ввязываться ни во что и оставаться невидимым. Не вышло. Марс надел свою куртку, поднял пистолет, вытащил обойму — полная. А вот это прекрасно. Засунул за пояс. Подошел к повисшему на копьё телу и пнул ногой. Фриц рухнул на землю.

— Вот дерьмо! — выругался Марс вслух и обхватил голову руками.

Стал приглядывать место, куда можно было бы спрятать тела. Его взгляд упал на лежавшего в стороне парня. Тот даже не шевелился.

— Эй? Живой? — Марс подошел и присел, дотронулся до него рукой. Тот вздрогнул, завыл и съежился в ожидании побоев. — Да успокойся ты. Все нормально. Я тебя сейчас развяжу, только без

глупостей. Начнешь орать — вырублю и оставлю тут замерзать. Ты понял? — Парень промычал что-то невнятное. — Ладно, черт с тобой.

Развязал руки, снял с шеи петлю, скинул мешок с головы и поморщился от увиденного.

— Вот блин, — он цокнул языком и почесал висок.

Испуганные глаза, разбитая бровь и переносица с запекшейся кровью. Губы скреплены между собой железными скобами. Теперь понятно, для чего был нужен степлер.

— Так, ладно, не дергайся, — Марс потянулся к парню, но тот по инерции шарахнулся назад. — Да успокойся ты. Спокойно. Нужно вытащить эту хрень. Понял? — Пленник нерешительно закивал головой. — Будет немного больно, наверное.

Марс по одной вытащил железки из парня, тот морщился, скрипел зубами, но терпел. Когда закончил, бедолага с трудом смог разжать губы и пробормотать что-то невнятное вроде «спасибо».

— Оденься, пока не заоченел вовсе.

Парень, дрожа всем телом, стал кое-как натягивать на себя одежду. Марс тем временем снял с мертвеца полушубок, оценивающе осмотрел, понимая, что в нем будет неудобно, хотя и тепло, и протянул парню. Тот снова начал благодарить, но Марс пропускал все это мимо ушей.

— Сколько их было всего? Двое или есть еще?

— Много. Мою группу перебили, меня вот... Роман, — он протянул своему спасителю руку. Кровь, перемешанная со слюной, вытекла изо рта.

Марс равнодушно взглянул на парня. С него хватит друзей.

— Обуйся и помоги спрятать тела, — отвернувшись, сказал он и, схватив за ноги труп, потащил к ближайшему дому.

Когда все было закончено, они убрали следы крови. Земля возле колодца приобрела прежний вид. Марс поднял обрез и стряхнул с него снег.

— Чего встал? Можешь валить. Тебя никто не держит.

Роман затряс губами, прикрыл лицо и зарыдал. Марс подошел к ведру, где оставалась вода, зачерпнул в ладонь, сделал несколько глотков и пошел прочь. Вслед снова услышал что-то вроде «спасибо», но, возможно, ему это и показалось.

Шел не оборачиваясь, петлял часа два по разным закоулкам, прятался, ждал, смотрел, нет ли хвоста. Уже затемно пробрался в дом, в котором остановился. Сел возле подготовленного места для костра, достал зажигалку, потряс ее над ухом — бензина осталось не так уж и много, — развел огонь. Ночь навалилась, словно огромный зверь. Тьма поглотила все в момент. Стало темно, как в могиле, и так же тихо, лишь потрескивал небольшой огонек, от которого веяло хоть каким-то теплом. Нужно было отдохнуть, а потом пройти по окрестностям, поискать сумку, а то с

тюком в руках таскаться не очень удобно, заодно пополнить запасы, если получится. День, не больше. И снова в путь.

Марс сидел у костра и никак не мог заснуть, думал о прошлом, Викторе, Кате. Из головы не выходил и этот парень, Андрей.

Сколько Марс себя помнил, Виктор внушал ему: «Ты избранный». Говорил, что Марс выше остальных, ибо рожден для спасения мира. Что верит в это, так как с ним разговаривал сам архангел. Марс усмехнулся. Вспомнил о том, как любил выпить его наставник. По синьке Виктор разговаривал не только с ангелами. Жаль, что его сейчас нет рядом. Теперь бы он с удовольствием послушал о своем предназначении и спасении человечества. Спасении от кого? От людей?! Он что, Божий сын? Даже смешно. Ему тоже придется дать распять себя на кресте ради дурацкой веры? Какая глупость. Да, раньше была вера, были храмы. Теперь не осталось даже надежды. Снова вспомнилось детство.

— Я не могу больше! Я устал! Понимаешь?! — Марс опустил руки, волосы прилипли ко лбу, пот тек ручьями.

Второй час он тренировался с Виктором, тело горело. Мышцы настолько забились, что и не ощущались вовсе. С утра он пробежал десять километров, потом плавал в прохладной реке, затем тренажеры, а теперь Виктор истязал его в спарринге. И так изо дня в день, отдыхать он разрешал только в воскресенье. Интересно, когда он стал верующим? Об этом Виктор всегда умалчивал. Да и вообще он редко говорил о себе, все больше о Марсе, о том, что он должен, что он обязан, что он, и только он.

— Подними руки. Держи стойку. Никогда не сдавайся. Первый и последний раз я слышу о том, что ты устал. — Виктор сделал шаг навстречу, и его рука устремилась вперед. Марс еле успел уклониться. — Противник устает тоже. Побеждает тот, кто терпит. Запомни это. — Он снова атаковал, и Марс снова увернулся. — Я не всегда буду рядом. Ты должен уметь постоять за себя. Постоять за тех, кто будет рядом с тобой. Все, что я тебе даю, когда-то дали и мне. Научись терпеть — выживешь. Запомни это, Марс. — Учитель заходил вокруг парня, словно хищник. — Боль, страх, неприязнь к чему-либо — это все ничто по сравнению с одиночеством. — Снова удар, да такой, что даже через блок голова затрещала. — Когда тебе кажется, что ты уже не можешь, запомни — это тебе только кажется. Так что подними руки и нападай. Нападай через не могу, через красную пелену перед глазами, через подступившую к горлу тошноту. Сражайся за жизнь — или ее у тебя заберут.

Виктор был прав: терпеть боль и усталость куда легче, чем остаться одному и выносить одиночество. Марс снова вспомнил о Кате. В груди защемило. Он громко всхлипнул, закусил кулак зубами и повалился на

пол, начал безудержно рыдать в голос, не боясь, что кто-то услышит. Нервы иногда сдавали. В этот раз, возможно, оттого, что не смог уберечь ее, хотя и обещал, а возможно, оттого, что просто уже устал, а приходится терпеть и делать то, что уже, скорее всего, бессмысленно. Делать потому, что так его научили, потому, что по-другому он не умеет. Смерти он не боялся, это уж точно. Марс насмотрелся на нее сполна, и поэтому она его не пугала. Отдышавшись, он прикрыл глаза и провалился в пустоту.

Проснулся от кошмара. Приснилось, что Катю изнасиловали и убили, что она лежит в безобразной позе на грязном полу полуразрушенного дома. Полумрак. Потные грязные мужики ржут, словно лошади, не замечая, что он рядом. Облако мух облепило юное тело, уже источавшее зловонный запах. Он подходит ближе, а Катя отдаляется. Мерзких насекомых становится все больше и больше, они заползают ему в ноздри и рот, а он терпит и идет вперед. Ржание становится сильнее, а ему хочется убедиться, что это точно тело Кати... В ужасе Марс открыл глаза.

Уже рассвело, угли остыли, воздух стал морозным, одежда покрылась мелким инеем. Вставать не хотелось, но он заставил себя усилием воли, чтобы снова не заснуть и не увидеть тот же сон. Нужно было осмотреть городишко. Он спрятал в небольшом проломе в полу вещи. Пистолет сунул за пояс, с обрезом нужно было что-то придумать. Вышел на улицу. Нашел клочок бельевой веревки и привязал ее к обрезу, чтобы освободить обе руки. Перекинул через плечо и двинулся в путь.

Приметил большое здание. Табличка свидетельствовала, что когда-то это была школа. На ровном белом снегу следов не было. Медленно направился внутрь. Разбитое стекло, сломанные двери, длинные коридоры. Когда-то здесь давали знания, сейчас это место мертво, как и вся земля. Под ногой лопнул осколок, эхо разнеслось по помещению. На стене увидел надпись, точнее, стих, написанный мелом. Подошел ближе, стал читать.

Я никак не пойму, чем я хуже собаки?
Может быть, потому, что не лезу я в драки?
Может быть, потому, что не глажусь по холке?
На поверку во мне лишь сплошные иголки.

Я никак не пойму, чем я хуже собаки?
Может быть, потому, что скитаюсь во мраке?
Может быть, моя жизнь вам не так уж понятна?
Может быть, потому, что слегка я измятый?

Мне не надо от вас ни цветов, ни оваций.
Я полжизни прошел, научился кусаться,
Могу спать у двери и костями питаться.
Мне не надо от вас дополнительных танцев.

Я свой век доживу, как бы вы ни хотели,
И свой стих допишу на обыденном теле,
И скажу только вам, хотя вам непонятно,
Я ведь жил только миг, остальное невнятно.

Чудак на букву М. 8.12.20...

Подпись заставила Марса усмехнуться. Год затерт, не разберешь.

— «Я ведь жил только миг, остальное невнятно», — Марс тихо произнес последнюю строчку вслух и отправился дальше.

Зашел в большое помещение. Много каркасов стульев и столов: сиденья и столешницы наверняка ушли на топливо. Отгороженное пространство с дверью и проемом для выдачи пищи. Обычная столовая. Зашел на кухню поискать что-либо пригодное. Нашел алюминиевую ложку, засунул в карман. Мятые поварешки, кастрюли. Все, что можно было забрать, уже забрали. Посмотрел под столами, наткнулся на ржавый кухонный нож. Деревянная ручка от сырости и времени уже почти сгнила, да и сам клинок был изрядно поеден коррозией.

— Ну, лучше, чем ничего, — одобрительно кивнул Марс, обтирая нож о свою штанину. — Подчистить, сделать ручку, и будет как новенький.

Он попробовал его на излом — нож изогнулся, но выпрямился обратно. Марс засунул его за голенище ботинка. Обойдя все вокруг, так толком ничего и не нашел, правда набрал в одном кабинете несколько кусочков мела. Зашел в спортзал и оторопел: тренажеры, гири, гантели, две штанги, четыре боксерские груши. Железо блестело, не ржавое — тут явно кто-то занимался. Попятился, взвел курок на обрезе, почувствовал, что кто-то на него смотрит, резко обернулся. В конце коридора, опершись руками о дверной косяк, стоял человек под два метра ростом, занимал весь проем. Марс направил обрез в его сторону.

— Я бы не стал делать резких движений или необдуманных поступков, — спокойно предупредил здоровяк и медленно полез в карман.

— Эй! Не вздумай! — крикнул ему Марс. Палец коснулся спускового крючка.

— Спокойно. Ты какой-то нервный.

Здоровяк, словно в замедленной съемке, вытащил из кармана пачку сигарет и зажигалку, достал одну сигарету прямо зубами, чиркнул зажигалкой и втянул в себя дым. Выдохнул сизое облако и будто невзначай кивнул головой в сторону.

— Ты бы в окно глянул, — произнес незнакомец и снова затянулся.

Марс отклонился назад, поворачивая голову. Его лицо чуть высунулось из-за угла. Увидел человек десять: у двоих ружья, один даже с

калашом, остальные с топорами, копьями, вилами, молотками. Все разношерстно одеты, стояли в кучке и болтали.

— Круто, — снова перевел взгляд на незнакомца Марс.

— А то! — Здоровяк сделал затяжку и выдохнул дым. Он ногой выдвинул из-за стены рюкзак и узел с едой, которые Марс спрятал в доме. — Твое?

Марс снова выглянул — кучка стояла на месте.

— Да, мое. Чего ты хочешь?

— Для начала просто поговорить.

— Хм. Ты обокрал меня и хочешь еще, чтобы я с тобой разговаривал?

— Ну, во-первых, я не крал. Это твои вещи, и ты вправе их забрать. Но ты пришел в мой город, и я хочу знать, кто ты. Если ты нормальный человек...

— Нормальный человек?! Сейчас что, остались такие? Нормальные?

— Не везде. Но в моем городе, точнее сказать, на моей половине нормальные все, а те, кто решили жить как скот, они и подышают как скот. Так что я хочу понять, кто ты, парень.

— Просто путник.

— Путник? Путники обычно ведут себя скромнее. А тут, знаешь, два трупа нарисовалось за сутки.

— Ты следил за мной?

— Конечно. Это моя территория.

— Те двое были твои люди?

— Слава богу, нет. А то бы я с тобой так мило не беседовал. Я же сказал, что в моих рядах скотов нет. Тебе повезло, что ты не зашел с другой стороны города. Там бы тебя прирезали, пока ты спал. И уж тем более не отдали бы тебе твои припасы. Кстати, спасибо за парня.

— За какого?

— Сам знаешь. Это мой человек. Я думал, что он уже не жилец. Его группу вырезали недавно.

— Ясно. Ладно. — Марс выдержал паузу, оценивая незнакомца. — Какие гарантии?

— Гарантии? — Тот покачал головой. — Никаких гарантий, так как я не знаю, кто ты, а ты не знаешь, кто я. Я располагаю только тем, что мне рассказали, и пытаюсь в это поверить. Единственное, что я могу тебе пообещать, так это то, что ты можешь взять это, — он двинул ногой вещи вперед. — Да, и можешь оставить оружие при себе. Но если начнешь чудить или, не дай бог, кто-то узнает в тебе какого-нибудь гада, я тебя убью. Можешь отдохнуть у нас. Можешь уйти, когда захочешь. Тебя никто не держит. Считай это благодарностью за моего парня.

— Слишком хорошо звучит, чтобы в это поверить.

— Согласен. Дьявол, которого ты знаешь, гораздо лучше дьявола, которого ты не знаешь. Но тебе придется пройти с нами, я не позволю чужаку самовольно расхаживать по моей территории.

Марс снова выглянул в окно, мужики стояли там же.

— Я так понимаю, выбор у меня невелик?

Незнакомец только ухмыльнулся, бросил окурок на пол и растер его ногой.

— Понятно. — Марс опустил обрез.

— Вот и прекрасно. Жду тебя на улице.

Марс какое-то время постоял на месте, поднял вещи и вышел наружу. Его сразу окружили, разглядывая, как некую диковинку.

— Ну что? — здоровяк подошел к нему. — Пойдем. Да не бойся. Хотели бы убить — давно бы убили.

— Многие пытались, — закидывая рюкзак за плечи, тихо пробурчал Марс и зашагал с людьми.

Шли по разбитой дороге длинной цепочкой, не спеша, молча осматриваясь по сторонам. Вскоре вышли на мост, по которому была проложена железная дорога. Ржавые рельсы, длинные, бесконечные, уходили вдаль за горизонт. Внизу ручейком текла река, маленькая, тощая, того и гляди загнется, как и все живое на этой планете. Табличка на мосту прострелена в нескольких местах, но еще можно прочесть название — «р. Битюг». С левой стороны зловеще возвышалась труба какого-то завода. Чуть правее — большое, в несколько этажей, здание, стекла выбиты, окна заделаны досками. Вся эта территория была ограждена бетонными плитами, в одной из которых виднелся пролом. Подошли к нему.

— Осторожней, — Марсу указали на еле заметную проволоку перед проходом.

Растяжку и впрямь не было видно. Все аккуратно переступили через нее, двое последних остались снаружи. Марс поднял голову и заметил движение на крыше.

— Наши глаза, — усмехнулся здоровяк, видя, как он посмотрел вверх.

— Неплохо устроились.

— Пришлось все налаживать с нуля.

Это была территория старого сахарного завода. Здание, к которому привели Марса, когда-то занимал один из цехов. Высокие железные балки, метров по десять каждая, впились в землю. Наверх можно было попасть по стальной лестнице. Территория вокруг была очищена от кустарника и мусора метров на двести. Рядом с убежищем стопками лежали бетонные плиты, игравшие роль укреплений. Между ними можно было легко передвигаться, оставаясь незамеченным. Как оказалось, все здесь было

напичкано ловушками, и пройти можно было только по специальным тропам. Когда поднимались, Марс заметил еще людей по периметру.

— Ты хорошо ориентируешься на незнакомой местности, смотришь именно туда, куда нужно, — раздался голос здоровяка, который поднимался за ним.

— Просто осматриваюсь.

— Ну-ну.

Поднялись. Открыли железную скрипучую дверь. Потянуло едой, странным, почти забытым запахом. Раздался детский плач, мимо пробежала с эмалированным тазом женщина в возрасте. В углу сидел, словно призрак, одноногий старик — длинные до плеч седые волосы, густая борода, на коленях двустволка. Он пристально смотрел на Марса повидавшими жизнь глазами, что-то жевал беззубым ртом. Свет проникал внутрь только из специально оставленных застекленных отверстий. На первый взгляд здесь было человек сорок, в основном старики, женщины и дети.

— Есть хочешь?

— Чего? — Марс недоверчиво посмотрел на здоровяка.

— Ладно, пойдем, — тот похлопал его по плечу и подтолкнул вперед.

Марс медленно пошел. На него смотрели, как на диковинного зверя. Он прижал ближе к себе тук с едой. «Неужто придется делиться с ними припасами?» Его подвели к большому столу, пригласили сесть. Марс настороженно смотрел на окружающих, ожидая какого-нибудь подвоха. Вот сейчас, сейчас, сейчас они покажут свое истинное лицо. Но ничего не происходило. Перед ним поставили железную миску с отварным картофелем.

— Ешь.

— Да у меня свое есть.

— Ешь. Твои припасы тебе еще понадобятся, если надумаешь уйти.

— Вы что, тут всех так встречаете? В чем подвох?

— Мы хотим тебя отравить, а потом забрать твои вещи, — нагнувшись вперед через стол, тихо прошептал здоровяк, а потом заржал во весь голос и ударил ладонью по столу. — Да жри ты, не бойся! Меня Паша зовут. Если что, я тут вроде главного. — Он вытащил сигарету и закурил.

— Марс.

— Как шоколадный батончик, что ли? — снова рассмеялся Паша, но уже наигранно, словно заранее знал, как зовут незваного гостя.

— Как планета, — недовольно парировал Марс, хотя сначала хотел сказать «как бог», но передумал. Он положил свои вещи возле ног, еще раз огляделся, взял в руки обжигающую картошку и стал чистить ее от кожуры. — Откуда такое добро?

— У нас тут свое подсобное хозяйство. Выживаем, как можем.

Откуда-то сверху слышались тихие шаги. По винтовой лестнице спускался человек в камуфляже, в руках снайперская винтовка Драгунова.

— О-о-о-о, а вот и наши глазки идут.

Глава IX

КАЗНЬ

Ожидание — что может длиться дольше? Катя сидела, обхватив колени руками и положив на них голову. Снаружи люди о чем-то громко разговаривали. Сколько прошло времени с того момента, как она осталась одна? Час или два? А может, минут десять? Она поднялась и стала ходить, разминая ноги и затекшее тело. Идя вдоль стен сарая, она постукивала рукой по выпирающим доскам, извлекая монотонный, но приятный звук «бам, бам, бам, бам». Тук. Маленькая рассохшаяся дощечка выскочила наружу. Катя лишь слегка поддела ее рукой — образовалась щель в пару сантиметров. Она просунула в нее пальцы и попыталась выломать доску побольше, но не получилось. Ударил по стене ногой. Все осталось как и было.

— Зараза! — выругавшись, она припала к щели.

Метрах в двадцати от места ее заключения на небольшой площади к высокому деревянному столбу был привязан Владимир. Чуть дальше толпилось человек двадцать пять — люди явно местные, не военные. Тут же построились солдаты, образовав букву П. Рядом с обреченным на смерть находился стол, за которым сидели еще люди. Луций стоял поодаль, скрестив руки на груди, и смотрел куда-то в сторону, словно его это все не касалось. На фоне остальных выделялась сухощавая старуха. Сгорбившись, она опиралась на палку, с пониманием молчаливо смотря то на генерала, то на приговоренного. Толпа орала. Владимир крутил головой, задрал ее вверх, пытаясь выхватить из общего шума хоть что-то внятное.

Один человек из сидевших за столом поднялся. Все затихли. Было плохо слышно, о чем он говорит, но после его речи раздались аплодисменты. Толпа возрадовалась. Катя понимала, что такое поведение людей не сулит ничего хорошего, особенно для того, кто стоит у столба. Владимир в ответ снова завел свою религиозную шарманку:

— «Вот что я отвечаю сердцу моему и потому уповаю: по милости Господа мы не исчезли, ибо милосердие Его не истощилось!»¹

¹ Плач Иеремии, 3:21–22.

Это Катя слышала отчетливо. Он пытался донести то, на что всем попросту было плевать. Владимир скандировал до хрипоты, останавливался лишь набрать в грудь воздуха и снова продолжал проповедь. В толпе пронеслось недовольство и раздражение, раздались свист и крик, подсказывающие, чтобы с ним уже кончали, но Луций почему-то медлил, ожидая, пока Владимир выговорится. Складывалось ощущение, что генерал понимал все, о чем говорил этот несчастный. Когда тот начал кричать про мессию и второе пришествие, Луций вздрогнул, словно пробудился ото сна, и скинул капюшон. Толпа затихла, и даже Владимир, казалось, почувствовал перемену. Его голос становился тише с каждым шагом Луция в его сторону. Генерал наклонился к уху осужденного, что-то произнес и сделал жест рукой. Из толпы вытащили гроб. Владимира развязали, он сопротивлялся. Потребовалось пятеро мужчин, чтобы затолкать его в деревянный ящик и заколотить крышку. Гроб подхватили под радостные крики толпы и понесли в сторону сарая. Люди следовали позади, ликуя.

Когда они подошли совсем близко, Катя спряталась, выждала время и снова вернулась к наблюдению, но отскочила прочь: с другой стороны на нее смотрел Луций. Через мгновение щелкнул замок на двери. Катя прижалась к стенке, как к чему-то спасительному. В проеме появилась мрачная фигура Луция, который быстрым шагом подошел к ней, схватил за руку и потащил к выходу. Девчонка упиралась, даже вцепилась зубами в руку, но тщетно. Он с легкостью вышвырнул ее на улицу.

— Тебе интересно, что происходит?

Она не успела произнести и звука, как он схватил ее за шею и сжал так сильно, что девочка присела. Луций резко пихнул ее вперед и повел за толпой. Они подошли к окраине блокпоста, где уже была выкопана яма. Люди расступились при виде генерала. Он тащил девочку, словно собачонку на привязи, и остановился лишь возле самого края канавы, куда уже опустили гроб, из которого все продолжала доноситься проповедь. Катя с ужасом смотрела вниз, боясь пошевелиться. Вокруг стоял гул, а из гроба монотонно лились слова о милости, человечестве и Боге.

— Знаешь, почему людям нравится насилие? — Луций склонился над ее ухом. Катя, словно листок на ветру, дрожа всем телом, мотнула головой в разные стороны. — Посмотри на них. — Он ослабил хватку, и она смогла обернуться. — Что ты видишь? — Она лишь пожала плечами, боясь взглянуть на него. Люди вокруг радовались, кричали, свистели, словно на празднике. — Ты видишь удовольствие! — прокричал он и пихнул ее в яму.

Екатерина ударилась головой о край могилы и упала на гроб, голос оттуда стал сильнее. Владимир кричал о мессии, который придет в этот мир и воздаст всем по заслугам.

— Закапывайте! — раздавался приказ сверху.

На Катю посыпались комья земли. Они валились на голову, падали за шиворот, мокрые, липкие, холодные. Мерзкая жижа текла по телу и лицу. Катя пыталась подняться, закрыться руками, глаза слезились, дышать становилось труднее, на зубах скрипела грязь. Толпа орала в радостном экстазе, а из гроба все еще доносились слова о любви к людям. Девочка не могла даже молить о пощаде: все силы уходили на то, чтобы закрываться руками от летящих сверху комков.

— Стойте!

Катя стояла уже по грудь в земле, похожая на чудовище: в комке грязи выделялись только покрасневшие из-за лопнувших капилляров глаза. Радостные крики затихли. Луций припал на одно колено и протянул ей руку.

— Хочешь остаться здесь? — на его лице появилась еле заметная улыбка.

Катя неуверенно схватилась за него, как за спасительную соломинку. Крепкая ладонь в кожаной беспалой перчатке обхватила ее ручонку и без особых усилий вытянула из могилы.

— Пошли, — он толкнул ее вперед. Его люди продолжили закапывать гроб, толпа снова взревела от радости. — Они получают удовольствие от насилия, — звучал голос генерала позади Кати. — Насилие — самый лучший наркотик для человека. Видеть страдания другого — что может быть лучше? Убери удовольствие из всего этого — и кому понравится смотреть на то, как потрошат человеческое тело? — Катя остановилась и развернулась. На ее грязном лице застыло то ли негодование, то ли удивление. — Ты не согласна с этим? Поверь мне, — он сделал жест рукой, давая понять, чтобы она шла дальше, — я не такой плохой человек, я просто делаю то, что должен делать. Старому миру пришел конец, и мне следует построить новый. Сейчас людям нужно насилие, и я даю им это. Нельзя создать что-то новое, не разрушив старое. Нельзя держать зверей в покорности, надеясь только на ласковое слово. А вот кнут они понимают, этот язык доступен всем. Постой!

Катя замерла на месте. Генерал подозвал к себе двух бойцов, стоявших в карауле.

— Растопите баню, пусть помоемся. Как отдохнет, приведите ко мне. И смотрите, чтоб никто к ней даже пальцем не прикасался!

— Так точно! — в один голос произнесли солдаты.

— Пошли, — скомандовал один из них девочке и кивнул в сторону.

Было видно, что оба из местных, так как вооружены и экипированы были куда хуже тех, что прибыли с Луцием. Один — в старой униформе, на поясе пистолет в выцветшей кобуре, в руке двуручный топор, похожий на колун. Второй — в полном вооружении: на голове шлем с поднятым треснутым стеклом, на плече помповое ружье, через тело перекинут патронташ с красными патронами.

Пересекли хоздвор, где содержались животные и страшно несло навозом. Спустились по деревянному настилу и подошли к отдельно стоящей постройке, где их встретила пожилая женщина. На вид ей было лет сто, не меньше. Невысокая и смертельно худая. Одета в длинное темно-коричневое пальто не по размеру, отчего подол был грязный. Скрючившись, она опиралась на палку. Седые длинные волосы торчали из-под неряшливо повязанного платка. Казалось, что смерть попросту забыла про нее. Именно эту старуху Катя видела в толпе во время суда над Владимиром.

— Слышь, старая! Помыть нужно, генерал приказал! — Катю подтолкнули вперед рукоятью топора, и она сделала несколько шагов по инерции.

— Дрова только переводить, — недовольно пробурчала бабка беззубым ртом и несколько раз причмокнула.

— Делай, что приказано! И зачем он только тебя держит?

— Сплю с ним, — она растянула в безобразной улыбке свой беззубый рот так, что показались гладкие десны, и снова несколько раз причмокнула.

— Тьфу! Мерзость! Пристрелить бы тебя! — сплюнув в сторону, произнес парень с топором и скривил рожу.

— Ты, милоч, заходи, если что. Я еще о-го-го что могу.

— Да иди ты! — он окатил старуху отборным матом и с напарником удалился.

— Ты чего это, со свиньями ночевала, что ль? Откопали страхолюдину. Ишь, мыть вздумал! Мужикам-то какая разница, чистая ты аль грязная? Чего вылупилась, заморыш? Давай, шевели булками! — она больно ударила своей палкой Катю по ноге, подгоняя ее, словно скотину. — Заходи давай. Сейчас протоплю печь. Принесло тебя на мою голову! Когда ж я сдохну-то?!

Скрипучая дверь отворилась, и в нос ударил приятный запах парной. Бабка пихнула девочку вперед, следом вошла сама, стуча клюкой по деревянному полу, зажгла две лампы. Осветилась небольшая комната с длинной скамьей, в углу стояла бочка с водой, с другой стороны лежали камни в железном коробе, с потолка свисали сухие березовые веники. Кате уже доводилось мыться в бане: пару раз они с Марсом растапливали заброшенные деревенские парные, но тут она все воспринимала с некой опаской. Старуха кинула дрова в каменную печь, развела огонь и прикрыла чугунную створку своей палкой. Она вела себя так, будто была одна, не замечая девочку. И только спустя примерно час пробурчала:

— Ну вот, теперь уже тепло стало. Раздевайся. — Бабка зачерпнула деревянным ковшом воду и плеснула на камни, раздалось шипение, по комнате пополз пар. — Ну, чего замерла?! Впервые в бане, что ли?!

Раздевайся! Шмотье свое в угол сложи. — Она снова поддала пару, воздух стал наполняться влагой.

Бабка, охаживала веником, как розгами, тело Кати, потом обливала холодной водой и снова начинала хлестать. Девочка лежала на лавке, боясь вдохнуть. Было непонятно, как эта старая кляча вообще выдерживает такую температуру, да еще и одетая.

Когда мытье закончилось, бабка протянула чистую военную одежду. Она оказалась большего, чем нужно, размера, что придало Кате бесформенный вид. Выданная же обувь была впору.

— Надо же! — увидев преобразившуюся девочку, произнесла бабка и, почмокав, добавила: — Странно все это. Ладно, давай выметайся. — Она открыла дверь и вывела ее на улицу.

Первые глотки воздуха после парилки показались блаженными, да и тело словно парило над землей, было легким, как перышко. В последний раз Катя купалась ранней осенью, когда еще было тепло.

— Эй! Чего застыла?! — вернул ее в реальность голос конвойного с топором.

— Чего разорался, упырь?! — тут же парировала бабка.

— Когда ты, тварь старая, сдохнешь, я твое тело на куски порублю и скормлю свиньям!

— Когда я сдохну, милоч, можешь меня хоть отодрать, мне все равно будет, — расхохоталась она, причмокивая.

— Вот ведьма! — он взмахнул топором, но замер и медленно опустил его, услышав щелчок ружья.

— Сдурел, что ли?! — остановил его напарник. — Генерал за нее с тебя шкуру спустит! И с меня заодно! Остынь и пошли. Не обращай на нее внимания.

— Сука старая! — он сплюнул в сторону.

— Ступай-ступай, сокол ясный, — растянула беззубый рот бабка.

Катю повели к генералу. У небольшого дома с охранниками перед входом ей указали, чтобы она зашла внутрь. Сквозь полумрак коридора девочка проследовала маленькими шажками, чуть ли не на цыпочках вошла в единственную комнату. Тут было светлее, два окна справа. Длинный прямоугольный стол, два стула по разные стороны от него. Луций сидел, положив руки на стол. Перед ним стояли граненый стакан и бутылка вина, больше ничего. На другой стороне стола Катя увидела жареную курицу, хлеб, картошку, немного солений и стакан с красной жидкостью. Генерал молча указал на место, а сам плеснул себе из бутылки и, покрутив стакан в руке, сделал глоток. Катя с опаской присела на краешек стула.

— Ешь, — словно в пустоту, бросил Луций и снова стал крутить стакан в руках, разглядывая, как болтается в нем жидкость.

— Спасибо, я не голодна.

— Во всем мире не хватает еды, многие жрут друг друга, а ты не голодна? Неубедительно звучит. Ешь и не строй из себя героя. Это никому не нужно.

Катя и впрямь еле сдерживала себя. Такого изобилия она не видела никогда. Аромат пищи кружил голову, а рот предательски наполнялся слюной. Она подвинулась поближе к столу, оторвала кусок от курицы, словно воруя, стала жевать, пытаясь не казаться голодной, но скрыть голод не получилось. Ела, откусывая большие куски, глотала, почти не пережевывая. Луций, щурясь, смотрел на девчонку, по-прежнему покручивая стакан в руках. Резко выпил и снова налил себе вина ровно на один глоток.

— Ну и как тебе старуха?

— Что? — отрываясь от еды, подняла голову Катя.

— Старуха. Та, что тебя отмыла.

— Нормально, — пожав плечами, ответила она.

— Нормально? — Он усмехнулся. — А многие считают ее придурковатой. Если не сказать хуже.

— Вы меня убьете? — Катя отодвинула от себя еду.

— Хотел изначально, — Луций сделал глоток, поставил стакан и откинулся на спинку стула, прихватив бутылку, — а перед этим хотел отдать тебя на развлечение своим людям, но потом передумал. Много чего я хотел с тобой сделать, но пока не знаю, что именно нужно, да и нужно ли вообще. — Он сделал глоток прямо из бутылки.

— Чем же я заслужила такую милость?

— Хочу с помощью тебя добраться до твоего приятеля. Его же зовут Марс? Я ничего не путаю?

— Тогда лучше убейте меня, — Катя произнесла это совсем повзрослому. — Я не стану вам помогать, — уточнила она уже задрожавшим голосом.

Луций сделал еще глоток, поставил бутылку на стол и медленно направился к девочке. С каждым его шагом Катя все больше и больше вжималась в стул. От этого человека веяло холодом и ужасом. Он остановился рядом с ней, какое-то время смотрел, потом вынул из ножен меч. Катя еле проглотила слюну пересохшим ртом.

— Не люблю огнестрельное оружие. — Луций присел перед ней на корточки, клинок уперся острием в пол. — В чем смысл, когда любой, кто может нажать на курок, способен отнять жизнь? Ты можешь убить человека с расстояния в несколько метров, словно в дурацкой игре. — Он поднял меч и поднес его к шее Кати. Ледяная сталь коснулась кожи, отчего девочка вздрогнула. — То ли дело холодное оружие. Ты отнимаешь жизнь, видя страх в глазах человека. Чувствуешь, как сталь режет плоть, рубит кости, пронзает органы. Ты сражаешься один на один, и побеждает тот, кто действительно сильнее. А теперь скажи мне, милая девочка, ты и

впрямь готова умереть? — Он прикоснулся кончиком остря к ее подбородку и надавил на клинок так, что Кате невольно пришлось приподняться. Из появившейся ранки начала сочиться кровь. — Ну, так что? Все еще думаешь, что умирать легко?

Из глаз девочки потекли слезы, но она лишь крепче стиснула зубы, отрывисто и тяжело задышала. Луций убрал меч в сторону и рассмеялся. Катя медленно села на стул и вытерла рукой кровь, размазав ее по подбородку.

— Знаешь, почему старуху-банщицу не смеет никто трогать здесь? — Катя отрицательно мотнула головой. — Она не боится смерти. Даже меня она не боится. Бабка вообще ничего не боится. Я подобрал ее на дороге несколько лет назад. Она сидела возле трупа своего сына и смеялась. Представляешь? Просто сидела и смеялась. Это произвело на меня особое впечатление.

— Она просто спятила, — тихо пробормотала Екатерина.

— Правда? А разве все остальные нет? А может, она освободилась от всего? Стала свободной от тягот жизни, от смерти, от этого мира? Здоровым людям сейчас вообще тяжело. Нормальный человек в этом аду выжить не сможет, только безумец.

— Вы тоже спятили, как и она.

— О-о-о-о! Сколько раз я слышал это, — он развел руки в стороны и прикрыл на несколько секунд глаза. — Мне нужен Марс.

— Нет!

— Милая моя малышка, ты даже не представляешь, что он такое. Думаешь, я делаю все это ради себя? Вот так вот мне раз — и пришла в голову идея ненавидеть твоего друга? Нет. Я спаситель этого мира, и если не я, то никто не сможет остановить Марса! А ты поможешь мне заполучить его. Я знаю, он придет за тобой. И я уже тебе говорил: я не такой уж и плохой человек. — Он накинул капюшон на голову и направился к выходу.

— Вы же убьете его?! Да?! И меня тоже!

Луций на мгновение остановился, взглянул на Катю и вышел на улицу, хлопнув дверью.

Глава X

НАЧАЛО КОНЦА

Луций сидел за столом, опершись щекой на кулак, и водил пальцем по разложенной перед ним карте. Одна ее сторона была придавлена мечом, вторая — бутылкой вина. Тусклая лампочка периодически темнела и вновь разгоралась: старый дизельный генератор работал с перебоями, да и топливо оставляло желать лучшего. Два офицера — Сергей и наместник блокпоста 44 Иван — стояли перед столом, держа свои красные шлемы в руках. Наконец палец генерала остановился.

— Значит, видели их последний раз здесь? — обратился он к Ивану.

— Так точно. Один взвод примерно. Разношерстных, — тут же отрапортовал наместник.

— Что говорит разведка? — Луций перевел взгляд на Сергея.

— Они встали лагерем за рекой, перебили нашу охрану и теперь контролируют мост. С ними священник, но не православный. Католик, наверное. Самурай сказал, что хоть и грязный на нем костюм, а белый воротничок аж светится, да и с книгой какой-то в руках постоянно ходит. Возможно, очередной придурок, возомнивший себя мессией.

— Сколько же их! Они плодятся, словно крысы. Не успеешь прирезать одного, как уже другой орет о спасении человечества. — Луций несколько раз сжал ладонь в кулак и снова обратился к наместнику блокпоста: — Сколько у вас людей?

— Тридцать семь. — Но тут же исправился: — Тридцать шесть. Прошу прощения, генерал.

— Плюс мои тридцать три головореза да еще эти отбросы из шайки Кабана, которые к нам присоединились. Ну ладно, пушечное мясо считать не станем. На это отребье надеяться не приходится. А сколько вообще у тебя людей, которые могут сражаться?

— Тридцать шесть солдат, в которых я уверен. Максимум пятьдесят можно под ружье поставить. Остальные — обслуживающий персонал. Мы забрали часть работников к себе.

— Зачем?

— Иначе их перебьют.

— Тебе их жалко, Иван?

— Я беспокоюсь за блокпост, генерал. Не хочу оставить его без провизии, а заодно и Новый Рим. Тем более потери должны быть разумными.

— Скоро беспокоиться будет не о чем. — Луций взял бутылку и сделал глоток. Карта свернулась трубочкой. — Осталось чуть-чуть, еще немного потерпеть. Побеждает тот, кто умеет ждать. Вы знаете правила, знаете наш закон. А все, кто живет не по нашим правилам, будет стерт с лица земли. Кто не приносит нам пользы, тот бесполезен. У нас есть одна цель — найти и убить зверя и всех его приспешников. — Луций перевел взгляд на Сергея.

— Да, генерал! — Сергей сделал шаг вперед.

— Собери наших. Выдвигаемся в пять утра.

— Так точно! — он развернулся и быстро покинул помещение.

— Повоюем немного. — Луций снова выпил и раскатал карту обратно, прижав ее бутылкой. — Иван, ты соберешь всех, в ком уверен. Прикроете нас. Если вдруг они обойдут и двинутся на блокпост, встретите их и будете держать до нашего прихода. Но, думаю, до этого не дойдет.

— Я понял вас, генерал!

— И еще. После того как мы уйдем, гражданских сократи. Это касается больных и немощных.

— Да, — неуверенно и невнятно проговорил наместник блокпоста.

— Что?

— Так точно!

— Наберешь новых со временем. Припасов все меньше, земля умирает, почва уже не дает хорошего урожая, а скотина перестает давать потомство. Нужно продержаться до весны. И ты сам это знаешь. Кормить лишние рты невыгодно. Тем более я не хочу, чтобы они начали жрать друг друга. Лучше пресечь бунт до его начала. Будет еда — будет и порядок. Если все пойдет по плану, если ничего не изменится, то скоро потянутся толпы людей, станет жарко.

— Князь отказался от предложения?

— Не он один. Когда все начнется, нам нужно будет фильтровать проходящих через нас, а для этого нужны воины, сытые воины.

— Их должен кто-то кормить.

— Должен. Но пока побудете на самообеспечении. Нужно пережить зиму.

— Почему просто не изгнать их?

— Что? — выпрямляясь, переспросил Луций.

— Кх, — кашлянул в кулак наместник блокпоста. — Почему просто не изгнать их или не убрать на фермы, чтобы сами добывали пропитание себе?

— А-а-а-а, вот ты о чем. Хочешь, чтобы их смерть была мучительной? Или чтобы они, обозлившись, привели сюда какую-нибудь

хорошо вооруженную банду? Если падет один блокпост, то под удар подставятся три других. Цепочку разрывать нельзя. Нет, Иван. Обиженного человека в живых оставлять нельзя. А ты предлагаешь их не только обидеть, а обречь на голодную смерть. Так что просто избавься от ненужных. Окажи им честь умереть быстро и безболезненно.

— Как прикажете! Воля ваша, генерал.

— Конечно моя. В новом мире для слабых нет места. И помни: священников, проповедников любой веры с их законами и рассказами уничтожать в первую очередь. Подпустишь такого к себе хоть на секунду, прислушаешься к нему — и он овладеет тобой, словно похотливый кобель. Влезет вот сюда, — он ткнул пальцем себе в висок. — Их речи сладки, они очень убедительны и так невинны, но стоит только тебе им поверить, как они тут же укажут на твои грехи и заставят тебя плясать под свою дудку. Поверь, такое уже было, и не раз. Мнимые Божьи наставники. Такого я больше не допущу. И такие, как ты, мне в этом помогут. В новом мире никакой религии не будет. Только законы. Наши законы. — Генерал подошел к Ивану и похлопал его по плечу. — Ты хороший солдат, Иван. Ты все понял, я надеюсь? — Тот кивнул. — Старуху-банщицу не трогай, она должна жить. — Луций вернулся за стол. — Зима будет долгой и холодной. А пока вы должны держаться своими силами. Завтра я выдвинусь в Новый Рим, но сначала раздавим ту группу, которая осмелилась напасть на нас. Теперь ступай, я хочу побыть один.

Луций долго смотрел на карту, потягивая вино, водил пальцем, что-то прикидывал, думал. Сколько лет прошло с того момента, как он пришел в себя? Каждый день он ощущал, что живет не своей жизнью. Чувствовал, что что-то не так, и верил, верил *ей* и этому угасающему, разваливающемуся почти на глазах, похожему на живой труп Александру, владыке Нового Рима. Верил в то, что только сам может остановить зверя, пришедшего под личиной спасителя. Луций прекрасно помнил тот день, когда сознание вернулось к нему.

Полуподвальное помещение, набитое людьми, полумрак, красный свет аварийного фонаря. Как он оказался в убежище и кто он такой, не помнил. В рваном тряпье, похожий на бродягу, он сидел в углу и рассматривал живую шевелящуюся массу: мужчины, дети, женщины, старики. Воздух спертый настолько, что тянуло блевать. Тогда он еще не знал, что мир уже летел к черту, уходил в штопор бесконечного неоправданного насилия, которое называли выживанием. Он, словно младенец, впитывал происходящее. Его мозг был как чистый лист — не затронут ничем и никем. Кто все эти люди? Кто он сам и что тут делает? Есть ли у него семья, родственники? Пусто. Тогда он никому не делал зла, не делал ничего дурного, просто сидел, был частью людской массы.

Шли минуты, часы, дни до тех пор, пока не раздался громкий хлопок: взрывом вышибло дверь. А после взрыва пришли они. Они спускались вниз живым потоком, ровным строем, вырезая и расстреливая всех на своем пути, славя Аллаха, а откуда-то из недр этого подземелья на них кинулись православные. Луций из угла наблюдал, как они уничтожают друг друга, рвут на части. И все из-за чего? Причины для него были загадкой. Перед ним, вцепившись друг в друга, упали два человека. Здоровый крепкий парень с покрасневшим лицом и выпирающими венами на шее сдавливал горло бородатому горцу. Православный серебряный крестик болтался в разные стороны, отражая свет красной лампы. Капля пота скатилась по лбу, застыла на носу и сорвалась на бородатого. Он захрипел, оскалив зубы, уперся одной рукой в подбородок краснолицего, другой ударил. Между указательным и большим пальцем наколот полумесяц, что-то написано арабской вязью.

В этот момент Луцию пришло озарение, осознание коренной неправильности происходящего. Словно в его мозг загрузили многовековую информацию о человечестве одним разом, мгновенно, так, что заложило в ушах, а голова затрещала от боли. Тысячи лет люди рвали друг друга из-за веры, из-за бога, которого никогда не видели, не чувствовали и сути которого не понимали. Безумство ради мифического рая. Что это? Зачем и ради чего? Почему не устроить рай прямо здесь, на земле, вместо того чтобы ждать смерти? А если все исправить? Если не станет никакой веры и никаких религий в мире? Никаких пророков, которые вместо блага несут только раздор и смерть. Что будет тогда?

Он медленно поднялся и направился к выходу, спотыкаясь и переступая через трупы, толкаясь с дерущимися и убегающими. Кругом хаос, крики, выстрелы. Воздух наполнялся запахом пороха и крови. А Луций просто шел к свету, который лился из пролома двери. Остановился, прислушался к царящему вокруг аду.

— Делай раз! Коли! Делай два! Закрылся! Не руби, коли!

Картинка, словно пазл, разломилась на мелкие фрагменты и осыпалась. Голос звучал повсюду. Яркий свет ударил в глаза, Луций рефлексивно закрылся от него рукой. Картинка стала собираться заново. Большая поляна, зеленый луг, мальчишка лет тринадцати сжимает деревянный меч, его босые ноги напряжены, тело готово к прыжку. Рядом с ним воин в черной тунике, длинные волосы до плеч, крепкое тело, в руке палка из виноградной лозы.

— Ты слишком напряжен, Луций. Так сражаться нельзя. Расслабься. Вот. Хорошо. Нападай еще раз.

Парень кинулся вперед, атаковал. Его наставник с легкостью парировал удары.

— Молодец. Хорошо. Вот так.

— Ну, хватит, Сципион! Он еле стоит на ногах, пускай отдохнет. Он же все-таки человек, — мужчина в длинной тоге с пурпурной вертикальной полосой появился, будто из воздуха.

— Да, господин Марк, как прикажете, — тренер мальчика смиренно поклонился хозяину и отошел в сторону.

И снова все померкло. Вокруг опять орали, резали и убивали. Сзади его дернули за руку. Он обернулся, как робот, без чувств, без эмоций, без страха. Перед ним прекрасная девушка с искаженным от страха лицом зажимала рукой рану на голове и пыталась перекричать шум:

— Пожалуйста! Прошу! Помоги! Спаси меня! Умоляю! Пожалей!

Он стоял и смотрел на нее, будто на ангела, который случайно оказался в аду. Небесного цвета глаза, полные отчаяния, чистые слезы, белоснежные, коротко постриженные волосы. Алая кровь небольшим ручейком сквозь тонкие пальчики, закрывающие рану, текла по лицу.

— Ты же не такой плохой человек, как они! Прошу! Я не хочу умирать! Помоги! — девушка молила о спасении, опустившись на колени.

Внутри что-то сломалось и перевернулось — с хрустом, впиваясь в органы, наружу рвался невыносимо сильный зверь.

До выхода из бункера — метров двадцать через непрекращающийся кошмар. Он схватил ее за руку, да так, что девушка вскрикнула, сжал, как самое дорогое, рывком поднял с колен и помчал вперед к спасительному выходу, обгоняя саму смерть. Поднял по пути кусок металлической трубы и, таща за собой своего ангела, крушил всех на своем пути без разбора.

Остановился Луций, только когда очутились наверху, стер с лица пот, перемешанный с кровью, отбросил в сторону липко-красную трубу, обтер о себя руку и удивился. Удивился осознанию того, что все было привычно: и кровь, и страдания, и смерть. Все будто родное, точно он каждый день убивал людей. Человек всегда мог уничтожать себе подобных гораздо лучше, чем любое животное на этой планете. У каждого вида на земле есть биологический враг для контроля над популяцией. И только у человека самый опасный враг — сам человек.

В глазах девушки уже не было страха, была только странная радость, наверное от спасения. Но возможно, ему это лишь показалось. Кругом развалины, черный дым пожаров затмевал небо. Из подземного убежища продолжали доноситься крики и одиночные выстрелы. Впереди за дымом пожарищ стреляли тоже, кричали и убивали — все было одно, что на земле, что под землей.

Он потащил девушку подальше отсюда. Шли долго, пока не оказались у большого карьера на окраине города, спустились, поднимая облако пыли. Сухая земля скрипела на зубах, заставляла глаза слезиться. Дальше скатились по песку и затаились за большим валуном. Раньше здесь было полно воды, теперь осталось небольшое озерцо, похожее на

мутную лужу. Вокруг сухие камыши выше человеческого роста. Омерзительный запах от мертвой рыбы на берегах.

Переместились в заросли и затихли, переводя дух. Не говоря ни слова, Луций, чавкая ногами по жиже, подошел к воде, попытался попить, но она оказалась тухлой. Сплюнул, стал отмывать от засохшей крови руки и лицо. Когда вернулся, девушка сидела на том же месте, где он ее оставил. Сел рядом, стеклянным взглядом уставился в небо.

— Спасибо, — единственное слово, которое он услышал от нее в тот день.

Тогда он даже не посмотрел в ее сторону. Так и сидели молча, пока не стемнело.

Он еще не знал, что все рухнуло, что государственного строя больше нет, что каждый город превратился в крохотную страну, а люди объединялись в группы, чтобы выживать. Группы заключали союзы, а когда не хватало провизии, вцеплялись в глотку друг другу. И чем больше проходило времени, тем страшнее становилось жить на этой загнивающей планете. В мире остался один принцип — выживает сильнейший. Опустившись до инстинкта самосохранения, человек все больше уподоблялся животному.

Тогда в камышах Луций со спасенной девушкой просидели почти двое суток. Пока их не нашел отряд «Огненных братьев». Они уходили своей общиной на юг, собирая по пути выживших. Луций прекрасно помнил, как проезжали разграбленные города, опустошенные села и деревни, как с боем прорывались через группировки обезумевших голодных людей. Он видел своими глазами молящихся, безответно просящих помощи каждый у своего бога. Видел и тех, кто с криками кидался на них в угоду своим богам. Он понимал все четче, что нет ничего, кроме них — людей, что с религиями нужно покончить раз и навсегда.

И она указала ему путь, направила его, объяснила, что если не будет верований, то не будет и раздоров; не будет новых пророков — не будет и войн. Она растолковала ему все, и он, трясясь в кузове грузовика, ясно осознал одно: старый мир умирает и нужно помочь ему поскорее исчезнуть, а на руинах построить новый. В своем новом мире он не оставлял места старым богам и всем тем, кто был с ними связан, так же как и она. Она — его Мария — дала ему новую жизнь, новую цель, новую идею. Идею о том, что мир нужно спасти от зверя, пришедшего уничтожить их.

— Генерал!

Луций поднял голову, рука резко опустилась на рукоять меча. От неожиданности парень азиатской внешности вздрогнул, но тут же вытянулся во весь рост.

— Генерал, вызывали?

Перед взором Луция предстал Самурай — его лучший разведчик. То ли бурят, то ли монгол, а может и китаец. Он и сам не знал своей национальности, но по негласному соглашению все почему-то считали его японцем. Невысокий, гибкий, словно змея, и бесстрашный. За эти качества он и приглянулся Луцию. Затертый, выцветший от времени плащ, сшитый вручную из пластов кожи, доходил до колен, вместо воротника капюшон, вокруг шеи намотан серый шарф, за спиной прорезано отверстие для ножен, из которого торчала рукоять катаны. На локтях и коленях защита, под плащом виднелась мотоциклетная куртка с пластиковой «броней». Широкий ремень с массивной бляхой, на котором пристегнут нож и пистолет с глушителем, пара запасных обойм. Этому человеку много оружия никогда не требовалось.

В разведку он всегда ходил один. Ни разу он не подвел Луция и был предан ему, словно пес, как и все остальные. Генерал был для них живым богом. Каждого из своих офицеров Луций отобрал лично, каждый был ему чем-то обязан и был готов отдать за него жизнь, не раздумывая.

Самурай, он же Шона, что означало с монгольского «волк», или, как его чаще звали, Шон, спасся лишь благодаря Луцию. В тот день отряд генерала вышел на рейд и наткнулся на деревушку, где Шон был рабом уже больше года и думал, что его участь решена, но Фортуна имела на него свои планы, и, по-видимому, Луций тоже. Деревушку занимала группа фанатиков-язычников. Они считали себя верными детьми Велеса — бога, что являлся в медвежьем образе. У них даже был огромный гризли, которого они подобрали еще медвежонком из развалившегося зоопарка много лет назад. Его приучили к человеческому мясу, принося ему жертвы, чтобы их народ жил лучше. Дети Велеса опустошили округу, поработив всех, кого только можно было поймать.

В очередной праздник, когда в загон к огромному зверю вели как раз Самурай, охрана на воротах прокричала тревогу, а воздух наполнился звуками выстрелов. Грузовики генерала въехали в лагерь Велесовых детей, снеся ограждения. Солдаты в черной форме и мотоциклетных шлемах согнали выживших в кучу, следом появился и сам генерал с окровавленным мечом в руке. К нему подвели маленького и тощего проповедника, возглавлявшего общину. Луций прирезал его без колебаний. После чего подошел к клетке, за прутьями которой металось разъяренное животное, открыл засов и вошел внутрь. У медведя не было ни единого шанса перед более совершенным хищником.

Пленных выстроили в ряд, и Луций задал им только один вопрос: «Веруете ли вы в Бога, в спасителя вашего?» И все закричали: «Да, веруем!» Только Шон промолчал. И только его оставили в живых и приняли в свои ряды.

— А, это ты, — Луций прижал локтем карту, другой рукой взял бутылку, в которой еще плескалось вино, сделал глоток и протянул ее Шону.

— Благодарю, — Самурай отпил немного и отдал обратно.

— Мерзость, правда? Сейчас хорошего поила и не сыщешь, — Луций поставил бутылку на стол, откинулся на спинку и скрестил на груди руки.

— Я слышал, утром выступаем?

— Верно. Вот хочу лично у тебя узнать, что там?

— Человек двадцать пять — тридцать, плюс-минус, пришлые. Вооружены хорошо. Священник с ними. Похоже, их лидер, так сказать, духовный вдохновитель. Мост заняли, разбили лагерь. Я часов пять за ними наблюдал.

— Значит, ждут нас. Сами нападать не решаются.

— Похоже на то. Да и кто знает, сколько у них боеприпасов. Там овраг глубокий, на машинах только по мосту пройти сможем. Я к мосту не приближался: боялся — заметят. Могли и заминировать, если взрывчатка у них есть. Так что с ходу я бы не советовал. Опасно. В обход слишком далеко, да и с другой стороны поле ровное — увидят сразу наше приближение. Действуют грамотно, организованны, не раздолбаи какие-то. У них лучшее стратегическое положение.

— Большая группа. Что-то их стало слишком много. Словно идут куда-то, ведомые одной целью. Неужто Князь силы собирает?

— Так слухи ходят, что пришел мессия и грядет день Страшного суда. Говорят, что будто бы он у самого Князя в подчинении, — робко и почти шепотом доложил Самурай.

Луций посмотрел исподлобья испепеляющим взглядом так, что у Шона проступил на спине холодный пот.

— Вранье. И ты это не хуже меня знаешь. Девчонка этого Марса — у нас. Мы за ним сколько времени охотимся? А он и есть тот самый зверь. Не может он у Князя быть. И точка!

— Ну, это так, слухи просто, — словно оправдываясь, добавил Шон, не отрываясь от звериных глаз генерала.

— Слухи, Самурай, — страшное орудие. Вернемся в Рим — займусь этим чертовым Ярославом. Выступаем утром, — прохрипел Луций, провел языком по зубам и допил остатки вина. — Девчонку с собой возьмем. За нее будешь отвечать головой. Понял?

— Так точно!

— Свободен.

Глава XI

ЦВЕТОК ЖИЗНИ

После встречи с Луцием Катю отдали под присмотр старухи-банщицы, даже охрану не поставили. Впрочем, с блокпоста все равно не сбежишь. Старуха жила в небольшом домике площадью три на три метра. Из хозяйства всего ничего: широкая лавка, она же кровать, два табурета и столик, в углу печка-буржуйка. Маленькое окошко затянуто толстым полиэтиленом, пропускавшим тусклый свет.

Катя сидела на лавке, скрестив ноги. Старуха расположилась на табурете у окна и принялась за пряжу. Овечья шерсть лежала большой горкой у ее ног, источая специфический запах, который наполнял старческую обитель. Левой рукой женщина быстро сучила белую мягкую шерсть, а правой крутила веретено, которое то пускала падать почти до пола, то ловко подхватывала и опять заставляла вертеться с легким жужжанием. Катя заворожено смотрела, как придурковатая бабка ловко и легко обращается с этим странным предметом. Ее грубые руки, в шишках, потемнели от работы и времени.

— Носочки ему свяжу теплые, — пробормотала старушка, чавкая беззубым ртом. Разулыбалась аж до слез, но потом резко изменилась в лице. — Когда ж эту тварь убьет кто-нибудь? Не должны такие по земле ходить. Демоны должны в аду обитать, а не слоняться среди живых, — она снова скривила лицо так, что Кате стало страшно. — Вот милочка в поход пойдет, а я ему носочки, чтоб ножки не мерзли. Чего вылупилась? — повернувшись к девчонке, прошипела бабка и шмыгнула носом.

— Да я просто... — Катя пожалала плечами.

— Думаешь, не знаю?

— Что именно?

— Он тебя погубит. Он всех погубит. — Ее веретено ходило вверх-вниз, гипнотизировало, наматывая на себя шерстяную нитку. — Он словно пламя, которое завораживает своей красотой, но для того, чтобы гореть, он должен пожирать все вокруг. — Ее взгляд был холодным и уверенным. — Живьем Володьку зарыли. Жалко мужика-то. А ведь он пытался хоть что-то сделать. Хотел людей поднять против этого зверя... Вот, а то простынет еще, что ж тогда делать-то?

— Кто простынет? — двигаясь на край лавки, шепотом поинтересовалась Катя.

— Как кто? Луций, — бабка повернулась на голос и растянула рот в безобразной старческой улыбке, но ее радость опять сменилась гневом. — Выродок никак не сдохнет! Отродье Сатаны! Ничего его не берет. Хитрый, как лис, и бесчувственный, словно скала. Он не успокоится, пока не уничтожит весь человеческий род! Сначала истребит всех тех, кто еще верит в богов, а потом придумает новое оправдание убийствам, пока не останется только он один. Изничтожит всех и сам станет богом. Богом небытия! — она хрипло и со свистом в голосе засмеялась, прокашлялась и снова начала что-то лопотать про пряжу.

Кате стало не по себе от присутствия сумасшедшей старухи. Когда стемнело, бабка наконец оторвалась от своей работы, затопила печь и зажгла керосинку. Зловещий тусклый свет наполнил комнатушку. Старуха, побряхтев, встала на колени, достала из-за пазухи деревянный самодельный крестик на длинной веревке, сжала его в кулаке и, прикрыв глаза, стала что-то бормотать.

— Ты что, дура старая, делаешь? Он же тебя убьет!

— Меня? — бабка открыла глаза. — Он убил меня очень давно, когда истребил всю нашу общину вместе с моей семьей. Я его трофей, деточка. А существую я лишь потому, что он хочет, чтобы я страдала до конца своих дней. Ты даже не представляешь, что он такое. Слава богу, что у этого отродья нет детей. Бог еще милосерден к этому миру — уберегает человечество от его наследников. Зло не должно давать потомства. А все, что он тебе рассказывал, — это его бредни. Он живет во тьме, он верит лишь в то, что ему кажется. Он верит своей ведьме. Он не человек, давно не человек. «Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола»².

— Чего?

— Ищет он мессию, дабы убить его и поставить точку в их противостоянии. Он — гончий ада — уже взял след, почуял, как зашевелился этот мир в предвкушении второго пришествия. Люди потянулись на юг в поисках спасителя. Грядут великие перемены, или все канет в небытие: и ты, и я, и весь этот мир. А ты, деточка, приманка в его охоте, живец, наживка. Знаю я, с кем ты жила. Вот знаешь ли ты, кто он на самом-то деле?.. Не верь ни одному его слову, ибо ласков он словом и делом праведным, да душою черен и мыслями поганен. Он давно не принадлежит себе. — Она спрятала крестик и поднялась с колен, словно что-то почувствовала. В помещение вошел Шона. — О-о-о-о, приперся, пекинес.

² 1-е Иоанна, 3:8.

— Собирайся! — скомандовал Самурай, смотря сквозь бабу, словно ее и не было вовсе. Катя, не понимая, что нужно делать, продолжала сидеть, не шелохнувшись. — Мне еще раз повторить?

— Что, пес, снова приказ получил от своего хозяина? — старуха поднялась на цыпочки, вывалила язык, прижала руки к груди и стала часто и громко дышать, изображая собачонку, которой приказали «служить». Внезапно прекратила, подошла к нему почти вплотную и ткнула в грудь кривым указательным пальцем. — Он вас всех в ад затащит. Всех до единого. Попомни мои слова. И побойся Бога.

— Пойдем, — Самурай схватил девчонку за руку и вывел на улицу.

— И канет все в бездну, когда встретятся две силы. И рухнет мир старый, чтобы очистить пространство для мира нового. Не верь ему. Не верь! — прокричала бабка вслед.

— Шагай давай, — толкая Катю в спину, произнес Шона и захлопнул за собой дверь.

Снова пошел снег и поднялся ветер. На ночь все электричество перенаправляли на два прожектора, так что остальные обитатели блокпоста 44 довольствовались свечами или керосиновыми лампами. Катя брела, подгоняемая тычками в спину. Подошли к уже знакомому дому. Шона открыл дверь, кивнул головой, давая понять, чтобы она проходила. Девочка недоверчиво посмотрела на него.

— Ступай, — пихнул он ее вперед и закрыл за ней дверь.

— Проходи, не бойся, — слышался из освещенной комнаты голос Луция.

Она с опаской направилась к нему. Генерал сидел перед печью, смотря на огонь. Рядом лежал меч, чуть дальше на стуле висел плащ, на полу сложены доспехи. Крепкое мускулистое тело было окутано странной мглой, будто исходящей из него. Он потянулся за мечом, и девочка замерла в оцепенении.

— Да не бойся ты, не трону.

Достав из-под печки точильный камень, Луций провел им по клинку, коснулся пальцем, вытянул руку вперед. Кончик лезвия замер над пламенем, переливаясь и отражая яркое свечение огня.

— До утра будешь со мной, вон твое место, — он кивнул в дальний угол, где стояла железная кровать, которой, наверное, было лет триста. Поверх металлической сетки лежали два овечьих бушлата. — Ложись, вставать рано, — монотонно добавил он и снова принялся натачивать клинок.

Катя попятилась к кровати, не сводя с Луция взгляда, нащупала рукой бушлат, присела. Металлическая сетка издала дребезжание и провалилась под ее весом. Луций замер, словно вслушиваясь в этот звук, и наконец взглянул на девочку.

— Наговорила тебе, небось, бабка про меня всякого? Старая она совсем стала, из ума выжила. Она прядет шерсть, чтобы связать мне носки? Конечно прядет. Она всегда садится за веретено, когда ей становится совсем худо. Ну, ты понимаешь, — он покрутил пальцем у виска. — Я не злюсь на нее, позволяю ей многое. Кто знает, какие мы будем в старости? Ты на нее внимания не обращай, она иногда такое несет, что самому страшно становится. Последнее время ей демоны мерещатся повсюду, а иногда так вообще думает, что это я само зло. — Он усмехнулся. — Да, я творю зло, но только во благо. Нельзя пожарить яйцо, не разбив скорлупы. Ты это поймешь. С этого дня ты будешь рядом со мной, пока мы не прибудем в Новый Рим. — Он снова принялся точить клинок.

— Я тебе не верю. Ни одному твоему слову, — робко возразила Катя.

— Твое право.

— Он придет за мной, — сквозь накотившиеся слезы прошептала она.

— Я очень на это надеюсь.

Давно перевалило за полночь. Луций, убрав меч в ножны, каменным монументом сидел у печи. Его тело оживало лишь в тот момент, когда нужно было подкинуть дров. Катя как могла боролась со сном. Ей казалось, что только она закрывает глаза, и этот зверь в человеческом облике кинется на нее, начнет рвать ее тело, швыряя куски в разные стороны. Сейчас он сидит у печи, а через секунду проявит себя, покажет именно с той стороны, про которую ей рассказала старуха. Но генерал продолжал сидеть неподвижно, а усталость брала верх. Катя даже не поняла, как провалилась в объятия Морфея.

Сколько ей было лет, когда ее спасли Виктор и Максимыч? Пять, а может, шесть. Она очень смутно помнила то, что тогда происходило. Менялся мир, а вместе с ним и люди. Вскоре все перестали помогать друг другу. Стремиться выжить лишь самому стало нормой для человека. Ее семья пробиралась на юг вместе с группой человек в сто в поисках лучшей доли. Убегали с насиженного места: на их стоянку напала крупная и жестокая группировка, называвшаяся «волками» и считавшая себя санитарами мира. Все себя кем-то считают... После нападения уцелели немногие, остальных перебили, взяли в плен. А ведь раньше их община была многолюдной, и все жили хорошо, всего хватало. А теперь они были вынуждены спасаться лишь потому, что кто-то возомнил себя лучше других. Шли, ведомые мечтой о Новом Риме. Шли сутками напролет, отдыхали только по часу и снова в путь, пытаясь оторваться от смерти. Но разве от нее убежишь? «Волки» не оставляют в живых раненого зверя, стая всегда преследует добычу до последнего ее вздоха.

Когда в темноте появился свет фар и послышался звук моторов, стало понятно, что это конец. «Волки» настигли их. Началась паника. Раздались радостные крики преследователей и первые выстрелы. Отец схватил Катю на руки и кинулся прочь что было сил, а она смотрела через его плечо и не понимала, почему все так кричат и бегают и что это за яркие лучи пронизывают темноту.

Тяжелые машины врезались в толпу людей, подмяв все живое на своем пути. С грузовика спрыгнули несколько человек и с яростными криками, держа в руках топоры и дубинки, кинулись на людей. Грузовая машина рванула дальше и остановилась впереди, преградив путь спасавшимся. А они все бежали и бежали. Рядом тяжелое дыхание отца и хрип матери, которая только чудом не падала, а продолжала бороться, заставляя свои ноги нести тело вперед. На грузовике зажгли прожектор, луч света вспорол темноту, ослепляя оставшихся в живых. Они замерли, испуганные, грязные и истощенные, с безумными глазами, в которых застыл животный страх. Одна, две, три, пять секунд. В кузове машины расчехлили пулемет, бойцы вскинули оружие, передернули затворы и прицелились. Катя почувствовала, как у отца по коже прошла мелкая дрожь. Он сильнее прижал ее к себе.

— Огонь! — голос в темноте прогремел так, что содрогнулась Вселенная.

Разом застрочили несколько автоматов, истерично заливался пулемет. Прожектор освещал, как пули терзали человеческие тела, вырывали из них куски, отбрасывали назад. Убитые падали, раненые визжали и стонали.

— Бежим, — мать дернула отца за руку, но ее голос уже был хриплым, булькающим, предсмертным.

Пуля пробила ей горло, а пулемет продолжал настигать тело женщины смертоносным металлом. Отец упал на землю, закрывая своим телом дочь.

— Ты только молчи, только молчи. Закрой глазки и молчи, — последнее, что шептал он ей на ухо.

Одежда маленькой девочки пропиталась его теплой кровью. Когда грохот оружия утомил последнего стоящего на ногах, «волки» добились контрольными выстрелами бездыханные, разодранные в клочья тела погибших. Выбитые отцовские мозги заляпали ей лицо и волосы. Она лежала молча, не шевелясь, делала все в точности, как приказал ей папа.

А потом пришли они, как волшебники. Даже когда Виктор вытащил ее из-под трупа, девочка все еще продолжала прикидываться спящей. Нет, не мертвой. Тогда она этого еще не понимала, не различала сон и смерть, тогда ей казалось, что люди просто засыпают. Казалось, что если ты закроешь глаза, то все страхи пройдут сами собой, а когда откроешь, все будет хорошо, как прежде. Ее с силой встряхнули. Катя с трудом раскрыла

слипшиеся от крови глазки, засунула в рот большой пальчик и стала осматриваться по сторонам. Стоявший рядом с седым бородатым мужчиной парень в забрызганной кровью одежде вытирал о рукав окровавленный нож, а вдалеке полыхали два больших костра из человеческих тел.

— Глянь, живая, — улыбаясь, произнес пожилой мужчина и прижал ребенка к себе, стал аккуратно вынимать из волос остатки человеческой плоти.

— И чего мы с ней делать будем? «Волки» скоро приедут за трофеями, глянь какая куча добра лежит. Куда мы с ней? Помрет же все равно, а нам идти нужно.

— Все мы рано или поздно умрем, Марс. Дело не в смерти, а в жизни. Отнять жизнь легче, чем ее сохранить.

— Обузой только будет, ты же лучше меня это знаешь. Оставь ее тут, и уходим.

— Посмотри на нее, — Виктор поднял ее вверх на вытянутые руки. — Цветок жизни.

— Ага, на нашей с тобой могиле! Ты же сам всегда учил: помог, спас, подарил второй шанс человеку и оставь его, не мешай идти и делать свой выбор. Тут-то чего?

— А тут, Марс, судьба. Посмотри вокруг: всех в мясо, а она одна живая и здоровая. Значит, нужна для чего-то. С нами пойдет. И не спорь.

— Да я и не спорю. Как скажешь. Дело твое. Все равно помрет, если не от болезни, так от голода и непогоды. Не для детей этот мир, ты же сам говорил.

— Говорил, знаю, — он прижал девчущку к себе. — Но и не для нас он тоже. Тогда для кого?

— Ясно, — Марс убрал нож и махнул на Виктора рукой.

— Эй!

От ударов по ножке кровати Катя вздрогнула и открыла глаза. Луций в полном облачении накиннул капюшон на голову.

— Поднимай свою задницу. Выдвигаемся.

Глава XII

КРЕСТНАЯ ДОЧЬ

Мужики расступились, образуя живой коридор, по которому прошел человек в серо-белом камуфляже и в белой балаклаве. От взгляда красивых темно-карих глаз, прожигавших себе дорогу, становилось неловко и хотелось отвернуться. Марс перевел глаза на тарелку, взял горячую картошку, снял, дуя на пальцы, с нее кожурку. Гость приближался к столу размеренной легкой походкой. Вокруг пополз шепот. Марс откусил картошку — ему невольно пришлось открыть рот и помахать перед собой рукой, гоня кусок картофеля во рту до тех пор, пока он не остыл.

— И что тут происходит? — кладя на стол перед Марсом СВД, воскликнул снайпер и снял балаклаву.

— Лиза, успокойся, — здоровяк поднялся с места в надежде успокоить своего бойца.

Марс дожевал и проглотил кусок, подул на дымящийся картофель, снова откусил и поднял взгляд на девушку. Ей было лет двадцать. Она спорила с местным командиром Пашей, а Марс просто ел и старался не слушать, о чем они пререкались, хотя и так было понятно, что снайперша недовольна его появлением в общине. Винить ее не за что, он бы тоже был не рад увидеть чужака в своем доме. Ее густые темно-каштановые волосы до плеч вздрагивали при каждой реплике. На левой стороне лица тонкий шрам уходил от глаза вниз по шее и прятался под одеждой. Брови четкие, словно нарисованные, выгибались дугой, когда она злилась.

— Ну все! Хватит меня позорить! — Павел ударил рукой по столу.

— Позорить? Да от нас скоро ничего не останется! «Огненные братья» привезли левобережным припасы, говорят, даже помогли с бойцами, а ты притаскиваешь к нам абы кого, да еще и тратишь на него продовольствие! Откуда ты знаешь, что он не их шпион?

— Да не шпион он! Это он твоего брата спас! — не выдержав, проорал Павел.

— Что? — девушка сбавила обороты и посмотрела на Марса, который, как ни в чем не бывало, доедал угощение с таким видом, будто вся эта шумиха вокруг вообще его не касалась. — Что ты сейчас сказал?

— Э-э-э, послушай, — Павел почесал затылок.

— Ты же сказал, что его убили. Что их отряд попал в засаду. Ты же мне сам говорил, что видел, как левобережные сожгли тела!

Мужики, стоявшие рядом, тихо загудели и стали рассасываться, предчувствуя бурю.

— Лиза, послушай, — начал оправдываться здоровяк.

— Где он?

— В лазарете. Его патруль ночью обнаружил. Он совсем плох. Я поэтому-то и говорить тебе не хотел.

— А я-то все думала: почему это мой крестный Павел решил сменить меня с ночного дозора? Ты ведь знал, что я увижу патруль, возвращающийся с Ромкой. Ну ты и сволочь! — выкрикнула девушка и, схватив винтовку, рванула в лазарет.

— Постой, я все объясню!

— Отвали, — она оттолкнула его в сторону.

— Лиза, стой! — он сорвался с места вслед за ней, остановившись лишь на секунду, чтобы отдать приказ об аресте гостя до его возвращения.

К Марсу тут же подошли четверо и попросили сдать оружие, харчи, правда, оставили при нем.

— Ты это, не обессудь, все нормально будет. Командор с Лизкой разберется и с тобой порешает, — пихая Марса вперед, сказал мужичок в возрасте.

Марса подвели к комнатухе с железной решеткой вместо двери. Он с недоверием осмотрел помещение, прежде чем войти, усмехнулся, глянув на узел в руках, и сделал шаг вперед. Позади скрипнули петли и щелкнул тяжелый засов. Марс сел на грубо сколоченную деревянную кровать. Вместо одеял и подушек на ней было навалено старое тряпье. Впрочем, чего еще было ожидать? Конвоиры ушли, остался только пожилой мужичок, который уселся на стул, стоявший в метре от камеры, достал из кармана кисет с табаком и кусок газеты, бережно скрутил самодельную папиросу, облизал ее край, чиркнул спичкой и затянулся горьким дымом.

— Слушай, а ты и вправду Ромку спас? Он парень-то хороший. Все храбрился, хотел командиру доказать свою значимость. Ну, вот и упробил его пойти в разведку. Делов-то было, сиди да следи. Э-э-эх.

Марс сидел на кровати, прижимал к себе узел и смотрел, как старик курит. От пристрастия к табаку у мужика пожелтели усы и борода вокруг рта. Дым путался в его растительности и лишь потом растворялся в воздухе.

— Говорят, ты двоих уделал голыми руками, даже глазом не моргнул. Брата, вон, Лизкиного спас. Молодец, — мужичок одобрительно кивнул головой и стряхнул пепел в сторону. — Он младший. Пашка-то думал, что их всех положили. Мы уж его и помянуть успели, а оно во как все вышло.

К охраннику подошел мальчонка лет восьми, замотанный в шерстяной платок, на ногах разная обувь, вместо пояса веревка, удерживающая штаны явно большего размера, и протянул кружку с кипятком. Старик погладил его по голове, кивая и улыбаясь, взял кружку. Парень, смешно переваливаясь в неудобной одежде, убежал.

— Полгода у нас живет. Командор его подобрал. Хорошо хоть весна была, а то бы замерз. Его родители или кто их там знает, короче, на левобережных наткнулись, те их всех вырезали, парень чудом в живых остался, спрятался в камышах. Сколько там просидел, никто не знает, до сих пор не разговаривает. Как собачонка, все понимает, но не говорит. — Охранник растер ногой окурки и отхлебнул кипятка. Марс сунул свое добро под кровать и лег на бок, отвернувшись и подложив под голову руку. — Молчишь? Обиделся, что ли? Тебя вон накормили, пальцем не тронули, чего тебе обижаться-то? А что в клетку посадили, так за то извини, времена такие, кто знает, что у тебя на уме. У нас тут дети, старики, женщины, тебя мы не знаем. Сейчас командор дела уладит, да и выпустят тебя на все четыре стороны. Мы ж все-таки пока люди еще. Эх, была напасть одна — левобережные, а тут теперь еще эти «Огненные братья». Слышали про них раньше да не видели, а они как снег на голову. Ищут, говорят, кого-то. Большую награду обещают. Предлагали на их сторону встать. Ну как «предлагали» — ультиматум выставили. Либо под них ляжем, либо они нас уничтожат. Командор пока думает. Говорят, у них целый свой город, в котором все есть. Там жить можно, как раньше.

— Слышь, дед? — Марс приподнял голову.

— Чего тебе?

— Заткнулся бы ты. Будь так добр. — Марс поворочался на тряпках и прикрыл глаза.

— Да так я это, мечтаю просто. Ну, как знаешь. — Он снова полез в карман, чтобы свернуть самокрутку, потом долго сидел, бухтел что-то себе под нос, а Марс лежал неподвижно с закрытыми глазами.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем послышались какие-то движения, и звук приближающихся шагов заставил так называемого заключенного открыть глаза.

— Все нормально? Не буянил? — раздался голос здоровяка.

— Да нет, что ты, командор. Как лег, так вон и лежит, может спит.

— Эй! Как тебя там? Марс! — прокричал Павел сквозь решетку и приказал старику отпереть дверь. — Ты уж извини, сам понимаешь, какие сейчас времена. А мне свои, так сказать, родственные дела уладить нужно было.

Марс молча поднялся и сел на край кровати, почесал голову, размял шею. Павел вошел внутрь камеры, сел рядом.

— Нужно будет в лазарет сходить. Роман должен тебя опознать.

— А можно я просто пойду своей дорогой?

— Пойдешь, но сначала убедиться нужно, что ты тот, про кого Ромка говорил.

— А если я не он? Что тогда?

— Ладно, вставай, пойдём. Он, не он. Давай поднимайся, потом решим. Харчи свои можешь тут оставить, ничего с ними не случится.

Марс взглянул на здоровяка, потом на людей в полном вооружении, которые пришли вместе с ним, слегка ухмыльнулся и покачал головой. Оставлять без присмотра свои вещи ему не хотелось: слишком дорого они ему достались, но, видя взгляды окружающих, все же сделал так, как было сказано, и направился под конвоем в лазарет.

Боковой корпус завода, небольшая выложенная кафелем комната с несколькими кроватями, чудом уцелевшее стеклянное окно, рядом с ним печка-буржуйка, труба выходила в открытую форточку, заделанную асбестовой нитью во избежание пожара. Скорее всего, эта комната в прежние времена была туалетом. Теперь уборная превратилась в госпиталь.

На железной кровати, кашля хриплым утробным звуком, лежал парень. Какой-то мужчина, по всей видимости врач, делал ему холодные примочки. Рядом на стуле, держа больного за руку, сидела Лиза. Она даже не взглянула в сторону пришедших, нежно сжимала руку брата, целовала ее, что-то шептала. Увидев командора, доктор засуетился, зачем-то дернулся в сторону, потом защелкал пальцами, подошел к Павлу и, разминая мочку уха, наконец вымолвил:

— У него жар. Плюс, скорее всего, пара ребер сломана. Досталось ему сильно, все тело в побоях. Я ему пенициллин вколол, обезболивающее не давал, его очень мало осталось. Паш, ты же знаешь, доктор из меня никудышный.

— Лучше чем никакой.

— Я у Вадима Николаевича только в ассистентах был. Так, подай-принеси. Если бы он сейчас с нами был...

— Ты мне скажи, жить будет?

Доктор развел руки в стороны.

— Ясно.

Павел приказал своим бойцам остаться за дверью и кивнул Марсу, приглашая ближе к кровати пострадавшего.

— Лиз, как он? — положи ей на плечо свою огромную лапу, шепотом поинтересовался Павел, но девушка только фыркнула и дернула рукой.

— Ром, а, Ром? Ты меня слышишь?

Парень повернул голову на голос. Губы синие с запекшейся кровью, опухшие, следы увечий, заплывший глаз, обильная испарина на лбу. Он сконцентрировал свой взгляд на Марсе, попытался подняться, опираясь на локти, но его тут же уложили на место.

— Привет, — еле выдавил из себя Роман и снова закашлялся.

— Тише, тише, — Лиза натянула на него подобие одеяла.

— Хреново выглядишь, — сухо ответил Марс.

— Ага, — Рома пытался улыбнуться, но вышла страшная гримаса. — Спасибо.

Марс покачал головой.

— Ладно, пойдем, — Павел дернул Марса за руку. — Поболтаем в другом месте.

Наверху, почти у самой крыши, там, где раньше было машинное отделение и стояли моторы, приводившие в движение заводские станки, теперь была комната Павла — главы правобережных. Ничего особенного: самодельная кровать, старое кожаное кресло, несколько обычных стульев, сложенная из кирпича печь в виде камина, она же и освещала помещение тусклым светом. На полу и стенах ковры, прибитые на дюбеля, изъеденные молью, а местами и обожженные. Не то чтобы для красоты, скорее для тепла. Марс повидал много глав общин, приходилось вести деловые переговоры по бартеру, но этот глава отличался какой-то особой скромностью. Сели у огня, вместо стола — перевернутое ведро. Здоровяк достал бутылку местного пойла и протянул гостю.

— Нет, спасибо.

— Да брось. За знакомство. Это лучший самогон в округе. Ты хоть знаешь, как трудно его сейчас достать? Хранил для особого случая.

Марс нехотя взял бутылку, вытащил из нее свернутый кусок газеты, заменявший крышку, сделал большой глоток, поднес к носу рукав куртки и глубоко вдохнул, передал бутылку здоровяку.

— Ну как? — радостно воскликнул Павел и подмигнул. — Забористая вещь, мозги прочищает на раз. С этим пойлом жизнь становится краше. — Сам сделал глоток. — Но главное — не увлекаться. От этой дряни начинаешь дуреть, если пристрастишься, поэтому у меня тут сухой закон.

— Оно и видно.

— Ха! Ну да, ну да. — Снова сделал глоток и протянул Марсу, тот тоже отхлебнул из бутылки. — Ты, это, извиняй, что оружие отобрали да в камеру посадили. Сам понимаешь, откуда мне знать было, что ты это ты. Спасибо, что Ромку спас. Мы-то его похоронили уже. Он в разведку ходил с бойцами. Нарвались на левобережных, был бой. Всех положили, а он пропал. Думали, в плен попал, а они там не церемонятся ни с кем. Главный их — бывший военный — совсем безбашенный выродок. Вот я Лизке и сказал, что его убили. А что делать-то оставалось? Сам ходил как не свой: я же его туда отправил. Ромка все хотел доказать, что он мужик, а я его не пускал. Пацан он еще. А тут парни донесли о том, что видели грузовик «Огненных братьев». Там всего-то нужно было проследить,

посмотреть, что везут, в бой не вступать. Вот и послал его. И послал-то с лучшими ребятами, а тут на тебе, всех положили.

— Правильно сделал, что ей сказал о его смерти.

— Думаешь?

— Да. Надежда — штука опасная. Погоревала и перестала, а жить в неведении — значит оплакивать потерю постоянно.

— Слушай, — Павел сделал паузу, — я вот о чем с тобой хотел потолковать.

— И о чем же?

— Ты какими судьбами-то тут оказался?

— А это важно?

— Да в принципе, — он пожал плечами, — не хочешь — не говори. Я что хочу тебе предложить. У меня людей не хватает. Точнее сказать, опытных. А ты, я вижу, один выживаешь.

— Приходится одному выживать. Теперь.

— Ну да, калач ты тертый. Короче говоря, предлагаю тебе остаться. Левобережные нас совсем притеснили.

— А чего не уйдете?

— Уйти? — у Павла округлились глаза.

— Да, уйти. Найти место поспокойней.

— Поспокойней? Это мой город, — он ударил себя в грудь. — Я тут родился, тут и сдохну. Это мои люди, и они никуда не уйдут. Тут их дом.

— Ясно. Ну, тогда нужно перебить левобережных.

— А я о чем толкую! Только людей у меня мало, — с грустью сказал Павел. — Да и не вояки они. Простые люди, которые хотят тихо и мирно жить.

— А разве сейчас можно?

— Что можно?

— Тихо и мирно жить?

— Не знаю. Но я на это надеюсь.

— Надежда умирает последней. Обычно вместе с тем, кто надеется. Я уже тебе говорил, что надежда — штука опасная.

— Помоги нам. Мне люди нужны. А сейчас трудно найти тех, кто помогает попавшим в беду, — прошептал Павел, смотря прямо в глаза Марсу.

— Ты про Ромку? — усмехнулся Марс.

— Ну да.

— Я просто дал ему шанс. Я не помогал. Ему повезло, что твои люди его вовремя обнаружили. Да и как ты вообще представляешь мою помощь? Пойти в лагерь к левобережным и покарать их всех огненным взглядом? Брось. Живите как живете. Если вы не способны творить большее зло, чем творят ваши враги, вы не победите. Ты уж поверь мне. А мне нужно идти дальше.

— Послушай, послушай меня. Я бы не просил тебя о помощи, но после того, как Хищник заключил союз с «Огненными братьями», нам не выстоять.

— Так уходите, — вновь предложил Марс.

— «Уйдите, уходите». Что ты заладил? Говорю тебе, моя земля это. Моя!

— Так и похоронят тебя на твоей земле вместе с твоими людьми, — сухо бросил Марс.

— Нужно было с этими фанатиками соглашаться. Долбаные «братья», етиху мать! Сейчас бы и оружием помогли, и продовольствием.

— Ну да. Только бы свободу забрали. Знаю я таких помощников. Повидал на своем веку. Раз под них ляжешь — больше не встанешь. Не дадут.

— Может, ты и прав. Только вот недавно к левобережным колонна приходила. Три военных грузовика с припасами и солдатами. Все в черном, как черти, в шлемах, вооружены до зубов. Думали уж, сомнут нас, но они только припасы оставили, а их головная машина так вообще без остановки город пролетела.

— Солдаты в черном, говоришь?

— Ну да, воины Черного легиона. А еще «Огненные братья» Хищнику координатора своего оставили. Все не в нашу пользу. Вот бы нам на них первыми напасть. Понимаешь?

— Координатора? А это еще кто? — пропуская все остальное мимо ушей, заинтересовался Марс.

— Это у «Огненных братьев» вроде проповедника. Ряженые в красных балахонах. Лапшу на уши вешают про истинную веру да про Млечный путь. А их солдаты меж тем режут людей, которые предпочитают независимость от их благ. Слушай, ты что, с луны свалился, что ли?

— Как-то не до них было до недавнего времени. Так когда, ты говоришь, они тут были, эти парни в черной униформе?

— Неделю назад примерно, может, дней пять. Роман как раз в разведке был.

— Мне нужно поговорить с ним! — вскочил Марс со стула и кинулся к выходу.

— Да куда ты?! Какое «поговорить»? Ты сам видел, в каком он состоянии. Дай ему в себя прийти.

— Я боюсь, что в нормальное состояние он уже не придет. Хочешь, чтобы я помог, — дай с ним поговорить.

В глазах Марса сверкнула звериная ярость, и Павел сдался.

— Хорошо. Ладно. Пойдем. — Оба вышли из комнаты. — Лиза меня убьет.

— Девчонка бойкая.

— Крестница моя. Да, характер у нее не сахар. Еще вот такой ее помню, — он оттопырил руку в сторону, показывая, какой маленькой она была. — После того как ее семья погибла, я слежу за ней, ну и за ее братом. Мы с ее отцом не разлей вода были. Да теперь что об этом говорить.

Лиза все так же сидела перед братом. Доктор листал потертую медицинскую книгу, опершись спиной о стенку. Увидев посетителей, он быстро захлопнул книгу, сунул ее под мышку и выпрямился.

— Жар не спадает, — словно оправдываясь, отрапортовал врач.

— Он говорить-то в состоянии? — поинтересовался Марс, подходя ближе к койке. Доктор только развел руками.

— Ты из ума выжил? — зашипела Лиза. — Он совсем плох, а ты приперся его допрашивать? Да кто тебе вообще такое право дал? — она вскочила со стула.

— Я дал, успокойся, — кашлянув в кулак, тихо сказал Павел.

— Что?! Я в шоке! — фыркнула она и сделала несколько шагов вперед, остановившись перед Павлом, словно перед огромной скалой.

— Так нужно.

— Для кого? Для нас? Для тебя? Или для него? — Она осмотрела Марса, кривя личико. — Да ты его вообще не знаешь. Такое ощущение, что главный он, а не ты. Бегаешь тут перед ним на задних лапках.

— Он брата твоего спас.

— А ты его похоронил!

— Так надо было! — Павел повысил голос, давая свободу действий Марсу.

— Только попробуй!

— Тише. Ш-ш-ш-ш. Тише, — крестный обхватил Лизу руками и прижал к себе, кивком указал Марсу на Романа.

— Эй? — Марс тихо склонился над лежащим. — Эй, парень? Ты слышишь меня?

Роман закрутил головой, медленно открыл глаза и повернулся на голос.

— Ты меня слышишь? — Парень кивнул еле-еле. — Хорошо. Слушай, мне нужно знать одну вещь. Вы же следили за солдатами «Огненных братьев»? — Тот снова кивнул. — Мне нужно знать, с ними была девочка? — Роман закатил глаза и отключился. — Эй. Эй! Эй!!! — Марс схватил его за плечи. — Очнись! Слышишь?

Марса тут же оттащили в сторону, но он продолжал смотреть на парня. Ему-то всего и нужно было знать, видел ли Роман Катю или нет.

— Эй! Ты меня слышишь? Ты чего творишь? Сдурел совсем?! — кричал Павел.

— Отвали, — Марс отпихнул его в сторону.

— Ты не оборзел ли? Я с тобой как с человеком, а ты что делаешь?

— Иди на хрен!

— Вот сучонок. Заприте его и глаз с него не спускайте. Пускай остынет, потом поговорим.

Двое парней схватили Марса под руки и увели прочь. Здоровяк присел рядом с Лизой.

— Ты уж прости и меня, и его.

— Зачем он тебе сдался? Для чего ты его притащил? Он принесет только беду. Ведь это же его ищут «Огненные братья»?

— Скорее всего.

— Они придут за ним, если узнают, что ты его приютил.

— Придут. Но разве ты сама не чувствуешь? В нем что-то есть: странствует в одиночку, выжил среди всего этого. Он хороший воин. А может быть, и больше.

— Он опасен.

— И поэтому он нам нужен. Если его ищут воины Черного легиона, значит, он не так прост, как кажется. А вдруг он тот, про кого все говорят? Парень с именем Красной планеты? — Павел пожал плечами. — Когда Роман придет в себя, дай мне знать. — Он обнял крестницу и поцеловал в макушку.

— Если выведают, что он у нас, нам конец.

— Я знаю.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже на это надеюсь.

Глава XIII

СДЕЛКА

Катя выглядела куклой, найденной на заброшенном чердаке старинного дома. Короткое платьице, рваные штаны и сандалии, поверх жилетка, сшитая Виктором из тряпья. Швея из него никакая, зато заботой он их не обделял, спору нет. Виктор ушел на разведку, оставив непоседу на Марса. Он расположился в тени большой ели на окраине леса и жевал сухарь ржаного хлеба, который больше походил на камень. Наверное, этот кусок видел еще динозавров. Маленькая, чумазая, с растрепанными волосами девчушка смотрела на Марса, широко улыбаясь.

— Чего тебе? — грубо спросил он.

— Дай сухарик.

— Ага, сейчас! — он откусил хлеб, смачно пережевывая и хрустя.

— Ты что такой жадина?

— Хочешь выжить в этом мире — научись доставать себе все сама.

— Я же девочка! И я маленькая. Ты должен делиться, так дядя Витя говорит, — она топнула ножкой и надула губки.

— Да мне плевать.

Катя ударила его ногой в лодыжку, не сказать, чтобы больно, но неожиданно и как-то обидно. Кусок черствого хлеба выпал из руки, девчонка ловко подхватила его с земли и кинулась в сторону, словно нашкодивший котенок. Марс лишь посмеялся, потирая место удара рукой. Катя спряталась от него в кустарнике и затихла.

— Молодец, урок усвоила.

— Просыпайся! Вставай давай! — грубый голос Павла разбудил его.

Засов на решетчатой двери щелкнул. Марс сел на кровати. Командор поставил напротив него табуретку и расположился на ней.

— Давай-ка я разьясню тебе кое-что. Так, для общего развития. Понимаешь, это моя территория, моя, — он постучал себя по груди для пущего убеждения. — Я пытаюсь быть вежливым, пытаюсь помочь тебе.

— Чтобы я помог тебе.

— Да. Конечно, не без этого. Но ты ведешь себя как дикарь.

— Ха-ха-ха.

— Чего смешного?

— То есть ты хочешь сказать, что у тебя здесь цивилизация? Я не напрашивался к вам. Ты сам притащил меня. Вы все равно все сдохнете. Даже если мы перебьем твоих левобережных, придут другие, гораздо сильнее. Так всегда происходит. Если хочешь выжить, нужно либо бежать, либо сражаться и идти вперед, постоянно вперед, переступая через совесть, мораль и трупы.

— А что делаешь ты, Марс? Бежишь или сражаешься?

— Я трачу с вами свое время, а оно мне дорого. Дай мне спокойно уйти. Это все, о чем я прошу.

— Помоги мне, и мы поможем тебе. Кого ты ищешь?

— Это не твое дело! — он вскочил с кровати. Павел последовал его примеру. Здоровый атлант смотрел на Марса сверху вниз. — Дай мне уйти! Дай уйти по-хорошему!

— Роман пришел в себя, ты можешь узнать у него то, что тебе нужно, — спокойно сообщил Павел и вышел из комнаты, оставляя дверь открытой.

Марс несколько секунд смотрел ему в спину, кусая губу, снова сел на кровать, глубоко вздохнул и впился руками в тряпье. Поднялся.

Пока шли в лазарет, Павел кратко объяснил правила поведения в его общине. Это был своеобразный свод законов, которые люди выработали для себя, чтобы не скатиться ниже того уровня, на котором они уже находились. У каждой общины существовали свои правила, и эта не была исключением. По законам правобережных вся власть принадлежала Павлу, но некоторые вопросы он был обязан выносить на совещания, в которых принимали участие приближенные к нему члены группы. В принципе, все сводилось к драконовским мерам, а по-другому и быть не могло. Любое преступление, будь то кража, насилие или убийство, в общине быстро наказывалось и искоренялось. Приговор один — повешение. Патроны были на вес золота. Имуущество приговоренного отходило к общине, его делили между нуждающимися. Примитивно? Возможно. Но это работало. Еще одним условием проживания в общине правобережных была обязанность приносить пользу, а именно работать. Все, включая детей, должны были отработать свою ежедневную норму. И в этом Павел преуспел. Все было отлажено. Каждый знал, чем он должен заниматься. Из мужчин он сформировал два основных отряда, внутренний и внешний. Первый занимался охраной общины. Главной в нем была Лиза. Вторым отрядом командовал лично Павел, делал вылазки в город, пресекал набеги левобережных. Но после того как появились «Огненные братья», все стало разваливаться. Главарь правобережных — Хищник — заключил договор, который Новый Рим предлагал всем: помощь и защита в обмен на половину ресурсов и людей для армии

«Огненных братьев», а люди им требовались постоянно, если учесть масштаб их военных конфликтов.

Марс повидал много общин, и ему было с чем сравнивать. Эта была довольно неплохо организована. Не хватало, правда, огнестрельного оружия. Но где его хватает?

Они вновь оказались в лазарете. Роман смотрел в потолок и тяжело дышал. Пот обильно покрывал лицо.

— У него двустороннее воспаление легких, — тихо произнес доктор, откладывая фонендоскоп и подвигая указательным пальцем очки ближе к переносице.

— Сделать что-нибудь можешь?

— У него пара дней, не больше, — он покачал головой. — Мне сказать Лизе или ты сам?

— Сам. Мне не привыкать. Один раз я уже похоронил ее брата.

Павел кивнул Марсу, чтобы тот приступал к расспросам, а сам с доктором вышел из палаты.

— Эй, — тихо подойдя к кровати и придвинув стул, произнес Марс. Роман со стеклянным взглядом лежал неподвижно. — Эй, ты тут? Ты меня слышишь? — он дотронулся до парня и тот вздрогнул так, что Марс отдернул руку.

— Душно-то как, — прохрипел Роман.

— Эй, парень, ты меня слышишь? А?

— Хреново мне как-то. Помру я, наверное.

— Да брось. Все нормально будет. Выкарабкаешься. Ты молодой, сильный. Ты мне вот что ответь. Ты, когда в разведку ходил, видел тех, кто приезжал к левобережным?

— Видел, — сухо бросил Роман и прикрыл глаза.

— Эй! Эй! Не отрубайся! Ты тут?! — Марс вскочил с места. Роман закашлял, но открыл глаза. — Ты так больше не делай, ладно? Ты мне скажи, среди них была девчонка-подросток?

— В головной машине. Я ее сразу заметил, так как она была там одна среди солдат. Эта машина ушла на юг, у нас не останавливалась. Про нее должен знать тот, кого они оставили у левобережных. — Он снова закашлял, захрипел и начал закатывать глаза.

— Твою мать! Эй! Доктор! Доктор!!! — заорал Марс и растерянно вскочил перед кроватью, на которой корчился Роман. Врач коршуном влетел в палату, отодвинул Марса в сторону и принялся колдовать над парнем.

— Мне с ним договорить нужно.

— Какое, на хрен, договорить?! Все, уходи. Он больше ничего не скажет. Все, я сказал!

— Сожалею, что так вышло, — проходя мимо помрачневшего Павла, извинился Марс.

— Все мы под Богом ходим. Лизку жалко, второй раз брата похоронит.

— Боюсь, теперь по-настоящему, — сухо бросил Марс.

Вечером, когда стемнело, было долго слышно, как кричала девушка, не стесняясь никого, с завыванием. Теперь такое было редкостью. Смерть повсюду. Часто трупы попросту валялись на земле на растерзание животным. Порой и люди не брезгали падалью. Так что этому парню несказанно повезло: его хотя бы зароят. Тут еще не забыли о том, что после смерти люди должны быть похоронены, а не лежать поверх земли, как прошлогодняя листва.

Для Марса эта смерть была чуждой, он не чувствовал ничего. Просто умер еще один человек, которого он не знал, почти не знал. Смерть лишь мгновение. К ней так же легко привыкнуть, как и ко всему остальному в этом мире.

Он сидел и обдумывал слова Романа. У Марса снова появилась надежда, снова появилось желание действовать, когда он узнал, что Катя — а он не сомневался в том, что это была именно она, — жива. Теперь ему нужно было узнать, куда ее везут и для чего вообще ее схватили. И координатор левобережных от «Огненных братьев» мог ответить на эти вопросы как никто другой. Все складывалось просто чудесно, за исключением того, что он не хотел ввязываться в распри местных группировок. Однако ничего не поделаешь, придется помочь этому здоровяку Павлу в его разборках. Обоюдные выгодные условия, как ни крути: Марсу нужна информация, а Павлу нужно перебить врагов.

Романа похоронили на следующий день. Сообразили даже что-то типа поминок, на которые пригласили и Марса, но он не пошел. Он встретился с Павлом позже, чтобы обсудить будущие действия. Толстая свеча одиноко стояла на столе, освещая комнату. Павел указал на карте расположение левобережных. Всем своим видом он выражал готовность расправиться с ними. Впрочем, аргумент у него был только один и сводился к тому, что они утратили человечность. Марсу этот довод был лишним: он бы пошел убивать их, даже зная о том, что они божьи ангелы.

— Значит, ты уверен в том, что их примерно человек пятьдесят? Я имею в виду мужчин.

— Около того. Я точно не знаю. По головам их никто не считал. Я еще вчера выслал разведку, скоро должны вернуться со свежей информацией.

— Да, сейчас бы она нам не помешала.

— Я надеюсь, что принял правильное решение насчет тебя.

— Это да. Что-что, а людей убивать я умею. Мой наставник хорошо меня этому обучил.

— Я думаю, что таким просто нужно родиться, — заметил Павел и ткнул пальцем в карту. — Смотри, тут их основное логово. Это бывший

маслобойный завод. Они обосновались в правой его части, по периметру — забор. Вход через проходную. Снаружи стоят два бойца. Что внутри, не знает никто. Возможно, все как у нас, внутренняя охрана. Хищник мужик не глупый. Далеко не глупый.

— Ясно. Ответь мне на один вопрос. Вы хоть раз проводили полномасштабные действия?

— Нет, ты что? На кону стоит жизнь общины. А вдруг мы проиграем? И тогда они просто захватят нас, а тут женщины и дети. Думаешь, они пощадят их?

— А твои парни?

— А что с ними?

— Что сделают они, когда ворвутся в лагерь левобережных? У тех наверняка тоже есть женщины и дети.

— Всех, кто не станет сопротивляться, я возьму к себе в общину. Или они смогут уйти.

— Какой гуманизм! — усмехнулся Марс. — Ладно. Я так понимаю, Хищник ждет помощи от своих покровителей, раз не нападает. Поэтому нужно действовать на опережение.

— И каким же образом?

Дверь открылась, и в «штаб» с позволения командора вошли двое парней из группы разведки, которая только что вернулась с левого берега.

— Докладывайте.

— Докладывать особо нечего. На их стороне никаких движений. У входа охрана меняется в десять вечера. И теперь вместо двух четверо охраняют.

— Час от часу не легче.

— Мы их перебьем, — заулыбался и закивал головой Марс. — Есть одна идея. Но как далеко ты готов пойти ради спасения своих людей?

— Ради них я готов на все!

— Посмотрим. Готовь группу. Да, и еще. Мне нужно оружие.

Поздним вечером следующего дня на проходной маслобойного завода дежурили четверо вооруженных мужчин. Они расположились у костра, громко разговаривали и смеялись, никого не боясь. Над костром висел закопченный чайник.

— Слушай, Петр Андреевич, а правда, что братья Адамс пропали? — поинтересовался у пожилого мужчины мальчишка лет семнадцати.

— Ага, как в воду канули. Этим ублюдкам туда и дорога. Если их кто порешил, так я только ему благодарен буду.

— Зря Хищник с этими «Огненными братьями» связался. Попользуются они нами, как девками, да и растопчут, — вступил в разговор еще один мужчина, тоже в годах.

— Так они же нам помощь оказывают, — возразил молодой.

— Какую? Какую помощь они нам оказывают? Пока только обещаниями кормят да своего надсмотрщика прислали. Этому ряженому сразу лучший угол выделили и на двойной паек поставили. Наверное, чтобы с голоду про свою веру не забыл. А все остальное только на словах. Хищник совсем с катушек съехал. Вместо того чтобы мир организовать с правобережными, — Петр Андреевич сплюнул в сторону, цыкая сквозь передние зубы, — с этими договор заключил.

— Согласен с тобой, Андреич, — поддержал пожилой. — Смотри, в усиление двух молокососов поставил, аж смешно.

— Да мы за нашу общину глотки порвем всем, и за Хищника тоже, а вы только и можете бухтеть, пердуны старые, — взвился второй парень.

— Ты б, Денис, лучше язык свой попридержал. Не знал бы я твоего отца, сейчас бы тебе надрал задницу. Различать нужно, где дело говорят, а где с ума сходят. Пол-общины недовольны Хищником. Понабрал всякий сброд. Одни братья Адамс чего стоили. Да и остальные пришлые. Для них вся радость — это людей резать. Аж тошно.

— Да какие они люди-то? Враги они, эти правобережные. Наших-то скольких положили.

— А мы их? И ради чего? Мы так и будем друг друга крошить, пока Хищник с командором не договорятся. А договорятся они, только когда кто-то один из них сохнет! Вот тебе и задачка. Здоровяк хоть к себе всех людей берет. А мы что? Только тех, кто сражаться может. Вот теперь сам посуди, кто из них лучше, а кто хуже.

— Ну да, ну да, — мужичок в годах, соглашаясь, закивал головой.

— Хищник правильно делает. Зачем нам слабаки? Толку от них нет, только продукты переводить, — никак не угомонялся Денис.

— Заткнись лучше, — Петр Андреевич отвесил молодому оплеуху. — Понабрался идеологии от этих «Огненных братьев».

— Да чего ты?!

— Ничего! Сиди лучше молча, раз не понимаешь.

— Лучше б я вообще внутри остался. Там хоть тепло и поспать можно. Зайди вон к ним на проходную: дрыхнут, наверное.

— Вот и плохо. Совсем расслабились, только на «Огненных братьев» и надеются, — мужчина снова сплюнул в сторону.

— Да брось, Андреич. А что еще им там делать? Мы тоже там спим, когда в охране стоим. Никто ж не полезет в лоб штурмовать. Тем более мы теперь вроде как под протекторатом у «Огненных братьев». Так что, — Денис улыбаясь развел руки в стороны и пожал плечами, — дураков-то нет. Эй, есть кто тут?! Есть кто повоевать хочет?! — прокричал в темноту с насмешкой.

Его голос раскатился по рядом стоящим полуразрушенным постройкам, рождая внутри них искаженное эхо, похожее на крик из

самого ада. Вместе с эхом из темноты довольно отчетливо слышались посторонние звуки: шорох, скрип снега и легкие медленные шаги. Петр Андреевич первым почувал неладное, мгновенно притих и дал знак остальным замолчать.

— Может, парней позвать?

— Ш-ш-ш-ш, — прошипел Петр Андреевич, прикладывая указательный палец к губам.

Осторожно поднялся с места, снял с плеча карабин, прошел пять шагов вперед, стал всматриваться. Среди построек что-то мелькнуло, появилось на секунду в поле зрения наблюдавшего и стрелглав кинулось обратно в развалины, прячась в темноте ночи.

— Чего застыл-то?! Стреляй! Уйдет! — заорал Денис, не выдержав напряжения.

Но Петр Андреевич отчего-то не стрелял.

— Ты чего не выстрелил? Эти два молокососа аж дрожат все. Кто там был? Вдруг это правобережные? — сказал второй пожилой из дозорных.

— Ребенок это. Малец какой-то лет восьми, — опуская карабин, произнес Петр Андреевич. — К костру, наверное, шел. Жрать хочет, а мы его чуть не пристрелили.

— Да какая разница? Хищник сказал, слабаков в общину не тащить, тем более сосунков всяких! Нужно было пристрелить, да и все! — Денис недовольно шмыгнул носом, его еще немного потрясывало от того, что произошло.

— Совсем, что ли, озверели? Я вам пристрелю! — Он закинул карабин на плечо и направился вглубь развалин.

— Стой, дурак старый! Куда?! — заорали почти в голос молодые.

— Да остыньте вы! Приведет малого, дадим ему хлеба да отправим на все четыре стороны. Дитя же все-таки.

В темноте слышался голос Петра Андреевича. Он тихо и даже как-то ласково стал звать ребенка: «Эй, не бойся. Иди сюда. Я ничего тебе не сделаю, не бойся». Он уговаривал минуты две, потом замолк.

— Андреич? — поднимая оружие и делая несколько шагов вперед, насторожился второй по старшинству из дозора. — Эй, Андреич, все нормально?

Наконец во мраке замаячила фигура.

— Фу ты черт! Напугал, — опуская ствол, вымолвил он и улыбнулся, но через секунду его улыбка сменилась выражением удивления.

Из темноты быстрым шагом выходил Марс. Резкое движение рукой — и нож впился в горло мужика. Позади бойцы Павла в белых костюмах оттащивали в сторону тела молодых. Из развалин показались солдаты общины правобережных.

— А если б они его пристрелили?

— Но так ведь не пристрелили. Мальчишка отыграл на все сто. Молодец, не сдрейфил.

— Этому парню бояться нечего. Его родителей эти гады порешили у него же на глазах, и он давно уже не ребенок. Сейчас детей нет.

— А ты бы стал стрелять в ребенка? — повернувшись, поинтересовался Марс у Павла.

— Что дальше делать будем? — проигнорировал вопрос командор.

— Заходим внутрь. Мне нужен живым только тот, кто прибыл от «Огненных братьев». С остальными поступай как знаешь. И мой тебе совет: убивайте их спящими. Поверь, так хлопот будет намного меньше. Не стоит цепляться за совесть. Раз вы пришли сюда убивать, делайте это. И чем быстрее все закончится, тем лучше.

— А ты страшный человек, Марс. Я бы не хотел быть твоим врагом.

— Я и не говорил, что я добрый.

Павел сделал жест рукой, и его люди двинулись на штурм.

Глава XIV

ВЫСТРЕЛ

Левобережные и понять ничего не успели, как для них все закончилось. Дежуривших на проходной перебили спящими. Когда подняли тревогу, правобережные уже проникли на территорию. Начался хаос и паника. Павел еле смог остановить своих бойцов, даже когда стало понятно, что штурм уже завершен и больше убивать никого не нужно.

Запуганные люди, согнанные в гурт солдатами командора. Крики, гам, шум. Марс шел по пепелищу построек, которые раньше были убежищем. Слева догорающая палатка, в которой еще билось в предсмертной агонии черное, обугленное тело, с трудом напоминавшее человека. Запах паленого мяса ударил в нос. Марс спустился в подвал маслобойного завода. Навстречу гнали очередных пленных. Среди мусора и разбросанных вещей лежали три трупа. Он перешагнул через них и пошел на звуки возни и людских голосов. В темном полумраке коридора под еле светящейся лампой бойцы Павла зажали нескольких женщин. Смех победителей, издевки, чувство вседозволенности. Марс хотел уйти, не его это война, но откуда-то из глубины всплыло лицо Андрея, чувство вины, давно забытое, ушедшее, захлестнуло, взяло верх.

— Эй, парни! Помочь? — он медленно достал пистолет, взвел курок и спрятал за спину. Бойцы обернулись и затихли, недовольно рассматривая того, кто помешал им развлекаться. Это в общине жесткие правила, а тут победа и победителей не судят. — Наверх их гоните. Всех.

Один из них, небольшой и тощий, с бородой, продублировал приказ остальным и, проходя мимо, презрительно сплюнул в сторону. Марс только улыбнулся и убрал оружие обратно за пояс.

Когда он вернулся на поверхность, то увидел Павла в окружении приближенных людей. Перед ними стояло двое, один — на коленях. По всей видимости, это и был глава левобережных, так называемый Хищник. Среднего роста, в выцветшем камуфляже, растянутый военный бушлат, коротко постриженные волосы, голова разбита. Он смотрел пристально, видно, что не трусил. Таких Марс повидал достаточно. Будет бараном стоять на своем. Переубедить невозможно, проще убить: проблем меньше. Второго, в красном балахоне, похожего на священника, с заплывшим

левым глазом, держали под руки. Марс встал неподалеку, решив подождать, пока Павел наиграется с поверженным главой левобережных.

— Я же предлагал все уладить мирно. Ты не послушал. Помнишь, как мы жили раньше? Все вместе. Но ты решил, что ты лучше, что жить нужно по закону силы. Посмотри, к чему это привело? — Павел обвел рукой вокруг себя.

— Ты предлагал только то, что выгодно тебе! Ты был слаб! А слабым в этом мире нет места! — взревел Хищник.

— Я предлагал мир. Разве этого тебе мало? Я предлагал быть людьми. А ты начал готовиться к войне, открыл охоту на моих людей, уподобился животному, собрал вокруг себя всякий сброд и стал считать, что можешь вот так запросто вершить судьбы, позволял своим людям творить мерзости.

— Мира больше не будет. Да и твои люди не ангелы.

Координатор «Огненных братьев» рассмеялся.

— Чего ты ржешь?

— Ты даже не представляешь, что натворил. Лучше бы принял нашу руку помощи. Отдал бы половину. Теперь отдашь все.

— Думаешь, ты такой крутой? Приходите, заставляете жить всех по своим правилам, сталкиваете лбами общины, а потом захватываете их, когда они окончательно ослаблены. Думаешь, я не слышал про вас? Не знаю, кто вы?

— Разделяй и властвуй. — Координатор провел языком по губам, сплюнул кровь. — Зверь поставит весь мир на колени. Не вы первые, не вы последние. Вы не понимаете одного. Мы — это благо.

— Армия Нового Рима придет и растопчет тебя. Жаль, что это буду не я. Мне не хватило всего-то нескольких дней. Очень жаль, — вторил координатору Хищник.

Марс покачал головой и, не выдержав, приступил к допросу.

— Спрашиваю один раз, — подойдя вплотную к координатору, схватил его за шкуру. — Только один раз, — повторил Марс и поднял указательный палец.

— Да пошел ты! — усмехнулся координатор, но тут же получил удар под дых.

— Неправильный подход к нашему разговору.

— Да мне плевать, — отдышавшись, произнес человек в красном. — Я не буду с тобой общаться. Ни с кем не буду. Генерал все равно вас всех убьет. А я смерти не боюсь. Я отправлюсь в свой Млечный путь и стану свободным. Стану счастливым. А вы будете гнить тут на этой убогой земле.

— Зачем вам нужна девчонка? — Марс вцепился в его подбородок, вынул пистолет и упер в грудь.

— Девчонка? Откуда ты знаешь?

— Марс, остынь! — занервничал Павел. — Он еще может нам понадобится.

— Мы договорились, что он мой.

— Марс? Тебя зовут Марс?! Так вот в чем дело... — Координатор резко рванул вперед, от неожиданности Марс спустил курок. Пленный упал.

— Какого черта?! — Павел не нащупал пульс у координатора. — Вот блин! А могли использовать его как заложника.

— Могли, — Марс недовольно посмотрел на лежащее тело, убрал пистолет и направился прочь.

— Куда ты пошел?

— Подальше отсюда. Ты получил то, что хотел. Я же не узнал ничего! Буду ждать тебя в общине. И не забудь, что ты обещал мне за помощь. Да, и кстати, — он обернулся и кивнул в сторону Хищника, — я бы прикончил его. Считаю, что я дал тебе дружеский совет.

Павел крикнул ему что-то вслед, но Марс лишь махнул рукой.

До самого утра все добро левобережных стаскивали в одно место, а потом сортировали. Так же поступили и с людьми. Человек десять признали опасными и вздернули. Остальные в качестве военнопленных должны были заработать себе свободу либо право остаться в общине Павла. Единственной для него проблемой стало решение по поводу Хищника. В итоге Павел пришел к мнению, что смерти тот недостоин. Хищника отвели на край города и выставили вон без еды и оружия, предупредив, что если встретят его в окрестностях, то убьют.

Потери Павла оказались незначительными: четверо убитых и с десяток раненых, да и то только один тяжело, остальные могли передвигаться сами. Полный трофеев и припасов караван потянулся обратно в лагерь правобережных.

Павел сдержал слово. За помощь Марс получил толстовку с капюшоном, зимнюю обувь, вязаную шапку, перчатки. Плюс урвал наколенники, сняв их с одного из убитых. Командор из личных запасов отдал компас и карту, свитер и шерстяное одеяло, подарил потрепанный туристический рюкзак.

Марс сидел в комнате Павла и штопал дырки, нашивая на рюкзак заплатки и приводя его в божеский вид. Здесь он скрывался от пристальных взглядов людей, которые уже начали распространять сплетни про него и несли полнейшую ахинею про второе пришествие спасителя. Слух про конец света уже начинал походить на правду, а вот появление нового сына бога затягивалось. Сейчас для обретения веры нужно было совсем чуть-чуть. Маленькой победы стало достаточно, чтобы народ поверил в приближение чуда, и это чудо, по всей видимости, ожидалось от Марса. Рядом на столе лежал пистолет Макарова и обрез. К ружью

подкинули десять патронов. Они выстроились в ряд, выделяясь в полумраке красной ровной линией.

— Может, останешься?

— Нет, спасибо, — перекусив нитку, буркнул Марс.

— Жаль, что этот фанатик ничего тебе не рассказал.

— Да, жаль, — Марс встал и стал разглядывать свой рюкзак, крутя его в руках.

— Мне бы пригодился такой человек, как ты. Может, передумаешь?

— Не уподобляйся остальным. Я же вижу, к чему ты клонишь. Хочешь сделать из меня идола? Выкинь эту дурь из головы. Его нет и не будет. Это всего лишь слухи, вымысел, сказки. И уж тем более я к этому не имею никакого отношения.

— Слушай, — Павел почесал затылок, посмотрел исподлобья, — а может, все же подумаешь? Тебя ведь не гонят.

— И думать нечего, — Марс переложил свои припасы и медикаменты в «новый» рюкзак, аккуратно сложил патроны в отдельный карман.

— На вот, держи, — Павел протянул нож, на рукоятке которого виднелась красная эмблема «Огненных братьев». — Забрали у того, которого ты пристрелил. Бери. Будет трофей, да и нож хороший, пригодится.

— Спасибо.

— Извини, большим помочь не могу. Сам понимаешь, народу прибавилось — оружие нужно самим.

— Ты и так сделал для меня слишком много.

— Ты заслужил. Без тебя мы их не одолели бы.

— Да брось. Нужно было просто ударить первыми.

— Ударить первыми сложно, если нет героя. Ты вдохновляешь людей. Может, ты и правда тот, о ком говорят?

— Ты-то не смей меня, — улыбнулся Марс.

— Ну да, ну да. Люди болтают всякое. Согласен. Ты не он. Когда собираешься нас покинуть?

— Выплюсь — и в путь.

— Хорошо, я предупрежу охрану, чтобы тебя выпустили. — Павел протянул ему руку. Марс ответил долгим рукопожатием.

— Вы бы лучше покинули это место. Они вернуться, понимаешь?

Павел отделался кивком головы.

— Я серьезно. Такое никто не прощает. Тем более они.

— Я смогу постоять за себя.

— Не сможешь. Тебе с ними не тягаться. О себе не думаешь — подумай о крестнице и о своих людях.

— Ну, это мы еще посмотрим, кто кого, — Павел улыбнулся, и они разжали руки. — Знай, что тут у тебя есть друзья и, если что, ты всегда можешь обратиться ко мне.

— Хорошо. Только если не слушаешь моего совета, обращаться будет не к кому.

Павел вновь улыбнулся, понимающе покачал головой и, хлопнув по плечу гостя, вышел. Марс завалился на кровать и долго не мог заснуть. В голову лезли разные мысли, не покидало чувство тревоги. Он понимал, что вряд ли еще когда увидит эту общину и ее здоровяка. Знал, что «Огненные братья» придут и покарают их за то, что они сотворили. Что он сотворил. Он понимал, что именно он подписал этой общине смертный приговор, сподвигнув их на такие действия. Кто знает, что бы было, если бы он не попал сюда, как бы все разрешилось. Но теперь разрешится все только по одному сценарию. Месть — это демонстрация силы, а те, кто похитили Катю, сильные, даже очень. Они однозначно придут за расплатой.

Марс повернулся на бок, скомкал что-то вроде подушки, поудобнее забивая ее под голову. Нужно было выспаться. Кто знает, когда еще удастся спокойно переночевать в тепле и без угрозы для жизни.

Темнота полуразрушенного тоннеля, покрытого плесенью, с просачивающейся через разломы и трещины в своде грунтовой водой. Запах тяжелого воздуха. Человек в черном плаще и с капюшоном на голове в одной руке держит факел, другой ведет за собой маленького мальчика. Свет факела оранжевым отблеском отражается на влажных стенах и мокром полу, загадочно играет в густой тьме. Мальчику страшно, он озирается по сторонам. Его спутник уверенно идет вперед в непроглядную темноту. По каменной артерии разносится звонкий звук подкованной обуви. Факел начинает гаснуть, тьма окутывает все гуще и гуще, пока совсем ничего не стало видно.

— Папа? А куда ты меня привел?

Марс открыл глаза, вскочил с кровати и оглянулся вокруг. Его бил озноб. Все тихо и спокойно. Он все еще в комнате командора в лагере правобережных. Опять лег, уставился в потолок. Дыхание выровнялось. Пора. Поднялся, зевая, потянулся, закинул рюкзак на плечи и вышел.

На улице еще не рассвело. Караульные уважительно поприветствовали его и пропустили. Далее к нему присоединились двое парней, которым было приказано сопровождать Марса до окраины города. Оба хорошо экипированы, в белых маскхалатах. Часа через два вышли на перекресток и распрощались.

Дальше Марс пошел один, своей дорогой, пошел туда, где его ждала Катя. Шел весь день, никого не встретив. Под вечер увидел вдалеке

одиноким стоящим домик. Осторожно подкрался ближе. Снег чистый, следов нет. Около постройки вбита пара кольев, на которых болтались остатки снастей, похожие на пряди длинных волос из лески. Дом стоял прямо у оврага. Каждый год овраг отвоевывал свое, и скоро эта постройка должна была отправиться во чрево разрастающейся ямы.

Перед дверью снял рюкзак, поставил на землю и вытащил пистолет, аккуратно вошел в дом, держа оружие наготове. На цыпочках, стараясь не создавать шума, обшарил все три небольшие комнаты. В одной из них, увидев свое отражение в помутневшем от времени зеркале, чуть не выстрелил. Улыбнулся и убрал макарова за пояс. Решил отдохнуть тут.

Вышел на улицу за рюкзаком, но застыл на пороге, всматриваясь вдаль. Вокруг оврага расстелились поля, покрытые нетронутым снегом, по краям оврага посадки. Чуть дальше дорога вела на юг, в неизвестность. Постоял немного, вдыхая полной грудью морозный воздух. Становилось все холоднее. Потер руки, взял свои вещи и зашел обратно в домик, заперев за собой дверь.

Устроился в комнате с окном: в экстренном случае можно было уйти через него. Костер решил не разводиться. Расположился на полу, достал из рюкзака перловую кашу с тушенкой, вскрыл банку ножом. Внимательно рассмотрел эмблему на ручке, обтер нож об рукав куртки, спрятал его обратно, принялся есть. Ел медленно, доставая куски руками. Смотрел в никуда, какое-то время не было даже мыслей. Солнце быстро пряталось, оставляя после себя мрачный и унылый полумрак. Отставил пустую банку в сторону, сам устроился в углу, немного поерзал для удобства. Холодно, но ничего, ему не привыкать. Достал одеяло, укрылся с головой, пистолет положил рядом, сняв с предохранителя. Под одеялом от дыхания становилось теплее. Задремал.

Уже на рассвете медленно открыл глаза: показалось, что скрипнул пол. Утро было похоже на вечер, такое же серое. Словно он и не спал вовсе, а просто прикрыл глаза на секунду. Из-под одеяла выбираться вовсе не хотелось. Не успел он приподняться, как через дверной проем вдруг влетело нечто черное, не разобрать. Получил удар в грудь. Схлестнулись, завязалась борьба. Громкое дыхание сопровождало возню на полу. Каждый пытался забраться на другого. Неизвестный хрипел, почти рычал, несколько раз пытался вцепиться зубами в горло Марса, в итоге оказался сверху и стал наносить удары по лицу. Марс отбивался. Наконец с трудом свалил напавшего в сторону. Незнакомец упал напротив окна рядом с пистолетом, тут же схватил его и направил на Марса.

— Вставай, сволочь! В-с-т-а-в-а-й!

— Тише, тише, — Марс поднял руки.

Перед ним был глава левобережных — Хищник. Тяжелое и злобное дыхание, трясущийся от напряжения в руках пистолет.

— Ты отнял у меня все, выродок! Ничего не оставил!

— Нужно было тебя убить, — спокойно произнес Марс, опуская руки.

— Тут ты прав. Нужно было. Сам удивился, когда Павел выставил меня из города. Я порыскал по округе — ни еды, ни людей. И тут на тебе — наткнулся на чьи-то следы. Пошел по ним. Словно чувствовал, что это ты. Знал, что уйдешь, не останешься у них... А теперь, — он обхватил пистолет двумя руками, — скажи «спокойной ночи».

Одинокий выстрел пронзил воздух.

Глава XV

ПОПУТЧИК

Говорят, что жизнь пролетает перед глазами, когда старуха с косою хватается тебя за шиворот. Вранье. Ты не успеваешь ничего осознать. В лучшем случае просто прикроешься руками от опасности или зажмуришь глаза. Как будто это может спасти. Доли секунды, а потом либо бесконечная тьма небытия, либо выдох облегчения: пронесло. И только после ты можешь понять, проанализировать и, наконец, испугаться, осознав, что острая коса «костлявой» прошла в миллиметре от твоего горла.

Одинокий выстрел разбил стекло. Марс инстинктивно кинулся на пол, Хищник упал, а воздух наполнился кровавой пылью. Труп лидера левобережных еще подергивался. Пуля попала точно в голову, разворотив полчерепа. Марс дополз до мертвого тела, забрал пистолет. Так же, не вставая, добрался до окошка, приподнялся, на секунду выглянул и сразу вниз. Ничего не было видно, только белая гладь полей да ровная полоса посадок.

— Вот только этого мне не хватало, — прижимаясь спиной к стене под окном, бормотал он. — Думай, Марс, думай, — постучал дулом пистолета себя по лбу. — Ладно. Хорошо.

Он кинулся в коридор, оттуда — к входной двери. Прижался к стене, приоткрыл дверь, резко выглянул — и назад, затаился. Глубоко задышал и пулей выскочил на улицу, кубарем скатился в овраг, прямо в кустарник и камыши. Чуть не выколол себе глаз веткой, но лишь ободрал кожу. Стал пробираться сквозь заросли. Метров через триста поднялся по склону ползком, загребая руками под себя снег. Наверху уткнулся в него лицом, набрал полный рот, стал жевать и осматриваться по сторонам. Никого. Никакого движения, словно все приснилось и ничего не произошло. Ан нет, метрах в ста пятидесяти, прямо у посадок, что-то шевельнулось, поднялось.

«Вот, сучонок! Интересно, один ли он?»

Марс снова сполз вниз, перебежкой дал крюк, чтобы зайти сзади, упал, пополз по-пластунски. Пистолет в руке наготове. Наткнулся на следы. Набрал полный рот снега, пожевал и выплюнул. Пот лился

ручьями, от этого щипало лицо. Следы уходили в серую чащу берез и орешника.

«Неужто одиночка? С такого расстояния завалил Хищника, да еще через небольшое окошко. Мастер».

Марс закусил губу, подполз очень близко к тому, кто скрывался в посадках: их разделяло метров шесть, не больше. И если бы не ветер, от которого трещали сучья, перекрывая другие звуки, кто знает, чем могло это закончиться для Марса. Человек в бело-сером камуфляже стоял на одном колене и, приложив снайперскую винтовку к плечу, водил ею вправо и влево в поисках цели. Марс приподнялся, обхватил макарова обеими руками и прицелился в спину, чтобы наверняка не промахнуться. Глубокий вдох и плавный спуск курка. Клад! Осечка. Снайпер мгновенно развернулся, но Марс уже мчался на него, словно лев на добычу. Одинокий выстрел винтовки оглушил — казалось, пуля пролетела прямо над ухом. Оба упали на снег. Через мгновение Марс наехал на стрелка, давя на его горло его же собственным оружием. Тот стал хрипеть и дергаться, упираясь обеими руками в винтовку, но Марс был сильнее. Противник дернул ногами и взвизгнул. Ярость Марса мигом улетучилась. Тяжело дыша пересохшим ртом, он рассмотрел темно-карие глаза с черными, как будто нарисованными, бровями.

— Э-это я... Пощади... — прохрипел женский голос.

Марс резким движением сдернул маску. Лиза медленно отвернула в сторону покрасневшее лицо.

— Ах ты, сучка! — он поднялся и забрал винтовку, закинул на плечо. — Одна пришла или еще кто с тобой? — он оглянулся по сторонам.

— Одна.

— Я твоему брату ничего плохого не делал. Не я его искалечил. Заруби это себе на носу, если вдруг решила мне отомстить.

— Я не из-за него.

— О как! Интересно. Тогда мне вообще ничего не понятно. — Марс скинул с плеча винтовку и направил на лежащую в снегу девушку, сам отступил назад в поисках пистолета.

— Мне встать-то можно?

— Позже. Пока лежи, отдыхай. — Он наконец увидел коричневую рукоять макарова, медленно его поднял, не сводя глаз с Лизы, винтовку закинул за плечи. Передернул затвор пистолета. — Хм, везучая ты, стерва. Если бы не осечка, сейчас бы с тобой не болтали.

— Если бы не я, Антон давно бы тебя пришил.

— Кто-кто?

— Хищник. Думаешь, я стреляла в тебя? Хотела бы тебя завалить — давно бы это сделала. Еще когда ты по дороге шел.

— Что-то не понимаю.

— Крестный попросил за тобой присмотреть.

- Павел?
- Для тебя — командор.
- Да хоть сам Господь Бог. С чего бы такая забота?
- Говорит, что ты какой-то избранный, — она усмехнулась.
- Ух ты! Правда, что ли? Это уже какая-то эпидемия.
- Вот и я об этом.
- Ладно. Давай поднимайся и шагай вперед.

Лиза нехотя встала, скатала из маски шапку и надела на голову, показательно скрестила руки за спиной, заставив Марса улыбнуться, и побрела к домику.

— Значит, командор, — он с ударением произнес последнее слово, чтобы позлить девушку, — решил за мной присмотреть? Ну, раз так, это здорово. Если, конечно, не врешь. Сейчас дойдем до домика, я заберу свои вещи и отпущу тебя. Можешь шагать на все четыре стороны. Тебя никто не держит. За то, что Хищника завалила, спасибо.

— Пожалуйста, — бросила она ему с неохотой.

Они зашли внутрь. Тело Хищника в луже крови еще не остыло. Совсем недавно он чуть было не убил Марса, а теперь этот человек всего лишь история. Перевернутая страница книги, которая прочитана и вскоре будет забыта.

Марс подошел к окну и оценил расстояние до посадок.

— Где так научилась стрелять?

— Жизнь научила.

— Ясно.

Снимая с плеча винтовку, Марс обратил внимание на множество засечек на прикладе. Поставил оружие в угол комнаты.

— Я с тобой пойду, — сухо произнесла Лиза. — Мне так крестный приказал.

— Мне обуза не нужна.

— Эта обуза кому-то совсем недавно жизнь спасла, тебе так не кажется?

— По-моему, я спасибо сказал.

— Я с тобой пойду. И точка.

Марс повесил на плечи рюкзак. Еще раз осмотрел труп.

— Говорил же, чтобы кончал с ним. Не послушал. Таких в живых оставлять нельзя. Они будут мстить. Ничему их жизнь не учит.

— Это его друг был лучший. Не тебе решать, как нужно было поступить с ним. Они вместе людей спасали, всё организовали. Ты даже не представляешь, что тут творилось, когда началась разруха.

— Представляю: везде было одинаково.

— Возможно, но Антон с крестным сделали все, чтобы люди оставались людьми.

— Я видел, какими они остались людьми. Замучили почти до смерти твоего же брата. Хотя почему почти? Когда я на них наткнулся, они таскали его на поводке, словно собачонку. Это я так, к слову.

— Он не всегда был такой.

— Весь мир был раньше не такой. А потом, бац, — он щелкнул пальцами, — все слетели с катушек.

— Это всё «Огненные братья». Пришли их агитаторы, стали рассказывать, как всем будет хорошо, если мы подчинимся. Они укажут нам Млечный путь, путь истинного единения со Вселенной. Все, кто пойдет за ними, станут жить лучше прежнего. Мой крестный не захотел терять независимость, а Антон поверил в их слова, думал, что они возьмут людей в свой город, в Новый Рим. Многие из нашей общины тогда поверили, но не Павел. Антон ушел на левый берег и увел с собой преданных этой мечте людей. «Огненные братья» постоянно приезжали к нему, внушали идеи о превосходстве сильных, и он совсем с катушек съехал.

— Не тронуло. Обычная история.

— В каком смысле?

— Два медведя в одной берлоге не уживаются. Знаешь, все это очень интересно, но... — Он склонился над телом Хищника, обыскал, однако ничего не обнаружил. — Пустой, скотина. Ну что ж, — Марс вынул патроны из винтовки и кинул к ногам Лизы, — вали домой и больше на глаза не попадайся, а то пристрелю ненароком.

— Я с тобой пойду. Я же сказала.

— Да на хрена ты мне сдалась-то? Сказал же, проваливай.

— Все равно пойду, — собирая на корточках патроны, пробурчала Лиза.

Марс перешагнул через труп и вышел на улицу.

Шел долго, не оглядываясь, думал, все же отстанет, но не тут-то было: уперлась, насупилась, но старалась поспевать за ним. Держалась метрах в десяти, ближе не подходила. Так и шли почти полдня, не разговаривали. Ближе к вечеру Марс понял, почему Павел послал ее за ним: спас самое дорогое. «Огненные братья» сровняют его общину с землей, он не выстоит против них. Вот и отправил ее подальше.

«Тоже мне умник, нашел няньку, — в пол-оборота мельком глянул на девушку. — Мессия, етиху мать! Чего только обреченный народ не придумает!»

Поднялась пурга, нужно было искать ночлег. Только где? Вокруг снежное поле, и больше ничего. До самого горизонта сплошная белая пелена. Он остановился, вытащил компас и карту, сверил курс: вроде бы все верно, не сбился.

— Куда ты идешь? — подойдя ближе, поинтересовалась Лиза.

— Не твое дело. Я не просил, чтобы ты со мной шла, — осматриваясь, ответил он и убрал все обратно в рюкзак.

— Ты всегда такой?

— Всегда, — ускорив шаг, гаркнул Марс.

— Неудивительно, что ты постоянно один.

Марс остановился и, прищурив глаза, злобно поглядел на попутчицу, сплюнул и зашагал дальше.

Ветер усилился, пошел сильный снег, да такой, что едва можно было разглядеть с десятков метров впереди себя. Продвигаться можно было, лишь выставив одну руку вперед и отвернув лицо в сторону. От ветра перехватывало дыхание.

— Нужно найти укрытие! — Лиза постаралась перекричать метель.

Марс и сам знал, что нужно. И его как будто услышал высший разум. Нога провалилась, и он кубарем слетел вниз, на дно небольшой канавы. Уже что-то. Через секунду Лиза оказалась на нем сверху.

— Здесь до утра останемся.

— Что?

— Тут, говорю, переждем метель.

Раскопали снег вокруг себя, сели рядом и накрылись куском полиэтилена. Снег насыпал сверху, и внутри стало более-менее тепло. Так и просидели до утра.

Он открыл глаза. Лиза спала, положив голову на его плечо. Марс сморщился и отодвинул ее в сторону. Она сразу проснулась.

— Сиди тут, я осмотрюсь.

— Метель кончилась?

— Вроде тихо, — Марс скинул полиэтилен, отряхнул и уложил в рюкзак. Полез наверх, но тут же прижался к земле. Впереди, метрах в двухстах, шли люди, одетые кто во что горазд.

— Что там? — поинтересовалась Лиза.

— Стая идет на юг. Не поднимай голову. Аккуратней. Ну-ка, дай мне винтовку. — Он приложился к прицелу и стал наблюдать за караваном через оптику.

— Кто это?

— Кочевники. Мерзкие ребята. Я как-то с ними встречался, очень давно. Лучше на них не наткаться. Скитаются в поисках рабов. В особенности ценятся у них молодые девушки. Сама понимаешь почему. Поклоняются богу по имени Чингизид. То еще верование. Напридумают всякого и верят в это. Жрут все подряд, от насекомых до человечины. Говорят, из Монголии приперлись, из степей. Раньше их больше было. Потрепали, наверное, их. Вооружены плохо, но берут численностью, — не отрываясь от прицела, пояснил Марс.

И действительно, огнестрельного оружия у них было мало, в основном копья, дубины, топоры. Шли чуть ли не строем, словно солдаты

на параде. Почти все в лисьих шапках с болтающимися хвостами. Шли шеренгами по семь человек, растянулись метров на четыреста.

— Господи, сколько же их? Они словно с другой планеты. — Лиза вжалась всем телом в снег.

— А ты думала, вы одни на этом умирающем шарике?

— Я не думала, что мы одни. Я просто не знала, что существуют настолько отличающиеся от нашей группы.

— Ты еще многого не видела и не знаешь. Одна банда Борова чего стоит. Даже не представляешь, во что превратились люди сейчас. И с каждым годом мы всё деградируем и деградируем.

В караване двигались и телеги, набитые вещами. Часть телег тянули лошади, часть — рабы. Женщины шли отдельной группой, некоторые беременны, некоторые с грудными детьми на руках. Их охраняли шестеро автоматчиков. Все это шествие замыкала группа из двадцати всадников.

— Куда они идут?

— А я почему знаю? В Новый Рим, наверное, за лучшей жизнью. Давай потихоньку вниз сползай. Переждем, пока пройдут.

— Они что там в этом Риме, армию, что ли, собирают?

— Хм, — Марс нахмурил брови.

Такая мысль ему в голову не приходила. А может, и правда решили объединить группировки и уничтожить всех непокорных? Да ну, бред. Кому сейчас это под силу? Такого лидера нет. Каждый тянет одеяло на себя, да и будет тянуть, пока не порвут в клочья. Хотя, скорее всего, уже порвали, теперь делят лоскутья.

Просидели в яме часа два. На все вопросы Лизы, куда он все-таки идет, Марс отмалчивался, делал вид, что не слышит. Занимался тем, что смотрел на карту и прикидывал дальнейший маршрут.

Вылезли из канавы, направились на юг, сделав крюк, чтобы не повстречаться с прошедшим мимо них караваном. Остановились только тогда, когда наткнулись на глубокую колею, оставленную протекторами грузовиков. Следы уходили на север, именно туда, откуда они шли.

Глава XVI

ПАЛАЧ

Они ехали сквозь метель. Натянув на лицо черный платок-маску, генерал стоя смотрел вперед и командовал водителю, куда ехать, будто его вело что-то, неведомое простым людям. На подъезде к разрушенной ферме сбавили ход, остановились, не доехав метров ста до моста через большой овраг. Возможно, раньше здесь протекала река. Вокруг торчали из-под снега покосившиеся обгорелые строения. Метель скрыла весь ужас произошедшего тут побоища.

Луций оперся одной рукой о борт автомобиля, приложив вторую ко лбу, вглядывался в противоположный берег, где голый кустарник и деревья оплели развалины давно заброшенного фермерского хозяйства. Он сдернул с лица маску и повернулся к Сергею. Тот без промедления отдал приказ людям. Они начали выгружаться из машин, спрыгивая с кузова и приминая холодный пух солдатскими ботинками.

Катя тоже подошла к краю борта, посмотрела вниз на белое покрывало и шагнула вперед. Приземлилась на что-то твердое. Нога подкосилась, и девочка упала на бок, впопыхах ухватилась за торчащую палку. Огляделась и увидела рядом с собой закоченелый труп. От неожиданности взвизгнула и отскочила в сторону. Поняла, что ухватилась за руку мертвеца. Отползла в сторону, поднялась и снова наступила на что-то твердое. Пошевелила ногой туда-сюда и отрыла из-под снега очередное тело. В колее, оставленной грузовиками, виднелись чьи-то ноги, которые приняли форму проехавшего по ним колеса. Хорошо, что сейчас холодно. Летом был бы невыносимый смрад.

Кроме шума, который издавали солдаты генерала, больше ничего не было слышно. Даже ветер и тот дул тихо-тихо. Все вокруг умирало. Земля явно задумала погубить все живое, решив проверить, выстоят ли люди в очередной раз или канут в небытие, как динозавры, уступив место кому-то более приспособленному.

— Все нормально? — голос Шона вывел Катю из оцепенения, она обернулась.

— Угу.

— Ну, тогда давай топай ножками.

Генерал стоял напротив своих солдат, держа левую руку на рукояти меча.

— Там, — он указал рукой на мост, за которым располагались постройки, — находятся те, кто бросил нам вызов. Раньше тут была наша земля, жили наши люди. Теперь тут только мертвое поле. А я хочу, чтобы мертвыми были те, кто осмелился пойти против нас.

Солдаты стали колотить себя в грудь, издавая глухой шум, отдаленно похожий на барабанную дробь.

— Что они собираются делать? — удивленно спросила Катя у Шона, но он только поднес палец к губам.

Странный ритуал завершился. К Луцию из строя вышел Сергей. Генерал дал ему указания, и через несколько минут солдаты разделились на четыре группы и стали занимать позиции. Отряд во главе с Сергеем удалился. Сам Луций направился к мосту, пробираясь через снег, подошел к оврагу и остановился у края, где торчала железобетонная конструкция. К другому концу моста на том берегу подошел человек в драной шубе нараспашку, под которой виднелся темный костюм с белой вставкой на воротничке, в сопровождении двоих. На одном плащ химзащиты, в руках М-16. Второй в жутком тряпье, голова замотана в платок, словно у моджахеда, вместо верхней одежды что-то типа пончо, в руке сабля, за спиной дробовик.

— Кто вы такие и что вам нужно? — заговорил священник на английском.

— Ты пришел на мою землю. Убил моих людей. Это мне стоит спросить, что вы тут делаете?

— Земля — это Божье творение и принадлежит всем. А насчет мертвых всегда можно договориться. Как ты считаешь?

— Так давай договоримся, — Луций указал на середину моста и сделал шаг вперед.

— Давай попробуем, — падре двинулся навстречу генералу. — Твоих людей много, но мы хорошо укрепились и достаточно вооружены. Я знаю, что тут неподалеку ваша база.

— Не пойму, зачем вы напали на наших работников?

— Они не захотели делиться, — падре усмехнулся. — А ведь Бог велел делиться.

— Да, где-то я уже это слышал.

— Послушай меня. Мы пришли сюда издалека. Мне было знамение. И я удивлен, что встретил хоть кого-то, кто говорит на нормальном языке, — он положил руку на плечо генерала. — Послушай доброго совета. Снабди нас припасами, и мы пойдем дальше. Вчера к нам подошло подкрепление, и мы стали еще сильнее. Но я в хорошем настроении. Сегодня утром я разговаривал со Всевышним, и Он сказал мне, что этот день будет милостив для нас.

— То есть вам нужны припасы? — Луций с презрением снял руку собеседника с плеча.

— Именно. Знаешь, мы выживаем так долго потому, что верим в Господа нашего и Сына Его Иисуса Христа. Нас ведет вера. Земля полнится слухами о том, что новый пророк появится в ваших землях.

— А зря. Зря ты веришь слухам, — генерал положил ладонь на рукоять меча.

— Я бы не советовал делать резких движений. Мы заберем провизию и уйдем, а вы сможете жить дальше с Божьей помощью.

— Значит, ты веришь в Господа Бога?

— Мало того — я служу Ему. И моя паства растет под Его спасительной рукой, — падре воздел руки к небу и устремил взгляд вверх.

— Ясно, — Луций улыбнулся и продолжил на русском: — Я вырежу всю твою гребаную паству. Твои женщины будут молить моих людей о том, чтобы их убили. Я устрою вам такой ад, что сам Сатана будет удивлен, на что я способен. А ты, долбаный ублюдок, будешь наблюдать за всем этим и жалеть, что вообще напал на нас.

— О'кей, о'кей.

Генерал вернулся к английскому языку:

— «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил вас», — сказал Господь своим ученикам. Что же такое настоящая христианская любовь? Как нам научиться такой любви? Самым главным примером для нас служит Господь наш Иисус Христос, который так возлюбил мир, что умер на кресте за грехи наши.

Луций вызвал восхищение и удивление у своего собеседника.

— О-о-о-о-о! Ты знаешь Писание? Это прекрасно! — падре протянул руку, чтобы похлопать по плечу генерала, но тот резко подался вбок и мгновенно отсек ее.

Все произошло так молниеносно, что святой отец успел лишь широко раскрыть глаза, провожая взглядом падающую на снег часть тела и одновременно наблюдая за струей крови, окропляющей белоснежную гладь. В следующее мгновение замотанный в платок моджахед лишился головы. Раздались выстрелы с обеих сторон. Свинец дырявил резиновый плащ телохранителя, вонзаясь в плоть. Луций схватил падре за шкуру и вместе с ним спрыгнул с моста вниз, зарываясь в глубокий снег. Падре орал от боли, заглушая выстрелы.

— Стой тут, — Самурай пристегнул Катю наручниками к грузовику, а сам устремился на помощь генералу.

Солдаты Луция наступали. С обеих сторон уже имелись убитые и раненые. Двое бойцов скатились вниз по снегу к генералу, который прижимал пленника коленом к земле. Вокруг все было красным от крови.

— Наложите ему жгут! А то еще раньше времени подохнет, — распорядился Луций, взглянул наверх, осмотрел мост. Все было чисто.

Машины могли проехать без опасения подорваться. Он устремился вверх по склону.

Бой длился больше часа до переломного момента, когда Сергей со своим отрядом зашел в тыл бойцам падре. Уже через пятнадцать минут оставшиеся в живых сдались на милость победителей.

Пленных разоружили, согнали в кучу. Самурай вернулся к Кате, усадил ее в кузов, после чего на машинах переехали через мост, по пути собирая своих раненых и убитых.

Потери примкнувшей группы сброда, которой командовал Лысый, во внимание никто не принимал. «Мясо» зверствовало, вытащив из кучи пленных нескольких женщин. Луций не вмешивался, его солдаты тоже. Генерал обошел раненых, приказал забинтовать руку падре и дать ему нашатырь, чтобы не потерял сознания.

— И что ты собираешься делать? Неужто убьешь всех? — еле промолвил, преодолевая боль, духовный лидер.

— Знаешь, я пощажу вас всех, если твой бог, с которым ты общался сегодня утром, спустится ко мне и поцелует меня в зад.

Солдаты притащили пенек и поставили перед пленниками.

— Что ты задумал?

— Увидишь. — Улыбнувшись, генерал обратился к пленникам: — Мне нужен палач. Один из вас может сохранить себе жизнь.

Долго ждать не пришлось. Несколько человек кинулись вперед, предлагая свои услуги. Даже женщины не отставали в рвении. Луций указал пальцем на крепкого парня, солдаты вытащили его вперед.

— В бога веришь?

— Да! Да! Верую! — затряс тот головой, упал перед генералом на колени и стал креститься со слезами на глазах.

— Это понятно. Приступай и помни, что сказано в Писании: «Не убей».

Сергей поднес топор и кинул палачу под ноги. Солдаты вытащили из толпы женщину, скрутили и положили головой на пенек. Парень, держа топор в руках, оглянулся.

— Чего встал? Приступай, — прокричал Луций, проводя большим пальцем себе по горлу и давая понять, чтобы палач начинал представление.

Топор взмыл вверх и резко опустился. При виде отлетевшей в сторону головы толпа пленных ахнула. Катя зажмурилась и отвернулась, присела, прячась за бортом.

— Он просто чудовище, — обнимая колени и прижимая их к себе, не выдержала она.

— А они? — не смотря на девчонку, ответил Самурай.

— Следующего! — прокричал генерал.

Казнь повторилась, и еще, и еще, пока из пленных не остались в живых трое. Луций подошел к палачу, стоящему среди кучи обезглавленных трупов, и похлопал его по плечу.

— Хорошо. Прекрасная работа.

Солдаты схватили палача, поставили на колени и положили его руки на пень. Луций поднял топор.

— Ты обещал! Ты же обещал! Я все сделал, как ты приказал! — заорал испуганный парень.

— Я обещал не убивать тебя.

Через мгновение бывший палач катался без рук среди мертвецов, визжа от боли. Луций обратился к оставшимся в живых:

— Ступайте обратно, откуда пришли. А по пути рассказывайте о том, что видели. Ибо так будет с каждым, кто встанет на моем пути и не покорится мне. Нет никакого спасителя, и не будет. Ибо я есть тот, кто установит новый порядок.

Он вонзил окровавленный топор в пень и подошел к священнику, наблюдавшему за казнью, стоя на коленях.

— Думал, что со мной можно договориться? С тем, кто давно мертв, договориться нельзя. — Луций похлопал его по плечу и приказал солдатам: — По машинам!

Генерал заскочил на подножку водителя, что-то сказал ему и перебрался в кузов. Машина с пробуксовкой дернулась, резко повернула и подмяла под колеса падре. Трое оставшихся в живых проводили уезжающую колонну взглядом, после чего вынули из пня топор и, передавая оружие друг другу, искромсали еле живого парня, вызвавшегося быть палачом.

Колонна ехала долго, не остановилась, даже когда стемнело.

— Генерал, — Сергей робко обратился к своему командиру. Луций поднял на него взгляд. — Людям нужно отдохнуть, да и раненые у нас.

Генерал кивнул, поднялся и постучал по крыше кабины. Приказал разбить лагерь прямо посреди поля. Машины поставили по кругу в качестве укреплений. Установили одну палатку для раненых и одну для генерала. Все оперативно, все четко, как и всегда.

Пока тряслись по бездорожью, отошли к праотцам трое тяжелораненых. Их кое-как закопали в промерзшую землю. Двоим, что остались в живых, оказали медпомощь.

Людей Лысого выгнали за машины, дали им немного еды и дров, чтобы не околели ночью. Те, недовольно бухтя, расчистили себе поляну и развели огонь.

— Они нас вообще за людей не держат, — открывая ножом банку с консервами, бормотал человек в ватнике. — Выгнали на мороз, а сами сидят за баррикадами, — он оглянулся на лагерь Луция. Часовые ходили взад и вперед, всматриваясь в темноту. — Вон, суки, заныкались. А мы тут

словно скот на убой. Кто знает, что здесь вокруг? Не видно ни черта. Дров дали как кот заплакал.

— Чё ноешь? Забыл, как дохлятиной питались да голодали? И, между прочим, нас Кабан не в райские кущи вел, а сам знаешь к кому, — рявкнул на него Лысый, мужик в годах с обожженной головой и одним ухом. От ожога волосы росли на голове клоками, образуя проплешины. Он был правой рукой Кабана и после того, как тот пал от руки Марса, занял место лидера.

Шайка Кабана была немногочисленной и присоединилась к Луцию не так давно. Генерал никогда не отказывался привлекать подобные вспомогательные отряды в своих вылазках, даже, наоборот, искал такие группы, когда выезжал за стены Нового Рима. В основном попадались отморозки вроде Кабана, которые за кусок хлеба брались за любую работу. Кабан вел свих людей в стан Борова, так как они изрядно вымотались и изголодались, таскаясь по просторам умирающей земли, и в преддверии зимы были готовы прибиться даже к каннибалам. Но генерал оказался первым, и их счастью поначалу не было предела. Вскоре же они осознали, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Их использовали в основном как пушечное мясо, отправляя первыми в бой, и выставляли за стены лагеря, рассчитывая на то, что нападут сначала на них и у бойцов Луция будет время подготовиться к отражению атаки. В этот раз все было по проверенной схеме.

— Да лучше так, чем быдлом для них быть. Они ж нас ни в грош не ставят. Сидим тут на виду, освещенные костром. Нас видят за километр, а мы — никого. Это что, нормально, по-твоему? Первых-то нас перебьют, если замес какой начнется. — Он зачерпнул острием содержимое консервной банки и запихнул в рот, снимая еду с ножа зубами. — Откуда нам знать, что те, кого мы утром оставили в живых, до своих не добрались, а теперь к нам не подходят, чтобы отомстить? Кто знает, о чем генерал с ними балакал на своем этом туземском языке? Вот ты знаешь о чем? А ты? — В ответ все только пожали плечами. — Вот то-то и оно. Бесит все это.

— А он дело толкует. А, Лысый? — загудели мужики.

— А ну заткнулись все! Чего морды недовольные сделали? Тихо, шавки! Тут хоть пайку дают да при деле. Вы когда с Кабаном по просторам шляли, бабу-то давно видели? А с генералом пока не обламываемся. Или думаете, у Борова вам лучше было бы? Сейчас бы не тушенку жрали, сидя у костра. Я гляжу, вам на вольные хлеба захотелось? Да? Так куда вы попретесь? Везде пустота, голод и полная разруха. Нужно держаться сильных. Чего тут непонятного? Да если на то пошло, то они, — Лысый кивнул в сторону лагеря, — и порешат нас в первую очередь, если вздумаем дезертировать. Вы все знаете, на что он способен. Сегодня он это еще раз показал. Хотите тоже голову на пенек положить?

А? Своей башкой подумайте, что он с вами сделает, если вы твякать будете. Он же псих, каких свет не видывал. Я лично своей головой рисковать не хочу. Хочу пожить подольше. Может, увижу побольше. Может, все же дойдем до этого их Нового Рима.

— Да сказки это все про Новый Рим! Нет его. И быть не может. Чтоб такие, как мы, поверили да делали все за них, мечтая о райской жизни. При Кабане лучше было. Он хоть слово мог сказать. А так мы своих же побросали. Своих людей генерал вон всех забрал, даже мертвецов похоронил, а мы что? Сами все видите, как Лысый перед ним лебезит. Так дело пойдет — он и нас кинет, чтобы свой зад в тепле подольше продержат. Рим он захотел увидеть, — злобно усмехнулся мужик.

— Что ты сказал?

— Что слышал. А кто тебя вообще главным над нами поставил? Что-то я не помню, чтобы мы тебя избрали. Ты у них на побегушках, да и мы с тобой заодно. Сколько нас было, когда мы к ним присоединились? А теперь сколько осталось? Раз-два и обчелся, — пробурчал мужик в ватнике и, поковырявшись пальцем в зубах, снова зачерпнул еду из банки.

Но как только он поднес нож ко рту, Лысый кинулся на него и загнал острие прямо в пасть, да так, что было слышно, как нож скрипит по нёбу, уходя в мозг. Сидевшие рядом вскочили с мест. Лысый провернул рукоять, убедился в том, что жертва мертва, вынул клинок и обтер о рукав. Медленно поднялся и посмотрел на ошарашенные лица своих людей.

— Еще кто-то хочет что-нибудь мне сказать? Может, упрекнуть в чем-то? Мнения там свои высказать? А? Хотите устроить тут долбаную демократию? Выборы, может, проведем? Голосовать будем? Может, кто-то из вас, мразей, мне кинет вызов?

Все молча стояли, поглядывая на труп. На грузовике появился Луций. Ему уже сообщили о произошедшем.

— Все нормально, генерал! — прокричал ему Лысый. — У нас небольшие разногласия были, теперь все уладили. Правда, парни?

Парни закивали головами. Луций молча скрылся.

— Место, шавки! — прорычал Лысый. — И уберите эту падаль в сторону, — он пнул ногой лежащее тело, а сам поднял недоеденные консервы и стал набивать ими рот, ковыряя ножом в банке. Двое оттащили труп в сторону. — Только далеко не уходите, а то я могу подумать, что вы дезертировали, — из набитого рта в разные стороны летела пища. — Ну что, упыри? Думаю, все единогласно проголосовали за меня. — Лысый рассмеялся.

Его люди пытались улыбаться, но это у них плохо получалось. В основном сидели с натянутыми рожами.

Луций зашел в свою палатку и сел за раскладной стол. Катя притаилась в углу на какой-то подстилке, походившей на половую тряпку. Минут через десять пришел Сергей и доложил о ситуации в лагере.

— Я тебя понял. — Луций достал карту и положил ее перед собой. — Что-то еще?

— Меня волнуют потери, генерал. Тринадцать человек. Нас осталось двадцать. Если еще раз встретимся с подобной группой, все может закончиться печально. — Генерал не отреагировал на его слова. — Воронеж недалеко. Это территория Князя. Вы же знаете, что он настроен к нам не особо дружелюбно. А под его руководством немалые силы. Тем более после того, как он распустил слух, что к нему якобы присоединился сам мессия, народ потянулся к нему рекой.

— Нет у него никого. И быть не может. Ее друг, — он кивнул в сторону Кати, — шастает где-то в одиночестве. А скорее всего, направляется в Рим за ней.

— Я с вами согласен. Но если встретим их отряд, будет беда. Да и местных шаек тут хватает, которые нас не любят.

— Я понял тебя. Отдохнем и выдвигаемся. Главное — дойти до Ростова. Там уже наша земля, — он перевел взгляд на карту.

— Генерал?

— Да.

— Блокпост сорок четыре. Это самая северная наша точка. Князь легко может ее взять. Им бы подкрепление прислать.

— Пришлем. Иван должен освободить место для солдат.

— Освободить место?

— Что-то непонятно, офицер?

— Никак нет. Разрешите идти? — Сергей вытянулся по струнке.

— Ступай.

Генерал поводит по карте пальцем, прикрыл глаза и задумался. До следующей ночи они должны уйти с территории Князя. С ним он еще поквитается, но сейчас у него слишком мало людей. Они измотаны поисками так называемого мессии. Да и он уже давно не видел Татьяны. Наверное, единственного на этой земле человека, которого он любил. Хотя любил ли он кого-то вообще?

— Зачем ты так с ними? Там же были женщины и дети, — Катин голос врезался в уши генерала, и его глаза вновь загорелись. Он повернулся на звук.

— Ты думала хоть раз о том, как было раньше?

— Меня раньше не было. Что думать об этом?

— А я иногда думаю. Правда, сам не помню того, что было. Знаешь, такое ощущение, что здесь, — он показал пальцем на свою голову, — живет несколько человек. Словно мое тело не мое. Хм, странно, правда? Иногда я хочу просто прирезать тебя, но что-то не дает мне сделать это. А может, кто-то. Впрочем, если подумать, то твой дружок придет за тобой, будь ты живая или мертвая, — он поднялся и подошел к ней ближе.

Кожаная одежда и доспехи скрипели. — Я вот думаю, не слишком ли ты много задаешь вопросов для пленника?

— Я просто ребенок, — она смотрела на Луция испуганными глазами. Тот положил ладонь на рукоять меча.

— А что, разве дети бессмертны? Или, быть может, они не чувствуют боли? — Раздался скрежет лезвия по ножнам. Катя зажмурилась. — Открой глаза, — он схватил ее за подбородок. — Думаешь, я хочу убивать? Нет, не хочу. Но кто-то должен это делать. Кто-то должен остановить все это безумие, которое творится вокруг. Понимаешь? Это все происходит из-за твоего приятеля. Ты думаешь, он белый и пушистый? Если я не остановлю его, если я не уничтожу тех, кто в него верит, — мир исчезнет. Нет никакого спасителя, и мессии не существует, а существует только зверь, пришедший в наш мир, чтобы уничтожить его. Мне нужен твой приятель, и я найду его до того, пока он исполнит свое предназначение.

— Ты просто больной. Максимыч обычный человек, он никому не желает зла. Мы просто выживали, как и все, — шепотом произнесла девочка.

— Обычный человек? Поверь мне, девочка, не все так просто, как тебе кажется.

— Ты просто спятил, — дрожащим и срывающимся от страха и слез голосом произнесла девочка.

Луций снял с левой руки наручи, задрал рукав. Вся рука до локтя была покрыта шрамами, несколько были свежими. Он провел мечом по коже, разрезал плоть до кости. Кровь хлынула ручьем. Катя поморщилась и отвела взгляд в сторону.

— Смотри! — приказал генерал.

Через несколько секунд, которые показались ей вечностью, рана на руке Луция перестала кровоточить. И вроде бы начала затягиваться.

— Как ты думаешь, способен ли простой человек на такое? Может, я и есть бог, посланный спасти этот мир от зверя, которого ты считаешь обычным человеком? Татьяна меня в этом уж очень сильно убеждает. Хотя Александр, напротив, говорит, что я совершенное оружие, которое должно очистить планету от неверных, оставив в живых только тех, кто принял его веру. Каждый из них чего-то от меня хочет. Все чего-то требуют. А я начал уставать от всего этого.

Луций раскатал рукав, поднял наручи и убрал в ножны меч. Бледная как смерть Катя смотрела на него не моргая. Она начинала понимать, о чем говорила старуха с блокпоста 44.

Глава XVII

ЦАРСТВО АИДА

Посреди поля возвышался курган, верхушка которого поросла редким орешником. Марс решил устроить привал здесь. Хоть и небольшая, но все же высота позволяла просматривать обширную территорию, так что незамеченным подобраться было невозможно. Сидели, подстелив сложенные одеяла. Смотрели в оба, прижавшись спиной к спине, Марс — в одну сторону, Лиза — в другую. Ели холодные консервы. Погода успокоилась, стало почти безветренно. Никакого движения. Ни единой души, даже птиц не было видно: или улетели на зимовку, или умерли от голода. Хотя, скорее всего, их съели люди.

— Говорю тебе, что нет никаких богов. И я не тот, за кого вы меня приняли. Это все ваша большая фантазия. Людям свойственно придумывать небылицы, — закапывая банку в снег, убеждал Лизу Марс.

— Я тебе не верю.

— Посмотри вокруг. Думаешь, Господу угодно, чтобы мы так жили?

— Я не знаю, что ему угодно.

— Хочешь, я тебе скажу, что ему угодно?

— И что? — она вытерла нож о бедро и убрала в ножны.

— Ему угодно, чтобы мы вымерли как вид.

— Скучный твой мир, Марс, очень скучный.

— Зато у тебя он богатый. Смотрю вокруг и люблюсь. Везде цветы, птички поют, солнышко светит, радостный смех детей. Идиллия. Просто рай земной.

— Хватит паясничать. Ты готов идти?

Марс поднялся, стряхнул с одеял снег, сложил их в рюкзак и закинул его за плечи.

— Вера в кого-либо — плохая вещь. Кто-то обычно предает. А людям так вообще доверять нельзя.

— Так, значит, и ты предаешь?

В памяти всплыл Виктор. А ведь Марс мог ему помочь. Мог помочь и Кате, и еще много кому. Он бы мог им помочь, если бы был тем самым мессией, о котором все говорят. Но он обычный человек, которому попросту не хватило сил. Марс потер переносицу.

— Ладно, давай шагай. Засиделись тут и так. Угораздило с тобой связаться. Шла бы обратно к своим правобережным.

Они выбрались из орешника и спустились к подножию кургана.

Шли долго. Молчали. Марс не сбавлял темпа, отчего Лизе иногда приходилось догонять его бегом. Было тяжело пробираться по снегу, но она терпела. Нескончаемый снег и пасмурный пейзаж. Ничего живого вокруг, тишина и пустота. Слышно было только собственное тяжелое дыхание да хруст под ногами.

— Куда мы идем? — не выдержала Лиза.

— Я же сказал — не твое дело.

— Слушай, а мы можем просто поговорить? Знаешь, люди иногда разговаривают. Чисто по-дружески.

— Ты мне не друг, — резко ответил Марс и ускорил шаг.

— Придурок долбаный, — пробурчала девушка так, чтобы ее не было слышно, и, насупившись, продолжила следовать за ним.

Шли весь день и всю ночь. Лиза пару раз сдергивала с плеча винтовку: от усталости мерещились впереди люди. Страшно хотелось спать, но ее попутчик словно не уставал, упорно продолжал следовать к цели, известной только ему одному.

Через какое-то время поднялись на дорогу, хотя Марс старался избегать дорог. С двух сторон все заросло деревьями. На возвышенности снега было меньше и идти стало легче.

Дорога повернула, и Марс вдруг поднял руку, присел на одно колено, вытащил из-за пояса пистолет и направил его вперед, обхватив двумя руками. Лиза скинула СВД, стала осматриваться.

— Спокойно, — шепотом произнес Марс, не отрывая глаз от человека в тряпье, сидевшего на капоте сгоревшей машины. — Ты еще видишь кого-нибудь?

— Нет. Но они могут скрываться за деревьями, — так же тихо ответила Лиза. — Думаешь, это западня?

— Не исключено. Зря вышли на дорогу.

Мужчина в лохмотьях сидел сгорбившись и не оборачиваясь в их сторону. Рядом сумка. Правой рукой он опирался на алюминиевую трубу толщиной в большой палец. Марс медленно поднялся, не сводя глаз со странного встречного, и направился к нему, держа оружие наготове.

— Ты куда?!

— Прикрой меня, если что, — ответил он Лизе.

Когда подошел почти вплотную, мужчина спокойно произнес:

— У меня нет ничего ценного.

Он поднял косматую голову. Волосы сваялись, словно на собаке. На исхудалом лице черные круги под глазами.

— Мы не собираемся тебя грабить. Просто хотим пройти мимо.

— Тогда чего не проходите? — он почесал голову, поймал вошь и отщелкнул насекомое пальцем в сторону. — Я же говорю, у меня ничего нет. Совсем ничего.

Бродяга сполз по капоту машины, держась за свою трость, плюхнулся на землю, левой рукой прижал к себе сумку.

— Что в сумке? — грубо спросил Марс и пнул его ногой. Тот только замотал головой и сильнее прижал добро к себе. — Что в сумке, я спросил? Не зли меня лучше. Покажи, что в сумке, — он снова пнул бедолагу.

— Ты чего? — Лиза пихнула Марса в плечо. — Он просто нас боится.

— Отвали! Ты плохо знаешь здешние обычаи. Ты сидела за стенами общины и не представляешь, что происходит вокруг, — осадил Марс и опять обратился к косматому: — Последний раз прошу, по-ка-жи сум-ку. Или я тебе мозги вышибу.

— У меня ничего нет. Прошу, не трогайте меня. У меня ничего нет. Умоляю! — зарыдал мужчина.

Лиза достала из нагрудного кармана пачку хлебцев и протянула несчастному.

— Совсем сдурела?

— Он просто напуган и голоден.

— Можешь оставаться с ним, — Марс сплюнул в сторону и сошел с дороги.

— Вы бы тоже ушли с дороги. Поверьте, здесь небезопасно, — предостерегла незнакомца Лиза.

Она поправила винтовку на плече и последовала за Марсом, но, не пройдя и двадцати метров, услышала позади себя быстрые шаги и команду:

— Эй, оружие и рюкзак — на землю, руки — вверх! И без глупостей! Дернетесь — пристрелю!

...Шли долго. Марс впереди, Лиза за ним. Косматый мужик с пистолетом-пулеметом «Кедр» в руке и рюкзаком и СВД на плечах шел последним, держась на расстоянии. Остановились только вечером в небольшом лесочке. Мужик вытащил из сумки веревку, приказал Лизе привязать Марса к дереву, потом привязал и ее. Сам расположился неподалеку от них, развел костер, стал копаться в рюкзаке, улыбаясь и цокая языком, довольно кивал головой. Потом достал несколько банок, открыл их и поставил рядом с огнем разогреваться. Какое-то время рассматривал нож Марса с красной пиктограммой на рукояти, попробовал на остроту пальцем и рассмеялся.

— Что тут смешного? — посмотрела на него с презрением Лиза.

— Хороший улов. Давно такого не было. Сейчас все люди злые, недоверчивые. Не то, что вы. Мои детишки будут довольны. Они у меня

хорошие. Да что я вам об этом говорю? Скоро сами увидите. Тут недалеко осталось. Переночуем и уже завтра к вечеру будем на месте. Можете, кстати, отдохнуть. Кто знает, удастся ли вам еще когда-нибудь поспать?

Марс прожигал Лизу взглядом, та старалась не смотреть в его сторону.

— Кстати, меня зовут Аид.

Марс только усмехнулся, прикрыл глаза и уперся затылком в ствол дерева.

— Зря смеешься. Скоро тебе будет не до смеха. — Аид, обжигая руки, придвинул к себе банки с едой, достал хлебцы, которые ему дала Лиза, подошел к девушке и поднес один к ее губам. — Ты мне нравишься. Будешь послушной — и я, может быть, удочерю тебя. А я люблю своих детей и забочусь о них. Ешь, — он ткнул ей сухарем в рот. — Жри, сука, я тебе сказал! — Лиза, пересиливая отвращение, откусила кусок и прожевала. — Вот и умничка, молодец, — он погладил ее по голове и отполз к костру. — Знаете, раньше было куда лучше с уловом. Сейчас редко встретишь людей, которые передвигаются в одиночку. Да и вообще редко встретишь людей, — он болтал, одновременно жуя консервы. — Боже, боже, как долго я не ел такой вкуснятины! — он задрал лицо кверху и от блаженства прикрыл глаза. — Иногда приходится питаться такими вещами, от которых самому становится тошно. Все лучшее я отдаю своим детям, на себя я давно наплевал. Я живу одним днем. — Он поднял руку, понюхал подмышку, задумчиво посмотрел на девушку. — Тело — это всего лишь оболочка. О ней заботиться не стоит. Но вот о детях, о них да. Все думают о будущем. Я же перестал думать об этом. Нет никакого будущего, есть только настоящее. Вот вы тоже существуете, пока есть сейчас. Будущее для вас кончилось, по крайней мере для тебя, — он указал пальцем на Марса, улыбнулся и перевел палец на Лизу. — А для тебя настоящее может начаться, только если ты будешь послушной. — Он снова принялся за еду, но вдруг остановился и посмотрел на девушку. — Хочешь умереть?

— Нет, — тихо ответила она.

— А ты? — он обратился к Марсу, который просто смотрел на него, не произнося ни слова, не выдавая ни единой эмоции. — Мы боимся смерти, пока живем. Цепляемся за жизнь, за этот прогнивший, умирающий мир. А ведь если подумать, то чего бояться? После смерти мир умрет вместе с нами. Знаете, я пришел к выводу, что в данной ситуации, в сложившейся обстановке, все мечтают исчезнуть, но никто не мечтает умереть. Дилемма? — он развел руки в стороны.

— Отпустите нас. Мы же не сделали вам ничего плохого. Наоборот...

— О-о-о-о нет, моя дорогая. Я не могу вас отпустить. Я же не могу оставить своих деток голодными. И разве ты не знаешь, что просители не

имеют свободы выбора? Тем более ты просишь слишком многого. То, что случилось, уже нельзя изменить. А просить бесполезно. Мечтать, что я вас освобожу, тоже. Мечты вообще сейчас слишком большая роскошь.

Аид не спеша поднялся, подошел к пленникам и проверил веревки. Его внимание привлекла цепочка на шее Марса. Он потянулся к ней и вытащил на поверхность.

— Амулет? Думаешь, в этом мире остались те, кто может помочь? Там, где людям не выжить, богам делать нечего. Они давно покинули эту планету, оставив ее на растерзание своим наследникам.

— Считаешь, что ты наследник бога? — Марс поднял на него взгляд. Аид лишь улыбнулся, но ничего не ответил, снял цепочку и напялил ее на себя.

— Тебе это уже не нужно. Мертвецам вообще ничего не нужно.

До утра больше никто не разговаривал. А с рассветом продолжили путь. Шли по целине, утопая в снегу. Хотелось есть, а еще больше — пить. Марс услышал, как Лиза начала молиться, и повернулся к ней.

— Не причитай. Мы еще живы. Да и все равно не поможет.

— Шагайте вперед! Осталось немного! — заорал Аид, и они продолжили движение навстречу своей судьбе.

Через пару часов наконец вышли к разрушенной деревушке. Прошли мимо загона для скота — из-под снега торчали кости животных, черепа на кольях посерели от времени. Миновали покосившиеся дома, темные, однообразные, бесцветные, словно в черно-белом кино. Столбы с болтающимися проводами, наклоненные в разные стороны.

Остановились у ворот большого дома. На воротах висела табличка с надписью «Каждому свое». Прорехи в заборе были завалены обломками сельхозтехники, сверху — мотки колючей проволоки.

— Добро пожаловать. Ну, чего встали? Двигайте туда, — Аид кивнул в сторону дома.

Просторный холл, посередине неумело сложенная печь, вокруг выдавшая виды пыльная мебель.

— Располагайтесь. Ваше место там, — Аид указал на трубу отопления, торчавшую из стены.

Он приказал Лизе пристегнуть Марса к батарее наручниками, а затем привязал и ее.

— Вот тут мы и обитаем, — он скинул рюкзак на диван, винтовку поставил рядом. — Так-так. А что это меня никто не встречает? Между прочим, папка вернулся с уловом и принес много чего интересного!

Глава XVIII

«КТО Я?»

Луций стоял возле палатки по пояс раздетый. Все его мускулистое тело покрывали страшные шрамы. Руки были опущены, глаза прикрыты. Доспехи и одежда лежали на снегу. Он находился далеко от реальности. Холодный ветер обжигал тело, но он не чувствовал этого. Он давно уже ничего не чувствовал.

Золотой орел на серебряном черепе реял на штандарте над лагерем. Первые лучи солнца осветили знамя Черного легиона, заставив символ сиять.

Луций вдохнул морозный воздух полной грудью и выпустил облако пара. Ему казалось, что он парит высоко над лагерем. Гул в ушах нарастал, словно наваливающаяся волна во время шторма. Он положил руку на меч и крепко сжал рукоять. Лицо умиротворенное, спокойное, дыхание ровное. Негромко стучали копыта лошадей. Всадники Черного легиона шли ровным строем, готовые к атаке. Жеребец Луция фыркал, тряс гривой и дергал ушами. По правую руку три всадника. По левую — двое. Один из них варвар. Все такие знакомые и такие чужие.

— Тихо, малыш, тихо. Уже скоро, — он потрогал невидимого жеребца, погладил его по потной шее, водя рукой по воздуху, чувствуя тяжелые удары сердца лошади.

Только он слышал, как заиграли барабаны и трубы, только он понимал, что нужно начинать атаку. Всадники ускорились, пустив лошадей в галоп. Живая масса понеслась вперед. Куски дерна разлетались в стороны. Животные оставляли за собой черный безжизненный след. Наездники тараном врезались в войско противника, подминая его под себя. Ярость, жестокость, безумие, только рефлексy. Блеск и скрежет железа. Крики и вопли. Воздух наполнялся запахом смерти. С тыла появилась стена из железа и плоти, черное обмундирование, красные гребни центурионов. Раз, раз, раз. Строй двигался в ногу ровной линией. Над ними реял флаг с изображением золотого орла на серебряном черепе.

Луций медленно вращался, разведя руки в стороны. Сергей стоял рядом. Ему доложили о странном поведении генерала. Самурай кошачьей походкой подошел к старшему офицеру, заглянул через плечо.

— Чего это с ним?

— А я почему знаю?

Шон с опаской приблизился, словно к дикому зверю.

— Генерал?

Луций открыл глаза. Белки окрасились в угольно-черный цвет. Меч генерала замер у Шона на шее. Черная пелена растворилась, всасываясь внутрь глазных яблок.

— Генерал? — не своим голосом прошептал Шон снова.

Луций убрал меч в ножны так же мгновенно, как и достал, развернулся и направился к себе в палатку, приказав занести свои вещи внутрь.

— Надо нести, — нарушил затянувшееся молчание Сергей.

— Ага. Неси. А я пойду в себя приду, — размазывая кровь по шее, ответил Самурай.

Сергей собрал доспехи и одежду, с опаской приоткрыл клапан палатки, просунул голову. В левом углу сидела испуганная девчонка. В правом, повернувшись спиной и поджав под себя ноги, находился Луций. Перед ним на полу лежал меч с рукоятью в виде змеи.

— Генерал? — тихо обратился офицер.

— Брось в проходе и убирайся.

Сергей так и поступил.

Луций еще долго сидел не шевелясь и не разговаривая. Катя с опаской смотрела на него, прижимая колени к груди. Через какое-то время кожа генерала покрылась мурашками, а тело затряс озноб.

— Кто я? — Луций осмотрел свои ладони, повернулся к Кате. — Все это не по-настоящему. Это не мой мир. Понимаешь?

Она лишь качнула головой, ничего не понимая.

— Это не мой мир! Не мое тело! — он ударил кулаком о пол. Резкая боль отдалась в запястье. — Это не мое тело!

Луций схватил меч. Катя вжалась в брезентовый угол. Генерал провел острием по груди, рассекая плоть, отбросил меч и попытался разорвать кожу, будто выпустить кого-то изнутри, но лишь рассмеялся, склоняясь вперед от безысходности. Окровавленные руки уперлись в пол. Капли крови замедлились и перестали стекать с его груди. Катя, прикусив кулачок, зажмурилась от страха, стараясь не смотреть в сторону безумца. Тело Луция распласталось на полу. Она так и не осмелилась пошевелиться до рассвета.

Ночь постепенно сдавала свои права, освобождая пространство новому дню, последнее время мало чем отличавшемуся от вечера. Где-то далеко за серыми облаками восходило солнце, яркое и красивое, но на земле тьма всего лишь становилась не такой густой.

Солдат на грузовике прислонился к борту, потряс головой, снял шлем, зачерпнул с настила снег и отер лицо. «Главное — не уснуть.

Генерал таких вещей не прощает», — надевая обратно шлем, подумал он и выпрямился так, что хрустнули позвонки. Он размял шею и перекинул АК с одного плеча на другое. Вокруг темнота, только догорающий костер банды Лысого давал понять, что и за пределами лагеря есть жизнь.

«Скоро утро. Скоро. Уже скоро».

Солдат поежился, снова перекинул автомат с плеча на плечо. Скоро они двинутся в путь и можно будет отоспаться в кузове. Позади слышались равномерные шаги. Солдат обернулся. Внизу делал обход периметра Сергей: следил за часовыми, чтобы не заснули.

«Интересно, он вообще когда-нибудь спит? — пронеслась мысль в голове солдата. — Сергей хороший. Если и поймает солдата спящим, то просто морду набьет. Генерал же...» Одна только мысль о том, что может сделать Луций, отогнала сон куда-то далеко-далеко.

— Эй, солдат! Все нормально?

— Так точно!

Сергей кивнул и пошел дальше. Солдат проводил его взглядом. Говорят, Луций подобрал Сергея еще подростком. Он, оставшись сиротой, скрывался в погребе собственного дома от местных группировок, питался мертвечиной: ел своих родных, чтобы самому не сдохнуть. Хотя, возможно, это всего лишь басни, бойцы любят приукрашать рассказы о своих офицерах.

Самому солдату повезло: он попал к «Огненным братьям» почти сразу после катастрофы, так что голодать не пришлось. Но он много слышал про то, как рушился прежний мир. Сейчас людей встречали редко, а раньше, он еще помнил, по дорогам бродили сотни изможденных тел. У людей разом отняли будущее, смысл существования и продолжения рода. Оставили только инстинкт самосохранения и убежденность, что если не убьешь ты, то убьют тебя. А боги, в которых когда-то верили, будто бы отвернулись от своих творений и оставили их умирать на этой планете.

«Поскорей бы добраться до Нового Рима. И отдохнуть. Отоспаться. После вылазки генерал всегда дает отгул. — Солдат зевнул и снова посмотрел на затухающий костерок, вокруг которого кучковались люди Лысого. — Такое ощущение, что они все спят. Вот сволочи», — подумал часовой и вгляделся в рассеивающуюся предутреннюю темноту. Черная полоса двигалась вперед. Или ему показалось? Да нет, точно двигалась. Он скинул оружие с плеча и передернул затвор.

— Движение! Движение впереди! — он припал к АК плечом, присел на одно колено, прячась за борт.

По периметру пронеслось: «Движение! Есть движение!» Солдаты организованно стали занимать позиции. Сергей уже стоял в кузове рядом с часовым, который поднял тревогу. Люди Лысого пятились и жались к машинам. Из темноты уже можно было выхватить силуэты людей. Человек сто, не меньше.

— Кто это? — спросил Сергей, когда Луций подошел к нему, застегивая ремень на поясе и поправляя меч. Генерал молча оценивал ситуацию. — Может, очередная группа странников? Бредут в поисках лучшего места?

— Вряд ли. Кто поднял тревогу?

— Я, генерал, — ответил солдат, стоя на одном колене и целясь.

— Молодец. Похоже, Сергей, это люди Князя. И это очень нехорошо.

— Впустите нас внутрь! Генерал,пусти нас! — Лысый орал Луцию, но тот словно не слышал его.

— Вы находитесь на территории Князя! — раздался голос. Уже можно было разглядеть шеренгу людей метрах в пятидесяти.

— Мы уйдем с рассветом! — пообещал Луций.

— Вы уйдете только после того, как оплатите проход по этой земле!

Сотни две приблизившихся человек были готовы к битве. В руках оружие, топоры, луки, бутылки с зажигательной смесью. Слишком много для того, чтобы дать бой. И вероятней всего, это лишь часть отряда. Луций вцепился в борт руками, смотря перед собой волчьим взглядом.

— Ты не понял! Мы уходим!

— Это ты не понял! Расступись! Дайте пройти! — В шеренге началось шевеление, толпа раздвинулась, освобождая пространство. — Разойдись! Разойдись! — из шеренги выбежали трое с РПГ.

Луций дернул щекой. Сергей напряженно смотрел вперед. Внизу ныли люди Лысого.

Перед шеренгой встал представитель Князя. На темной одежде нашиты железные пластины, на голове папаха с синим верхом и белым крестом посередине. Этому казаку да коня бы, но лошадей осталось слишком мало. Левая рука лежала на рукояти висевшей сбоку шашки, правая расправляла усы.

— Целься! — он вскинул руку вверх.

— Стой! Я тебя понял, — захрипел Луций. — Хорошо, мы заплатим.

— Генерал? — Сергей недоумевающе повернулся к командиру.

— Мы заплатим, — повторил Луций, теребя рукой шею, словно его мучало удушье. Плащ генерала развевался на ветру.

Казак улыбнулся. Еще бы. Луцию придется отдать почти всю провизию и часть боеприпасов. Цена поражения всегда высока, но лучше проиграть сражение, нежели войну. Слишком велик перевес. Глупо жертвовать хорошими солдатами. Проще отдать то, что просят.

Почти час группа людей Казака рыскала по машинам в поисках припасов. Солдаты Луция все это время стояли в напряжении, ожидая действий от генерала. Но тот лишь наблюдал за происходящим. И только когда начали вытаскивать добычу наружу, генерал направился к главе налетчиков.

— А я думал, войско «Огненных братьев» куда больше. Да и на тебя у меня были свои планы, — усмехнулся Казак, приводя усы в горизонтальное положение.

— Все относительно, а главное — временно.

— Ты что, хочешь меня попутать? Давай, сделай глупость. Говорят, что тебя невозможно убить, — Казак сделал шаг навстречу. — Я встречал многих, кто так думал. Моя шашка, — он погладил рукоять рукой, — помнит много голов.

Генерал не шевельнулся.

— Люди много чего говорят. Еще больше выдумывают.

— Учти, что ты на нашей земле. И даже таким, как ты, придется платить. Откуда у вас столько припасов?

— Вовремя сориентировались.

— Сориентировались? Знаю я, как вы это делаете. Наслышан. Мне помнится, вы говорили Князю, что, если он не встанет под ваши знамена, вы нас в порошок сотрете. Теперь он делает предложение вам.

— А твой Князь может что-то предложить? — в голосе генерала слышалась насмешка, но его лицо осталось невозмутимым.

— У нас есть много чего, — Казак выпрямился и сделал голос более грозным. — Люди идут к нам. И я думаю, ты знаешь почему.

— Хорошо, я учту.

— Учтешь? Думаешь, понастроили блокпостов и стали властителями мира? Думаешь, ваша армия сильнее нашей? Да мы сами придем в ваш Рим и снесем ваши посты и стены. Ваше время вышло. Радуйся, что Ярослав приказал просто проучить вас и не проливать кровь без надобности. Иначе я бы стер тебя в порошок. Прямо здесь. Прямо сейчас.

— Милость твоего хозяина не знает границ. Если ты закончил, то позволь, нам нужно выдвигаться. По-моему, ты получил, что хотел. Или, быть может, ты претендуешь на что-то еще? Ах нет. У тебя же приказ.

— Ничего, нам хватит и половины вашего добра. Но это только пока. Запомни. Приятного путешествия, — оскалился Казак и повел своих бойцов с добычей обратно.

Глаза Луция почернели, ярость захлестнула его. Но он сдержался. Сейчас главное было добраться до Нового Рима. Главное было сохранить людей. После он поквитается не только с Казаком, но и с тем, кому он служит.

— Генерал? — Сергей подбежал к командиру.

— Сколько осталось припасов?

— Дня на три, если будем расходовать точно так же, как раньше.

— Ясно, — ответил Луций и направился к Лысому.

— Генерал, — Лысый склонил голову в знак почтения, видя приближающегося господина.

Но как только его голова начала подниматься, Луций со всего маху ударил по ней мечом, да так, что череп лопнул. Труп пал перед убийцей на колени. Генерал уперся ногой в плечо мертвеца, дернул клинок вверх. Вытащить оружие из плоти получилось только со второго раза.

— Убейте их! — прокричал он в бешенстве.

Сергей и солдаты, стоящие рядом, мгновенно и беспрекословно исполнили приказ.

— Теперь еды хватит до наших границ, — Луций убрал меч в ножны. — Выдвигаемся немедленно.

Глава XIX

ЛЮБОВЬ

Раз, два, три, четыре, пять,
Я иду тебя искать.
Как найду тебя — беги:
Вырву сердце из груди!

Радостное безумное лицо и повторяющаяся без конца дурацкая считалочка. Аид перескакивал с ноги на ногу, в полумраке походя на косматого сатира. Не хватало только козлиных ног и рогов. Марс дернул рукой, но наручники лишь издали металлический звон и скрежет. Он потер большим и указательным пальцами уголки глаз у переносицы. Лиза наблюдала за Аидом.

— Я вернулся! Я вернулся, мои дорогие! Ваш благодетель и защитник уже дома! — он прогнулся назад, разводя руки в стороны.

Марс снова дернул рукой. Железо неприятно натирало запястье.

— Ты хочешь освободиться? — Аид выпрямился, взял с дивана свою трость и вальяжной походкой приблизился к Марсу. — Думаешь, сможешь удрать? Да? Думаешь, Аид сумасшедший? Ты сильно ошибаешься. Очень сильно!

Последовал замах и мгновенный удар такой силы, что трость слегка согнулась. Марс успел прикрыться рукой. Дыхание перехватило.

— Не трогай его! — заорала Лиза.

Марс медленно опустил руку. От боли и злости сердце бешено колотилось в груди. Он выпрямил спину, пристально посмотрел на своего мучителя. Ничего, бывало и хуже.

— Ах-ха-ха! Я понял. Понял! — Аид отошел назад, трясая указательным пальцем. То ли грозил, то ли что-то придумывал. — Крепкий орешек. Мне такие нравятся. Я серьезно, — он внезапно отбросил согнутую трость в сторону. — Сука! Сука! Все из-за вас! — обхватил космы руками и завыл почти по-звериному. — Все из-за вас. Совсем забыл о своей семье. Дьявол! — ударил себя по лбу.

На диване под грязными простынями что-то покоилось. Лицо Аида расплылось в улыбке и стало ужасным: все уродливое и убогое

моментально проявилось в этом безумце. Он протянул руку и сдернул тряпку.

— Мой сыночек.

Аид наклонился к высохшему замумифицированному трупю парня, нежно провел рукой по волосам, поцеловал в ставший коричневым лоб и двинулся дальше, раскрывая мертвецов. Жену в кресле придвинул ближе к печке, укрыл ее тряпкой, будто пледом, тело дочери перенес на диван к сыну, при этом все время разговаривая с ними и объясняя, почему его так долго не было. Марс осмотрел трубу и попытался освободить запястья от наручников. Безумцев он повидал немало, в отличие от Лизы, которая смотрела на происходящее с выпученными от удивления и ужаса глазами. Аид развел огонь, достал припасы, накрыл стол.

— Они же мертвы, — Лиза тихо обратилась к Марсу, но тот сделал вид, что не услышал ее.

За деревянным столиком в окружении семьи Аид поедал перловую кашу из банки прямо руками. На полу грязные ковры, повсюду разбросан мусор. Рядом с очагом пожелтевшая стопка книг. Когда-то их читали, теперь ими топили печь. Отец мертвого семейства разговаривал с родственниками, что-то рассказывал, кивал головой, смеялся, «слушал» их и даже возражал, ведя только им слышимую беседу.

Марс пошарил руками по трубе, подергал ее, но все было тщетно. От безысходности он уперся в нее лбом. Прохладный металл остудил вспотевшую кожу. Капелька пота сбегала по переносице и застыла на кончике носа. Марс вытер ее плечом и резко дернул рукой. Лицо искривилось от боли, а кожа на запястье собралась в гармошку. Шум привлек Аида. Он отвлекся от беседы и вытянулся. Голова болталась, словно на пружине. Казалось, сознание Аида в этот момент начало распадаться, как пазл, который смахнули рукой со стола. На смену душевному покою, в котором он находился, пришла темнота реальности.

— Дорогая, прости, — Аид склонился к трупю жены и чмокнул в щеку. Точнее, в то место, которое когда-то было щекой. Теперь там торчали пожелтевшие зубы. Высохшие глаза глубоко запали в глазницы. — Мне нужно тебя покинуть. Сама понимаешь, я должен заботиться не только о вас. Они тоже голодают.

Он достал пистолет, тот, что раньше принадлежал Марсу, подошел к телу дочери.

— Не бойся, все хорошо, — похлопал ее по плечу. — Знаете, я должен заботиться о них. Они мне как дети. Поймите, так получилось, — он пожал плечами и погладил череп ребенку.

— Убьешь нас? — Лиза подалась вперед.

— Еды слишком мало, моей семье ее не хватает. А ведь есть еще и другие, кого я приютил. Они живут здесь, — он наклонился и стащил с места подобие ковра, покрывавшего дверцу погребка. Облако пыли

поднялось в воздух. — Я бы спас и вас. Но я могу помочь только одному. Я помогу тебе, — Аид указал пальцем на Лизу. — Они тут. Все до единого. Я ухаживаю за ними. Кормлю. Они моя родня, мои дети. — Аид топнул несколько раз по дверце ногой, и под полом началась какая-то возня. — Слышите? Они слышат. Знают, что я вернулся и сейчас покормлю их. Они любят меня. Никто не заботится о них. Только я.

— Ма-а-арс? — протянула Лиза. — О чем он говорит?

— Нет-нет, ты не бойся! — Аид вытянул руки вперед. — Ты будешь нами принята. Ты хорошая, и я оставлю тебя здесь у себя. Буду заботиться, кормить. Я не трону тебя. Познакомлю со своей семьей. Вы подружитесь. Я это знаю. Ты будешь жить с нами.

— Марс? Марс?! Твою мать, что он несет?!

Марс снова дернул рукой. Бесполезно. Только рана стала больше, а боль сильнее. Он прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Марс! Марс! Марс! — затрепыхалась Лиза, словно птичка в клетке.

От нахлынувшего адреналина у Марса застучало в висках. Бух, бух, бух. Женский вопль врезался в уши. Как и тогда, когда он не смог спасти Катю. Все повторялось. Что может быть хуже беспомощности?

— Прошу, не надо. Марс! — завизжала Лиза.

Марс сидел с закрытыми глазами, его трясло от злости.

— Не ори. Я так не могу. Тише. Заткнись, сука! — выпалил Аид. — Заткнись! Ты пугаешь моих детей!

Марс открыл глаза. словно в замедленной съемке, происходящее отдалилось от него. Испуганные, наполненные слезами глаза Лизы. Открытый в обезобразившей ее милое личико гримасе рот. Неуверенные шаги Аида, приближающегося к ней и тоже что-то кричащего, словно они хотели переорать друг друга. Течение времени восстановилось. Марс резко выдохнул, перевернулся лицом к стене, стиснул зубы и нанес сильнейший удар ногой по запястью, прикованному к трубе. Боль пронзила тело. Руку обожгло кипятком. Еще удар. Большой палец хрустнул. Скрежет зубов и еще удар. Марс потянул руку на себя, сдирая кожу с большого пальца.

Аид обернулся в тот момент, когда его пленник уже несся на него. Удар левой пришелся в висок безумцу. Тот отшатнулся назад. Второй удар отправил его на пол. Пистолет отлетел в сторону. Марс кинулся сверху, но Аид оттолкнул его ногами и быстро поднялся. Марс схватил согнутую алюминиевую трость и что было силы ударил наотмашь, рассекая грязное лицо противника. Выдохнул всей грудью, снова вдохнул. В висках стучало. Боль отступила и затаилась в ожидании более подходящего момента. Потом она даст о себе знать. Аид завыл, прижимая руки к лицу. Сквозь пальцы потекла кровь. Последовавший удар сбил его с ног и разбил голову.

— Убей его! — Лиза вскочила с места. — Убей!

Марс мельком бросил взгляд на нее. Интересно, куда делось ее человеколюбие, которое буквально сутки назад она проявляла к Аиду? Он перешагнул через поверженного, взял свой нож со стола, ногой перевернул Аида навзничь.

— Только семью не трогай, пощади их, — прошипел Аид на последнем издыхании, выдувая красные пузыри.

— Как скажешь.

Марс сел на него сверху и резко вонзил нож в шею, перерезая сонную артерию. Аид вздрогнул в последний раз. Марс привычным движением выдернул нож и вытер со лба испарину.

— Он мертв? — отвернувшись и сдерживая подкатившую к горлу тошноту, тихо поинтересовалась Лиза.

— Более чем.

Марс снял с мертвеца свой окровавленный кулончик в виде черной капли, поднялся, немного пошатнувшись, но устоял на ногах. Притаившаяся боль прострелила руку так, что его лицо искривилось. Он прижал изувеченную конечность к животу и прислонился к стене. Его бросало то в жар, то в холод.

Лиза задержала связанной рукой, давая ему понять, что ждет освобождения.

— Оставить бы тебя тут.

Она виновато опустила глаза. Марс зажал кулончик в зубах, обшарил труп Аида, но не нашел ничего для себя стоящего. Выругавшись, подошел к девушке и перерезал веревку.

— Дай я посмотрю, — она протянула к нему руку, чтобы осмотреть рану. — Нужно зафиксировать палец и кровь остановить. Присядь.

— Хорошо, только сначала подниму пистолет. И помоги надеть это, — он протянул ей кулончик.

— Твой амулет? Гляжу, он тебе очень дорог.

— Просто помоги надеть.

— Ладно, ладно.

Лиза обхватила запястье и попыталась пошевелить большой палец, но Марс дернулся от боли и заскрипел зубами. Кожа содрана до мяса. Кровь продолжала течь, рука опухла.

— Да у тебя палец сломан.

— Правда? Да быть такого не может, — с издевкой ответил Марс. — Надо же, ты хорошо разбираешься в медицине.

— Хватит паясничать.

Лиза вправила и забинтовала ему палец, из подручных материалов сделала что-то вроде лангеток, зафиксировав кисть.

— Ну вот, так намного лучше, — она оторвала лоскут от тряпки, завязала его на шее Марса, легонько просунула в образовавшуюся петлю

руку, наклонилась над ним и чмокнула в щеку, отчего Марс даже вздрогнул и потерял место поцелуя.

— Ты чего?

— Спасибо.

— Давай собираться.

Он быстро поднялся и осмотрелся по сторонам. Сложив все добро в рюкзак, Марс поднял пистолет-пулемет «Кедр» и, вынув обойму, усмехнулся.

— Ты чего?

— Пустой, — Марс показал магазин Лизе и сунул оружие в рюкзак. — Ладно, пора уходить.

— Подожди, — Лиза потянулась к дверце погребка.

— Ну уж нет. Мне неинтересно, что там.

— Да брось, — она потянула крышку на себя.

— Долбаное женское любопытство.

Марс достал пистолет, взвел курок и подошел ближе. Звук скрипучих петель врезался в мозг и разогнал мурашки по телу. Внизу в кромешной темноте что-то шевелилось и издавало тошнотворный запах.

— Я сейчас, — Лиза поспешила к печке, по пути схватила тряпку подожгла ее и, вернувшись обратно, бросила ее вниз.

— О господи! — ее большие глаза стали, наверное, еще больше.

Глубокая яма была выложена белым кирпичом. Раньше это был погреб. Теперь он стал ямой страданий. Полуразложившиеся трупы, среди которых непохожие на людей существа, покрытые грязью, коростой и язвами, питающиеся, по всей видимости, трупными остатками. Живых — тех, кто еще хоть как-то шевелился, — Марс насчитал четверых. Они ползали среди собственных испражнений и разложившейся плоти на тоненьких исхудалых конечностях. Увидев огонь, они попытались забиться в углы. Все человеческое в них давно умерло, осталось только безумие и кое-какие рефлексy.

— Что же это, Марс?

— Это маленький мир безумца. Он спасал их. Думал, что заботится о них. В его реальности он делал благо.

Марс толкнул ногой дверцу. Она глухо хлопнула, подняв пыль.

— Ты чего творишь?

— Им уже ничего не поможет. Теперь уходим. И да, еще раз помешаешь мне — пристрелю. Твоя доброта слишком дорого обходится моему организму. Я больше не хочу заниматься членовредительством.

— Откуда мне было знать, что...

Но Марс не дал ей договорить:

— Я предупредил. Надеюсь, ты поняла.

Они вышли во двор. Снова начался снег. Марс достал карту, попытался сориентироваться на местности. Долго смотрел по сторонам.

— Нам туда, — кивнул он головой в сторону юга, убрал карту, и они пошли.

— Послушай, а можно вопрос?

— Ты же все равно задашь, даже если я скажу «нет».

— Интересно, для тебя все люди твари?

— Все, — сухо ответил Марс.

— И что, по-твоему, не осталось ни одного нормального человека?

— Остались.

— И где же они?

— Прячутся.

— От кого?

— От самих себя. Нормальному в этом мире выжить сложно. Я бы сказал, невозможно. Сейчас все сумасшедшие, и поэтому нормальным нужно прятаться.

— Тебе, наверное, трудно найти друга.

Марс остановился, взглянул на Лизу и кашлянул в кулак.

— У тебя длинный язык.

— А у тебя скверный характер.

Он снова кашлянул и ускорил шаг.

— Не отставай.

Глава XX

ОТСТУПНИЦА

Двое суток ехали без отдыха. Луций сидел на своем месте мрачнее тучи. Кате даже показалось, что он немного постарел. Усталый, изможденный, не тот, что был при первой их встрече. Генерал почти ничего не ел. Он снимал перчатки, смотрел на руки, словно не на свои, кутался в плащ и дрожал в ознобе, будто некая болезнь сжигала его изнутри. За двое суток ни единой души, но все равно не покидало ощущение, что за ними следят люди Князя. От этого Кате становилось жутковато.

Чем дальше ехали на юг, тем меньше становилось снега. Вскоре добрались до окраин земель, подконтрольных Князю. Наткнулись на выжженное поселение, скорее всего служившее опорным пунктом. Черное покосившееся ограждение еще дымилось — по всей видимости, напали не более суток назад. Катя встала и облокотилась на борт грузовика. Слой пепла устилал все вокруг. Просматривались следы лошадиных копыт. Повсюду были разбросаны остатки коробок, мешков и вещей, рваных и полусгоревших. Всё, что не утащили нападающие, уничтожил огонь. Генерал привстал, окинул взглядом местность и сел обратно. Неподалеку виднелось место казни — вбитые по кругу в землю столбы. Людей привязали к ним и заживо сожгли. Обуглившиеся фигуры, скрюченные в страшной агонии, застыли навечно.

— Нравится? — Луций внезапно обратился к девчонке.

Та вздрогнула и замотала головой.

— Так зачем смотришь?

Она пожала плечами.

— Смерть прекрасна, если, конечно, взглянуть на нее под своим углом. Видишь? Есть те, кто намного хуже нас. Хуже меня. И я думаю, ты знаешь, о ком я.

— Я в этом сомневаюсь, — тихо ответила Катя и снова устремила взгляд на страшную картину.

— По-моему, я предупреждал тебя насчет бурчания? Или, быть может, ты хочешь остаться без языка?

— Я сказала, что сомневаюсь в том, что они хуже вас. Разве люди могут сравниться в своих деяниях с дьяволом? — обернувшись, выкрикнула Катя. Луций склонил голову набок и закатился от смеха. — Они все хотели жить, как и те, на мосту.

— Да, ты права. Умирать никто не желает. Наверное, ты хотела, чтобы на этом столбе сейчас болталось мое тело, не так ли?

— Куда вы меня везете?

— В мир, который ты не видела. В мир, который мы хотим создать. Здесь все затухло и захирело. Тут нужно наводить порядок. Порядок Нового Рима.

— Убивая беззащитных?

— Нет, уничтожая слабых и никчемных. Тех, кто сам широкой поступью идет в ад и тащит за собой остальных. Тех, кто верит, что зверь может спасти планету.

— Два дня назад вы были слабыми.

Лицо Луция изменилось. Глаза налились кровью. Рука невольно легла на рукоять меча, обхватив голову змеи.

— Думаешь, я так все оставлю? Смирюсь с этим? Меня ударили по одной щеке, а нужно было убивать. Я не прощаю и не забываю оскорблений, а уж тем более не подставляю вторую щеку. Люди Князя пришли бросить вызов, оскорбить, унижить. У них это получилось. Война все равно была не за горами. Они ее просто приблизили. Я хотел разделаться сначала с твоим дружкой, так как он угроза куда более страшная, чем Князь, а уж потом заняться Ярославом. Что ж, придется все делать параллельно. Скоро мы приедем в Новый Рим и ты все увидишь сама. А пока дыши полной грудью. Иногда смерть приходит внезапно.

Катя по инерции отползла назад и уткнулась в тело Самурая. Тот сидел, скрестив руки на груди. Глаза закрыты, голова опущена на грудь. Его вообще не интересовало происходящее. Он спал. Тело качалось в разные стороны, издавая еле слышное сопение.

С наступлением сумерек они въехали на территорию, подконтрольную «Огненным братьям», и спустились с крутого берега, продолжив движение по руслу реки. Раньше она была широкой, метров триста. Теперь посередине протекал небольшой серый вонючий ручей. Справа у берега лежала на боку догнивающая баржа. Корпус проела ржавчина, внутренние перекрытия торчали, словно ребра древнего животного. Ветер, попадая в ее чрево, поднимал страшный вой, дополняя жуткое зрелище. По обоим берегам сухостой в два человеческих роста при каждом дуновении ветра шевелился, потрескивая стеблями.

По настроению тех, кто не спал, можно было понять, что ехали по своей земле. Расслабились, сняли шлемы, поставили оружие на предохранители, стали общаться. Впервые раздался смех, солдаты шутили, травя байки.

Генерал набросил капюшон, откинулся и задремал. Катя долго смотрела на него. Она терзала себя мыслями о том, человек ли он. Вспомнила, как острое лезвие резало плоть. Разве может быть такое на самом деле? А не показалось ли ей все тогда? Вот он перед ней из плоти и крови. Всего лишь человек. Безумный, жестокий, в конце концов, страшно пугающий, но все же человек. Или она ошибается? Снова перед глазами меч медленно скользит по руке, вспарывая кожу и мясо, обнажая кость. Кровь льется ручьем и останавливается через мгновение. Людям такое не под силу. Катя вновь посмотрела на генерала. Конечно же, человек. Вот он перед ней, дышит, и даже пар идет изо рта.

Она прикрыла на мгновение глаза. Перед взором возникло, как дядя Витя убирает за пазуху распятие. На кресте тоже вроде как человек. И это загвоздка. Похож, по крайней мере, на человека. Хотя дядя Витя почитал его как Бога. Ругался с Марсом, когда тот говорил, что богов нет, раз они обошлись так с этим миром и людьми. А вдруг и этот безумный Луций тоже «вроде как»? Снова перед глазами меч, и снова кровь. Сумасшедшая бабка, которая несет ерунду. Или правду? И вновь наваждение. Гроб опускают в могилу, бесполезная проповедь человека по имени Владимир. Пришествие мессии. Борьба со зверем. Гроб касается дна могилы. И снова кровь и лезвие, уродующее тело...

Луций открыл глаза, посмотрел на девчонку, поежился и вновь задремал.

Чем ближе они подъезжали к этому Новому Риму, тем больше ее охватывал страх. Что ждет ее там? В голову лезли разные мысли, в основном плохие и даже страшные. В душу закралась злоба на Марса за то, что он ее бросил. Столько прошло времени, а его все нет и нет. А ведь он обещал заботиться, обещал оберегать ее и не давать в обиду. Где теперь его обещания и где он сам? Неужели предал? Оставил ее одну погибать в одиночестве? Луций поднял голову, словно читая ее мысли, зевнул и снова опустил.

На склоне берега появилась фигура человека, потом еще две, потом еще пять. Они смотрели на колонну, приложив ко лбу руки. Они не боялись тех, кто ехал в машинах. Вскоре Катя заметила еще одну группу, больше первой. Чем дальше ехали, тем больше людей встречали. Они были другие, не такие, каких она привыкла видеть. Более чистые, более опрятные, даже вели себя по-другому. Одежда из грубой ткани серого цвета. Темные утепленные одинаковые куртки, что на мужчинах, что на женщинах. Катя рассматривала людей, пока русло реки не свернуло вправо.

— Стоп! Привал! Заправляемся, отходим по нужде, перекусываем и в путь, — скомандовал Луций.

Видя, как Катя с недоумением осматривается, Самурай пояснил:

— Это корабли. — Вокруг все было завалено останками кораблей разных размеров и лодок.

— А что такое корабли?

— Корабли раньше плавали по рекам и выходили в моря и океаны.

— Моря и океаны?

— Это такие огромные озера. Море ты еще увидишь. Хотя оно с каждым годом все дальше отступает от крепости.

— От какой еще крепости?

— Всему свое время. Вставай, пойдем разомнемся. А то от этих скамеек все тело ломит.

Они спрыгнули с кузова и утопи в вязкой жиже по щиколотку.

— А на нас тут никто не нападет? — с опаской поинтересовалась девочка.

— Тут? Никто. Эта земля принадлежит «Огненным братьям». Сюда чужим не пробраться.

— А те люди, которые встречались нам по пути?

— Это послушники. Живут за стенами города. Их можешь не бояться.

— Послушники?

— Крестьяне. Пытаются хоть что-то вырастить на безжизненной почве. Земля постепенно истощается, становится непригодной к возделыванию. Скот перестает плодиться. Но они молодцы, делают невозможное. Мы не звери. Тех, кто присоединяется к нам, берем под свою защиту. Люди получают возможность пожить нормальной жизнью.

— То разрушенное селение, которое мы проехали, оно ваше?

— Нет, это был пограничный пост Князя.

— Вы его разрушили?

— Кочевники.

— Кочевники? Они не заходят так далеко. Максимыч рассказывал мне о них.

— Грядет война. Надеюсь, последняя... И кстати, ты слишком много расспрашиваешь для пленника, — Шона усмехнулся и слегка пихнул ее, подгоняя вперед.

Когда вернулись к колонне, все уже сидели на местах. Самурай помог Кате взобраться на машину и сам последовал за ней. Он почувствовал на себе холодный взгляд генерала.

— Ты бы не привязывался к ней, — бросил ему Луций.

— Да, конечно, — Самурай отвернулся от Кати. Девчонка лишь сжала зубы и, скрестив на груди руки, нахмурилась.

Покинули русло реки, через пару часов подъехали к развалинам города. Дорогу преграждали два самосвала. Луций поднялся, скинул с головы капюшон и помахал рукой. Из руин появилось с десятков человек, двое из них залезли в самосвалы, отогнали их в стороны, освобождая

дорогу, остальные направились к колонне. Впереди идущий суетился, поспешно надевая алый шарф, одергивал старую и потрепанную одежду. Следовавшие за ним были одеты еще хуже. Вооружены ружьями были только четверо, включая старшего. У остальных топоры, молотки, железная арматура. Человек в красном шарфе ударил себя в грудь и бросил руку вверх в знак приветствия, делая это неуклюже и явно переигрывая, озираясь по сторонам.

— Ты новенький? — холодный взгляд Луция устремился сверху вниз.

— Так точно, генерал!

— Что-то произошло? — он поставил одну ногу на борт, а сам склонился, опираясь руками на поднятое колено.

Командир отряда вновь осмотрелся в поисках поддержки у своих людей.

— Кочевники, генерал.

— И в чем проблема?

— Они не подчиняются нашим правилам, ограбили наших людей, прошли лавиной по городу. А нам был отдан приказ не трогать их и не сопротивляться, пропустить к Новому Риму.

— Потери?

— Что?

— Потери есть? Убили кого?

— Нет, генерал, только грабили. Хватали все, что плохо лежит. Наши люди сопровождали их через город, но не вмешивались. Мы успели увести детей и женщин в подвалы.

— Ясно.

— Люди напуганы, генерал.

— Люди всегда чем-то напуганы, пока живы. — Луций опустил ногу, выпрямился и постучал по крыше грузовика. Колонна въехала в город.

Катя смотрела во все глаза. Проезжая по узкой улочке, она с неподдельным удивлением разглядывала огромные каменные глыбы — дома, в которых раньше жили люди. Тут и там, в окнах, в переулках и даже на крышах с опаской появлялись головы любопытных. По улицам ходили только вооруженные люди. При виде колонны местное население пряталось в развалинах, боялись даже своих, так как свой всегда мог стать врагом в отсутствие еды. Все это ей напоминало муравейник, огромный каменный муравейник. Она вспомнила, как Марс очищал веточку от коры, клал сверху домика муравьев и они с яростью кидались на нее. Потом он стряхивал насекомых и протягивал Кате лакомство. Кислое, с резким запахом, но такое необыкновенно вкусное. По крайней мере, раньше ей так казалось. Теперь и муравьев-то не встретишь, все умирало и исчезало. Мерзкие крысы и те исчезли.

Ехали относительно быстро, словно хотели проскочить это поселение поскорее и поскорей добраться до места назначения. Катя устала от дороги и от неопределенности. Вспомнились слова старого Виктора, который всегда говорил, что самое тягостное в жизни — это ожидание.

Колонна повернула в проулок и остановилась. Человек двадцать с криками двигались толпой, загородив улицу. Основную массу составляли оборванцы — местные обитатели с серыми от постоянного голода, почти одинаковыми лицами. Кроме того, имелось шесть охранников — так называемое ополчение «Огненных братьев». Бойцы набирались из местных и обеспечивали правопорядок, подчинялись кураторам. В середине толпы тащили женщину и двух плачущих мальчиков лет десяти. Женщину вел мужчина, намотав ее волосы себе на руку и согнув несчастную почти до земли. В грязных волосах запеклась кровь. Среди всей этой черни выделялся только один — в ярко-красном балахоне. Куратор шел впереди толпы, славя истинную веру и Млечный путь. При виде колонны с солдатами Черного легиона, да еще и во главе с самим генералом Луцием, толпа замерла и затихла, словно псы, на которых рявкнул хозяин. Луций ловко спрыгнул с грузовика и подошел почти вплотную к человеку в красном балахоне.

— Отступница! — внезапно заорал проповедник.

Такие проповедники были в каждом покоренном городе. Местная инквизиция. Святой отец, судья, адвокат и прокурор в одном лице. Только вот руки кровью они не пачкали, на это были другие, кто хотел угодить власть имущим.

— Отступница! — снова загорланил проповедник, и толпа поддержала его криками, улюлюканьем и свистом.

— Отступница! Отступница! Смерть ей! — в один голос заорали собравшиеся.

— А этих за что? — Луций заглянул за плечо куратора и указал на детей.

— Выродки этой ведьмы. Они внемлют ее учениям о ложных богах. Истинную веру несем только мы и наш великий учитель Александр. А она проповедовала то, что грядет второе пришествие спасителя. Ложного спасителя человечества. Но мы все знаем, что никто не спасет людей, кроме великого Александра и истинной веры в Млечный путь. На землю спустился зверь. Он прикинется спасителем, одурманит разум и испоганит душу, а потом уничтожит все оставшееся на нашей земле. Лживые верования довели наш мир до того состояния, в котором мы живем сейчас.

— Значит, говоришь, отступники? — Луций ухмыльнулся и непринужденно размял шею.

Толпа взорвалась воем и криком. Ополченцы оградили так называемых преступников, пытаясь не дать растерзать их раньше времени.

Однако невооруженным глазом было видно, что они не особо сдерживали агрессию. Дай волю, и они сами поучаствовали бы в расправе.

Луций стоял неподвижно. Человек в красном нахмурил брови, в недоумении смотря на генерала и не понимая, почему тот не отойдет в сторону и не даст им дорогу. Генерал — их кулак, мощь которого «братья» обрушивают на непокорных. Он не должен влезать в дела общины, а должен только покорять и завоевывать земли неверных, оберегать от любой опасности «Огненных братьев» и их великого учителя Александра. Его великая задача — обратить всех в праведную веру. Почему он посмел встать на пути правосудия? Проповедник сорвал с осужденной серебряный крестик на бечевке и протянул Луцию. Христианский символ покачивался из стороны в сторону.

— Отступница! — что было силы выкрикнул проповедник, трясая перед лицом генерала доказательством.

«Ты не такой уж плохой человек, Луций», — раздался голос в голове генерала. Распятие замерло. Человек, приколоченный к кресту, открыл глаза. Маленькая серебряная фигурка ожила. Возникло ощущение, что генерал когда-то знал его. Перед закрытым взором Луция появилась улыбающаяся девушка в синеватой дымке. Темные густые блестящие волосы, шоколадного оттенка кожа и большие, почти черные глаза. Сейчас все бледные, серые, словно мертвецы, а эта, из видения, — будто из другого мира. Она протянула к нему руку. Сердце стало биться по-другому, кровь подступила к вискам. Ему захотелось к ней, туда, в синеватую пелену, чтобы остаться там навсегда.

— Отступница!

Мираж начал таять.

— Отступница!

Распятый на кресте закрыл глаза и продолжил качаться из стороны в сторону. Туда-сюда, туда-сюда.

— Убить! Убить! Смерть отступникам!

Все нереально, словно картинка, нарисованная адским художником. Луций положил руку на меч. Вязкая кровь маленькой струйкой вытекла из-под рукава и устремилась по рукояти меча вниз. Проповедник сделал шаг назад. Опустил взгляд, видя, как падают на землю алые капли. Толпа притихла. «Луций, Луций, иди ко мне. Я соскучилась. Заждалась тебя. Иди ко мне». Генерал вздрогнул и ожил. Голос звучал из переулка, по крайней мере, ему так казалось.

— Татьяна? — тихо произнес он и отступил в сторону, пропуская толпу вперед.

Проповедник сделал жест рукой, давая процессии знак идти дальше. Те, видя, как генерал отступает, возликовали и погнались осужденных вперед.

— Вздернуть всех! Вздернуть! Сжечь! Убить! Забить до смерти! — слышались призывы толпы, заглушавшие крик детей и мольбы несчастной о пощаде хотя бы своих чад.

— Убьют их? — тихо прошептала Катя стоящему рядом Самураю.

— Толпа — это лютый зверь. С ней не договоришься.

Генерал смотрел в пустоту и шептал, словно разговаривал с кем-то. Люди, ведомые куратором, протащили несчастных перед грузовиками, рыча и матерясь, требуя расправы, жаждая крови. Луций пришел в себя и сноровисто залез в кузов, оставляя кровавый отпечаток на деревянном борту. Колонна тронулась дальше.

Последнее, что видела Катя, — это как людская масса кинулась на несчастных. Их били с яростью, слепо, не жалея ни детей, ни женщину, насмерть. Человек в красном стоял в стороне, подняв руки к серому небу, держа распятие, и что-то орал вверх. Словно пытался до кого-то докричаться. Но там, наверху, за густыми темными облаками, его явно никто не слышал. По крайней мере так показалось Кате.

Завернули за поворот, и крики прекратились. Все прекратилось, словно этого и не было, но ком застрял где-то в груди. Тошно стало. Девочка кивнула сама себе. Именно тошно. Слезы навернулись на глаза. Она же повидала немало смертей. Может, детей пожалела, а может, устала, а может, она просто еще маленькая. Катя пыталась найти хоть какой-нибудь удовлетворительный вариант. Убили просто из-за того, что женщина носила амулет, точно такой же, как носил Виктор. А ведь он всегда говорил, что этот странный человек на кресте всем помогает. И где была его помощь сейчас? Как же его звали? Катя попыталась вспомнить, но не смогла.

— Жалко их стало?

— Что? — Катя подняла голову и посмотрела на Луция.

— Гляжу, ты опечалена случившимся, — он показал пальцем себе на глаз, давая понять девочке, что у нее текут слезы. От прикосновения остался красный отпечаток на лице. Кровь по-прежнему сочилась по его руке, по той самой, которую он резал при Кате. Девочка быстро стерла со щеки слезинку. — Они заслужили то, что заслужили. Вера — это человеческая глупость. Она приносит только страдания. Не жалей их, лучше пожалей себя.

Все оставшееся время ехали молча.

Когда пересекли каменный мост через высохшую реку и въехали на пригорок, перед Катей открылась картина, от которой по спине пробежали мурашки: обнесенный высоким каменным забором остров, а за забором — город, целый и невредимый. Еще дальше, в нескольких километрах от стен, темная полоска свинцового цвета, перекатывалась и вспенивалась. Столько воды Катя не видела никогда. Вблизи города шевеление. Люди. Много людей работают. Каждый что-то делает. Удивительно!

— Новый Рим. Прибыли, — улыбаясь, произнес генерал, и колонна поехала вниз по склону, устремляясь к стенам, к людям, к свинцовой воде.

Глава XXI

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОЛГА

Белая плоскость равнины с сухими стволами деревьев иногда сменялась небольшими холмами и серо-белыми низинами, заваленными снегом. Одинокие клоки кустарника, сухого и корявого, уродливого, как и весь мир, распространились равномерно на безжизненной почве. Темные и угрюмые облака нависали сверху так низко, что казалось: вот еще чуть-чуть — и этот свинцовый навес рухнет на тебя, задавит чудовищной массой и похоронит под собой.

Шли долго, строго на юг, жутко устали. Лиза валилась с ног, а Марс был неудержим в попытке кого-то нагнать. За все время в пути не встретили никого. Это давало обманчивое ощущение безопасности.

— Слушай, может, ты все же расскажешь, куда мы так несемся без остановок? — не выдержав, поинтересовалась Лиза.

— Меня ведет он, — Марс поднял левую руку и оттопырил указательный палец.

Лиза посмотрела на небо, но, кроме серой пелены, ничего не увидела.

— Я же великий спаситель, — усмехнувшись, добавил Марс.

Девушка только покачала головой, фыркнула, словно обиженная кошка, и, обгоняя Марса, пихнула шутника в плечо.

— Ай! Больно же! — он схватился за замотанную кисть, но ускорился, пытаясь догнать спутницу. — Постой.

— Отвали.

— Да постой, — он схватил ее за рукав и развернул к себе.

По инерции она сделала шаг навстречу, и их лица почти соприкоснулись. Теплое женское дыхание, искренний взор больших карих глаз. Еще немного — и Марс смог бы раствориться в них. Зубы стиснулись от осознания, что эта маленькая слабость недопустима. Все, кто бывает ему дорог, умирают. Марс опустил взгляд. Грудь девушки поднималась при каждом вдохе. Чувствовалось, что она ждала первого шага. Он отпустил ее и устремился вперед, тяжело выдыхая и качая головой.

— Это просто шутка.

— Шутка? — ошарашенно произнесла Лиза на выдохе. — Ты бесчувственный сухарь.

— А Катя бы оценила.

— Кто такая Катя?

— Друг, — резко бросил Марс.

— Надо же, у тебя есть друзья? Может быть, это твоя подружка? А? Это ты к ней так рвешься? Что ж сразу не сказал? Я бы бегом, может быть, бежала.

— Тихо, — Марс присел на корточки и поднял руку.

— Что там?

— Сядь и заткнись, — прошипел Марс.

Лиза припала к земле. Марс медленно вытащил из-за пояса пистолет, скорчив рожу и злясь на самого себя: травмированная правая рука висела на тряпке, левой было неудобно управляться.

— Что там?

— Вон там впереди на два часа. Видишь?

В полукилометре от них серые заросли занимали почти треть поля. Лиза присмотрелась, потом взглянула в прицел. Над сухими верхушками ровно вверх поднималась тонкая струйка дыма, уходя высоко в небо. Посидели, подождали. Минут через пять изменился ветер. Тонкая сизая струйка развернулась в их сторону — потянуло запахом еды.

— Марс, там, — Лиза упала в снег, ее попутчик мгновенно последовал примеру.

Из зарослей показалась вереница людей, девять человек. Затем цепочкой вывели еще пятерых, связанных меж собой веревкой. Первым в этой цепочке шел подросток или просто маленького роста пленник. Потом показали еще пятеро. Один из них здоровый, с кувалдой в руках, четверо других тащили нечто большое и квадратное на палках. Двигались на юг, не спеша, медленно.

— Дай винтовку. Дай-ка ее сюда. Да быстрее!

Лиза послушно передала Марсу СВД. Он припал к оптическому прицелу.

— Что там?

— Змей, — Марс ударил по земле рукой.

— Да что с тобой? Ты их знаешь?

— Встречался, — он поводит винтовкой, словно выцеливая кого-то из банды. — Тоже, суки, на юг движутся. Что им там, медом намазали, что ли? — Перекрестье прицела остановилось на мелком пленнике. — Вот дьявол! Неужто живой?

Внутри защемило. То ли совесть, то ли жалость, то ли еще что-то. Неужели это и вправду Андрей? Неужели еще жив?

— Нужно проверить их место стоянки, — передавая обратно СВД, скомандовал Марс.

— Это еще зачем?

— Хочу убедиться кое в чем. Можешь со мной не идти. Я быстро туда и обратно.

— Нет уж, я с тобой.

— Ну, как скажешь.

Он пополз вперед по-пластунски. Ползли до тех пор, пока группа Змея не скрылась из вида. После — короткими перебежками. Лиза прикрывала Марса.

— Надеюсь, они нас не заметили.

— Если бы заметили, они бы вернулись. Эти просто так мимо людей не проходят, поверь мне, — раздвигая перед собой кустарник, ответил Марс.

Небольшая поляна была усеяна следами. Марс аккуратно переступил через человеческие испражнения.

— Что мы тут ищем?

— Кое-что важное для меня.

Они медленно вышли к привалу банды Змея.

— О господи! — зажимая рукой рот, отвернулась в сторону Лиза.

Над костром висело туловище человека, насаженное на жердь. С большей его части срезано мясо. Слева в пятне красного снега бесформенной кучкой лежали кишки. Кости и другие недоеденные части валялись вокруг костра вразброс.

Марс походил вокруг, переворачивая ногой останки, наклонился и поднял за волосы голову.

— Хм, может еще живой, — откинул голову в сторону.

— О чем ты?

— Пойдем за ними.

— За ними?! Ты вообще можешь хоть что-нибудь объяснить мне?

— Пошли. Будет время — расскажу. Андрей. Возможно, он жив, — с радостью в глазах произнес Марс.

Таким Марса она никогда не видела. Да и кто такой этот Андрей, для Лизы было загадкой, такой же, как и кто такая Катя. Марс вытащил карту и посмотрел на удаляющиеся за горизонт следы.

— Их много, а нас всего двое. Точнее, нас полтора, если учесть, что ты повредил руку.

— Я знаю, — убирая карту, ответил он. — Знаю.

— Кто такой Андрей?

— Парень, который спас мне жизнь и попал к этим зверям.

— Почему ты думаешь, что он еще жив?

Марс пожал плечами.

— Я не знаю. Просто хочу убедиться.

— Ладно, допустим, что это он и эти животные его еще не сожрали. Как ты собираешься отбить его у них?

— Ты же снайпер.

— Ну ладно, — она сняла с плеча винтовку. — Только один уговор.

— Что ты хочешь?

— Ты мне все расскажешь. Я имею в виду, куда мы все-таки идем и зачем. Я не хочу бегать за тобой, как собачонка, в неведении.

— Хорошо. Если, конечно, останемся живы.

На ночь решили остановиться. Нашли небольшое углубление, спустились в него и развели костер. Группа Змея была не так далеко — может, в часе быстрой ходьбы. Лиза и Марс шли налегке, а те были скованы обузой, да еще пленные еле волочили ноги.

— Еды почти не осталось, — Марс открыл ножом банку, подогрел на костре и протянул Лизе. Достал еще одну, тоже открыл и поставил к огню. — Если сможем их перебить, раздобудем еду.

— Они же людоеды.

— Это да. Но у них есть и припасы.

— Откуда ты знаешь?

— Я их ограбил однажды.

— Значит, ты еще и вор. Хотя чему удивляться?

— Сейчас нет такого понятия, как вор. Нет понятия плохой или хороший. Сейчас есть только живой или мертвый. Хочешь жить — крутись. Я хочу жить. Ясно?

— Но ведь мы идем к ним явно не за припасами, не так ли? Хочешь помочь тому парню, да?

— Да, я хочу помочь ему.

— Интересно знать, как он вообще к ним попал?

— По собственной глупости.

— И ты не пытался его спасти?

— Пытался. Не вышло.

— А сейчас, думаешь, выйдет?

— Надеюсь на это.

— Ясно. Слушай, — она выдержала паузу, разглядывая Марса, — кто она такая?

— Кто именно?

— Катя. Ты ведь идешь за ней. Кто она тебе? Ты ее любишь?

— Она друг, которого я потерял и хочу вернуть. Она мне как дочь. Единственный близкий человек, который остался у меня в этой жизни. Впрочем, это долгая история.

— А мы что, куда-то спешим?

— Ладно. Как скажешь.

Марс рассказал Лизе про Виктора, рассказал про то, как они нашли Катю, о том, как они выживали все это время.

— Ее забрали «Огненные братья», их солдаты в черном. Они давно выслеживали нас. Только не пойму для чего.

— И ты идешь в Новый Рим? — глаза Лизы округлились.

— Ага, — он зачерпнул ножом кашу, подул на нее и снял еду губами с лезвия.

— Ты не мессия, Марс. Ты самоубийца. Туда ведь не пробраться, многие пробовали. Там заграждения везде и их бойцы. Даже если пройдем через блокпосты, то на их территории нам не выжить. Там чужаков сдадут сразу кураторам — и тогда все. Конец. Да и если подумать, то нас убьют еще на подходе. Тебе армия нужна, и это как минимум.

— К сожалению, армии у меня нет. Я не прошу тебя идти со мной.

— Ладно, значит, Катя — это твой друг?

— Угу.

— Она красивая?

— Она ребенок. Что за дурацкие вопросы?

— Да я просто спрашиваю. Хоть о чем-то с тобой поговорить. Ты же всегда молчишь. Рука, кстати, как? — перевела разговор на другую тему Лиза.

— Ноет, — Марс осмотрел забинтованное запястье и палец.

— Хоть бы срослось нормально.

— Да все хорошо будет. На мне как на собаке раны заживают, — он отбросил банку в сторону. — Помню, ногу почти до кости рассадил. Так ничего. Все зажило за неделю, представляешь? Даже шрама не осталось. Так что с пальцем все нормально будет... Завтра трудный день.

— Это точно. У меня всего девять патронов. При хорошем раскладе их еще человек пять останется. Если умрешь, твою подружку уже никто не спасет.

— Мне нужно будет подобраться к ним поближе. Ты прикроешь меня. Их главный — Змей, здоровый такой бугай. Без него они особого желания сражаться не проявят. Нужно будет напасть с рассветом — застанем их врасплох. Я попытаюсь перебить часовых, ты лупи по тем, кто будет подниматься, но не забудь про Змея. Эту тварь нужно завалить в первую очередь.

— Как все легко и просто. Надеюсь, этот твой приятель стоит того, чтобы за него умереть.

— Не стоит. Но иногда приходится отдавать долги. Я много плохого сделал, нужно сделать хоть что-то хорошее. А то я и вправду больше похож на зверя, нежели на спасителя, — он усмехнулся.

— Понятно. Короче, ты меня извини, но твой план фигня.

— Есть предложение получше?

— Есть. Теперь слушай, как мы поступим, — Лиза пододвинулась к нему ближе, почти вплотную.

— Ты чего? — Марс настороженно посмотрел на нее.

— Слышишь?

— Что именно? Ни хрена я не слышу.

— Вот именно. Тишина. Вокруг только тишина. Какая-то странная, давящая тишина. Она пугает неизвестностью, тяжелым ожиданием.

— Ты вроде хотела рассказать свой план?

Лиза толкнула его в грудь и залезла сверху.

— Расскажу. Чуть позже, — наклоняясь к нему, прошептала она. Слышишь?

— Нет.

— Тишина звенит. Раньше я думала, что так рождается любовь.

— Мы можем завтра умереть.

— Каждый день можем, — ее губы коснулись губ Марса.

— Я плохой человек, Лиза. Я постоянно теряю тех, кто становится мне дорог. Не стоит этого делать.

— Это мой выбор, — она впиалась своими губами в его.

Только забрезжил рассвет. Длинный след протянулся по полю, будто прополз огромный дождевой червь. Лиза аккуратно подготовила место для позиции, окопалась в снегу и застыла. Легкий ветер пронес небольшую поземку. Метрах в трехстах — давно проржавевшая насквозь сельхозтехника: пара комбайнов, трактор и совсем вросший в землю ГАЗ. Здесь заночевала банда Змея. Четверо часовых: двое расположились на технике, один обходил лагерь кругом и один следил за пленниками, которые сидели прямо на снегу. Остальные члены банды, по-видимому, спали. Как ни старалась, Лиза не могла найти бугая, про которого говорил Марс. Нецензурно выругалась. И почему она не отговорила этого безумца от такой глупой идеи? Поймала себя на мысли, что он стал ей дорог. Может, это и вправду любовь? Ночь, проведенная с ним, изменила ее. Плотское желание превратилось в чувство. Не понимая зачем и для чего, вывела его имя пальцем на снегу. Странное все же у него имя.

Темное пятно проскользнуло вперед, скрылось за огромной покрышкой от трактора. До лагеря Марсу оставалось еще метров сто пятьдесят, может, двести, но по чистому полю, поэтому требовалось прикрытие. Лиза припала к прицелу, быстро отключилась от посторонних мыслей. Делала все, как учил ее крестный. Перекрестье прицела безразлично походило по лагерю Змея и замерло на часовом, который охранял пленников. Именно с той стороны к лагерю подползал Марс. Человек Змея зевнул, потянулся, стал покручивать в руке железную трубу, на конце которой была намотана колючая проволока. Лиза застыла, набрала полной грудью воздух, стала медленно выдыхать, одновременно плавно давя расслабленным указательным пальцем на спусковой крючок винтовки. Хлопок. Словно гром среди ясного неба. Руки убитого ею человека взметнулись вверх. Перекрестье замерло на другой жертве, и все опять повторилось. Тело полетело вниз, скатываясь по комбайну. Снова выстрел — и снова труп. Марс кинулся в атаку. В лагере началась паника.

Кто-то бросился наутек по полю, скинув оружие. Его девушка не тронула, экономя патроны. Другие судорожно прятались за техникой, нервно озираясь по сторонам, не понимая, откуда по ним ведут огонь. Чья-то голова высунулась из-за жатки. Выстрел — и тело упало на землю.

— Еще один, — тихо для себя произнесла снайперша.

Не отрываясь от прицела, она нежно поглаживала пальцем спусковой крючок в поисках очередной жертвы. В лагере раздался командный голос, но слышно было плохо. Лиза снимала одного за одним. Марс пробрался практически вплотную к лагерю. Слева от него выскочил человек, и он навскидку выстрелил ему прямо в лицо с полутораметрового расстояния. Его заметили, открыли ответный огонь. Он притаился за железным диском. В прицеле девушки мелькнул здоровый мужик, который шел к Марсу, держа кувалду. Он поднимал тех, кто прятался, заставляя идти вперед. Марс высунул руку и несколько раз выстрелил. Раздался крик. Пуля попала в ногу, и человек упал на снег, хватаясь за бедро руками. Марс выглянул, одиноким выстрелом добил лежавшего и перебежал к комбайну. В него тоже выстрелили, но промахнулись. Пуля лишь порвала рукав куртки. Еще двое кинулись к посадкам, один с оружием, другой без. Того, кто прихватил с собой ствол, Лиза сняла. Он кубарем полетел на землю, по инерции перевернулся через голову и замер навсегда.

— Вылезай, сука! Чего спрятался? — проорал Змей Марсу. — Иди ко мне. Иди. Иди сюда.

Пленники, сбившиеся в кучу, так и сидели, словно бараны. Они уже давно приговорили себя к смерти и даже теперь не пытались сбежать, а только наблюдали за происходящим провалившимися от голода глазами.

— Андрей! Андрей, ты живой? Андрей, ты тут? — Марс, переводя дух, искал среди «консервов» своего некогда спасителя.

Жалкие, забитые и сломанные люди. Испуга на лице не было. Вообще никаких эмоций не было. Марс отвлекся на мгновение на них, но тут же пригнулся. Набалдашник кувалды врезался в корпус комбайна. Раздалось дребезжание. Марс и не понял, откуда выскочил Змей. Морда красная, разгоряченная, вены на шее вздутые, в его лапах многокилограммовый молот летал словно пушинка. На помощь Змею выскочили еще двое, но тут же упали на снег. Лиза работала четко. Один выстрел — один труп. Марс, уклоняясь от очередного удара, выстрелил, но промахнулся. Змей припечатал соперника плечом к комбайну. Марс ударился головой. Последовал удар рукояткой под дых. Пистолет выпал из рук, в глазах потемнело. Главарь каннибалов прижал его к корпусу машины молотом и закричал что было силы по-звериному, заплевывая лицо своему врагу. Перекрестье прицела поймало его голову. Спуск курка.

— Нет. Нет. О боже! Боже.

Лиза дернула затвор и вынула обойму. Пусто.

Змей ревел так, что видно было язычок в глотке, который трясся от крика. Он всем телом навалился на Марса, ноги пробуксовали по земле. Марс пытался отодвинуть деревянную ручку подальше от своей шеи. Больная рука плохо слушалась, а левая слишком ослабла. Силы покидали его. Древяк прижималось к кадыку, отчего дышать становилось все сложнее. Змей давил его своей массой. Но его глаза округлились и налились кровью. Он ослабил хватку и взвыл. Удар промеж ног спас Марса от неминуемой гибели. Они вместе повалились в снег. Кувалда отлетела в сторону. Началась возня на земле. Змей быстро овладел ситуацией и забрался сверху. Оба захрипели, вцепившись один другому в горло. Марс старался не потерять сознания, пытался не обращать внимания на боль, которая раскаленной иглой пронизывала сломанный палец. Он хватал воздух ртом. От Змея несло нечеловеческим зловоньем.

Неужто конец? Вот так просто, здесь, посреди поля? А все для чего и зачем? Земля провалилась, исчезла под телом Марса. Перед глазами все поплыло, лицо Змея растеклось. Перед мысленным взором возник образ Кати, отдаляющийся, улетающий в никуда. Она тянула к нему руки, взывая о помощи. Если не он, то кто? Умри он здесь — и кто тогда спасет девочку?

Выдохнул. Из последних сил сделал рывок и достал нож, закрепленный на поясе. Ха! На выдохе вонзил его куда-то. И еще раз. Пальцы на горле ослабли. Марс снова ударил противника. Последний удар пришелся в левую руку, пробивая бицепс насквозь. Кровь горячим потоком брызнула в лицо, заливаясь в рот, вязкая и противная. Марс напрягся и свалил Змея в сторону. Сам отполз подальше, отплевываясь, кашляя и хрипя. Наткнулся на кувалду. Нож так и остался воткнутым в руку противника. Марс вскочил и поднял жутко тяжелый молот. Железный набалдашник взлетел в свинцовое небо и так же стремительно опустился на лицо Змея. Хрустнул череп. Нога поверженного еще дергалась, сгибаясь в колене. Марс выдохнул всей грудью, отошел назад. Усталость наваливалась практически обмороком. Он пересилил себя, окинул взглядом лагерь. Повсюду трупы и кровь. «Консервы» сидели в куче, связанные веревкой. Среди них Андрея не было.

Лиза бежала к нему, что-то крича. Слезы текли по щекам ручьями. Врезалась в Марса и повисла на шее. А его хоть самого держи.

— Я думала — всё. Патроны. Патроны закончились. Я, дура, не считала. Дура. Прости. Думала — всё.

— Нормально. Не переживай. Мы живы, они мертвы. Пойдем.

Он легонько отстранил ее от себя, поднял пистолет и направился за ржавый автомобиль к еле дымящемуся костру. Справа стоял большой сундук, на земле лежали сложенные вещи. Слева на клочке грязного полиэтилена сидел голый Андрей, забрызганный черной запекшейся кровью. Его ноги были отрезаны, перетянуты проволокой, конечности

прижжены, взгляд бессмысленный. Змей решил постоять здесь пару дней, отдохнуть. Андрей был выбран в пищу. Его решили есть не спеша, по частям, растянув на весь привал.

— О боже. Это он?

Марс присел перед парнем. Тот смотрел отрешенным взором на собственную ногу, висящую над костром и зажаренную до корочки. Другую уже сожрали. Бледное безумное лицо. Марс провел перед его глазами рукой — парень даже не моргнул.

— Андрей.

Мальчишка не пошевелился. Марс поднялся, покачал головой и прикусил губу. Начал ходить взад-вперед. Он тер голову рукой и стучал ручкой пистолета по лбу.

— Марс, — Лиза хотела его успокоить, — Марс, ты не виноват. Мы пытались, Марс.

— Пытались, — он остановился. — Все было ясно еще тогда, когда он сбежал. А я, дурак, подверг тебя и себя опасности, зная, что он все равно не жилец. Дурацкая идея чуть не стоила нам жизни. Если бы я помер тут, то кто тогда спас бы ее? Понимаешь? Вот о чем я. Дурацкая идея, дурацкая. Поддался чувствам.

— Ты же хотел спасти его? Хотел как лучше.

— Хотел. Но не нужно было этого делать. Посмотри на него.

— Его нужно укрыть. Он, наверное, замерз. Нужно привести его в чувство.

— Успокойся. Ты ему уже ничем не поможешь.

Марс повернулся и пустил пулю мальчишке в голову. Тело Андрея вздрогнуло и медленно завалилось на бок, выражение лица не изменилось. От неожиданности Лиза вскрикнула. Марс засунул пистолет за пояс и стал нервно разматывать левой рукой съехавшую повязку с больной руки, помогая себе зубами. Рана снова начала кровоточить. Лиза стояла столбом, парализованная произошедшим.

— Чего застыла? Давай смотри, что можно утащить. — Марс отошел в сторону, наклонился и оторвал клочок с рубашки какого-то мертвеца, замотал себе кое-как руку.

— Он же мальчишка. Он же вроде спас тебе жизнь.

— Я спас ему жизнь тоже.

— А теперь избавил человека от страданий? Какой у тебя интересный способ.

— А что еще мне нужно было сделать? Пришить ему ноги? Он и так был мертв. Иногда нужно творить зло во благо.

— Правда? Интересно, это ты сам придумал или подсказал кто? Зло во благо. Глупее и придумать нельзя.

— От него отрезали куски его собственного тела, жарили на костре, а потом ели прямо на его глазах. Я спас его. Я. Понимаешь, я. Я спас его,

избавил от этой жизни и от боли. — Марс махнул рукой. — Да пошла ты. И вообще, не суй нос в то, чего не понимаешь.

— Ты ненормальный, Марс. Не-нор-маль-ный. Посмотри. Ты убил его.

— Да. Убил. Убил! Я же этот... Мессия. Спаситель человечества. Только, поверь мне, он был уже мертв. А теперь хватит ныть, и давай заберем то, что нам нужно. Шевелись. Нашу пальбу было слышно за километры. Теперь сюда может кто-нибудь спешить.

— А с ними что делать? — Лиза кивнула в сторону пленных. — Тоже в расходпустишь?

Марс подошел к «консервам» и перерезал веревки.

— Они свободны, могут идти. Интересно только куда?

Он подошел к сундуку и стал вынимать из него самое необходимое, бросая добро на землю.

— Найди что-нибудь, во что можно все это сложить. Ты меня слышишь? — он выпрямился и посмотрел на Лизу.

— Марс, там, — она указала пальцем в сторону.

— Вот черт! Да чтоб вас всех! Бежим! — он схватил ее за руку и потянул за собой.

— Моя винтовка!

— Да черт с ней! Бежим!

Они выскочили на поле и понеслись от места бойни.

Глава XXII

НОВАЯ ИСТИНА

Широкий бетонный забор опоясал загадочный город и превратил Новый Рим в фантастическую крепость. В небе одиноко кружил черный ворон, взмывая все выше и выше до тех пор, пока не исчез в серых облаках. Птицы теперь были редкостью. Толстые неприступные стены высотой почти в десять метров патрулировали вооруженные люди в камуфлированной форме с красными повязками на руках. На смотровых вышках, усиленных пулеметными точками и прожекторами, расположились снайперы. У основания стен почва была вздыблена и разворочена, будто эти каменные блоки вылезли из-под земли в одночасье.

Колонна автомобилей проследовала по безжизненной земле, в которую по правую и левую сторону были вбиты таблички с надписью «Мины». Перед городской стеной полуразложившийся труп запутался и повис на колючей проволоке бесформенной тряпкой. Подъехали к высоким металлическим воротам, над которыми развевались два флага. Один — черный с золотым орлом на серебряном черепе, другой — красный с черной пентаграммой в огне. Остановились. Наверху солдат поднял руку. Ворота с грохотом сдвинулись с места. Бурый, изъеденный коррозией металл с адским шумом и скрежетом подался в разные стороны. Огромные шестерни скрипели и визжали, издавая пугающие звуки. Впереди змейкой лежали бетонные блоки. Далее расположилась огневая точка. Человек двадцать, хорошо экипированных, в униформе, вскинули правые руки вверх в знак приветствия генерала. Луций ответил легким наклоном головы.

Катя крутилась по сторонам, все разглядывая и пытаясь понять, куда ее привезли. Дорога, извиваясь, уходила туда, где виднелись высотные дома и заводы, черные пашни и живая земля. В поле рядом с техникой суетились работники. Паслись коровы, свинья лежала в огромной луже, вокруг нее — с десятков поросят. Сердце у девчонки бешено застучало. Все это Катя видела только в книгах и слышала в рассказах Виктора. Это был другой мир. Марс говорил ей, что почти всех животных уничтожили люди. А здесь? Здесь были целые стада. Тут кипела жизнь, такая непривычная для Кати.

Они проехали поля и остановились у блокпоста на въезде в городские кварталы. Вновь приветствие охраны, и снова движение вперед. Утопия, другое измерение, от которого у Кати побежали мурашки по коже. Здесь люди просто жили, а за стеной приходилось выживать. Горожане в разноцветных одеждах ходили туда-сюда, стояли за прилавками с едой, на которую никто не кидался и за которую никто не рвал другому горло. Маленький сохранившийся мирок на огромной пропавшей Земле.

— Как же это? — она повернулась к Шону с широко раскрытыми глазами.

Самурай лишь слегка улыбнулся:

— Это Новый Рим. Новая цивилизация. И со временем все станут жить так же.

— Но ведь там... — она обернулась туда, откуда приехала колонна, туда, где она прожила всю свою сознательную жизнь, туда, где люди ели друг друга, убивали из-за одежды или просто так, просто потому, что боялись.

— Там то, что я скоро изменю. Там правит зверь. Здесь его нет, — резко вмешался Луций, не взглянув на девчонку.

Тем временем они подъехали к центру города. Вновь огромный забор, теперь из гладкого булыжника. Полуовальные ворота в кирпичной кладке между двумя башнями. Перед постом охраны колонна остановилась.

— Приехали, — обернувшись к Кате, произнес Луций.

Его лицо стало совсем бледным, а кожа — прозрачной, взгляд — мутным. Он грубо взял девочку за руку, подтащил к краю кузова и пихнул ее вперед так, что та чуть не свалилась вниз кубарем, но, зацепившись за борт, кое-как устояла и спрыгнула.

— Шон!

— Да, генерал!

— Девчонку отведи в подвал и запри.

— Есть! — Он спрыгнул с борта и подтолкнул Катю вперед. — Пошли.

— Сергей!

— Да, генерал! — офицер поднялся.

— Всем, кто участвовал в операции, дать отдых. Раненым — двойной паек. И подготовь легион к моему прибытию. Я хочу взглянуть на своих солдат.

— Генерал, вы сами доложите великому пастырю Ивану о том, что мы потеряли командира гвардейцев, или мне это сделать?

— Обрадуй старика ты. Я говорил ему, что мне не нужны гвардейцы «Огненных братьев» в походе. Нет, все же навязал своего человека. Можешь так и доложить ему, что зверь втоптал голову командира их

гвардии в землю. Теперь пускай думают вместе с Александром, кем его заменить.

Сергей в знак повиновения склонил голову.

Луций соскочил на землю и последовал за Шоном и Катей, отставая от них шагов на двадцать. Прошли пост охраны. Крепкие, вооруженные до зубов ребята, все словно на подбор, в камуфляже, на лицах маски. Катя насчитала одиннадцать. У всех на правом рукаве чуть ниже плеча нашивка с красной звездой в огненном племени. Гвардейцы Александра, охраняющие его неприступную цитадель.

Луций не спеша шел по вымощенной плиткой дорожке. Античные статуи, посеревшие от времени и непогоды, стояли по обеим сторонам и смотрели на проходящих мертвыми глазами. Сухие деревья и некогда живая изгородь были аккуратно пострижены и исчезали за поворотом. Внимание генерала привлек фонтан. Когда-то из него текла вода — теперь он был покрыт пылью, в большой чаше зеленела мутная субстанция. Жизнь начала покидать даже это место. На клумбах вяли цветы. Садовники все еще пытались оживить их, но это был сизифов труд.

Генерал испытывал жуткое недомогание. Так случалось с ним постоянно, когда он долго находился вне стен Нового Рима. В голову лезли неподконтрольные ему голоса, советы и воспоминания. Как это все осточертело! Он дернул шеей и озлобленно оскалился. Поскорей бы увидеть *ее*. С ней ему становилось лучше, голоса исчезали.

Луций остановился у огромной, метров пятнадцать в высоту, насыпи, расположенной ровно посередине парка. На вершине возвышенности стоял небольшой храм, купола которого были когда-то окрашены в кроваво-красный цвет. Теперь краска облупилась и вспучилась. Перевернутые кресты мрачно смотрелись в сером небе: мертвые знамена мертвого мира. На обшарпанных стенах просматривались затертые символы. Мраморная лестница вела вверх и упиралась в деревянную дверь. Луций и не понял, как дошел до этого места. Ему осталось подняться по лестнице, войти в храм и спуститься в мрачные тоннели. Там, в чреве земли, сидел Александр, там ждала его Татьяна, хотя сейчас он бы больше хотел видеть *ее* наверху.

Он подошел к лестнице, с трудом и невероятным усилием поднял ногу и опустил ее на мраморную ступень, по-стариковски ухватился за холодные перила отполированного мрамора и замер, посмотрел на лестницу, будто на своего противника, будто на адское испытание, которое он должен будет выдержать, прежде чем увидеть *ее*. Оторвал руку от перил, оставляя кровавый отпечаток. Первые шаги давались хоть и сложно, но все же терпимо. К середине он опустился на колени и передвигался хрипя. В дверь храма он уже вползал. В глазах все помутнело. Он сдерживал боль только одним желанием — увидеть *ее*.

Внутри храма стены и потолок были выложены черепами, а винтовая лестница уходила под землю.

Из последних сил Луций перевернулся на спину. Взгляд устремился к темному своду, выглядевшему как тоннель, и никакого света в его конце. Что это? Смерть? Генерал тяжело выдохнул с хрипотой в легких. Он ненавидел этот момент возвращения. Тело будто провалилось в каменный пол, и ему казалось, что он смотрит на потолок из глубокой ямы.

Послышался топот ног по железной винтовой лестнице, а он все глубже проваливался в темноту могилы. Он видел мальчика в короткой римской тоге, мчавшегося с собакой по зеленому, залитому ярким солнцем лугу. Мальчишка резко обернулся — позади всадник в тяжелых рыцарских доспехах неся, рубя врагов на полном скаку, черный плащ с алым крестом развевался на ветру. От удара вражеского копья передние ноги лошади подкосились, и воин слетел кубарем через голову скакуна. Мгновение, вспышка, боль пронзила тело. Молодой человек, сидя за столом, медленно тянул в себя сигаретный дым. Перед ним лежала папка с надписью «Дело 666». Дверь внезапно открылась. В проходе стоял человек. Лицо скрыто капюшоном, кожаная куртка расстегнута нараспашку. В руке он сжимал окровавленный молоток. Все потемнело, стало холодно. Жутко холодно.

— Хватай его! Тащим вниз!

— Нужно остановить кровь. С него словно со свиньи льет. Опять раны открылись.

— Давай тащи. Помрет — нам тогда хана.

— С каждым разом все хуже и хуже.

— Не ной. Наше дело — его вниз отнести. Знаешь же, что Александр не может покидать подземелье.

Четверо крепких парней пронесли истекающее кровью тело по темным коридорам подземелья, чуть не снесли дверь, с петель открывая комнату, больше похожую на камеру для заключенных, уложили Луция на кушетку, пристегнули руки и ноги.

— Беги к Александру за Татьяной. Живо!

Белокурая девушка, подстриженная под каре, в обтягивающей кожаной одежде с красным шарфом на шее подошла к мраморному столу, на котором горел с десятков толстых свечей. Ее указательный пальчик проскользил по гладкой поверхности, пока не наткнулся на чашу с вином. Нежная белая ручка поднесла столовое серебро к алым губам, прикрывая небесного цвета глаза. С противоположной стороны стола раздался кашель. Девушка отставила чашу и обернулась на звук. На дубовом троне сидел Александр, опираясь рукой на конский череп, который заменял подлокотник. Другой рукой, на которой не хватало двух пальцев, он прикрывал окровавленным платком рот. Александр откашлялся еще раз и

выпрямился настолько, насколько ему позволяло здоровье. Редкие седые волосы, изуродованное лицо и сгорбившаяся осанка — вот каким стал когда-то могущественный чернокнижник и учитель истинной веры.

— Долбаная ведьма! А ведь раньше я считал тебя ангелом. — Он сплюнул сгусток крови, перемешанный со слюной, растер ногой о черный отшлифованный гранит и протер губы платком. — Ты заставляешь его заниматься не теми делами, для которых он предназначен.

— Правда? Ха. Знаешь, я раньше тоже считала тебя великим учителем. Бог, дьявол? Как ты там говорил? Истинная вера только та, которую дают «Огненные братья»? Тогда я почти тебе поверила, — она мило улыбнулась, села на кресло и закинула ноги на стол, сцепив свои пальчики на затылке и устремив взгляд в потолок. — Все течет, все меняется.

— Уже забыла про свою семью, дочь священника? — Александр усмехнулся. — Интересно, что бы сказал твой отец, узнав, во что ты превратилась? Я даже представить себе боюсь, что ты сотворила с тем несчастным... Как его?

— Виктор. — Она снова отпила вино с еле заметной улыбкой.

— Виктор. Бедный-бедный Виктор. Сколько времени тебе потребовалось, чтобы добраться до него?

— Я умею ждать. Не он первый и не он последний, — ставя на стол чашу, спокойно ответила Татьяна. — Я знала, что Михаил не будет рядом вечно. Этот преданный пес оберегал их лишь до того момента, пока его хозяин не оставил свои любимые игрушки.

— Нашего хозяина сейчас тоже нет рядом.

— А разве в аду должен быть хозяин?

— Не могу понять одного: почему я должен страдать, а ты — ублажать его?

— Потому что жизнь порой бывает несправедлива, мой великий учитель. Если я потеряю свою привлекательность, с тобой уж он точно спать не ляжет. Быть может, ты хочешь с ним нянчиться? Или ты забыл, что я его Мария? Ты же помнишь, что велел тебе твой покровитель?

— Мерзкая подстилка. Вот кто ты! — Он снова раскашлялся. — Если он не сделает то, что должен, я сам придушу тебя. Ты используешь Луция в своих целях, а ему следует закончить игру, в которой наш хозяин должен победить.

— Человеку свойственно мечтать. А человеку, прожившему столько тысячелетий, мечтать еще и полезно. Ничтожный калека. Ты ведь теперь существуешь только для того, чтобы поддерживать меня и его. Боги ушли, их больше нет, и они не будут вмешиваться в то, что происходит. Нам лишь нужно делать то, что нам приказали, то, для чего нас создали, то, что мы приняли, то, во что мы верим. Ты, между прочим, можешь больше не бояться Анатаса. Теперь он всего лишь призрак. Как и его брат. Теперь мы

стали властью на этой планете. Мы боги. Хотя и на короткое время. По мне, лучше один раз напиться крови, чем всю жизнь питаться падалью. Слишком долго нас загоняли в тень. Тебе так не кажется?

— Заткнись! Вырвать бы тебе твой поганый язык. Я знаю, чего ты хочешь, мерзкая девка. Ты мечтаешь только о мщении, хитрая змея. Хочешь поквитаться со всеми нами, — он попытался подняться, но затрясся всем телом и опустился на место.

— Что такое, великий учитель Александр? Вы ослабели? Смирись уже с тем, что ты просто сосуд, который питает меня и Луция. И когда мы выпьем твою жизнь до дна, — она отпустила в его сторону воздушный поцелуй, — оревуар, красавчик. Знаешь, возможно, мы станем с ним новыми Адамом и Евой. Как думаешь? Может, для этого мы нужны были нашему повелителю? Создать новых людей, новый мир? А может, я хочу, наоборот, возродить человечество без вас? Без тебя, без Тринадцатого и без всех, кто хоть как-то связан с вами? Может, спасителем стану я? Как тебе такой расклад?

— Дура! Не носи ерунды. Когда я сдохну, сдохнет и весь мир. Я не боюсь смерти и всегда останусь верным ему.

— Как и все, кто встал на его сторону, мой милый Александр, как и все. Мир же должен быть наказан за то, что сделал с нами, не так ли? — она мило улыбнулась.

— Ах ты хитрая, лживая стерва! Мягко стелешь. В твоих словах нет ни капли правды. Каким же ты стала чудовищем! Ты ведь затеяла свою игру. Хочешь возродить мир после того, как Луций разрушит его до основания? Хочешь быть богом, Татьяна? — промолвил он, закашлялся, вытер губы и провел по волосам рукой, чтобы убрать пряди, свисающие со лба.

— Богом? А почему бы и нет? Что такое, малыш? Что-то не так? Твое тело гниет заживо. После того как ты совсем разложишься, у меня будет еще много времени.

— Глупая девка! Ты затеяла то, чего тебе не реализовать. Никогда, — он вытянул вперед обезображенную руку, держа в трех перстах клок волос.

— Это твои пустые фантазии. Хотя... — Она мило улыбнулась, правая бровь поднялась, ее ровные белоснежные зубы сверкнули. — Я же любимая Мария Луция. Кого он поддержит, случись что? А? Кого он послушает? Старого хрыча или свою любимую?

— Раньше таких, как ты, сжигали на кострах.

— Раньше и трава была зеленее.

— Заткнись! Или я...

— Или ты что? Что ты сделаешь? Ты даже не можешь теперь выйти к тем, кого призвал к себе. Кто будет вести переговоры с главами общин, которые служат нам? Если они увидят это, — она кивнула головой в его

сторону, — то и разговаривать не станут. Увидят тебя полуразложившимся мертвецом — и наша власть над ними ослабнет.

— Зато они станут разговаривать с моим кулаком.

— Твой кулак сжимаю я! — она рассмеялась.

Александр застыл и уставился на дверь помутневшим глазом.

— Что-то случилось?

— Тринадцатый. Он здесь. Силы покидают его. Тебе нужно спешить. Беги к нему, я наполню его силой.

— Почему ты не почувствовал его приближения? Его нужно было встретить еще у ворот в город.

— Я слабею. С каждым разом все больше. Его нельзя выпускать надолго из храма. Он уже давно должен был убить мессию и расправиться с теми, кто выступает против нас.

— Знаешь, этот мессия не тот, что был раньше. Как видишь, его приходится искать, носясь за ним по всему миру. Он что-то не очень хочет принести себя в жертву во имя спасения людей.

— Спасение? Смешно звучит. Интересно будет посмотреть, что случится, если приколотить этого спасителя к кресту.

— Если он осознает свою силу, как бы он нас не приколотил.

— Тринадцатый не проигрывает.

— Тринадцатый сам себе на уме, и ты это знаешь не хуже меня. В нем такой гремучий коктейль смешался за время перерождений, что малейшая искра может привести к необратимым последствиям. Главное, чтобы он не понял, что мы его водим за нос.

— А это уже твоя проблема, Татьяна. Так что лети к нему и снова прикинься белой и пушистой, будь для него его Марией. Ибо если он все поймет, тебе несдобровать. — Александр растянул рот в безобразной беззубой улыбке.

— Тогда ад наступит для нас гораздо раньше, чем хотелось бы. — Она поправила шарф на шее и кошачьей походкой направилась к выходу.

В этот момент раздался стук. В проеме дверей стоял запыхавшийся человек.

— Госпожа. Генерал, он...

— Знаю, знаю. Нужно спешить. Пойдем.

Вязкая кровь медленно вытекала из-под металлических наручей, спускалась по пальцам, капала на пол, где уже образовалась небольшая лужа.

— Госпожа, — стражники склонили голову, когда в помещение вошла Татьяна.

— Вы его привязали?

— Да, госпожа. Всё как обычно.

— Хорошо. Оставьте нас одних.

Татьяна зашла со стороны головы, осматривая бледно-серое постаревшее лицо генерала. Кожа словно пергамент, глаза ввалились, под приоткрытыми веками мутные пожелтевшие белки. Она аккуратно прикоснулась к его лицу руками, прикрыла глаза и глубоко вдохнула.

Прохладный ветер ворвался в открытое окно, темно-синяя занавеска поднялась от напора воздуха и плавно опустилась на место. Жаркий полдень. И откуда в этой духоте ветер? Мужчина поднялся с кресла, отложил книгу и подошел к открытому окну, откуда доносились веселые крики ребятни. Рука отодвинула занавеску в сторону, жара ударила по телу. Маленький мальчик бегал по траве. По дороге проехал автомобиль. Мужчина на секунду отвлекся, а когда его взгляд вернулся, то обнаружил рядом с мальчиком человека в плаще, опирающегося левой рукой на трость. Тот гладил мальчика по голове и одобрительно кивал.

— Ты не такой уж плохой человек, Луций, — голос шел откуда-то извне, и мужчина поднял голову. Солнце ослепило глаза. — Ты не такой уж плохой... плохой...

Генерал вздрогнул так, что затрещали оковы. Глаза открылись, обрели ясность. Кожа поменялась. Кровь, текшая по руке, направилась вспять. Он закричал в зверином оскале и рванулся с места.

— Тише, тише, — Татьяна припала к нему, глядя по голове. — Тише. Это я. Все хорошо. Хорошо. Ты дома. Мы снова вместе. Я так скучала, — ее губы коснулись его лба.

— Это ты, — Луций с трудом проглотил слюну. — Я так скучал.

— Снова кошмары?

— Я так рад тебя видеть.

— Я тоже. — Она припала к его губам.

— Я снова был без памяти?

— Снова, — Татьяна провела рукой по его волосам. — Теперь все хорошо. Сейчас я тебя развяжу, и ты мне все расскажешь, что там случилось. Хорошо? — Она снова поцеловала его.

— Хорошо, — кончики губ Луция слегка дернулись, приобретая подобие улыбки.

Глава XXIII

ПЛЕНЕНИЕ

Люди окружили Марса и Лизу плотным кольцом. Злобные взоры сотни пар глаз устремились на них. Крики оглушали. Словно стая бешеных собак: одно неловкое движение — и порвут в клочья. Марс задвинул девушку за себя, крутясь волчком и держа пистолет в вытянутой руке. Толпа мужчин, одетых и вооруженных кто во что горазд, смеялась, свистела, подначивала. Гомон потихоньку смолк, в сплошной стене из человеческих тел образовалась брешь, сквозь которую в центр вышел мужчина в папахе. Левая рука лежала на рукояти шашки, правой он покручивал ус. Взгляд с прищуром, хитрый, будто оценивающий добычу.

— Ты что, из своей пукалки всех положить намереваешься?

По толпе волной пронесся хохот. Казак подошел ближе.

— Всех — нет. Тебя точно грохну. — Дуло пистолета устремилось на Казака. Смех мгновенно стих.

— Ты же не хочешь, чтобы тебя разорвали на куски, а твою бабу пустили по кругу? Не дури, убери ствол. Мы обычные люди, нормальные. Давай просто поговорим.

— Послушай их, — пробормотала Лиза.

— Твоя девка бормочет дело. Прислушайся к ее словам. Не усугубляй ваше положение. Я не желаю вам ничего плохого.

— Последний раз, когда я послушал «свою девку», меня чуть не сожрали. И кстати, все, кто пытался меня убить, твердили о том, что не желают мне зла.

— Ты тратишь мое время и терпение. Убери пушку — и вас не тронут. Даю тебе слово.

— Слово? Что сейчас стоит слово человека?

Казак злобно ухмыльнулся и снова покрутил ус, оглядывая Марса хищным взглядом.

— Их слишком много, — дрожащим голосом зашептала Лиза и дотронулась рукой до пистолета, опуская его. — Возможно, они и вправду не такие уж и плохие. Могли бы нас уже давно прикончить.

— Твоя баба права. Видно, у нее мозгов гораздо больше, чем у тебя, — Казак хмыкнул и убрал руку с шашки.

У Марса вырвали пистолет и толкнули его в сторону. Двое сзади мгновенно подхватили его под руки и заломали, да так, что от боли стиснулись зубы. Черные, начищенные до блеска кирзовые сапоги Казака приблизились. Лизу скрутили тоже.

— Ладно, ребята, ослабьте хватку.

Марс смог выпрямиться, но руки его так и держали за спиной.

— Девчонку только не трогайте, — смотря исподлобья, спокойно произнес Марс.

— Ну, это как она себя вести будет. Хотя, если честно, мои парни изголодались по женской плоти. — Казак взял его за подбородок и завертел головой Марса то вправо, то влево. Затем перевел взгляд на Лизу, хищно улыбнулся, даже подмигнул ей. — Итак, сколько вас всего было? И где остальные?

— Нас-то? — Марс провел языком по зубам. — В паре километров отсюда стоит наш лагерь. Там две сотни бойцов.

— Давай не будем паясничать. Я не хочу прибегать к членовредительству. Я мирный, можно сказать добродушный человек. Если только понадобится... — он с кривой улыбкой пару раз брезгливо хлопнул Марса по щеке. — Ну, ты меня понял. Вы находитесь на земле Князя. Я думаю, кто он, вам объяснять не нужно. Так вот. Спрашиваю еще раз, сколько вас было? И где остальные?

— А что, вы кого-то еще поймали? — внезапно выкрикнула Лиза. — Кроме нас, тут, по-моему, нет никого.

— Слышь, а у твоей девки и впрямь, наверное, есть яйца между ног. Я вообще-то спрашиваю у тебя, парень. Еще раз твоя коза встрянет в разговор, и я прикажу ребятам проверить, баба она на самом деле или нет.

— Тебе же сказали, что нас двое. Чего тут неясного?

— Ха-ха-ха! — Казак рассмеялся в полный голос, остальные подхватили. Через мгновение он сделал жест рукой, словно дирижер, и весь его оркестр мгновенно умолк. — Ты хочешь сказать, что вы вдвоем... то есть... ха-ха, — он указал пальцем на Марса, потом на Лизу. — То есть ты и твоя сучка завалили банду Змея? Вы завалили брата самого Борова? — его лицо искривилось в удивлении и недоверии. — Ты принимаешь меня за идиота? Парень с перебитой правой рукой и баба без оружия положили всю, твою мать, шайку людоедов? Ты их завалил вот из этого? Всех до единого? — Он взял ПМ у одного из бойцов и поднес его к лицу Марса. — Из этой пукалки ты всех положил? — Вынул обойму и оценил количество оставшихся в ней патронов. — Да тут, мать твою, еще и пули остались. Ты кто, парень? Маг и волшебник?

— Я снайпер, — сказала Лиза, но тут же осеклась.

— Чего? Я, по-моему, предупредил насчет встревания телки в разговор? Ты меня начинаешь злить, малышка. Ты точно нарываешься на то, чтобы твою мишень опробовали мои ребята.

— Она больше не будет, — Марс повернулся, посмотрел через плечо на Лизу и повторил по слогам: — Она больше не будет. Нас и правда всего двое. Девчонка отличный стрелок. Она почти всех их положила, я лишь добил оставшихся. Я правду говорю. Там пленные оставались. Их спросите.

— Пленные Змея? «Консервы»? Не смейся меня. Это уже не люди. Что они могут сказать? Если они вообще могут говорить.

Толпа расступилась и впустила троих. Первый нес СВД.

— Атаман, вот, — он протянул винтовку Казаку. — Нашли лежку в поле. И вот, — мужчина вытащил из кармана стреляные гильзы, — от них еще порохом пахнет.

— Однако, — Казак взял одну из них и сделал глубокий вдох. — М-м-мда. Ладно, пойдем посмотрим на бойню, которую вы устроили.

Трупы, кровь на снегу и ржавая столетняя техника. В куче сгрудились «консервы». Их охраняли, словно они куда-то могли убежать. Казак окинул вокруг взглядом и скривил рожу.

— Я же говорю, девчонка хороший стрелок. Такая, как она, пригодится везде. Дайте ей винтовку, и она покажет, на что способна, — начал было говорить Марс, но Казак лишь мельком глянул на него и сухо бросил:

— На что она способна, мы еще посмотрим. — Холодный волчий оскал возник на его лице.

— Атаман, что делать с этими? — один из охраняющих «консервы» кивнул на них головой.

— Режьте их. Что еще с ними делать-то?

Лиза пристально смотрела, как и без того заморенных и изможденных голодом несчастных людей ставили на колени. Глухой удар прикладом в затылок, жертва заваливалась вперед в бессознательном состоянии, после чего ей перерезали горло. Гуманный способ убийства, если убийство вообще может быть гуманным. Марс смотрел на Лизу с тревогой, а та никак не могла оторвать взгляд от происходящего ужаса.

— Да, натворили вы тут дел, — покручивая ус, улыбнулся Казак. — Я за этой тварью год охотился, а вы его так просто взяли да и прибили на нашей земле. Нехорошо как-то. Совсем плохо. Что я Князю скажу? А? Что меня, его воеводу, опередил какой-то калека, да еще и с девкой? И вдвоем замочили одного из опаснейших отморожков? Я хотел, между прочим, голову Змея себе на память оставить. А ты что с ней сделал? Не черепушка, а сплошное месиво.

— Думаешь, мне интересны твои проблемы?

— Думаю, нет. Ладно. — Он зевнул, потянулся и поправил на голове папаху. — Сотник!

— Да! — выскочил вперед мужик в потрескавшейся плащ-палатке.

Он скинул с головы капюшон. За спиной карабин Ремингтон, в руках бита с торчащими в разные стороны гвоздями.

— Этого в расход. Девчонку оставьте. Пока дойдем до Воронежа, ребятам будет чем заняться.

Марса моментально ударили под дых и по ногам. Он упал на колени, рыча и пытаясь вырваться. Но двое держали его как в тисках. Лиза вскрикнула и задергалась. Сотник, вращая в руках битую, подошел к Марсу.

— Мы тебе не враги. Мы можем пригодиться, — Марс попробовал подняться, но его снова прижали к земле. — Отпусти нас. Отпусти хотя бы ее.

Казак только махнул рукой и пошел прочь.

— Марс! — закричала Лиза, срывая голос, когда бита взмыла вверх.

— Стой! — Казак обернулся, а его сотник застыл на месте, держа увенчанную гвоздями дубину над своей головой. — Тебя зовут Марс? Интересно. Я думал, ты вымысел. Думал, тебя попросту выдумали. А ведь столько шума из ничего. Берем его с собой. Обыскать тут все и выдвигаемся.

Его люди муравьями расползлись по поляне, начали снимать шмотье с убитых, забирать припасы и оружие.

— Значит, это тебя ищут «Огненные братья»? Вроде ничего особенного, — Казак внимательно рассмотрел пленника, оценивая и прикидывая, сколько можно выручить за этого парня.

— «Огненные братья»? Меня? — Марс усмехнулся. — Ты, видимо, ошибся.

— Посмотрим. Князь решит, кто прав, а кто ошибается. — Резкий удар, голова Марса подалась набок. — Хм, а ты крепкий орешек, — произнес Казак и со второго удара вырубил пленного. — Связать его и его бабу, — потирая кулак, приказал он.

Марс почувствовал резкий толчок, когда бросили носилки. Он открыл глаза. Голова страшно болела, челюсть болела еще больше. Серое небо над головой, шум десятков болтающих людей вокруг. Попытался пошевелиться — бесполезно, связали по рукам и ногам. Понял, что страшно замерз. Кто-то подошел сзади, схватил и приподнял, прислонил к дереву. Какое-то время сидел и смотрел вдаль, на бесконечную белую пустыню. Змееподобная поземка вилась нескончаемой лентой.

— Марс? — знакомый женский голос.

— Что?

— Ты живой?

— Давно ли ты встречала болтающих мертвяков?

Минутная пауза.

— Что с нами будет, Марс?

— Не знаю. Меня, скорее всего, отдадут «Огненным братьям». Тебя... изнасилуют и убьют. Или будут насиловать до тех пор, пока ты сама не умрешь. А может, будут насиловать даже после того, как ты умрешь.

— И что, ничего нельзя сделать?

— Я бы мог соврать тебе, но не стану тешить ложными надеждами. Рано или поздно мы все умрем.

— Я не хочу умирать.

— Никто не хочет. Прости меня, — вздохнул он и прикусил нижнюю губу, во рту появился привкус крови.

— За что простить?

— За то, что не смог тебя уберечь. Наверное, я проклят. Я говорил тебе, что не стоит быть со мной рядом.

— Ты мессия, ты спасешь людей.

— Я не могу спасти тебя, не смог спасти Катю и Андрея. Я приношу только несчастье. Какой из меня мессия? Брось. Я вообще не понимаю, кто это выдумал.

— Слухи просто так не рождаются.

— Это не слухи, это дерьмо собачье. А правда в том, что я приношу только несчастье. Приношу всем, кто хоть как-то становится мне дорог.

— Я замерзла, — с отчаянием выдавила она из себя.

— Знаю. Я тоже.

Тихий шелест маленьких льдинок по снежному насту. Люди ходили взад и вперед, их одежда глухо хлопала на ветру. Сгорбившиеся темные фигуры прикрывали руками лицо. Вокруг все стало серым от приближающегося вечера.

Так они просидели молча, пока совсем не стемнело. Лиза изредка всхлипывала. Гомон людей становился все громче. Местный самогон — адское пойло, которым несло за версту. Люди Казака чувствовали себя в безопасности на своей территории, даже охрану не выставили. Сидели у огромного костра, который, наверное, просматривался за десяток километров. Пахло каким-то варевом, отчего голод брал за горло и сжимал его все сильнее и сильнее. Вскоре под веселый свист и одобрительные крики от толпы отделились пятеро. Впереди шел, пошатываясь, Казак, за ним сотник, закутанный в плащ-палатку, и еще трое, наверное, особо приближенные.

— Марс, — тихо произнесла Лиза. Он с трудом приоткрыл глаза, ресницы склеились от мороза. — Они идут сюда. Идут к нам.

— Они идут за тобой. Лучше не сопротивляйся.

— Марс, — жалобно протянула она в надежде на то, что он как-то сможет ее спасти. — Марс.

Он слышал, как, веселясь, подходили люди Князя, слышал, как безнадежно трепыхалась Лиза в попытках освободиться.

— Мне жаль, — сказал наконец Марс и снова прикрыл глаза.

— Жаль что? — сквозь слезы и страх прошипела девушка.

— Мне жаль, что ты родилась девчонкой.

Марс ровно дышал, сидя с закрытыми глазами. За его спиной под деревом орала Лиза, слышался смех Казака и его людей. Казалось, что это продолжалось вечно. А потом все стихло. Пришли еще люди, и теперь все происходило без криков и воплей. Возня, отрывистое дыхание, определение очереди, и снова отрывистое дыхание и возня. Когда все закончилось, Марс и не понял. Наверное, он вырубился.

К утру его заоченелое тело припорошило снегом. Человек в плащ-палатке встал перед ним и, зевая во всю пасть, стал мочиться на снег, словно Марса и не было рядом. Затем он обернулся, вытер об себя руку, сунул два пальца в рот и свистнул так, что заложило уши. Лагерь мгновенно пришел в движение. К сотнику подбежали четверо, и он указал на лежащего пленника.

— Грузите это на носилки, до дома осталось чуток, к вечеру будем в лагере.

Подтащили что-то вроде саней и взвалили на них Марса, накинули на промерзшее до костей тело заледенелую тряпку. Марс увидел привязанную за руки к толстому стволу дерева девушку. Раздетая донага, посиневшая от мороза, устремленный в никуда стеклянный взгляд. Мелкие снежинки покрывали ее многострадальное тело, черные от холода кровоподтеки, взъерошенные волосы. При всем этом она по-прежнему была привлекательной. Сани медленно потащили Марса, оставляя Лизу в пустоте, где-то там, где нет больше страха, боли и этого безумного мира.

Отряд Казака затянул песню, веселую и непринужденную. Марс прикрыл глаза, в голове никаких мыслей. Не было даже жалости. Неужели он настолько свыкся со смертью тех, кто его окружает? Попытался вспомнить лицо Кати — только тьма. Перед взором стояло лишь мертвое тело Лизы, привязанное к дереву. Рядом шагал сотник, хрустя снегом и улыбаясь.

— Я думал, ты не переживешь эту ночь. Твоя баба была стойкая. Стольких-то выдержать. Огонь, а не девка. Ну чего я тебе рассказываю? Ты-то, наверное, и сам про это знаешь, — он весело подмигнул ему и снова ощерился. — Мы с ребятами ее почти до утра жахали, пока у сучки не остановилось сердце. Если б не померла, мы бы ее оприходовали еще раз дома, а потом еще и еще. Пока твоя деваха все равно бы не сдохла.

Марс посмотрел на него без единой эмоции на лице. На мгновение показалось, что кулончик на шее стал огненным. Тело каким-то чудом стало согреваться, мысли о потерях отступили, остался только четкий план и холодный расчет. Он прикрыл глаза, стиснул зубы, пережевал и проглотил этот комок ярости. Дали бы только шанс, один всего лишь шанс, и он не упустил бы его.

— Ха! Спишь? Ну-ну. Когда прибудем в город, я спущу с тебя шкуру. Там тебе будет не до сна. Не дал тебя убить Казак, так прикажет сделать это Князь, когда окажется, что ты просто балласт. — Сотник натянул на лицо Марса тряпку, словно на мертвеца, и зашагал вперед, крича на подчиненных и подгоняя их.

Глава XXIV

СОБРАНИЕ

В помещении с арочными сводами, хорошо освещаемом вмонтированными в каменную кладку лампами, за большим столом сидели четверо мужчин. Перед каждым стоял кувшин с вином и чаша. Трое медленно потягивали ставшее исключительной редкостью виноградное вино. Только хан кочевников-чингизидов презрительно посматривал на собравшихся. В претерпевшей множество изменений вере, к которой он тем не менее до сих пор относился с большим почтением, пить вино по-прежнему считалось грехом. Убивать неверных, женщин, детей, стариков — все это его вера одобряла, но вино его боги почему-то запрещали, как и свинину, которой почти не осталось. Желтоватое лицо, рассеченное наискось безобразным шрамом, узкий разрез глаз, тонкие длинные усы и козлиная бородка. Одежда, сшитая из шкур, источала зловонный запах, от которого морщились остальные собравшиеся. Они сидели поодаль от кочевника. Каждый из них ненавидел остальных. И было за что. Долгое время они воевали между собой, пока не попали под протекцию Нового Рима и не стали вассалами Александра. И при иных обстоятельствах вряд ли бы они собрались за этим столом вместе.

Кочевник расположился во главе стола. По правую его руку сидел крепкий парень в камуфляже, полностью экипированный, начиная от наколенников и кончая легким кевларовым бронежилетом. Такого хоть сейчас в бой. Он отрешенно играл с ножом-бабочкой, ловко вращая его в руке, то складывая, то раскрывая.

За ним сидел мужчина лет шестидесяти. Седые длинные волосы, собранные в хвостик красным лоскутом, аккуратная щетина на лице. Одет в старый пуховик, из-под которого торчала тельняшка. Пальцы и руки покрыты самодельными татуировками. Он без конца курил махорку и часто прикладывался к чаше, отчего его взгляд был немного затуманен. Как и остальные, он старался ни на кого не обращать внимания: пристальный взгляд, как и в животном мире, означал угрозу — на такое человек мог отреагировать непредсказуемо.

Последний расположился на другой половине стола отдельно. Огромное бесформенное тело килограммов за сто пятьдесят. Из этой горы

торчала лысая, до блеска побритая голова. Вшитые под кожу затылка инородные предметы символизировали паука, лапами обхватившего голову толстяка. В ушах множество колец, лицо в безобразном неисчисляемом пирсинге. Длинная шуба в пол, сшитая из клочков светлого меха и белой кожи. Он периодически начинал храпеть, проваливаясь в сон от долгого ожидания, но вздрагивал, открывал глаза, пухлыми пальцами левой руки перебирал четки, сделанные из человеческих зубов, правой брал кувшин ипил прямо из горла, отрывивая и вытирая рукавом рот.

Наконец в помещение кошачьей походкой вошла изящная девушка с небесного цвета глазами и ослепительно-белыми волосами, одетая в обтягивающую одежду из блестящей черной кожи. Татьяна уселась за стол напротив узкоглазого хана, окинула всех взглядом и мило склонила голову в знак приветствия.

— Извините за опоздание. Женщинам свойственно немного задерживаться. И так, я рада вас видеть. Еще не все собрались, но они придут в скором времени. Главное, что вы уже здесь. Ну а пока, я думаю, мы можем обсудить наши дела.

— Я что-то не вкуриваю, — пожилой человек с седыми волосами, аккуратно стряхнув пепел, покручивал сигарету о край пепельницы. — Нас, по-моему, сюда пригласил Александр. Ну, по крайней мере меня. Обсуждать дела с какой-то девкой я не намерен. Где твой хозяин, деточка?

— Садар эм! — хан чингизидов сделал презрительную мину, смотря на Татьяну.

— Кто-то еще хочет высказаться? — девушка улыбнулась, обнажая ровные жемчужные зубы.

— Девочка хочет покомандовать? — толстяк произнес это с прикрытыми глазами.

— Мы пришли сюда по просьбе Александра и хотим видеть его, — сложил нож человек в форме и положил его перед собой.

— Ясно, — она отклонилась на спинку стула и закинула ногу на ногу. Одежда из кожи приятно хрустела при каждом ее движении. — Начнем с того, что вы здесь не по просьбе, а по приказу. Это две большие разницы. Во-вторых, собрал вас Александр. Это верно. Но вести переговоры будет Луций.

— Я что-то не наблюдаю здесь его. И к тому же генерал всего лишь пес своего хозяина. Так же как и ты всецело принадлежишь великому учителю, — седовласый нервно втер окурочек в пепельницу.

— Да, да. Мы всецело принадлежим Александру. Но есть одно но.

— Какое?

— Если Луций пес, тогда кто вы?

— Ха-ха-ха! — хан чингизидов рассмеялся, провел рукой по усам и бороде. — А у этой садар эм есть яйца. Я бы взял твоя в жена, — он показал жестами, чтобы он сделал с ней, если бы его мечты сбылись.

Татьяна пристально посмотрела в покрасневшее от смеха азиатское лицо и ответила на чистом монгольском:

— Еще раз назовешь меня шлюхой — и будешь завидовать мертвым. Смотри, как бы генерал не сделал то же самое с тобой, — она показала ему те же жесты.

Улыбка мгновенно сползла с лица монгола, его узкие глаза расширились.

— Мерзкая сука, я вырву твой острый язык! — он вскочил и схватился за саблю, но в это время в комнату вошел Луций.

Генерал остановился в дверях, уперся плечом в стену и скрестил на груди руки. Все мгновенно затихли. Даже взъерепенившийся глава кочевников присел на место, тихо ругаясь себе под нос и со злостью смотря на девушку.

Луций медлил, осматривая сидящих за столом. Здесь волей-неволей притихнешь. Слава генерала шла далеко впереди него. Он ждал до тех пор, пока воздух не начал звенеть от тишины. Луций подошел к Татьяне. Меч, висевший на поясе, слегка шлепал ножнами о кожаные затертые штаны. Правая рука придерживала рукоять. Левая проскользнула по волосам девушки. Он присел рядом с ней.

— Балабек, — Луций кивнул монголу, перевел взгляд на толстяка, — Боров, рад видеть и тебя здесь. — Виталий. — Парень, похожий на спецназовца, подставил два пальца к правой брови и отдал честь. Луций кивнул в ответ. — Ну и, конечно, Законник. Тебе отдельное спасибо, что принял приглашение.

— Будто у нас был выбор, — человек в пуховике достал из кармана махорку и кусочек старой газеты, свернул сигарету, поджег ее и втянул горький дым.

— Выбор всегда есть у каждого, у любого. Священное право людей. Правда, он не всегда бывает правильным. Итак, Александра не будет. Великий учитель попросил Татьяну возглавить переговоры.

— Почему не тебя? — выдыхая облако сизого дыма, недовольно поинтересовался Законник, сплевывая прилипший к губе табак.

— Рожей не вышел, — краешки губ генерала слегка поднялись.

— Девка должна рожать и хранить очаг, а решать дела и вести войну должны воины.

— Не могу не согласиться с этим таджиком. — Толстяк хотел было приложиться к кувшину, но, обнаружив, что он пуст, недовольно отставил сосуд и сплел пухлые пальчики у себя на брюхе.

— Мая не таджик. Мая хан чингизидов, — Балабек дернул мышцами на щеке, пальцы заиграли на рукояти сабли.

— Будем пререкаться или обсудим то, для чего собрались? — Виталий откинулся на спинку стула и провел рукой по короткой стрижке.

— Моя не будет ничего обсуждать с этой садар эм! — хан ударил рукой по столешнице.

Луций стремительно сорвался с места. Пары секунд хватило генералу, чтобы схватить нож Виталия и пригвоздить им руку Балабека к столу.

— А-а-а-а-а!

Хан сполз со стула, держась за искалеченную конечность. Багровая жидкость медленно растеклась по гладкой поверхности. Остальные вскочили с мест. Только толстяк засмеялся с омерзительным прихрюкиванием, после чего подвинулся ближе к столу и забрал кувшин у раненого.

— Тише, тише. Успокойтесь. Ничего страшного не случилось, — Татьяна улыбнулась. — Я забыла вам представиться. Признаю, это моя ошибка. Я Татьяна. Слышали обо мне? Что, нет? — она раздосадованно оглядела недоуменные лица собравшихся, чьи взгляды были прикованы к корчащемуся Балабеку. Толстяк в это время жадно пил спиртное из кувшина. — А жаль, — на выдохе тихо произнесла девушка. Комнату наполнили звуки боли, ругань и проклятия хана. — Ну, думаю, теперь-то вы меня запомните. — Она повернулась к Луцию: — Милый, отпусти нашего гостя. Кажется, он уяснил урок.

Генерал выхватил меч и резким ударом отсек Балабеку кисть. Тот с криком завалился на пол, из обрубка хлынула кровь. Дверь в комнату распахнулась, и в нее ввалились с десятков солдат в черной форме с оружием наготове. Луций рывком смахнул с клинка кровь, убрал его обратно в ножны, схватил хана за шиворот, поднял с пола и усадил на стул, подхватил лисью шапку и нахлобучил ее ему на голову задом наперед.

— Итак, — Татьяна жестом показала, что гости могут сесть на места, но Виталий и Законник лишь в напряжении смотрели по сторонам. — Я, кажется, попросила вас сесть. — Послышалось щелканье затворов, и недовольным все же пришлось исполнить приказ девушки. — Вот и прекрасно. Можно же все решить мирно, без оскорблений и насилия.

— Ты пренебрегаешь законами гостеприимства, — заговорил Законник. — Гость в доме неприкасаем. Александр позвал нас сюда для того, чтобы мы помогли ему с захватом владений Князя. Мы пришли как друзья, а ты втаптываешь в грязь все, чего достиг твой хозяин.

— Мой хозяин? Мой хозяин давно покинул эту планету и этот мир, так что хозяев у меня теперь нет. Есть только цель, которую нужно достичь. И единственное, чего я хочу, — это достичь ее любой ценой. И если вы решили, что пришли сюда вести переговоры, то вы глубоко

ошибаетесь. Я не собираюсь с вами любезничать и играть в политические игры. Войско «Огненных братьев» в два раза больше, чем ваши жалкие отряды, вместе взятые. Вас не трогают лишь потому, что пока вы нужны нам, пока вы служите нам.

— Если я возьму Воронеж без вас, Законник, — вступил в разговор Луций, — следующее, что я сделаю, — это заберу ваши земли вместе с вашими жизнями. Так как если вы не поможете мне, то тогда зачем вы вообще нужны?

— Аргумент, с которым трудно поспорить. Нам понадобится много людей, чтобы завладеть землями Князя. И поверьте мне, если вы захотите показать свою гордыню, как Балабек, — Татьяна указала пальцем на хана, бледного, словно мертвец, — я поступлю с каждым из вас так же. Зарубите себе на носу. Вы не ровня мне, вы вообще не существуете без меня, вы дышите, пока я этого желаю. Так как я та, кто стоит первой после Александра, — Татьяна поднялась с места.

В комнате похолодало, да так, что озноб пробежал по телу всех собравшихся. Луций немного пошатнулся и облокотился о столешницу, перевел взгляд на девушку, стал ощупывать шею, словно ища что-то.

— Марс, — еле произнес он, но Татьяне этого было достаточно, чтобы услышать и кинуться к нему.

— Тише, тише. Я тут. Все хорошо. Пойдем. — Они подошли к выходу. Девушка обернулась и добавила: — Хану окажут помощь. Вам принесут еды и еще вина. Подумайте о том, что вам было сказано. Выбор, с кем вам быть, за вами. Со мной или против меня. Если мне предстоит вас сгноить, чтобы достичь своей цели, я без колебаний сделаю это, вы уж поверьте.

Они вышли. Дверь с шумом хлопнула. Виталий хмыкнул, вынул свой нож из столешницы, снял запястье Балабека с лезвия и бросил его на стол рядом с ханом, словно кусок говяжьей вырезки.

— По-моему, это твое, — он несколько раз покрутил «бабочкой» и убрал нож в карман. — А она мне нравится. У сучки есть характер и боевой настрой.

— Тут не поспоришь, — толстяк облизнул губы. — Слухи оказались правдивы. Она охмурила генерала, и он пляшет перед ней, словно ручной песик.

— Этот песик может отгрызть тебе член под корень и не поперхнуться. Говорят, в Черном легионе более трех тысяч человек. И это не твои оборванцы, а обученные профессиональные воины, — Виталий закинул руки за голову. — Так что я с этой бабой до тех пор, пока с ней генерал.

— Ты быть с этой садар эм недолго. Моя перережет ей глотка от уха до уха и испражнится на ее лицо перед смертью. Моя отдаст ее мертвое

тело своим воинам, потом собакам, потом я насажу ее на кол и оставлю гнить на ветру.

— Ты хочешь лишиться второй руки или, быть может, сразу головы? Пока она с генералом, смотри, как бы не сделали то же самое с тобой, — усмехнулся Виталий и перевел взгляд на рядом сидящего. — А ты, Законник, что думаешь?

— Я? — он достал махорку и снова скрутил сигарету. — Поживем — увидим.

Глава XXV

ИГРА

Марс выдохнул облако пара. Снег скрипел под полозом саней, человеческая речь слилась в однообразный гомон. В голове пустота. Если и всплывали какие-то мысли, то они мгновенно забывались. Медленно разжал побелевшие от мороза ресницы. Вместо серого неба увидел довольное лицо Казака. Его усы покрылись инеем, красно-розовые щеки горели от мороза. Казак задорно шурился.

— Не сдох еще? Почти пришли. Если ты действительно тот, кого ищет генерал «Огненных братьев»... — он цокнул языком, провел рукой по замерзшим усам и улыбнулся.

— А если я не тот, кого он ищет?

— Князь решит твою судьбу. Его обмануть не получится. Он тебя насквозь увидит. — Казак ускорил шаг и исчез из поля зрения Марса.

Сколько раз Марс был на волосок от смерти, и все же она обходила его стороной. Его, но не тех, кто был с ним рядом. Может, просто нужно перестать бежать, прятаться? Может, пора сделать глубокий вдох и взглянуть на творящееся вокруг безумие по-другому?

Сани дважды подпрыгнули на железнодорожном переезде. Пути скрывались за бетонным забором. Стальные ворота, сваренные из толстых листов, захлопнулись. Люди облепили пришедший караван, предвкушая, что отряд принес припасы. Колонна остановилась. Марсу на голову накинули мешок, подняли и потащили под шум толпы. Спустили по ступеням и бросили на пол. Влажный воздух с запахом плесени и затхлости ударил в нос. Кое-как он перевернулся на спину и услышал чье-то дыхание.

— Кто здесь?

— Теперь уже никто, — ответил Марсу тихий сломленный голос.

— А никто может хотя бы снять с меня этот долбаный мешок, пока я не задохнулся в нем?

Шаркающий звук шагов приблизился вплотную. После продолжительной паузы полотно сползло с головы. Марс увидел над собой жилистого мужчину, который больше напоминал тень, нежели

живое существо. Черные волосы, прямые брови и щетинистая борода. Человек кашлянул в кулак и отполз в сторону.

— Поесть бы сейчас, — произнес незнакомец из своего темного угла, но тут же добавил, словно оправдываясь за глупость: — Ну, конечно же, у тебя ничего нет.

— А ты проницателен. — Марс поерзал на полу. Руки и ноги давно затекли и онемели, веревки впивались в кожу, а сломанный палец жутко ныл.

— Я бы сейчас, наверное, сожрал даже мертвеца. Но ты можешь не бояться меня. Я еще не совсем рехнулся, сидя тут, чтобы превратиться в каннибала.

— Я бы тебе не советовал пробовать человечину. — Марс снова попытался распутаться, но безуспешно.

— Отчего же? Мясо — оно и в Африке мясо. Удивительно, я еще помню про то, что существует такой континент. Возможно, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Кому сейчас нужны бесполезные знания, неспособные помочь в выживании? Весь мир перевернулся с ног на голову. — Он тяжело вздохнул. — Говорят, человечина сладкая на вкус.

— Возможно. Я не пробовал.

— Я слышал, кочевники жрут все, не брезгают даже падалью. А еще я слышал, что они держат женщин для того, чтобы они рожали детей, которых потом, когда подрастут, забивают на еду, словно скот. Как думаешь, такое возможно?

— Я разве похож на кочевника, чтобы знать об этом? — сухо бросил Марс. — Хотя возможно все. Я не особо удивлюсь, если окажется, что так и есть.

— Мерзость, правда? Все, что сейчас происходит, — сосед обхватил голову руками, покачал ею из стороны в сторону. — Этот новый мир, эта новая реальность, в которой нам приходится выживать. Она кошмарна.

— Брось. Все, что произошло, справедливо. — Марс по-прежнему пытался освободиться от пут. — Вообще удивительно, что все это не произошло намного раньше. Люди заслужили это.

— Думаешь, все это справедливо?

— Думаю, что справедливость бывает порой слишком извращенной.

— Да, ты и вправду не похож на кочевника. Ты похож на пленника, которого поймали, связали и бросили в подвал. И теперь он надеется, что его не тронут. Тебя не убили сразу, значит, ты что-то знаешь или имеешь ценность. Сейчас не многие имеют вес в этом мире.

— Ты обнадежил. В последнее время почему-то многие считают, что я имею ценность. Знать бы только какую — мог бы выторговать себе свободу.

— Ты все еще жив, радуйся этому. Мне кажется, тебе несказанно везет, раз ты продолжаешь дышать.

— Ты давно тут обитаешь?

Марс перевернулся на бок, чтобы видеть собеседника, но в полумраке подвала трудно было что-либо разглядеть. Тусклый свет из окошка наверху рассеивался в непроглядной мгле, размывая все очертания.

— Месяц. Может, два. А может, три... — Человек захлебнулся в удушливом кашле. — Прости, все из-за сырости. С каждым днем все хуже и хуже. Наверное, это саркома или туберкулез.

— Тебе везет не меньше, чем мне.

— Обо мне хорошо заботятся, если ты про это. Хотят, чтобы я тихо помер подалеже от своей общины... Как ты думаешь, есть ли там, наверху, кто-то или что-то? Я не боюсь смерти. Боюсь только, что придется отвечать за то, что я творил здесь, пока был жив.

— Отвечать придется всем. Хотя я думаю, что просто будет не перед кем. Боги, любые, не могли бы допустить того, что сейчас происходит. Так что не парься. Можешь помирать с миром.

— Ты успокоил. Хотя, думаю, мне предстоит страдать еще очень долго, новый князь проявляет ко мне несказанную благосклонность.

— А куда делся старый князь?

— Старый князь сидит сейчас перед тобой и пытается насладиться общением. Кстати, я забыл представиться. Меня зовут Ярослав. Как зовут тебя, мне неинтересно. Все равно завтра к обеду тебя уже не станет. Ты превратишься в очередное воспоминание в моей голове. Знаешь, мне больше всего не хватает общения. И еды. Разнообразной еды. Даже не знаю, чего больше. Топленный снег и сухари изрядно надоели, с удовольствием бы отведал чего-нибудь другого, но, увы, мне придется жрать гребаные сухари и запивать талой водой, будь она проклята.

— У многих нет и этого.

— Многие и не были во главе общины, — в голосе человека прозвучала сила и гордость, которую, по всей видимости, сломили.

— Может, развяжешь меня? — Марс снова заерзал на полу. Тело болело, и любое движение пронзало плоть миллиардами игл.

— Развязать тебя? Для чего? А вдруг ты кинешься на меня?

— И что, убью? Какой мне от этого прок?

— Я не стану тебе помогать. Я просто хочу немного пообщаться, пока есть такая возможность. Последнее время мне редко кого подселяют надолго.

— Теперь понятно, почему тебя загнали в эту конуру. Жалкому псу тут самое место.

Ярослав поднялся с пола во весь рост. Сделал несколько шагов вперед и застыл над пленником.

— Ты вообще ничего не знаешь обо мне. Так что я бы на твоём месте придержал язык за зубами.

— Ты же сам хотел общаться. Да и какой толк мне молчать, если я скоро заткнушь навеки? Наверное, тот, кто сейчас на твоём месте, оказался намного умнее и хитрее. Кому нужен лидер, который сидит и радуется сухарям, предпочитая жалкое существование тому, чтобы хоть как-то попытаться исправить ситуацию?

— И часто ли ты исправлял ситуацию? — Ярослав присел на одно колено и впился стальной хваткой в горло Марса, сдавливая его шею все сильнее и сильнее. — Ты лежишь тут беспомощный, в худшем положении, чем я, и еще пытаешься мне что-то доказывать? Обвинять меня в чем-то? Сейчас решают, что с тобой делать. И если ты не знаешь их законов, а ты их не знаешь, тебя прирежут или продадут за еду и оружие. Не они в твоём мире, парень, а ты попал в их мир, — он разжал пальцы, и Марс закатился в утробном кашле, хватая ртом воздух.

— Мир везде одинаков, — наконец отдышавшись, вымолвил Марс. — Вопрос в том, желаешь ли ты изменить его.

— Вот тут ты не прав. Он и раньше не был одинаковым, а теперь и подавно. Меня свергли, потому что я не был слишком жестоким. А тот, кто стоит во главе общины, должен уметь наступать на свои чувства. Идти против своей воли, даже против своей крови, — последние слова он произнес тихо и снова удалился в темный угол.

— Помоги мне. Просто развяжи меня.

— И что ты сделаешь дальше? Попробуешь перебить всю общину? Или попытаешься изменить мир вокруг себя? Изменить на что? — он сделал рукой круг, намекая на подвал, в котором они оказались.

— Я убью лишь одного, — сквозь зубы прошипел Марс.

— Одного? Кто же удостоится такой чести? Неужто покорный твой слуга?

— Казак. Я убью только его. Возьму его жизнь взамен той, которую забрал он. Хотел бы взять больше, но не смогу. А с одним я справлюсь.

— Неплохое самопожертвование. Убить лучшего бойца общины, советника, главнокомандующего армии Князя. Не хочу тебя расстраивать, парень, но Демьян тебя пополам сломает, раскроит тебе череп и засунет туда твои же собственные внутренности. Этот вояка отморозен на всю голову ровно так же, как и предан Князю. Уж поверь мне, я это знаю. Он служил мне, и хорошо служил.

— Я смотрю, твои верные слуги тебя неплохо отправили на пенсию. С почестями. Что ж произошло, раз твой преданный Казак пошел против тебя?

— Преданность, мой друг, вещь двоякая. Разве тебя не предавали? Или, быть может, ты не предавал?

— Всякое бывало.

— Вот видишь. Жизнь наполнена предательством. Всегда лучше, когда смерть забирает чужую жизнь, а не твою. Да и боль другого — не твоя боль.

— Боюсь, что я не соглашусь с тобой, — в словах Марса прозвучала нотка ярости.

— О-о-о-о мой друг, я слышу в твоём голосе гнев. Казак убил твоего друга? Или подругу?

— Развяжи меня, — Марс задержался, пытаясь порвать путы.

— Ради чего ты жил, парень, пока они не поймали тебя?

— Развяжи меня! Развяжи, и я покажу, ради чего я жил и живу.

— Хочешь отомстить Казаку или всему миру?

— Я просто делаю то, что должен. То, что обещал. — Марс успокоился и беспомощно вздохнул.

— Поверь мне, иногда с теми, кого ты ненавидишь, проще договориться, нежели конфликтовать. Что значит жизнь друга против большой цели? Сейчас жизнь вообще ничего не стоит. Равно как и дружба. Сейчас мы откатились до средневекового уровня. Цель оправдывает средства.

— Цель? Может быть. Только не тебе мне говорить, как и что делать. Ты опустился до уровня бесхребетного существа. Сидишь в этой долбаной яме, провонявший собственными испражнениями, сыростью и плесенью, — и еще пытаешься влезть мне в душу! Ты ничтожество. Тебя предали собственные люди, и ты ничего не сделал, а просто опустил руки. Твои люди пошли против тебя. Какой князь такое допустит?

— Не люди пошли против меня. Мой сын пошел против, — Ярослав подошел к Марсу и сел на пол рядом с ним. — Я приказал им не бунтовать. Если бы община разделилась, погибла бы масса людей. Лучше уйти одному, чем погибнуть всем. К сожалению, мой сын Даниил этого не понял и, боюсь, не поймет никогда. Я смог собрать из разрозненных общин одну мощную и сильную. Мы взяли под контроль целый город, потом окраины, могли дать отпор любому, хоть кочевникам, хоть бродячим группам каннибалов, да хоть самим «Огненным братьям». Но, к сожалению, не всем нужен мир. Некоторым власть нужна ради власти. Некоторым нужно то, что есть у других. Мой сын всегда был падок на тщеславие. Я не хотел нападать на других, хотел выживать, выживать человеческими способами, а не звериными. Некоторые думали иначе, и в один прекрасный момент они убедили моего сына взять власть в свои руки. Теперь я здесь, — он окинул взглядом бетонные стены.

— Ха-ха-ха! — закатился Марс.

— Ты находишь что-то смешное в том, что я тебе рассказал?

— Да ты просто дурак. Твой сын правильно сделал, что пнул тебя коленом под зад. Ты ничтожен. Ха-ха-ха-ха!

Ярослав резким движением схватил его за волосы и рывком запрокинул голову назад.

— Это мой сын. Я никогда не пожелаю ему вреда. Тебе этого не понять, парень. Пускай он будет там, а я здесь. Ради самого дорогого можно пожертвовать всем, даже своей властью, жизнью, гордостью. Понимаешь? Всем!

— Я прекрасно тебя понимаю. Но своим поступком ты угробил все то, что создал и любил. Даже твой сын, который бросил тебя в подвал, тоже всего лишь живой мертвец. Ты все создал, а он все разрушит.

— А ты?

— Что я?

— Ты создаешь или разрушаешь?

— Я пытаюсь просто выжить.

— Слова, слова, слова. Человек много болтает, мало слушает, еще меньше делает.

— Мир жесток, и чтобы в нем выжить, нужно быть еще более жестоким и изворотливым. Никогда не знаешь, кто тебя предаст и, главное, ради чего. Выживать можно по-разному: спрятаться и стать невидимым или уничтожить всех своих врагов.

— А ты, Марс, как пытаешься выжить? И ради чего ты живешь? — пальцы Ярослава разжались, отпуская волосы.

Со скрипом открылась дверь, и в темницу ввалились пятеро. Впереди человек с автоматом. Справа Казак.

— Отец, — человек с автоматом в знак уважения слегка склонил голову, — совет собран по твоему приказу, мы ждем только тебя.

Ярослав медленно поднялся и направился к выходу. Его походка менялась на глазах из неуверенной и забитой в ровную и твердую, можно даже сказать гордую. Князь положил руку на плечо сына.

— Глаз с него не спускайте. Когда мы обсудим внутренние дела, пускай приведут его к нам. Посмотрим, что представляет собой этот мессия.

Глава XXVI

«ВАМ ПРИДЕТСЯ БЫТЬ СО МНОЙ»

— Он слабеет, — Татьяна мерила шагами комнату, не находя себе места.

— Конечно. Богов больше нет. Он терзает себя, и я вынужден отдавать все больше и больше своих сил на его поддержание, а они у меня не безграничны. Когда силы иссякнут, он станет простым смертным. И ты больше не сможешь пудрить ему мозги. Луций станет тем, кем был тысячи лет назад... — Александр закашлялся, стал бить себя в грудь.

— Он всегда был на нашей стороне.

— Да брось! Даже ты была не все время с нами. Что уж говорить о генерале. Нужно быстрее действовать. Нужно, чтобы он убил своего сына до того, как я отправлюсь к нашему хозяину. Когда я исчезну, воспоминания обо всех прожитых жизнях вернутся к нему. Представь, что он с тобой сделает, — Александр улыбнулся.

— Я смогу позаботиться о себе, — фыркнула девушка.

— Не сомневаюсь. Сейчас все только и делают, что заботятся о себе, — Александр сел поудобней в своем кресле. — Но помни, моя дорогая: без моей поддержки и ты станешь обычной смертной. Начнешь испытывать боль, голод, вернутся все людские чувства... Хотя тебе не стоит сейчас об этом думать. Твоя задача — сделать так, чтобы Луций разобрался с тем, кого люди называют мессией, ведь тот способен возглавить армию, которая уничтожит нас. Марс единственный, кто представляет для нас опасность.

— А если уничтожить всех? — она зловеще улыбнулась.

— В каком смысле?

— Нет избранных — нет и проблем. Люди смогут освободиться?

— Освободиться? Ты одна из нас, деточка. Не забывай это. И когда я уйду, помни: твое место не в райских кущах. Я знаю, чего ты хочешь, но этому не суждено случиться. Мы должны довести начатое до конца. Мы в одной упряжке.

— Знаешь, чего я хочу? Интересно.

— Ты хочешь править миром. — Он снова прокашлялся. — Думаешь, когда меня не станет, ты превратишься в богиню для жалкой горстки людишек? Ты не сможешь.

— Почему ты так решил?

— Луций не позволит. Не забывай, он тоже амбициозен.

— Правда? А может, я стану править с ним вместе? А может, отправлю его вслед за тобой? — она мило улыбнулась и подмигнула ему.

— Мы должны быть преданными тем, кто нас возвысил. Не забывай, кому мы служим и для чего! — Александр оскалился, задергал глазом.

— Разве я могу забыть? Я прекрасно помню то, как они обошлись со мной. Такое не забудешь.

— Не смей!

Александр пригрозил пальцем и даже попытался подняться, но его ноги затряслись, немощное тело не послушалось и осталось на месте. Татьяна хищно смотрела на жалкого властелина «Огненных братьев». Для себя она уже все решила. Власть нужно брать в свои руки. Марионеткой ей быть не хотелось, а хотелось принадлежать к кругу тех, кому раньше поклонялись люди.

В дверь постучали. Железные петли заскрипели, в комнату вошел человек в камуфляже с пентаграммой на рукаве.

— Простите, учитель, — он склонил голову, — вы просили сообщить, когда станет известно о человеке, который выдает себя за мессию.

— И? — Александр постарался выпрямиться, чтобы скрыть свою беспомощность.

— Соглядатай из общины Князя сообщил, что они схватили человека, который назвался именем Красной планеты.

— А твоему шпиону можно доверять? — вмешалась Татьяна.

— Он не мой шпион, госпожа. Мы все служим «Огненным братьям» и учителю нашему Александру. И да, ему можно доверять.

Татьяна оценивающе посмотрела на гвардейца. Она управляла Луцием, но не управляла его людьми и уж тем более людьми Александра. Это Татьяна понимала отчетливо. Но чтобы реализовать свой план, ей нужно было заручиться поддержкой не только Черного легиона, но и гвардейцев Нового Рима, не говоря уже об «Огненных братьях».

— Прекрасно. Можешь идти, — распорядился Александр.

Гвардеец задом попятился к двери и развернулся только в проеме.

— У тебя ничего не выйдет, моя милая Татьяна. Они служат мне, и ты служишь мне, и даже Луций подчиняется мне. У тебя ничего нет, ты голодранка. Так что не мечтай прыгнуть выше головы. Нужно довести до конца дело, которое возложил на нас хозяин. А теперь ступай и пришли ко мне Луция.

— Как скажешь. Но запомни: ночная кукушка всегда перекукует дневную. — Она с ехидством дьявольской бестии сделала ему реверанс и удалилась.

Миновав длинный коридор, Татьяна поднялась по лестнице и вышла к подвалам с узниками. К Луцию она явно не спешила. У железных дверей она привстала на носочки, открыла глазок и припала к нему. Катя сидела на полу. Из клочков собственной одежды она смастерила подобие куклы.

— Госпожа, — Самурай застал Татьяну врасплох, — я принес еду для пленницы.

— Ты напугал меня.

— Простите.

— Ничего. Почему она все еще жива?

— Мне не приказывали избавиться от нее. Генерал сказал, что девчонка ему нужна для подстраховки.

— Для какой еще подстраховки? Зачем он вообще притащил ее сюда? И что ты там ей принес?

— Обычный паек.

— Скоро самим жрать будет нечего, а мы расходует припасы на какую-то девку. Ладно, я поговорю с Луцием. А ты отнеси-ка пока еду обратно.

Когда Татьяна скрылась из виду, Шон осторожно вошел в камеру и поставил еду на пол.

— Вы убьете меня? — Катин голос врезался ему в уши.

Странное, давно забытое чувство под названием жалость пробралось в душу. Хотя, казалось бы, какое дело ему до этой девчонки?

— Я не знаю. Все решает генерал. Пока он приказал держать тебя здесь.

— А если он прикажет тебе убить меня?

— Ты лучше поешь. — Шон быстро вышел, закрыв за собой тяжелую дверь.

Татьяна попетляла по коридорам, несколько раз сворачивая то вправо, то влево. Подземелье напоминало лабиринт из мифа про Минотавра. Наконец она вышла к лестнице, ведущей вниз. Быстро спустившись, она огляделась, выждала несколько секунд и, проскользнув за дверь, направилась в самую мглу.

Девушка шла уверенно, метров через сто остановилась. Руки прикоснулись к металлической сетке, за ней сразу послышалось шевеление, отрывистое дыхание и радостное поскуливание. Три питбуля, виляя хвостами, оперлись лапами об ограждение, один залаял, но Татьяна успокоила своего питомца. Она села на корточки, вытащила из кармана собачий корм и стала просовывать кусочки сквозь сетку.

— Умницы, умницы. Кушайте, кушайте. Скоро, уже совсем скоро я освобожу вас.

— Зачем я тебе потребовался? — раздался из темноты голос.

— Просто соскучилась, — мило ответила девушка, продолжая кормить псов.

— Думаешь, я поверю в это?

Послышался щелчок, и яркий луч фонарика прорезал темноту. Сергей стоял, опершись спиной на стену. Девушка продолжала заниматься своим делом. Собаки никак не отреагировали на появившегося офицера.

— Когда ты попросила меня достать тебе питомцев, я думал, это все оттого, что ты одинока и несчастна с ним. Ты говорила, что не можешь иметь детей, но хочешь испытать материнские чувства в заботе о ком-то. Однако вырастила ты этих щенков явно не для того, чтобы умиляться ими. Мне доложили, что ты кормишь своих зверей человечинной. Что ты задумала?

— Я рада, что ты пришел, — Татьяна выпрямилась и развернулась, щурясь от яркого света.

— Ты хоть понимаешь, что дрессировщик может проболтаться?

— Сделай так, чтобы он вообще не смог говорить. Мои ребятки уже довольно большие — надсмотрщик им больше не нужен.

— Как все просто. Сначала найди щенков, затем протащи их в Новый Рим, найди человека, который будет их дрессировать (заметь, надежного человека), а потом избавься от него. Может, убить всех, кого я так долго отбирал в свою группу? Как ты думаешь, что генерал сделает с нами, если узнает правду? А что сделает Александр, если узнает, что в Новом Риме есть собаки? Все прекрасно осведомлены, как он к ним относится.

— Тебя убьют.

— Я потащу тебя за собой.

— Думаешь, тебе кто-то поверит? И вообще, давай не будем о грустном.

— О грустном? Ты хочешь, чтобы я предал своего командира, который спас меня от смерти.

— Не надо громких слов, Сергей. И не шуми. Даже у стен есть уши. Мы давно вместе, и ты прекрасно понимаешь, что будет, если мы не остановим их. Ты знаешь, кто такой Александр и что такое Луций.

— Ты одна из них.

— Меня такой сделали. И теперь я пытаюсь остановить всех тех, кто обрек наш мир на уничтожение. Я так долго ждала, пока боги оставят нас.

— С генералом нельзя справиться. Я собственными глазами видел, как он выживал тогда, когда обычный человек умер бы.

— Убить можно любого. Нужно просто знать как. Бессмертны только боги. Ты его правая рука. Войско пойдет за тобой, если исчезнет Луций. Этот мир должен принадлежать нам, обычным людям.

— Как можно убить того, кого убить нельзя?

— Ты, главное, доверься мне.

— Помимо Луция, есть еще Александр и его гвардия, плюс его паства из «Огненных братьев».

— Гвардию нужно подчинить себе. Вы же в вылазке потеряли ее командира. Я потратила много сил, чтобы навязать его вам в поход. И теперь нужно, чтобы гвардейцев возглавил наш человек.

— Командира выбирает великий пастор Иван, а утверждает Александр. Сейчас временно обязанности возложены на Беса.

— Прекрасная кандидатура. С ним нужно будет поговорить. Сделай милость, намекни ему.

— Он же больной на всю голову садист.

— И это прекрасно. Любой садист хочет власти. А с Александром и его фанатиками пора кончать. Они пережиток прошлого.

— Ты совсем спятила?

— Разве? Ты считаешь меня чокнутой лишь потому, что я хочу отомстить тем, кто сотворил со мной это? — она провела рукой по воздуху, указывая на себя. — Думаешь, я сумасшедшая только потому, что хочу вернуть мир людям?

— Я всего лишь боюсь за тебя.

— Глупый, глупый малыш. У нас все получится. Я поняла это, когда впервые увидела тебя еще ребенком, — она подошла вплотную к Сергею, прижалась и обняла.

— Что ты творишь со мной?

— Хочу, чтобы ты был счастлив со мной. Ты станешь новым генералом, и мы будем править этим миром.

— Умирающим миром.

— Нашим миром. Поднимем его из пепла.

— Знаешь, Татьяна, твоя красота ослепительна, но внутри ты страшный, уродливый монстр.

— Но ты же любишь этого монстра? — Она впиалась Сергею в губы и погасила фонарик.

Ближе к вечеру Луцию стало уже заметно лучше. Он сидел за столом рядом с Татьяной, опустив голову на кулак, и исподлобья задумчиво смотрел на собравшихся. Александр давно уже не выходил к людям. Его изувеченное и обессиленное тело пребывало на нижних этажах подземелья. Татьяна постепенно захватывала власть, кусочек за кусочком подчиняя себе все. Луций же был ее оружием. Кто мог возразить этому зверю? Только Татьяна в ослепительном образе его Марии. Он молча

слушал разговор собравшихся. Главари подконтрольных «Огненным братьям» общин и банд решали, как лучше напасть на Князя.

— О чем с тобой говорил старик? — прошептала Татьяна, слегка наклонившись к Луцию.

— Ты стала относиться к нему с презрением. Раньше ты боготворила его как великого пророка и спасителя, несущего истинную веру и дарящего Млечный путь людям. Что произошло? Что-то такое, о чем я не знаю? — генерал перевел взгляд на девушку.

— Он выживает из ума. Ты и сам это видишь. Начинает подозревать всех и вся в том, чего нет.

— Подозревать? Кого? В чем?

— А разве он тебе ничего не говорил?

— Он интересовался нашим общим делом, как оно продвигается, и спрашивал, что я намерен делать в дальнейшем. Насчет подозрений — ничего, — Луций сдвинул брови.

— Он вечно что-то бубнит. Смысл в том, что он слабеет, а вместе с ним слабеет и мы. Он как дамоклов меч висит над нами.

— Над нами? При чем здесь ты?

— Я просто не так выразилась. Кстати, — переводя тему, улыбнулась Татьяна, — ты подумал над тем, что я тебе сказала?

— Еще нет.

— Ее нужно убить. Зачем вообще ты притащил ее сюда?

— Ты так яростно хочешь смерти этому ребенку. Почему?

— Он придет за ней, и погибнут тысячи наших людей, твоих солдат, Луций.

— Пока он просто загнанный зверек, не представляющий никакой опасности. Он один, и ему наверняка страшно.

— Этот зверек может отрастить когти и клыки. Чем дольше мы его гоняем, тем больше появляется у него последователей. А с учетом последних новостей у него может появиться и армия.

— Князь не даст ему власти.

— Зато он может использовать его как духовного лидера. Зверь в овечьей шкуре. Он уже побеждает нас. Ты был избран, чтобы уничтожить его. Ты наш спаситель, Луций, а теперь ты не желаешь убить эту девчонку. Она не ребенок. Она враг. Мне, тебе, нам.

Генерал посмотрел на Татьяну отрешенным взглядом.

— Помнишь, когда я впервые тебя встретил, ты была напугана, хотела выбраться из того темного подвала? Тогда ты думала о жизни. Сейчас ты просишь убить девчонку.

— Луций, мой милый Луций, — она провела рукой по его бедру, — пойми, я переживаю за тебя. Ты же знаешь, как я люблю тебя и не могу представить, что будет, если тебя не станет рядом со мной. Я желаю ее смерти, потому что она угроза, понимаешь? Я переступлю через любого,

лишь бы ты был рядом со мной. Ты и я — только это меня интересует, только этого я хочу. И разве я прошу большую цену? Одна жизнь, всего одна — ради того, чтобы тысячи остались в живых, чтобы ты был в безопасности.

— Ты слишком беспокоишься за меня. Этот самозванный мессия — в плену у Князя. Я приду за ним, а не он за девчонкой. Тем более ты же знаешь: меня не так-то легко убить.

— Знаю, — сквозь зубы процедила Татьяна и добавила: — Так зачем она нужна? Зачем ее держать здесь?

— Порой судьба непредсказуема, а я не люблю сюрпризов и лучше перестраховуюсь. Маленькая искра иногда причина пожара, который невозможно потушить. Я чувствую, что эта девочка еще сыграет свою роль. А если я ошибаюсь, то разберусь с ней, как только приколочу к кресту этого самозванца, но не раньше.

— Ты знаешь, что только он стоит на нашем пути, на твоем пути. Сейчас у него ничего нет, но что помешает ему объединить людей против нас? Ради всех здесь находящихся, ради меня, ее нужно убить.

— Убьем ее сейчас — и он точно захочет отомстить. А трудно иметь дело с тем, кому больше нечего терять. В общем, я услышал тебя. — Он взял ее руку и нежно поцеловал. — Убить ее можно всегда, но пока пускай ее голова останется на плечах. От мертвой девчонки никакого проку, а от живой... — кончики его губ слегка поднялись.

— Какие глупости, — Татьяна фыркнула, вырывая руку, поднялась с места и громко обратилась к присутствующим: — Так что вы решили?

Гомон мгновенно стих, наступила тишина, которую прервал голос Законника:

— Предлагаем сначала попробовать договориться. У Князя много людей, они на своей территории, да еще и хорошо защищенной. Разведка доносит, что к нему стягиваются люди. Неизвестно, это Князь вызвал в город своих бойцов из дальних гарнизонов или к нему присоединяются посторонние группы. Нам нужно больше времени и данных, иначе мы бессмысленно пожертвуем многими.

— Бессмысленно? — глаза Луция блеснули огнем. — Думаете, я стану вести переговоры с тем, кто ограбил меня и выставил на посмешище?

— Генерал, позвольте? — Сергей поднялся. Луций одобрительно кивнул. — Законник говорит дело. Мы потеряем много людей, правда, мы потеряем их не бессмысленно, как он выразился. Собравшиеся здесь не хотят жертвовать своими солдатами, и это понятно.

— Им придется, — сухо бросил генерал.

— Я не сомневаюсь в этом. Но стоит действительно убедиться в том, что наша цель находится у Князя. Тем более, возможно, Ярослав попросту пойдет на обмен и мы все уладим без крови.

— Без крови? Я хочу крови, Сергей. Его заместитель Казак плюнул мне в лицо. Меня ударили по одной щеке. Думаешь, я позволю ударить по другой? — Луций тоже встал и уперся кулаками в столешницу.

— Я прекрасно помню это, мой генерал. Я был с вами в тот злосчастный день. Отомстить стоит. Тем более мы давно думали о захвате Воронежа и земель Князя. Но мне кажется, что все же сначала стоит провести переговоры. Если убедимся в том, что наша цель у них, выдвинем войско и разобьем их.

— А если его нет там? — встрял в разговор Балабек.

— Если его там нет, стоит попридержать военную операцию. Нас много, но врагов еще больше. Пока все разрозненны, нам нечего бояться, но если все объединятся против нас, что тогда?

Луций пристально посмотрел на Сергея, затем окинул взглядом собравшихся.

— Ну хорошо. Пусть будут переговоры, но Воронеж я возьму, — он сел на место. — Сергей, ты лично отвечаешь за переговоры. Даю вам три недели, чтобы вдоволь наболтаться с Князем. Потом я выступаю на них и все, кто тут присутствует, пойдут со мной, иначе ваши головы я надену на колья, которые будут украшать борта моих грузовиков. В любом случае вам придется быть рядом со мной.

Глава XXVII

СЕМЕЙНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Виктор тяжело дышал (возраст давал о себе знать), и все же на предложения Марса отдохнуть он отвечал твердым отказом. Катя по-щенячьи скулила от усталости, но терпела и шла через не могу. Третий день они бежали неведомо от кого. Мокрый и вязкий чернозем налипал на обувь так, что трудно было поднять ногу, — приходилось постоянно останавливаться, чтобы избавиться от вездесущей грязи. Виктор поднял их ранним утром с бешеными от страха глазами, сказал, что нужно уходить, что за ними пришли. Кто за ними пришел, Марс тогда не понимал. Мало ли кто мог захотеть убить их? Он привык слушаться и подчиняться своему приемному отцу, своему учителю. Трое суток почти без сна и отдыха, на пределе человеческих сил. Останавливались только перекусить, попить — и снова в путь. Виктор шел так, будто убегал от самого дьявола. Старик не знал усталости. С безумным видом он молча шагал, ведомый нечеловеческой силой.

— Отец. Отец! — Марс забежал вперед и чуть ли не силой остановил своего учителя. — Да остановись ты!

— Он выследил нас. Теперь только бежать.

— Да кто он? Кто он? Я всю жизнь бегу с тобой от кого-то. Мне плевать, и я буду бежать дальше, куда скажешь, хоть на край света, но мы идем трое суток, и я не вижу преследования, за нами никто не идет, никто не следит. От чего бежим? Посмотри на Катю, она едва держится на ногах. Нужно отдохнуть. Потом будем идти столько, сколько скажешь и куда скажешь, но дай отдохнуть себе и ребенку.

Виктор осмотрелся вокруг, взглянул на худущую, еле стоявшую девчущку, долго смотрел на Марса.

— Да. Ты прав. Отдохнем.

— Вот и прекрасно. Поищем место для ночлега. Солнце скоро сядет.

И все же ночь настигла их еще в пути: Виктор никак не мог определиться с местом ночевки. Старику все представлялось небезопасным. Наконец впереди показался небольшой холм с усеянной валунами вершиной. Радости не было предела: с высоты открывался хороший обзор. Но вряд ли это можно назвать преимуществом в

кромешной тьме осенней ночи. Когда добрались до вершины, в темноте уже невозможно было что-либо разглядеть. Катя взяла Марса за руку и прижалась, пытаясь спрятаться от ветра.

— Нужно соорудить укрытие. Хватайся за деда Витю и не отпускай его. Я сейчас что-нибудь придумаю.

Марс с топором направился к небольшому дереву. Вскоре он с помощью рычага сдвигал камни друг к другу, делая из них некое подобие стены. Виктор усадил девочку на колени, прижал к себе, пытаясь согреть. На мгновение небо осветилось яркой вспышкой молнии.

— Мне страшно.

— Это всего лишь молния.

Разряд снова расплзся по небу загадочным ярко-голубым узором, на секунду вырывая из темноты пейзаж.

— Я очень устала и замерзла.

— Все хорошо, отдыхай и ничего не бойся, — Виктор достал из сумки старое одеяло и укутал Катю.

При очередной вспышке Марс увидел, что ребенок наклонился вперед, что-то шепча себе под нос.

— Молитвы тут не помогут, — сухо бросил он Кате.

— Не слушай его, молись, если хочешь, — Виктор погладил девочку по голове. — Ты раньше тоже молился.

— Раньше я тоже был ребенком. Ты уверял меня в том, что на все божья воля. Разве такова его воля? Это он хочет, чтобы мы так жили?

— Ты все исправишь. Должен все исправить. Если только не потеряешь свой цветок жизни.

— Брось, отец. Хватит нести чушь. Что я могу исправить? Никто ничего не может исправить. Человек может только разрушать. Созидать, к сожалению, мы разучились, впрочем, как и сочувствовать, любить и понимать.

— Просто в тебе сейчас нет веры. У кого вера, Марс, у того и сила. Хочешь изменить мир — начни с себя. Хочешь его уничтожить — стань как все.

— С себя? С себя я уже начал давно, ровно с того дня, когда ты спас меня. А сила у того, у кого войско и оружие.

— У многих было войско и оружие — и где они сейчас? Помнишь «волков»? Что смотришь? У этих парней было оружие, люди и сила. Пришли «Огненные братья», и «волков» не стало. На любую силу найдется еще большая сила. Вопрос в том, как использовать эту силу. Сила есть и у Бога, и у дьявола, вот только они по-разному смотрят на вещи. Знаешь, почему так сильны «Огненные братья»? Они сильны, потому что их вера сильна. Они верят в то, что делают. И добьются своего, если кто-то не противопоставит их вере еще большую веру.

— И этот кто-то, конечно, я? — усмехнулся Марс.

— Ты же хотел изменить мир? — старик пожал плечами.

Молния снова озарила небо, загадочный узор был похож на крест, и Виктор улыбнулся. Раскат грома не заставил себя долго ждать. А потом с неба хлынула вода. Ледяной дождь хлестал их. Виктор достал кусок полиэтилена, накрыл Катю, Марс продолжал стоять под потоком дождя. Сколько он так простоял, сам не понял, но когда обернулся, то наставник и девочка уже спали, прижавшись друг к другу. Дождь звонко барабанил по их скудному укрытию, обильные потоки стекали с полиэтилена во все стороны. Все самое дорогое, что было у него в жизни, лежало на холодной влажной земле, укрытое мокрой пленкой...

К утру ветер утих, а дождь сменился изморосью. Марс так и не смог уснуть. Как только стало светлеть, он решил прогуляться. Спустился с холма и наткнулся на потрепанную палатку, достал пистолет. Брезент зиял дырами. Марс открыл полог дулом пистолета. Внутри навечно застыл труп мужчины в обнимку с вещевым мешком. Оглядевшись, Марс медленно залез наполовину в палатку, схватил мешок и вытащил его наружу. Сухари, банка консервов, старая икона и пара пакетиков с чипсами. Достал образ и посмотрел на суровый лик, на секунду задумался о том, чему учил его Виктор, и отшвырнул в сторону. Затянул мешок, закинул его за плечо и поспешно направился обратно к стоянке.

Поднимаясь по узкой тропинке, различил чужие голоса. Затаился.

— Только не трогайте девочку, — стоя на коленях и скрестив руки за головой, просил Виктор незнакомца, приставившего к его затылку револьвер.

Худющий, обросший и грязный мужчина в рваном плаще. Дырки на его одежде были стянуты медной проволокой.

— Пристрели его. Чего ты ждешь? — собирая пожитки, кричала женщина, походившая на страшную ведьму из давно забытых сказок. Сальные свалевшиеся седые волосы вздрагивали, словно змеи, на ее лохматой голове.

— А с ней что делать? — мужчина кивнул на девочку, которая сидела вжавшись в каменную кладку и обхватив колени руками.

— Возьмем с собой. Обменяем ее в ближайшем городе на припасы. И будет кому барахло тащить.

Выстрел свалил мужчину с револьвером навзничь. Он схватился за плечо. Женщина вскочила и задрала руки вверх. Виктор быстро поднялся сам и поднял револьвер с земли.

— Что так долго? — откидывая барабан пистолета и оценивая, сколько в нем патронов, спросил он.

— Вас одних и на минуту оставить нельзя.

— Максимыч! — Катя бросилась к Марсу и обняла его, а тот все еще держал на прицеле лежащего незнакомца, который корчился от боли.

— Все нормально?

— Ага. Я только немного испугалась. А мы их убьем?

— Не знаю, — он перевел взгляд на Виктора.

Тот захлопнул барабан, насчитав четыре патрона, и засунул револьвер за пояс.

— Нам нужно уходить.

— В расход их?

— Нам нужно уходить.

— Ты их в живых оставить хочешь? Да они вас чуть не грохнули.

У женщины лихорадочно забегали глаза, ее поднятые руки нервно подрагивали:

— Слушайте, мы же не сделали вам ничего дурного.

— Они хотели убить дядю Витю, а меня забрать с собой, — тихо напомнила Катя.

— Помолчи, — Виктор одернул девочку. — Марс, не нужно крови, пощади их. Они и так обречены.

— Обречены?

— Пощадите. Мы отдадим все, что у нас есть, — женщина сделала шаг навстречу Марсу.

— Стой, где стоишь, а то мозги вышибу. И что у вас брать-то? Если только ваши жизни. Вы бы нас не пощадили.

— Марс, остынь. Нужно быть лучше других.

— Парень, послушай старшего. Зачем нас убивать?

— Заткнись, тварь. Вы хотели убить мою семью. Я поступлю с вами так же.

Женщина начала рыдать. Ее всхлипы смешались со стонами лежащего на земле раненого.

— Марс, опусти пистолет. Ты избранный. Тебе ли проливать кровь?

— А кому ее еще проливать? Если бы я не пришел вовремя, они бы вас порешили давно.

— Ну ты же пришел. Не становись похожим на...

— На кого? — он повернулся к Виктору.

— Марс, — девочка дернула его за руку.

— Что тебе?

— Там люди.

Раздались выстрелы. Женщина превратилась в решето. Ее тело упало на землю. Марс схватил Катю, перепрыгнул через каменное ограждение и разрядил обойму наугад. Виктор прижался к земле и тоже стал отстреливаться. Солдаты в черном, человек двадцать, появились словно из ниоткуда и плотным огнем накрыли их, да так, что даже головы не поднять.

— Уходите! Уходите! — орал Виктор Марсу и Кате, отползая назад, но дальше была каменная стена, а привстать означало верную смерть.

— Я тебя не брошу!

— Уходи, дурак! Уходи, а то они нас всех положат!

— Я сказал — нет!

— Спасай девчонку! Я догоню! Давай, сукин ты сын, не будь эгоистом!

— Нет!

Мощный хлопок. В ушах зазвенело. Сверху посыпались куски дерна. Сизый дым, перемешанный с пылью. Граната взорвалась совсем рядом. Солдаты в черном медленно наступали. Впереди них, держа дробовик наготове, шел человек в красном шлеме. Марс схватил за руку Катю, они кубарем скатились со склона в кустарник и бросились бежать. Что было дальше, он не помнил. Остановился лишь тогда, когда девчонка упала на землю от бессилия. Он подхватил ее на руки и бежал с ней, пока ноги сами не подкосились, а во рту не встал едкий привкус крови. В полубреду он свалился в высокую сухую траву.

Замок на двери скрипнул, Марс открыл глаза. В проеме стоял Даниил, позади него — еще трое с оружием.

— Тебя вызывает Князь.

Марс медленно поднялся, опираясь левой рукой о пол. Правую ему обработали и забинтовали, наложив подобие гипса. Убивать его явно тут не хотели, наоборот, даже заботились.

— Давай пошустрей.

Двое бойцов, взяв пленника под руки, повели на выход.

Глава XXVIII

«Я РАЗРУШУ ЭТУ ПЛАНЕТУ И ОТСТРОЮ ЕЕ ЗАНОВО»

Звуки трещавшей от натяжения веревки, перекинутой через сук дерева, и хрустевших костей перекрыл вопль Виктора. Его подвесили за связанные за спиной руки так, что вывернулись плечевые суставы. Место окружили солдаты. Перед Виктором стоял человек в красном шлеме, чье лицо закрывало темное стекло. Виктор на цыпочках, стиснув от боли зубы, кряхтел и отрывисто дышал.

— Командир, он сквозь землю провалился, — отрапортовал старший группы, только что поднявшейся на холм. — Все вокруг обшарили. Его нигде нет.

— Он не мог далеко уйти.

— Командир, мы два раза все обошли. Он словно испарился. Тут заросшие поля с сухостоем в человеческий рост, — солдат разочарованно покачал головой.

— Поднимай.

Веревка натянулась вновь, и Виктор пронзительно вскрикнул.

— Где он? — спросил Сергей и снял шлем.

— Не понимаю, — через невыносимую боль ответил пленник. Тут же последовал молниеносный удар по ребрам.

— Где он?

— Я не понимаю, о чем ты, — с ослиным упрямством повторил Виктор, преодолевая боль.

— Послушай меня, старик. Я переломаю тебе все кости, если придется. Я буду резать тебя по кусочкам, буду жарить тебе пятки, и ты все равно рано или поздно скажешь мне, куда он направился. Давай не будем усложнять задачу. Ты же знаешь, мы все равно его отыщем.

— Я же сказал, — Виктор набрал воздух полной грудью и на выдохе закончил: — Не понимаю.

— Ну, как знаешь, — Сергей вытащил нож.

— Тише, тише, мальчики, — раздался приятный женский голос. — Вам бы сразу характер показывать. Одно слово, мужики.

Белокурая девушка вышла из-за спины Виктора и встала перед ним.

— Ты? Ну надо же. Какая встреча. Не чаял, что увижу тебя когда-нибудь.

— И я рада тебя видеть. Долго же ты прятался. Михаил, видимо, хорошо натаскал тебя, — Татьяна провела рукой по щетинистой щеке Виктора. — Ты постарел. Сильно постарел.

— Зато ты не изменилась.

— Странно все это, не правда ли?

— О чем ты?

— Мы здесь, а их нет. Те, кому мы поклонялись, кого боялись и в кого верили. Даже Михаил и тот оставил тебя. Не говоря уже о Создателе. А ведь Он так боролся за вас, за этот свой мирок, который был ему в радость.

Виктор поднял голову настолько, насколько это было возможно:

— Это только ваша заслуга. Вы сотворили с миром то, что сейчас мы имеем. Радуйтесь.

— Ну, пока радоваться нечему. Мне нужен его сын.

— Тебе? Я думал, его ищет Луций.

— Ну что ты! Генерал всего лишь инструмент, так сказать, скальпель в руках хирурга.

— Ах ты, маленькая дрянь! А ведь когда-то мы пытались спасти тебя.

— Как много ненужных слов, старичок. Когда-то ты убил моего отца. Помнишь? А кто старое помянет, тому глаз вон.

Сергей схватил Виктора за волосы и резким движением выколол ему правый глаз. Воздух содрогнулся от пронзительного крика.

— Хочешь оскорбить меня еще? Или упрекнуть в чем-то? Попробуй. Я гляжу, у тебя много ненужных отростков на теле, — с нечеловеческим спокойствием продолжила Татьяна.

— Господи, на Тебя уповаю. Спаси и сохрани, дай мне силы, — забормотал истязаемый. По его лицу стекал кровавый ручей.

— Ах-ха-ха. Ты издеваешься? — девушка закатилась от смеха. — Сейчас молись хоть придорожному камню — тебя никто не услышит. Его больше нет. Сейчас я бог, Виктор. Помолись мне, и, быть может, я услышу твои молитвы.

— Услышать мало. Нужно простить. А ты на это не способна. Ты слишком хорошо прониклась проповедями Александра.

— Александра? Ха! — Она склонилась над его ухом: — О мой несчастный Виктор, скоро не будет ни Александра, ни Луция, ни его ублюдка, которого ты так тщательно скрываешь и пытаешься уберечь. Даже тебя не будет. Скоро я буду править этим миром. Долгие годы я шла к тому, чтобы уничтожить весь этот гадюшник и построить новый, свой мир, и вот сейчас наконец я близка к цели. Я буду новым богом для людей.

Для этого мне всего-то и нужно убрать с дороги тех, кто хоть как-то связан с богами.

— Ты больная несчастная девушка с изуродованной душой. Тогда я был готов даже умереть ради тебя. Чистая душа. Нет, ты не чистая душа, ты хитрая, двуличная тварь, которая все это время вела собственную игру. Ведь так?

— А ты смысленый. Наверное, не зря Михаил сделал ставку на тебя.

— Ты не ведаешь, что творишь.

— Бла-бла-бла. Сколько раз я слышала подобное! Слушай, старичок, мне нужен Марс. Понимаешь? Избавь парня от страданий. Да и себя пожалей.

— Ты все равно убьешь меня.

— Да, ты прав. Но смерть бывает разной.

— Он все исправит, — тихо произнес Виктор, смотря на Татьяну одним глазом.

— Уже нет. — Она улыбнулась и, наклоняясь вперед, поцеловала его в лоб. — Знаешь, как долго я мечтала поквитаться со всеми вами? Ты даже не представляешь.

— Он все исправит.

— Ну-ну. Приступай, — повернувшись к Сергею, скомандовала Татьяна и отошла в сторону.

Виктор умирал долго и страшно, а она все смотрела и смотрела на происходящее. От боли он орал нечеловеческим голосом, потом молился и орал снова.

Медленно потягивая вино, она наслаждалась каждым глотком, прикрывая от блаженства большие голубые глаза. Сколько же она шла к своей цели! Теперь все складывалось удачно. Единственной проблемой был этот мессия, который все никак не хотел умирать. Когда она покончит с ним, то избавится и от остальных. Власть не любит конкуренции. Она собиралась стать богом, а богам не нужны те, кто знает их истинное лицо.

— Ты здесь? Одна? — Луций подошел к Татьяне и положил руку на ее плечо. Она мило прижалась губами к его пальцам.

— Мне, кроме тебя, никто не нужен, ты же знаешь.

— Сегодня должен вернуться Сергей. Не нужно было соглашаться на эти дурацкие переговоры. — Он нервно заходил по комнате.

— Брось. Все будет хорошо.

— Хорошо будет тогда, когда я надену голову этого Казака на пику, а Князь склонит передо мной колени.

— Терпение, мой милый, и весь мир будет у твоих ног.

— Мир? Он нужен вам с Александром. — Луций сел за стол и схватился за голову руками.

— Что ты такое говоришь? — Татьяна отставила бокал и кинулась к нему, упала перед ним на колени, смотря на Луция снизу вверх преданными, до безумия влюбленными глазами. — Не смей такое говорить. Ты рожден, чтобы управлять людьми. Ты их спаситель, их бог.

— Бог? Как громко звучит, — он взял ее за руки. — Давай бросим все это.

— Что? — Татьяна изменилась в лице.

— Я хочу быть с тобой. Только с тобой. Все это, — Луций обвел комнату взглядом, — все это только потому, что ты просишь. Тебе это нужно?

— Луций, мой милый генерал, что ты такое говоришь? Это наш дом. Мы не можем его бросить. А как же все то, о чем ты мечтал?

— Я мечтал только быть с тобой, — он резко поднялся. — Бога из меня сделали вы с Александром. Мне не нужен этот парень, будь он зверем или мессией. Но я найду его ради тебя. Мне не нужен весь мир, мне нужна ты. Если тебе хочется владеть им — что ж, я брошу его к твоим ногам.

— Я люблю тебя.

Лицо генерала слегка подернула улыбка, он поднял девушку и прижал к себе. Из глубин подсознания донесся тот сладкий, почти неуловимый запах, аромат былой жизни. В его теле, словно в адском котле, все бурлило и кипело, пыталось вырваться наружу непонятным, пугающим его самого коктейлем. И только Татьяна, которая заменила ему Марию, давала силы сдержаться. Для нее он будет богом, мессией, генералом, убийцей — всем, кем пожелает. Только с ней он чувствовал себя человеком, а не тем страшным существом, которым он становился в одиночестве, за стенами Нового Рима. Вдалеке от нее он был беспощадным генералом легионеров, которого здесь называли спасителем.

— Ради тебя я разрушу эту планету и отстрою ее заново.

— Мне не нужна война, — она с улыбкой посмотрела в его глаза. — Мне нужен мир, желательно весь.

Глава XXIX

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВОЙНЫ

Сложив руки за спиной, Ярослав наблюдал у окна, как за стеклом копошатся его люди, его народ. Он переминался с ноги на ногу, щурился, морщил лоб, размышляя о чем-то только ему известном. Снег медленно падал большими хлопьями. Ночью случилась пурга, и теперь по всему городу были огромные белые заносы.

Позавчера он принимал послов из Саратова и Пензы. Там все еще оставались небольшие группы людей, которые хотели присоединиться к нему. «Огненные братья» давили с юга, и теперь те, кто не хотел принимать их истинную веру, пытались найти защиту у Князя. Но что он мог им дать? Еды было мало, а людей много. Голодное большое войско хуже, чем малое, но сытое. С другой стороны, чтобы противостоять Новому Риму, нужны еще люди, много людей.

Вдобавок ко всему на него свалился этот парень. К счастью или нет, пока неизвестно, но народ словно взбесился при его появлении. И всего-то слегка необычное имя. Марс. Ничего особенного, если, конечно, забыть о пророчестве, что людей спасет тот, кто носит имя Красной планеты. Хотя, скорее всего, пророчество и выдумали сами люди. Впрочем, теперь у него есть пленник, которого ищут «Огненные братья». Если его хорошо преподнести, то с этим мессией можно горы свернуть. Жаль только, что Казак так по-глупому обошелся с его девкой. Но кто знал, кто знал? Мир жесток, и нужно соответствовать ему, коли хочешь остаться в живых и при власти. За преданность своих воинов нужно платить, поэтому приходилось закрывать глаза на многие их темные делишки. Порой они перегибали палку, как, например, с его пленником и его девкой. Теперь этот мессия будет иметь зуб на его верного соратника, а вместе с тем и на него самого.

Князь потер переносицу, тяжело вздохнул. Назревала большая игра, может быть самая главная в его жизни, и от его решений зависело не только существование общины, но и его собственная жизнь. Ярослав любил играть. Он ощущал себя актером. Не раз сам приходил в стан врага в качестве предателя, входил в доверие и потом наносил коварный удар в спину. Он был хорош, и он знал это. Но сильнее соперника, чем

«Огненные братья», у него не было. И им был нужен этот парень с именем бога войны. Был нужен настолько, что они готовы идти на переговоры. Видимо, люди не просто так слагают о нем небывлицы. А если люди верят в то, что он мессия, то почему бы не воспользоваться этим?

Вера — вот то основное, чего ему не хватало для овладения Новым Римом. Там был кусочек потерянного рая. По крайней мере, все верили в это. Он мог бы обеспечить себе и своему сыну отличную жизнь. Народ для него был лишь инструментом для достижения цели. Все, что он делал, он делал для сына.

— Прошу прощения, — голос Сергея потревожил тишину.

Князь рывком поднял руку, будто останавливая заговорившего этим жестом, и офицер Черного легиона замолк. Ярослав медленно развернулся, оценивающе посмотрел на переговорщика. В левой руке Сергей держал красный шлем, в правой зажал кожаные перчатки.

— Так что мне передать?

Утром в Воронеж прибыл отряд из двадцати бойцов под белым флагом. Его сопровождали от самых окраин земель Князя. Сергей прибыл с посланием, точнее сказать, с ультиматумом. Все, что ни предлагал Новый Рим, оканчивалось словами «иначе мы придем и убьем всех». «Иначе», «иначе»... Это «иначе» было везде. Ярослав ясно понимал, что это не просто слова. Князь и так показал зубы, ограбив отряд Черного легиона. И если бы не приказ Ярослава, Казак бы уничтожил этого долбаного генерала, который был как кость в горле. Теперь лишь получилось разозлить спящую собаку, но он шел на это сознательно. Напасть на неприступную крепость было безумием, а вот встретить врага в своих стенах было куда выгодней. Ярослав знал, что ему это не сойдет с рук, и намеренно шел на обострение конфликта, приказав Казаку показательно унижить Новый Рим. Дать понять этим «истинно верующим», что не только они могут диктовать свои условия, что в этом умирающем мире есть еще те, кто может постоять за себя. Князь готовился к войне, знал, что она начнется, но он и предположить не мог, какой козырь окажется в его руках. Теперь нужно было принимать решение. Трудное, непростое решение.

— Значит, вам нужен один из моих пленников?

— Не один из пленников. Нам нужен тот, кто носит имя Красной планеты.

— Ясно. Думаю, убеждать тебя, что его у меня нет, не имеет смысла.

— Верно. Мы точно знаем, что твои люди пленили его и сейчас он у вас. Я хочу еще раз подчеркнуть: в случае отказа Черный легион придет на ваши земли и уничтожит все живое. Но вы можете поступить разумно.

— Разумно? Пасть перед вами на колени? Платить вам дань и поставлять вам войско? — Ярослав быстро подошел к печке, взял кочергу, демонстративно скрутил ее в бараний рог и швырнул изогнутый прут к

ногам Сергея. — Вот что я сделаю с вашим Черным легионом, как только он вступит на мою землю. Твоему генералу было мало позора? Что ж, я дам ему пинка под зад еще раз.

— Вы делаете ошибку. Я позабочусь о том, чтобы ты лично пожалел об этом!

— Ух ты! Какой пафос! Говоришь как главный. Давно ли ты стал у руля армии Нового Рима? Или, быть может, я чего-то не знаю? — Князь подошел вплотную. Он уже все решил для себя, и теперь нужно было просто обострить ситуацию. — Убирайся и передай Александру, или генералу, или кто там у вас начальник: если хотят забрать этого парня, пускай придут и заберут.

— Непременно.

Выйдя на улицу, офицер Черного легиона оцепенел: кузов грузовика, на котором он приехал, был устелен трупами его людей. От еще теплой крови шел пар. Казак держал перед собой стоявшего на коленях парня. Это был водитель, единственный оставшийся в живых. Окровавленный белый флаг был втоптан в землю.

— Ты умеешь ездить на этом? — Казак указал окровавленной шашкой на кабину грузовика.

— В чем подвох?

— Просто спросил.

— Да, — сухо ответил офицер.

— Тогда шофер тебе не нужен!

Шашка сверкнула в воздухе. Голова водителя покатилась по снегу, оставляя багровый след. Обезглавленное тело завалилось на бок. С легкой улыбкой Казак убрал шашку в ножны, покрутил ус и, переступив через труп, подошел к Сергею.

— Проваливай отсюда, дружище.

Тело казненного быстро закинули в кузов, туда же отправилась и его голова. словно кочан капусты, ее перекинули через борт. Офицер Черного легиона без эмоций наблюдал за происходящим. Он поманил рукой к себе Демьяна и шепнул ему на ухо:

— Ты хоть раз видел дьявола?

— Нет, не видел. Мне достаточно того, что я живу в аду, — рассмеялся Казак.

— Ты даже не представляешь, что вас ожидает.

— Буду ждать вас с нетерпением.

— Мы придем. Ты уж поверь, — Сергей шагнул вперед, демонстративно с силой толкнув плечом Казака, быстро запрыгнул в кабину и поехал прочь под радостное улюлюканье и свист толпы.

Марса вывели на свет. От белой пелены резануло глаза, и он невольно приложил ладонь к бровям. Где-то орала и свистела толпа, мимо

проехал военный грузовик, хрустя огромными колесами по снегу. Марс замер, увидев «Урал», в кабине которого сидел человек в красном шлеме. Именно на такой машине увезли Катю. Но замешательство продлилось недолго. Толчок в спину вернул его в реальность.

— Шевелись.

Легкий снег падал пушистыми хлопьями, ровно опускаясь на лицо. Тая на коже, снежинки превращались в прохладные капельки.

Вскоре подошли к толпе. Снег перед ней был красным. В голове Марса пронеслись страшные мысли.

При виде его люди расходились в стороны, перешептывались. Марс прошел сквозь толпу, поднялся по ступеням, которые вели к двери большого особняка, и остановился. Путь ему преградил Казак.

— Гляжу, тебя подлатали?

Марс не произнес ни слова.

— Что молчишь? Злишься, что с твоей девкой так обошлись? Так ты не серчай, — атаман хлопнул его по плечу. Марс не шелохнулся.

— Хороша была чертовка, — выкрикнул из толпы сотник, и воздух содрогнулся от грубого мужского смеха.

Марс повернул голову, через плечо глянул на человека в старой плащ-палатке, запоминая лицо.

— Ты не серчай. Мы не такие уж и плохие, — улыбнулся Казак и снова похлопал Марса по плечу. — Пойдем. Князь тебя ожидает.

Марс вошел в здание. Большой холл, стены с отслоившейся штукатуркой. Сверху на обрывках толстой арматуры свисал кусок бетонной плиты. Князь грел руки возле печки. Это был уже не тот человек, которого Марс видел в подвале. Ярослав был одет в хоть и старую, но довольно сносную одежду. Растянутый серый свитер. В рукавах прорезаны дырки для больших пальцев, подвернутое горлышко упиралось в подбородок. Темные штаны и черные ботинки. Коричневые ремни кобуры скрещивались на спине, а с левой стороны виднелся пистолет.

— Оставь нас вдвоем, — спокойно проговорил Ярослав, не отнимая рук от огня.

— Но, Князь...

— Мне повторить?

— Как прикажете. — Казак злобно цокнул языком и пихнул пленного вперед. — Если что, мы рядом.

Когда хлопнула дверь, Князь обернулся:

— Интересно.

— Что именно? — тихо спросил Марс, ожидая подвоха.

— Ты и вправду мессия?

— А по мне что, не видно?

— Да как-то не очень.

Ярослав подошел ближе. С того момента, как этот парень попал к нему, община увеличилась человек на двести, и люди все прибывали и прибывали. Его агитаторы работали на славу. Многие теперь хотели увидеть чудо своими глазами. Шли целыми группами. Князь приказал размещать их в окрестностях города. В Новый Рим шли такие же группы, ведомые так называемой истинной верой. Все готовились к войне, и она уже была не за горами.

— Жить хочешь?

— Кто ж не хочет. Но с тобой я дел иметь не буду.

— Ну да, ну да. Девчонка твоя... нехорошо с ней вышло. Надеюсь, она не была твоей сестрой?

— Она была другом.

— Другом? Разве сейчас осталось такое понятие? Впрочем, не об этом речь. Ты знаешь, кто приезжал ко мне?

— Дай-ка угадаю. Не Огненные ли братья?

— Ты поражаешь меня своей сообразительностью. Может, угадаешь еще, чего они хотели?

— Моего благословения?

— Типа того. Ладно. Давай начистоту. Мне нужен Новый Рим.

— Всего-то? Так возьми.

— Возьму. Но для этого мне нужен ты.

— Я же сказал.

— Да, я слышал. И мне жаль, что так вышло с твоей бабой.

— Она была мне другом.

— Да без разницы. Сейчас жизнь человека — это плюнуть и растереть. Сейчас прав тот, кто сильнее. А сильнее человек становится только с верой. Так было всегда. Людям нужно то, во что они будут верить, а еще лучше — тот, в кого они будут верить. Народ хочет видеть мессию. И мне нужен этот мессия, нужен на моей стороне. Новый Рим закрыл ворота, огорожился блокпостами, через которые не пройти и не проехать, но с тобой мы можем открыть их чертовы ворота.

— Да пошел ты.

— Не груби, не надо. Умереть проще всего, Марс. А вот жить сейчас трудно. Твою подругу не вернуть. Да, так получилось, и я ничего не могу с этим поделать. Если бы я знал...

— То что?

— Она была бы сейчас жива. Мои люди не лучше скотины. Если я им запрещу резать пленных, насиловать женщин, грабить, они попросту разбегутся. Им нужно выпускать пар.

— Правда? Хочешь, я выпущу пар на твоём сыне? А потом попрошу тебя понять меня и простить. Как тебе такой вариант?

Ярослав обошел пленного несколько раз по кругу, остановился у него за спиной и шепнул на ухо:

— Мне кажется, есть вариант получше. Думаю, мы все же сможем договориться.

Глава XXX

А ПОТОМ НАСТАНЕТ АПОКАЛИПСИС

— А-а-а-а-а-а! — генерал смахнул рукой все, что было перед ним на столе, пару раз ударил кулаком. — Ты! Это ты виноват!

Он поднялся и уперся взглядом в Сергея, который стоял вытянувшись в струну. Балабек, Боров и Виталий опустили головы. Законника не было. По другую сторону стола еще пять главарей группировок вжались в кресла и молча наблюдали за происходящим.

— Я дал тебе двадцать человек. Двадцать! Ты сказал, что сможешь убедить эту тварь выдать мне парня! Убедил?!

— Я думал, что смогу договориться.

Луций вышел из-за стола. Лезвие меча скользнуло по ножнам. Глухой стук шагов, будто биение сердца, и гробовое молчание. Кончик лезвия коснулся подбородка Сергея.

— Я хотел обойтись малой кровью.

— На войне всегда гибнут люди. Гибнут за что-то. За идеи, за цели, за славу. Объясни мне, за что погибли мои солдаты?

— Луций! — голос Татьяны неожиданно раскатился по комнате. Генерал невольно повернул голову в ее сторону. — Ты же не хочешь лишить легион своего лучшего офицера? Сейчас, по-моему, это непозволительная роскошь, — девушка быстро подошла к генералу и приобняла его за плечи. — Остынь.

— Убирайся, — отрывая лезвие от горла Сергея, произнес Луций и кивнул в сторону выхода.

— Как прикажете, — Сергей склонил голову и вышел прочь.

— Зачем ты пришла?

— Я от Александра.

— И что он хочет?

— Хочет тебя видеть.

— Зачем?

— Не знаю, — ответила Татьяна и вполголоса добавила: — Этот старый маразматик сейчас себе на уме, перестал посвящать меня в дела общины. Ума не приложу, что с ним творится последнее время

Луций провел ладонью по лицу. Гнев растворился в его жилах.

— Ты иди, а я тут побуду, поговорю с нашими гостями, — предложила девушка.

Луций окинул собравшихся взглядом и вышел. Быстрым шагом он проследовал по улице, встретив по пути Самурая. Тот вскинул руку вверх, приветствуя своего генерала. В левой руке был сухпак, который он почему-то спрятал за спину. Луций кивнул и прошагал мимо. Дойдя до холма, на секунду застыл у лестницы, с осторожностью прикоснулся к перилам, подождал еще мгновение и вбежал наверх.

Александр сидел на своем троне. Высохшее, до безобразия изуродованное тело больше напоминало египетскую мумию, нежели живого человека. Помутневшим глазом он смотрел на свою руку. Из-под посеревшей плоти торчала желтоватая кость. Две с лишним тысячи лет он жил на земле и управлял этим миром, стремясь угодить своему хозяину. Но тысячелетия пролетели, словно одно мгновение, и пришло время расплаты, или что там будет за гранью его долгой жизни. А там будет ждать его хозяин, который воздаст ему по заслугам. Отступить было некуда.

Что ни говори, а он был предан своему делу, фанатично верил в то, что поступает правильно. И теперь, когда его власть, его сила таяли на глазах, оставалось лишь одно — остановить Татьяну, которая возомнила себя выше богов, выше самого хозяина, который дал ей все то, что она имеет сейчас. Эта хитрая девка решила напоследок прибрать все к своим рукам, но мир должен быть разрушен. Должен. Столько лет он шел к этой цели не для того, чтобы разочаровать Анатаса. Ада Александр не боялся, он боялся проиграть. Если бы он понял, раскусил ее раньше, то придушил бы собственными руками, но теперь он не имел прежней магической силы, теперь он был просто источником, питающим Тринадцатого жизненной энергией.

Александр стиснул зубы. Ну, ничего. Ничего. Он тоже не прост. Александр знал, что сын генерала Марс находится у Князя. Рожденный от Тринадцатого должен умереть. Александр не мог снова проиграть, не должен новый мессия искупить грехи людей. С человечеством должно быть покончено, ибо так хотел хозяин. Александр тяжело поднял голову и посмотрел на открывшуюся дверь, в которую вошел генерал.

— Мое почтение.

— Проходи, присаживайся. Хочу поговорить с тобой.

— Я постою.

— Ну как знаешь.

— Что-то важное?

— Хотел обсудить с тобой кое-какие дела.

— Почему не сказал Татьяне? Она бы передала мне. Я сейчас немного занят, у нас переговоры не сложились.

— Я слышан. Но поговорить я хотел именно с тобой. Думаю, Татьяна вполне сможет заменить тебя на время нашей беседы.

— Как скажешь. Я весь внимание.

— Ты знаешь, я слабею. Возможно, больше не увидимся. Сам понимаешь, осталось мне не так много.

— Сожалею, — только и вымолвил Луций.

Ему было наплевать на Александра, на его общину, на его веру и даже на Новый Рим. Он был одержим только своей Марией. Ради нее он был готов жить, быть богом, убивать и умирать. Все остальное было прахом, таким же, как его воспоминания, как его жизнь и как он сам. Александр знал это, знал и потому позволял Татьяне мечтать о власти. Пока генерал был нужен, нужна была и его Мария.

— Так о чем будет разговор?

Полуживой старик тяжело вздохнул, кашлянул в кулак несколько раз, потом долго морщил посеревший лоб.

— Знаешь, что будет, если тот, кого ты ищешь, победит?

— Его ищите вы. Мне наплевать на этого парня. Для меня он не представляет никакой угрозы. Хотите, чтобы я приколотил его к кресту? Пожалуйста. Скажете четвертовать его? Без вопросов.

— Было наплевать! — Александр повысил голос, даже ударил кулаком по подлокотнику трона, но это вышло нелепо и неуклюже. — Ты слишком долго его искал. Слишком долго я исцелял тебя, тратя свои силы. Ты терзал свое тело много раз по пустякам, бессмысленно и без видимой на то причины. Хватит, — голос правителя сорвался, и он закашлялся утробным кашлем, жадно хватая воздух ртом, словно в комнате кончился кислород.

Луций спокойно ждал, пока закончится приступ.

— Послушай меня. Послушай. Ты должен убить этого парня. Он не должен жить на этой земле. Он ничтожная ошибка, которую тебе нужно исправить. Ты — бог этой планеты. И только ты сможешь возродить ее. Но нужно избавиться от того, кто мешает это сделать. Сколько лет мы ведем войну с неверными? А все потому, что мы не можем обезглавить змею. Пока в людях есть другая вера, кроме нашей, мы обречены, — глава «Огненных братьев» из последних сил поднялся. — Этот лживый мессия грозит не только нашему делу. Он угрожает... — Александр стиснул зубы, его кадык дернулся, с трудом пропустив ком, подкативший к горлу. — Татьяна будет в опасности, пока жив этот мерзавец. Понимаешь, о чем я?

— При чем здесь она? — Луций прищурился, сделал шаг вперед.

— Сам подумай, — трясаясь всем телом, Александр опустил голову и обхватил свою седую голову руками. — Если мы проиграем, что будет с нами? Ты бы оставил в живых врагов? Ты знаешь, она мне как дочь. Хрупкое беззащитное невинное дитя. Когда меня не станет, кто позаботится о ней?

— Я не дам ее в обиду.

— В обиду? Ну да, ну да. Ты велик, пока жив я. Ты перестал делать то, что нужно. Мы несем потери. Твой офицер зачем-то полез к Князю. О чем он хотел с ним договориться? Кто его вообще надоумил на это? Двадцать солдат! Заметь, твоих солдат, генерал. Твоих. Вероломно убиты. А все почему? Все из-за нее. Она лишила тебя чувства реальности. Вы как малые дети, думаете, что полно времени до тех пор, пока не придет старость. Хочешь уберечь ее — захвати Воронеж и уничтожь того, кто называет себя мессией! Потом вы будете жить счастливо, вдвоем. Разве не об этом ты мечтаешь? Пойми, во всех твоих, наших бедах виновен этот зверь, выдающий себя за мессию. Он уже копит силы для нанесения удара по нам. Я не смогу исцелять тебя вечно. Возможно, моих сил хватит еще на один раз, возможно, не хватит и вовсе. Ты должен покончить с ним. Иначе... — великий учитель снова закашлялся, достал платок и стер с губ кровавую пену, — ты потеряешь ее.

— Сколько у меня есть времени?

— Его уже нет. Сделай то, что ты умеешь лучше всего, — убей его.

— Хорошо, — Луций кивнул и, развернувшись, вышел из комнаты.

Александр еще какое-то время смотрел на обитую кованым железом тяжелую дверь, пока за тронем что-то не заскрипело. Потайная дверь открылась, и в темноте показался маленький красный огонек. В комнату шагнул силуэт, выдыхая облако сизого дыма, отчего воздух тут же наполнился запахом махорки.

— Никак не возьму в толк, — Законник вновь затянулся и выпустил дым струйкой, — зачем все так усложнять? Почему нельзя поставить на пики обоих?

— Хочешь, я позову Луция обратно и ты попробуешь это сделать?

— Мне пока дороги мои конечности.

— Тогда зачем кидаться пустыми словами? Время еще не пришло.

— Можно убить девку. Эта стерва возомнила себя главнее всех. Знаешь, мне кажется, она хочет занять твое место.

— Не удивил. Мое зрение хоть и ослабло, но я не совсем ослеп. К сожалению, трогать ее пока тоже нельзя. Именно поэтому ты тут. Ты же человек слова, а таких мало.

— Я живу по законам, по своим понятиям и от своих людей требую того же.

— Я знаю и ценю это. Ты единственный, кто пришел ко мне и возмутился поведением моей ученицы.

— Я не собираюсь плясать перед бабой. Я и мои люди присягали «Огненным братьям», а не заносчивой стерве, которую слушают лишь потому, что у нее на поводке разъяренный пес.

— Не будешь. Не беспокойся. Там, — он указал пальцем на стеллаж с множеством старинных книг.

— Что искать?

— Тринадцатая полка, тринадцатая книга слева. Возьми ее.

— Почему ты допустил такое? — Законник вытащил толстую, перетянутую кожей книгу. — Почему не правишь сам, как раньше?

— Кто тебе сказал, что я отошел от дел? Кстати, как думаешь, Виталий, Балабек и Боров останутся верны?

— Чурка ненавидит генерала, да и девку тоже. Хотя его можно понять: ему отсекли руку, унизили у всех на глазах. Говорят, его люди насмеяются над ним. А ты сам знаешь не хуже меня, что кочевники — народ странный. Если их вождь не проявляет силы, они могут его и свергнуть. Думаю, он при первом удобном случае захочет поквитаться. Но пока твой пес будет внушать страх, будет силен, он не осмелится дергаться. Боров. Этого каннибала с его отморозками ненавидят все. Но у него больше людей, чем у меня и кочевников, вместе взятых. Он уже назвал свою цену?

— Все убитые и полтысячи живых голов отойдут ему.

— Хорошо хоть Змея завалили. Тот еще был ублюдок. Ходят слухи, что его завалил... Угадай-ка кто?

— Я уже слышан про это. Теперь к Князю тянутся все, кто желает посмотреть на живое чудо. А он мужик неглупый, сможет преподнести этого парня как надо. Раньше Князь просто распускал слухи, теперь у него есть доказательство. Соберет народ и устроит какое-нибудь испытание парню, дабы убедить всех в его божественном происхождении. И поверь мне, этот малыш удивит. Поэтому с ним нужно кончать, и как можно скорее. Ну да ладно. Каким бы ни был Боров, он наш союзник. А с союзниками приходится считаться. Что поделаешь. Если, конечно, солдаты Борова не падут смертью храбрых...

Законник посмотрел исподлобья на угасающего учителя, который по-прежнему был хитер, даже утратив свое бывшее могущество. Он без лишних слов понял, о чем попросил его Александр, и недвусмысленно хмыкнул себе под нос.

— Что скажешь насчет Виталия?

— Что тут сказать? Типичный наемник. Он будет с теми, кому достанется победа. На него вряд ли можно рассчитывать. У него небольшой отряд, но его люди по выучке и экипировке не уступят твоим гвардейцам. Они могут даже посоперничать с солдатами генерала. Единственный минус — их мало. Двести с небольшим.

— Мало? Хм. Я знаю человека, которой выиграл сражение с сотней людей, хотя против него стояло войско из трех тысяч мечей. Так что, мой друг, численное превосходство иногда бывает обманчивым.

— Про остальных рассказывать?

— Остальные — мусор. Сброд, мечтающий о лучшей жизни за стенами Нового Рима.

Законник открыл книгу и обнаружил внутри вырез в страницах. Он выложил на стол согнутую пополам пожелтевшую от времени папку с надписью «Дело № 666», фотографии человека в военной форме, старый пергамент, серебряный тамплиерский крест на цепочке, золотое кольцо с гравировкой «Вика».

— Что это?

— Жизнь Тринадцатого, — сипло произнес Александр.

— Кого?

— Не важно. А важно вот что. Когда с мессией будет покончено, необходимо будет передать это Луцию.

— Это барахло? Генералу? Оно что, отравлено? — рассмеялся Законник.

— Ты, главное, передай. А уж он-то поймет, что с этим делать, — лицо Александра исказила страшная улыбка. — Только не попадайся ему на глаза, пока он не разберется с нашей проблемой. Передай ему эти вещи обязательно, вне зависимости от того, буду я жив или уже нет. Награду за это получишь щедрую: оружие, провиант, одежду, транспорт — все, что пожелаешь. Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю.

— А кто рассчитается со мной за оказанную услугу, если тебя не будет? Не пойми меня неправильно, но я хочу гарантий.

— Великий пастырь Иван в курсе. Я дал ему соответствующие распоряжения.

— Как скажешь, — Законник захлопнул книгу. — Договорились. Я могу идти?

— Ступай.

Оставшись один, Александр долгое время сидел, прикрыв глаз. Он все, как обычно, просчитал. Когда мессия будет уничтожен, нужно будет позаботиться об этой выскочке Татьяне. Интересно, что сделает с ней Тринадцатый, узнав о том, что эта так называемая Мария водила его за нос и выдавала себя не за ту, кем является? Он открыл глаз, задрал рукав и посмотрел на отваливающийся кусок плоти, попытался поправить его, но тот остался у него в руках. Александр злобно откинул в сторону бывшую часть своего тела. Что будет после того, как его не станет? Луций — это машина злости и разочарования. Человек, который так и не определился с выбором. Его использовали на протяжении перерождений и те, и другие. Главное, чтобы он успел покончить с Марсом до того, как станет смертным. А потом он наверняка расправится и с Татьяной. Предательства он не прощал никому, это уж Александр знал наверняка. Убив сына и оставшись без любимой, Тринадцатый сорвется с поводка, и тогда его будет уже не остановить. Ну а потом настанет апокалипсис.

Глава XXXI

«У МЕНЯ НЕТ РАСПОРЯЖЕНИЙ НАСЧЕТ ТЕБЯ»

— Тревога! «Огненные братья»! Тревога!

Члены общины Велеса беспорядочно носились взад-вперед. К стенам из строительного хлама и дерева подступали вооруженные люди. Шум дизельных моторов приближающихся грузовиков становился все четче. Раздались хлопки первых выстрелов, и воздух пронзили вопли раненых.

— Стойте! Стойте! Велес спасет нас! Бог с нами, он не даст своих детей в обиду! — надрывно орал глава общины, маленький и тощий властолюбивый мужичок.

Бог, может быть, и спас бы общину, в которой Самурай был рабом, но против их бога войной пошел другой бог. Военный грузовик проломил хлипкое ограждение, подминая под колеса все, что встретилось на пути. На пути оказалась и маленькая девочка, которая даже не успела осознать, что ее жизни пришел конец. Раздавленный ребенок скрылся под колесами автомобиля, словно травинка под солдатским сапогом...

Шон отточенными движениями водил шлифовальным камнем по своей катане. Плащ из грубой, потрескавшейся, плохо выделанной кожи похрустывал при каждом его движении. Он поднял меч и проверил наличие на режущей кромке зазубрин, большим пальцем оценил остроту. Рука отчего-то дрогнула — металл впился в плоть, оставив рану. Словно ничего не произошло, Шон отточенным движением отправил катану за спину в ножны, вытащил из кармана пропитанный оружейным маслом лоскут и аккуратно положил перед собой. Облизал порезанный палец, сплюнул кровавую жижу и приступил к чистке пистолета.

Раньше он был другим человеком, у него была семья. Отец Шона был отличный охотник и следопыт, поэтому им долго удавалось оставаться в живых. Но в новом мире можно выжить только одним способом — стать хищником самому. Отец обучил Шона так хорошо, что тот стал лучшим разведчиком генерала Луция. Он убивал, пытались убить и его. Шон видел много смертей, но лишь одна не давала ему покоя до сих

пор: когда черные колеса подмяли под себя маленькое тельце девочки. Рука вновь предательски затряслась. Но он в очередной раз справился и загнал мысли поглубже. Когда ни о чем не думаешь, жить легче. Пускай размышляют старшие офицеры, Сергей и Влад. А он просто разведчик. Он просто инструмент, винтик. Нужный генералу маленький винтик.

За железной дверью послышалась возня. Самурай вложил оружие в кобуру, спрятал лоскут обратно в карман, подошел к камере и приоткрыл глазок. Катя держала самодельную куклу и что-то шептала ей. Одиночество может довести до безумия даже самого стойкого человека, не говоря уже о ребенке. Самурай прикрыл глаза и уперся лбом в холодный шершавый металл. За что ему это? Он привык ходить в разведку, а не охранять пленных. Да было бы кого охранять. Девчонку. Что она может сделать? Он дернул засов и открыл дверь.

— Ты как?

Катя обернулась и лишь пожала плечами.

— Есть хочешь?

— Угу, — тихо протянула пленница.

— Держи, — он залез во внутренний карман и достал начатую пачку солдатских галет.

Катя с опаской пошла к нему, прижимая одной рукой куклу к груди, схватила галеты и быстро кинулась обратно в свой угол.

— Спасибо.

Самурай только кивнул головой и закрыл дверь. Еще не хватало привязаться к этому ребенку. Это не ребенок, это пленный, к которому он не имеет никакого отношения.

Позади послышался гомон, который заставил Шона обернуться. По ступеням спустились гвардейцы, весело о чем-то споря и смеясь. Особый отряд с нашитыми крест-накрест красными лентами на груди и спине — палачи. Возглавлял их лично Бес, который не так давно принял на себя командование гвардией, но пока не отошел от дел карательных, а точнее сказать, не хотел расставаться с любимой работой. Этого отмороженного верзилу втайне ненавидели и боялись, кажется, все жители Нового Рима. Группа палачей остановилась, увидев Шона.

«Странно, но с ними должен быть проповедник. Эти ребята просто так не приходят. Убийство должно быть праведным. Как же иначе? Нужно, чтобы перед смертью несчастный все же принял их веру и отправился в свой последний Млечный путь», — пробежали в голове мысли, и Самурай прищурил и без того узкие глаза, но вслух сказал другое:

— В чем проблема?

— Приказано пленных в расход. Генерал собирается выступить против Князя. Оставлять балласт в стенах города опасно, да и кормить их

ни к чему. Так что... — Бес развел руками, длинный кинжал на поясе покачнулся.

— Чего стоим? — спросил подоспевший проповедник брат Степан, любимчик пастора Ивана за фанатичное стремление убивать неверных. Долговязый, лысый, с вытянутым лицом и темными кругами под глазами служитель истинной веры. Голос высокий и противный, похожий на женский.

Самурай ненавидел проповедников. Особенно этого. Степан отвечал за казни внутри Нового Рима под видом очищения душ неверных. Взять бы его сейчас за глотку и приставить к лысой башке пистолет. Посмотрел бы он, как этот верующий захочет отправиться в свой Млечный путь.

— Ну-у-у, — протянул служитель в красном балахоне, — чего застыли, дети мои? Дел много. Давайте начнем.

Бес отдал приказ, и гвардейцы стали открывать камеры и вытаскивать из них пленников. Те молча выходили, щурились от света, озирались по сторонам. Шон смотрел на это без эмоций. Ему не было их жалко, не было противно. В конце концов, все, что сейчас творилось, его ровным счетом не касалось. Он просто наблюдал за происходящим. Несчастных выстроили в колонну. В камере осталась только Катя.

— Выводите последнего, — скомандовал долговязый, и палачи беспрекословно направились в сторону Самурая. Шон медленно оторвал спину от бетонной стены, так же не спеша подошел к стальной обшарпанной двери и уперся в нее левой рукой.

— Открывай.

— Нет, — отрезал Самурай.

Гвардейцы обернулись к Бесу, тот — к Степану, повисла пауза.

— Что ты себе позволяешь?! — красный балахон вздрогнул от гнева и направился к Шону быстрыми шагами.

— Я сказал — нет.

— Ты отступаешь от веры! Знаешь, что за это бывает?! Хочешь гореть в пламени?! Хочешь, чтобы огонь очистил твои грязные деяния и помыслы?!

— Моя вера — это приказ генерала. Он приказал охранять девчонку. Других распоряжений я от него не получал.

— А мне приказано очистить неверных! — проорал Степан так, что лысая голова покрылась бурыми пятнами.

— Кем приказано?

— Я не буду обсуждать это с тобой!

— Тогда я говорю нет, — правая рука Шона легла на рукоять пистолета.

Гвардейцы тоже схватились за оружие.

— Значит так? — Степан подошел почти вплотную к Самураю. — Ты не исполняешь священные приказы учителя нашего, который ведет нас в новый мир?

— Я повторяю: я исполняю приказы генерала Луция, — чуть не по слогам проговорил Шон.

Обстановка накалилась до предела. Гвардейцы передернули затворы на оружии. Самурай выхватил пистолет и прислонил дуло ко лбу священника. Тот задрал руки кверху.

— Отставить! Что происходит? — проорал неизвестно откуда появившийся Сергей.

За ним грациозно проследовала Татьяна, уперлась плечом в стену и, скрестив руки на груди, стала наблюдать за происходящим.

— Бес, прикажи своим опустить стволы. Живо! — ударяя рукой по оружию гвардейцев, проорал офицер.

— Выполняйте, — нехотя пробурчал командир гвардии и сам убрал свой клинок в ножны.

— И ты, Шон. Тебя это тоже касается.

— Он отступник. Его нужно предать суду, — дрожащим голосом вымолвил священник, смотря, как от его лица отдаляется дуло пистолета.

— В чем проблема?

— Они хотят забрать девчонку, — убирая оружие в кобуру, отрапортовал Самурай.

— И-и-и?

— Я не получал приказа от генерала.

Сергей резко обернулся и посмотрел на невинно улыбнувшуюся Татьяну.

— Кто отдал приказ по пленным?

Степан кивнул головой в сторону девушки.

— Ясно. Забирайте тех, кого вывели.

— Нам нужны все.

— Я что, неясно выразился? Забирайте этих, — он указал рукой на пленников, — и идите.

Бес презрительно сплюнул, и гвардейцы повели заключенных наверх. Священник пофыркал, что-то пробормотал недовольно себе под нос, но пошел вслед за палачами.

— С огнем играешь, Шон. Смотри.

— Я всего лишь исполняю приказ.

— Ну-ну. — Офицер развернулся и проследовал за гвардейцами.

Татьяна еще какое-то время смотрела на Самурая, затем подмигнула ему и тоже ушла.

Людей вывели на улицу, выстроили в ряд, завязали им глаза черными лентами. Проповедник затянул наравоучение про истинную веру,

про Млечный путь, про великого учителя Александра и его последователей. Сергей стоял, опустив голову и поправляя на руках перчатки.

— Надо же, тебя остановил какой-то китаец, — съязвила Татьяна.

— Он не китаец, — повернулся к ней Сергей.

— Да какая разница? Почему девчонка не среди этих? — она кивнула на смертников.

— Потому что я не могу просто так взять и убить лучшего разведчика Черного легиона. Он, я и Влад входим в совет легиона. С меня генерал шкуру спустит. Ты это можешь понять?

— Ой, да ладно, — она было хотела его приобнять, но он отстранился.

— Ты что творишь? Если кто увидит?

— Скоро генерал перестанет быть помехой. Ты помнишь, что должен сделать?

— Помню.

— Хорошо. Ты что-то слишком напряжен.

— Напряжен? — Он склонился к ее уху: — Следующий раз предупреждай меня о своих планах. Мы ходим по лезвию. Это тебе ясно?

— Я думала, они просто грохнут этого узкоглазого, а вину можно было бы свалить на того же самого проповедника Степана. Кто ему поверит, что он руководствовался моим приказом?

— После того как Степан тут закончит, он поспешит к Ивану, а тот — к Александру. Как ты собираешься оправдаться?

— А я и не собираюсь оправдываться. Разве кто-то может усомниться в моих словах? Тем более, — она протянула руки к небу и сделала благостное лицо, — я несу истинную веру.

— Не пойму, зачем тебе сдалась эта девчонка? Неужели ее смерть так важна для тебя?

— Сергей, Сергей. Мой малыш. Чтобы создать что-то новое, нужно разрушить все старое. Эта девчонка жила вместе с тем, кто может сорвать все наши планы. Знаешь, почему пала великая Римская империя?

— Какая империя? — офицер нахмурил брови.

— Была раньше такая. Давным-давно. Но это неважно теперь. А важно то, что ее сгубила вера. Вера в мнимого спасителя людей. После его казни его учение расползлось по миру, словно зараза. Я не допущу вновь той ошибки, которую допустил Александр. Я уничтожу всех, кто хоть как-то связан с новым мессией. И эта девчонка должна умереть во что бы то ни стало, так как она верит больше всех в этого Марса. Верит в то, что он придет и спасет ее. Представь себе, что она расскажет остальным, если это случится? Те припишут к его подвигу еще что-нибудь, и в итоге он станет для них богом. А двух богов на этой земле я не потерплю.

— Двух богов? О чем ты?

— Ни о чем, мой милый малыш. Ни о чем.

Одного из стоящих в строю пленных пихнули вперед.

— У тебя есть имя? — проорал проповедник.

— Началось, — усмехнулась Татьяна. — Пойдем, не хочу смотреть на это. Кстати, я тут подумала вот о чем. А что, если брат Степан не дойдет до великого пастора Ивана?

— Не дойдет?

— Да. И мне не придется ломать комедию перед старым дураком Александром. И еще.

— Еще? Я разве на что-то согласился?

— А разве ты можешь мне отказать? — она подмигнула ему и улыбнулась. — Присмотри за этим узкоглазым. Я чувствую, что он привязался к этой девочке.

— С чего ты взяла?

— Ты уж поверь мне. С ним возможны проблемы, Сергей. Ты меня понимаешь?

Офицер взглянул на проповедника и последовал за девушкой.

— Вадим! Вадим! Мое имя Вадим! — орал что есть мочи несчастный.

— Веруешь ли ты, Вадим, в истинную веру, в учителя нашего Александра и в Млечный путь, который приведет человечество к спасению?

— Верую! Я верую!

— Хочешь, чтобы твоя душа освободилась от нечестивого гнета?

— Да, святой отец, хочу!

Степан взял его за ворот и потянул к себе, повел прочь от толпы в сторону, поставил на колени. За ними последовал Бес.

— Глупец. Они облапошат тебя. Их вера — ничто. Бог един, и нет, кроме Его веры, больше никакой! — прокричал кто-то из пленных.

Мужчину быстро вывели из строя и запихали в стоящую неподалеку клетку. Но даже там он продолжал орать и поносить на чем свет стоит «Огненных братьев» вместе с их учением. Его облили бензином и подожгли. Горящий какое-то время метался с истошными криками, ударяясь о железные прутья. Потом тело упало и затихло, а воздух наполнился тошнотворным запахом паленой плоти.

— Вот видишь, что бывает с неверными, — Степан погладил стоящего перед ним на коленях по голове. Снял повязку с глаз и указал в сторону дымящегося трупа.

— Я верую, верую! Истинно верую! — трясясь всем телом, бормотал Вадим.

— Молодец. Я чувствую это.

Что-то звякнуло позади пленного, его глаза округлились, а острие кинжала выросло из его груди на пару сантиметров, прорезав одежду.

— Ты освобожден, сын мой. Ты теперь понесешься по Млечному пути, чтобы возродиться чистым душою.

Палач рывком вытащил клинок, тело «освобожденного» завалилось лицом вперед. Священник вновь подошел к толпе.

— Хочет ли кто-то из вас покаяться и открыть душу для истинной веры?

— Я! — слышалось из толпы.

Шон стоял, опершись спиной о дверь. Тук. Тук. Тук.

— Ты тут? — тихий настороженный голос девочки слышался из камеры.

— Да, — Самурай сполз вниз по шершавой двери, усаживаясь на корточки.

— Что был за шум?

— Ничего страшного. Все нормально.

— Я слышала много голосов.

— Да. Приходили за пленными.

Несколько минут они молчали, потом Катя все же поинтересовалась:

— Меня тоже заберут?

— Я не знаю. У меня нет распоряжений насчет тебя. — Шон размял шею до хруста, прикрыл глаза. — Пока нет.

Глава XXXII

БОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО

В камеру вошел Казак с дюжиной бравых парней. Марс оторвал голову от старого засаленного матраса.

— Пришел твой звездный час, спаситель ты наш! — Демьян усмехнулся и покрутил по привычке ус. — Велено тебя покормить и приодеть. Хотя это странно. Я думал, такие, как ты, питаются святым духом. — Он вытащил из кармана банку тушенки, достал нож, ловко вскрыл ее и поставил на пол. — Жри и собирайся.

Марс презрительно посмотрел на визитеров, потом на банку. Есть хотелось действительно сильно, желудок урчал.

— Довольно скромный завтрак для того, кто будет спасать человечество, — произнес он.

— Жри, что дают, — Казак двинул ногой банку вперед.

Спорить было бесполезно, а подохнуть с голоду в планы Марса не входило. Он наступил на свою гордость и потянулся к банке, но Демьян ударил по ней сапогом, и жестянка полетела, разбрасывая содержимое по сторонам.

— М-да... — протянул Марс, когда банка звякнула последний раз и остановилась рядом с ним. Он поднял ее и достал оставшийся небольшой кусок мяса, засунул его в рот, пережевал и проглотил. Облизал пальцы. — Ты очень любезен. Как и твой хозяин.

— А то.

Через толпу протиснулся сотник с охапкой вещей, свалил шмотки к стенке, уперся в поясицу руками и прогнул спину назад, словно тащил не одежду, а бетонный блок.

— Вот скажи мне, на кой черт Ярослав с ним нянчится? Глянь. Лучшее барахло сказал ему выдать, будто нам меньше нужно.

— Наше дело маленькое. Нам сказали — мы сделали. Однако не думал я, что спасителем нашей планеты окажется такое ничтожество.

— Ничего, Демьян, скоро ему крылышки-то подрежем. Как и его бабе, — рассмеялся сотник.

— Язык придержи за зубами. А ты давай одевайся.

Марс шмыгнул носом, посмотрел на правую руку, пошевелил большим пальцем. Повязку он снял еще вчера. Все вроде бы зажило. Он подошел к горке одежды. Военные берцы, носки, темные джинсы, майка, вязаный свитер и военная летная куртка, шапка, перчатки. Все новое, словно с магазинной полки.

— Откуда такое?

— Из личных запасов.

— Демьян, на хрена ему шмотки новые? Какая разница, в чем его хоронить? Что вообще происходит?

— Спасителя приручаем. Не видишь, что ли?

— Долго еще ждать? — сын Князя Даниил появился в дверях и окинул всех взглядом. — Почему он еще не переоделся? Народ уже собрался.

— Не нам же его переодевать, — буркнул сотник.

— Отец прикажет — переоденешь. У вас есть пять минут. А ты, сотник, зайди к Князю.

Спустя пять минут Марса вывели в город. Он шел неуверенно. Новая одежда всюду давила и казалась каким-то клоунским нарядом. Они продвигались по узкой улочке, сплошь заваленной разбитыми, проржавевшими машинами. Следом шли люди, переглядывались, шептались, тыкали в него пальцем. Мужичок в лохмотьях кинулся к нему, крича что-то о спасении и о том, что Марс принесет всем погибель, но солдаты тут же сбили его с ног и отпинали, оставив лежать на земле. Марс шел в окружении охранников, словно приговоренный преступник.

Он обратил внимание на высокого человека в толпе. Тот был на голову выше стоявших рядом. Темная фуфайка в некоторых местах прожжена, лицо до самых глаз спрятано под тряпкой. Здоровяк показался до боли знакомым, но рассмотреть лучше так и не удалось. Краем глаза Марс увидел, что здоровяк пошел за ними, разгребая своими ручищами народ, словно ветви кустарника в лесной чаще.

Когда вышли на площадь, у Марса закружилась голова: столько людей в одном месте он не видел, наверное, никогда. Несколько тысяч, не меньше. Гул стоял такой, что закладывало уши. Все указывали на него, шумели, молились, а он чувствовал себя диковинной зверушкой, которую привели на потеху публике. Где много народа, там всегда кровь — так учил Виктор. Живая стена расступилась, пропуская Ярослава в окружении дружины. Казак был по правую руку от Князя. Увидев своего кормильца, община взревела, а тот, как полагается доброму и мудрому правителю, выдержал паузу и, вдоволь насладившись приветствием, утихомирил публику.

— Итак, други мои! Сегодня мы собрались здесь, чтобы узреть истинного спасителя. Ходило много слухов. Кто-то верил в мессию, кто-то нет. Многие думали, что спасение можно найти в Новом Риме, который

отгородился от людей неприступной стеной. Но те, кто верил в Млечный путь, ошиблись.

Толпа взревела.

— Так вот. «Огненные братья» — это не спасение. Их вера — гнусная ложь. Их великий учитель Александр не так уж и велик, раз не смог до сих пор победить нас. Да и не сможет. Его верный пес Луций, — Ярослав с презрением плюнул в сторону, — ничто. Потому что настоящий спаситель мира пришел ко мне. Он понял, что правда за нами и что только нам Всевышний оказал честь возродить этот мир. Я покажу вам мессию. Вот он.

Охрана, окружавшая Марса, разошлась, оставив его одного перед многотысячной толпой. Благо ее сдерживала цепочка хорошо вооруженных людей, иначе многострадальный народ, мечтая прикоснуться к мессии, кинулся бы на него и разорвал бы в клочья. Марс прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Мурашки проскользнули по коже и исчезли на затылке.

— Думаю, мы все же сможем договориться. Тебе же нужно попасть в Новый Рим? — слова Князя отчетливо врезались в мозг. Тогда Марс еще не знал, к чему он клонит. — Девчонка.

— Что?

— Не прикидывайся. Я знаю, куда и зачем ты шел. Не у одних «Огненных братьев» есть шпионы. Как там ее зовут? — он потер переносицу и сделал вид, что вспоминает имя, потом актерски щелкнул пальцами и вымолвил: — Катя. Точно. Милая девочка Катя. Единственный родной тебе и оставшийся в живых человек. Жалко будет, если ты ее больше не увидишь.

— А ты осведомлен, — Марс сжал руку в кулак, в глазах блеснула ярость.

— Тот, кто владеет информацией, правит миром.

— Откуда мне знать, что она еще жива?

— Было бы странно, если бы ты шел туда за мертвецом. Думаю, ты и сам веришь в то, что она еще жива. Ладно, не будем ломать комедию. Говорят, ее держат для подстраховки. Представить себе не могу, что они боятся тебя. А раз великий Александр кого-то боится, возможно, ты не так и прост.

— И что от меня потребуется?

— Ты быстро соображаешь.

— Трудно не догадаться. Если тебя не убили, значит, ты для чего-то нужен.

— Я не зря присматривался к тебе в камере. Ты своеобразный человек, Марс. Многие на твоём месте впали бы в депрессию, стали бы жалкими. Ты нет. Ты как кремень. Потерял друга, потерял подругу — а

твои глаза по-прежнему горят надеждой. Ты не опустил руки. Помоги мне разбить «Огненных братьев», а я помогу тебе вернуть девчонку. Все равно без армии тебе не взять Новый Рим.

— С армией его тоже не взять.

— Ну, штурмовать или осадить город мы не будем. Они сами придут к нам. А уж потом, когда мы перебьем их основные силы, возьмем город без труда.

— С чего ты решил, что они нападут?

— После сегодняшней встречи с их переговорщиком нападут обязательно. Я, так сказать, надавил на их эго. Теперь они точно ответят.

— Что от меня потребуется?

— Стать богом. На время.

— У меня есть условия.

— Дай-ка догадаюсь, — Князь приложил указательный палец к губам. — Головы тех, кто над твоей подружкой надругался? Наверное, еще и сам их покарать хочешь?

— Именно.

— Я же говорил, что у меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, — Ярослав улыбнулся. — Только все сделаем, как я скажу. И не вздумай меня кинуть. Отыграем пьесу по-моему — и каждый из нас получит то, что хочет. Договорились? — он протянул руку Марсу.

Толпа гудела, словно потревоженный улей.

— Чудо! Чудо! Сотвори нам чудо! Докажи, что ты мессия!

Марс втянул воздух ноздрями, открыл глаза и окинул взглядом площадь. Ничего хорошего здесь явно не произойдет. Что за чудо он может им показать?

— Чуда, чуда!

— Вы хотите чуда? — прокричал Ярослав.

— Да-а-а-а!

— Я тоже хочу уверовать в нового мессию. Он пришел ко мне и сказал, что он новый спаситель. Что мы избраны для борьбы. Что мы можем возродить утраченный нами мир. Я спросил его тогда, чем он докажет, что он мессия? И он ответил: «Отец мой, Бог истинный, не даст мне погибнуть». И было мне видение — свет пробился сквозь тучи, и слышал голос я: «Лучшие должны противостоять ему».

— Бой! Бой! Бой! — взревели тысячи ртов.

— Воля моего народа — моя воля. Пусть бьется с лучшими из нас, с теми, кто доказал, что готов умереть во благо дела нашего.

Марсу протянули нож. Из толпы вышел сотник и еще трое надругавшихся над Лизой. Князь сдержал слово — дал возможность отомстить. Но это больше было похоже на самоубийство. Один против

четверых. Он что, и впрямь думает, что Марса нельзя убить лишь потому, что кто-то возомнил его богоизбранным?

Сотник с битой стоял впереди, трое, вооруженные железными трубами, — в двух шагах за ним. Противников разделяла лишь пара метров.

— Твоя сучка была хороша. Посмотрим, насколько хорош ты. Князь пообещал мне приличную награду, если я разобью тебе голову прилюдно.

Марс отступил назад, чтобы исключить окружение. Сотник мерзко улыбался. Бита, обмотанная колючей проволокой, ритмично вращалась в его руке. Марс сделал еще несколько шагов назад, наступил на кусок кирпича и мгновенно поднял его, не сводя с противников глаз.

— Долго не побегаешь, мессия. Сейчас посмотрим, какого цвета у тебя кровь.

Марсу нужно было что-то предпринимать.

Один из противников взревел и повалился на землю, держась за разбитое лицо: камень угодил ровно промеж глаз и разбил переносицу. Секундного замешательства было достаточно, чтобы второй захрипел и упал на колени с торчавшей из груди рукоятью ножа. Марс тут же кинулся на сотника. Бита просвистела в нескольких сантиметрах от головы, но Марс все же сбил сотника с ног. Откатился в сторону, быстро поднялся и бросился на последнего из нападавших. Железная труба легла ровно на спину. Обожгло все внутренности и перехватило дыхание, но Марс все же притянул парня к себе и вцепился зубами. Горячая кровь наполнила рот. Несколько мгновений хватило ему, чтобы от лица противника не осталось живого места. Марс отшвырнул его в сторону, сплюнув остатки плоти, тяжело выдохнул. Сотник успел подняться и застыл в ступоре. Картина была ужасной. Хруст черепа заставил его прикрыть глаза и вздрогнуть в тот момент, когда голова обезображенного лопнула, словно арбуз, — железная труба проломила череп. С нее стекал ручеек темной крови. Через мгновение тот, в кого угодил камень, тоже перестал дышать. Марс действовал хладнокровно и жестко.

В новом мире спаситель, наверное, и должен быть таким, каким предстал перед толпой Марс: безумие, граничащее со звериной жестокостью, заставляло людей верить намного больше, чем милосердие и любовь к ближнему. Библии в этом мире делать было нечего. Ее стоило переписать под новые реалии. И первый шаг Марсом был сделан.

Сотник попятился. Вид Марса был устрашающим: лицо залито кровью, бешеные глаза, прилипшие ко лбу волосы. Казак что-то шепнул Князю, но тот лишь ухмыльнулся и отрицательно покачал головой.

— Хватит, я все понял! Это мессия! — прокричал сотник, отступая назад и вытянув вперед левую руку. — Это мессия! Мессия! Я все понял. Хватит. Все. Я сдаюсь. Все. Хватит. Ты доказал всем. Люди узрели чудо.

Но расправа не прекратилась. Марс с багровым лицом все приближался и приближался. Казак дернул было шашку, но Князь положил свою руку сверху и тихо произнес:

— Не сейчас.

Лицо Демьяна перекосило от злости, рукоять клинка ударила о ножны, он так и не обнажил оружия.

Когда Марс приблизился на расстояние удара, сотник рванул в атаку. Шипы на бите прорезали воздух с резким звуком. Марс ловко уклонился и ответным ударом свалил противника. «Побеждает тот, кто терпит», — прозвучал голос Виктора у него в голове. Удар пришелся по ребрам, и сотник свалился на колени, громко охнув. Скуля от боли, он все же заставил себя посмотреть на Марса, который возвышался над ним.

— Нужно было тебя прикончить вместе с твоей потаскухой.

— Так многие говорили.

Железная труба взметнулась в воздух и резко опустилась на голову поверженного. От боли сотник на мгновение потерял сознание и даже не понял, как очутился в лежащем положении. Он попытался подняться, но второй удар разбил ему череп и лишил жизни.

— Разве это не чудо? — заорал Князь, и толпа поддержала его воем. — Он и вправду мессия. Господь на его стороне. Он уберет Своего Сына от смерти. Разве простой человек смог бы справиться и выжить в этой бойне?

— Мессия! Мессия! Мессия! — содрогнулся воздух от тысячи голосов. Многие люди встали на колени.

Марс смотрел на мертвое тело, лежащее в черной вязкой луже, а в душе была пустота. Отмщение не наполнило ее. Может, причина этой пустоты в нем самом? Он взглянул на стоящего рядом с Князем Казака. Может, если убьет его, тогда полегчает? Черный кулончик, висевший на шее, вдруг обжег тело, да так, что пришлось вытащить его наружу. Он стал тяжелым, тянул к земле, захотелось даже скинуть его с себя, освободиться от этой ноши, но он не мог так поступить с единственной вещью, оставшейся у него от отца. Отбросив железную трубу, Марс развел руки в стороны и посмотрел на Князя, который одобрительно качнул головой. Они оба получили то, что хотели. Теперь оставалось только ждать. Ибо побеждает тот, кто терпит.

Глава XXXIII

ЗАГОВОР

Комната генерала не изобиловала роскошью. Посередине одиноко стояла большая кровать. Справа находился манекен, на котором висело обмундирование. В углу потрескивал поленьями камин.

В предутренней тишине зазвучал мягкий тихий голос. Луций повернул голову. Она смотрела на него, а он на нее.

— Скоро все кончится, и ты получишь то, что хотел. Ты наш спаситель. Мой спаситель.

Татьяна прижалась щекой к покрытому шрамами телу.

Чем больше проходило времени, тем больше стирались границы реальности. Фантазии все чаще всплывали из глубин сознания, затмевая разум. Раньше он называл девушку Татьяной, именно так, как она представилась, — теперь часто звал Марией, сам не понимая почему. Все чаще накатывали до этого чуждые ему эмоции, и он не мог определить, чего он в действительности хочет. На мгновение ему показалось, что рядом не белокурая красавица с голубыми глазами, а темноволосая, смуглая, совсем другая, но такая родная девушка. Татьяна, будто почувствовав неладное, нежно поцеловала Луция, перевалилась через него и подняла с пола меч.

— Он прекрасен.

Татьяна потянула за рукоять-змею. Драгоценные камни засверкали. Лезвие, скользя по ножнам, зашипело.

— Не трогай оружие, — генерал медленно вложил меч обратно, так и не дав освободиться клинку, и опустил его на место. — Хорошо?

— Ты так беспокоишься об этом ножике?

— Я беспокоюсь о тебе. Он острый. Ты можешь пораниться.

— Ты любишь меня?

Безжизненные глаза Луция не выражали ничего, но он кивнул в ответ.

— Нам пора вставать. Сегодня трудный день.

— Для бога нет трудных дней.

— Возможно. Если ты так хочешь, пусть будет так.

— Не говори столь безразлично. Людям нужен спаситель, нужна вера.

— У них есть Александр со своей млечной дорожкой.

— Ты сам знаешь, что его вера нужна лишь для достижения цели, она устарела и умрет вместе с ним. Сейчас нужен новый спаситель и новые правила. Нужен новый бог.

Ее губы коснулись губ генерала. Тело Луция вздрогнуло, покрылось мурашками. Он невольно прижал ее к себе. Перед глазами поплыло, воздух наполнился запахом цветущей акации. Девушка с темными волосами улыбнулась.

— Мы справимся, верно?

— Конечно.

— Ты сделаешь то, что нужно. Правда?

— Все что угодно.

— Тогда устрой им бойню, какую они запомнят надолго. Чтобы про нашу победу слагали легенды. Чтобы все остальные пали перед новым правителем.

Пелена растворилась. Татьяна протянула генералу его меч. Рукоять оружия извивалась и шипела, показывая раздвоенный язык.

— Маленький шаг для бога, но большой прыжок для человечества.

— Я не верю в богов. Я верю в тебя.

— Я тоже, — она обняла его, крепко прижала к себе и поцеловала в лоб.

Луций спустился по ступеням на площадь, застегивая на груди походный плащ. Сергей и Влад ожидали его с дюжиной офицеров.

— Все готово?

— Так точно. Можем начинать.

— Хорошо.

Сигнальная ракета ярко-зеленого света с шипением взмыла в серое небо, оставляя длинный хвост. За ней поднялись еще две. Новый Рим наполнился звуками сборов. Солдаты раскрывали ангары, из которых медленно выползали грузовики. На некоторые из них крепили крупнокалиберные пулеметы. Человек с двумя красными флажками в руках указывал дорогу железному монстру. Т-90, скрипя гусеницами, рывками подался вперед, выпуская из выхлопных труб облака сизого дыма. За ними двигались два БТР. Нескончаемый поток солдат в черной амуниции потянулся к машинам. Красные шлемы офицеров мелькали в темной массе людей.

Татьяна вышла на улицу, ловко запрыгнула на перила и стала по-детски болтать ногами. К ней приблизился Сергей, держа красный шлем в левой руке.

— Ты будешь меня ждать?

— Только с победой. Александра хватит ненадолго. Ты уж постарайся, чтобы генерал не вернулся из боя. Старик свое пожил, пора ему и честь знать. Пришло время молодых. Наше время. Ты будешь править Черным легионом, будешь защищать меня и все, что мы создадим.

— Я постараюсь.

— Второго шанса не будет. Сейчас или никогда. Мы идем ва-банк, — она по-детски улыбнулась, непринужденно и мило, словно речь шла о каких-нибудь пустяках.

— Ты точно решила, что хочешь этого? Если Александр умрет, ты станешь просто человеком.

— Когда они все умрут, я стану не просто человеком — я стану счастливым человеком.

— Сергей! — голос Луция обжег офицера.

— Да, генерал.

— Какие-то вопросы?

— Он искал тебя, — Татьяна легко спрыгнула с перил. — Интересовался, что делать с пленницей, ведь вы все покидаете город.

Сергей кашлянул в кулак, кивнул головой.

— Так точно. Хотел поинтересоваться, какие будут распоряжения насчет девчонки.

— Самурай присмотрит за ней. Если все пройдет гладко, она нам больше не понадобится.

— А разве может быть иначе? — девушка нежно обняла широкие плечи Луция. — Может, освободить твоего человека от лишних хлопот?

— Татьяна дело говорит. Шон отличный разведчик. Зачем его держать тут? Его умения пригодились бы нам в походе.

— Я доверяю тебе, Владу и Самураю. Если все уйдут, тут останутся только проповедники и гвардия, а служители веры очень переменчивы в своих желаниях. Гвардия подчиняется им. Я думаю, ты слышал о недавнем инциденте. Так что делай выводы сам. Я бы лично поговорил со Степаном, только вот проблема — он куда-то пропал. Ладно, когда прибудем обратно, я еще вернусь к этой теме. А сейчас нужно думать о предстоящем походе. И не переживай. Наемники делают свое дело. Виталий три дня подряд исправно шлет разведывательную информацию. Самурай останется с пленницей.

— Интересно, кто отдал приказ казнить пленных? — сделал задумчивый вид Сергей.

— Приказ? Брось. Я думаю, этот фанатик, как обычно, хотел выслужиться и попросту перегнул палку. Вот именно поэтому я хочу, чтобы за девчонкой присмотрел лично Самурай.

— Удачи! — Татьяна кинулась на шею генерала и поцеловала в щеку.

— На удачу надеются только глупцы. Сергей, за мной.

Генерал уверенно ступал по мощеной мостовой. Сергей следовал за ним.

— Что мы имеем?

— К вечеру все будет готово. Можем выдвигаться. Боров со своими людьми вышел еще вчера. Законник ожидает нас на подходе к Воронежу. Балабек выступит в авангарде через два часа. Если будет засада, то они примут удар на себя.

— Виталий исправно передает данные, только вот, — генерал остановился и повернулся к офицеру, — мутный он какой-то. Тебе так не кажется?

— Наемник. Что тут скажешь? Такой всегда может вогнать нож в спину. Хотя дело свое он знает.

— Не доверяешь ему?

— Я никому не доверяю из этого сброда, генерал.

— Я тоже. Но они нужны нам. Князь собрал серьезное войско. Странно, что ничего не слышно об этом мессии. Соглядатай больше не выходил на связь?

— Нет, генерал.

— Глупо.

— Что именно? — офицер с изумлением посмотрел на командира.

— Глупо все создано в жизни. К власти стремятся единицы, а умирают при этом миллионы.

— Я не понимаю... — Сергей недоумевал: раньше от генерала не приходилось слышать ничего подобного.

— Ладно. Я спущусь к Александру, а ты присмотри тут. Чтобы все шло как по маслу.

— Слушаюсь! — Сергей легкой трусцой направился вперед.

Скрипя оставшимися зубами, трясаясь всем телом, опираясь одной рукой о трость, а другой — о стол, Александр делал, возможно, последние шаги в своей жизни. Попытка вспомнить былую силу далась ему чрезвычайно тяжело. Кое-как он вернулся на свое законное место и рухнул на трон в измождении. Тяжело выдохнул, отставил трость и прикрыл глаза. Он был далеко, в старых воспоминаниях о теплом солнце Апеннинского полуострова, ласкающем пышущее здоровьем тело. Как давно это было! Женщины, вино, схватки, интриги, служение князю тьмы. Казалось, этому не будет конца....

Бессмертны только боги, остальное умирает рано или поздно. Игра подходила к концу. Его хозяин почти выиграл противостояние. Рот искривился в улыбке, когда Александр вспомнил об Авере. Перед глазами проплыл и сам Анатас с холодным безжизненным взглядом, и Абигор, верный демон хозяина, — его боялся даже Михаил. В воспоминаниях они были рядом.

Что ждет его по ту сторону жизни? Земля без покровительства Бога стала адом. Всё так, как они и хотели. Но люди не могут ни во что не верить, ибо это люди. Часть Создателя живет в каждом, и она тянется к Нему, словно росток к свету. Даже теперь, когда никто не властен над человеком, он все равно пытается придумать того, кто бы защищал его. Если не положить этому конец, люди снова вернуться к тому, кто породил их, и тогда все будет напрасно. Этого допустить Александр никак не мог. Его не пугал даже ад. Он был фанатично предан Анатасу.

Александр презрительно посмотрел на свои высохшие руки, запрокинул голову назад и задумался. Татьяну нужно будет остановить. Эта девочка не так глупа. Вкусив власти, она не остановится. Она понимает, что люди ищут спасителя, которому можно будет поклоняться вновь. А есть спрос — будет и предложение. Человечеству, как оказалось, нужна религия. И если умерло старое, то родится новое, чего допустить нельзя. Этот мир должен стать пеплом. Любимая песочница с игрушками должна быть растоптана и забыта.

Перед глазами всплыла сцена распятия. Он помнил еще лицо Понтия, помнил, каким был Луций в своем первом рождении, помнил его брата Маркуса. Все чаще Александра преследовали тени прошлого, сотканые из тумана оставшейся памяти. Он знал: ему осталось недолго, и тешил себя лишь одной мыслью — мыслью о том, что он заберет этот мир с собой.

Дверь скрипнула и тяжело распахнулась. Вошел Луций. Запах тлена и старости ударил ему в нос — генерал поморщился.

— Неужто я так плохо выгляжу? — пытаюсь улыбнуться, пробормотал Александр.

— Ты умираешь. Хотя, возможно, ты уже давно мертв.

— Хм. Как и ты, генерал. Как и ты.

— Зачем звал?

— Хочу убедиться напоследок, все ли готово.

— Более чем. В ночь выдвигаемся, через три дня будем на месте.

— Три дня. Я ждал так долго и не могу теперь подождать три дня. Печально. Тебе так не кажется?

— Все будет сделано, как ты хотел. Князь будет разбит. Мессию я приколочу к кресту у всех на виду. Татьяне ничто не будет угрожать. Ты уж поверь мне.

— Я верю, верю. Ты не подводил нас ни разу.

— Что-то еще?

— Нет. Ступай. Ах да, подожди, подожди. Когда все будет кончено, Законник отдаст тебе мой подарок. Это кое-что важное для тебя.

— Что именно?

— Считаю это моей благодарностью за все то, что ты сделал для нас. Он даст тебе возможность взглянуть на мир шире. До свидания, Тринадцатый.

— Что?

— Удачи, говорю.

— Прощай, Александр.

— Прощай.

Сергей быстро прошел вдоль ровных шеренг. Командиры отрядов докладывали ему о готовности. Он быстро перекинулся парой слов с Владом и направился дальше. Между солдатскими «коробками» шныряли с напутственными речами священники в красных балахонах. Однообразная проповедь о великом спасении планеты и человечества. Солдаты были людьми, а людям ведомо чувство страха. Даже Черному легиону нужна моральная поддержка. Возможно, предстоящая битва будет последней из масштабных, возможно, им удастся одержать победу малой кровью... Сергей прикрыл глаза, понимая, что не удастся: Князь сдаваться не намерен, а его люди, пусть и не так хорошо экипированные и обученные, как легионеры, будут сражаться за *свою* землю, за *своего* мессию, за *свой* новый мир. Сергей же будет по другую сторону и тоже будет хотеть победы для того, чтобы его мир оказался лучшим. Девушка вскружила ему голову, он знал это, но ничего не мог с собой поделать. Теперь назад дороги не было, и он был готов умереть за нее. Готов был предать того, кто спас ему жизнь. От одного бога он перешел к другому.

— Ты звал меня?

Сергей обернулся. Крепкий человек в камуфляже с красными перекрещенными на груди лентами пристально смотрел на Сергея холодным, режущим взглядом. Это был командир гвардейцев, а проще говоря, старший палач по прозвищу Бес.

— Звал, — сухо ответил Сергей. — Пойдем пройдемся.

— Пойдем.

Они молчали, пока не отошли подальше от посторонних глаз и ушей.

— Гвардейцы остаются в Новом Риме, будут охранять его, пока армия пойдет на Князя.

— Все верно, — как само собой разумеющееся подтвердил Бес.

— Ты доволен своим положением? — внезапно поинтересовался Сергей, смотря прямо в глаза собеседнику.

— Вполне. Но если у тебя есть предложения получше, я слушаю.

— Мне нужна голова девчонки.

— Хм. Той, которую охраняет Самурай? Я не согласен. Пока не поступит прямой приказ от Александра. Я не хочу неприятностей. Прошлый раз у нас уже был конфуз из-за Степана. Моя голова дороже.

— А если Александра не станет? Кого ты будешь слушать?

— Мы подчиняемся непосредственно учителю. Ты это знаешь. Его преемницей считается Татьяна. Но пока наш повелитель жив, а ты знаешь, что он не может умереть, мы будем подчиняться ему. Да и захочет ли великий пастор Иван передать власть Татьяне? Последнее время у нее большие разногласия с Александром.

— Знаешь, почему сейчас у тебя столь ответственная должность?

— Знаю. Моего командира убили. Все мы смертны.

— А знаешь, кто настоял отправить его с нами? Знаешь, кто хлопотал, чтобы тебя поставили во главе гвардии?

— Она никто, пока есть истинный властитель «Огненных братьев». Она уже пыталась командовать, когда отдала приказ Степану...

— Ах да, Степан, — Сергей покачал головой, — глупый мелкий человечек. Хочу разочаровать тебя, Бес... — Он выдержал паузу. — Твоего учителя скоро не станет. Подумай, чью сторону ты займешь. Полагаю, Татьяна могла бы хорошо отблагодарить тебя. К тому же она имеет на тебя большие планы. Да и я бы не забыл твоей помощи.

— Ты? — удивился палач. — Ты-то при какой кухне?

— Подумай, Бес, подумай, — с легкой ухмылкой произнес офицер.

— Грядут большие перемены, как я погляжу. У тебя смелые мысли, офицер. Не знаю, что ты задумал и с кем. Но не боишься ли ты, что в случае провала генерал отрежет тебе язык и затолкает тебе же в глотку?

— Такой вариант не исключен. Но представь, какие возможности открываются у тебя, если ты сделаешь то, о чем я прошу.

— Я сделаю это только в том случае, если умрет Александр. Убить девчонку не проблема. Не проблема и выступить с гвардией на вашей стороне. Но скорее погибнет весь мир, чем оборвется жизнь нашего учителя. И что вы собираетесь делать с генералом? Я так полагаю, вы с ней давно спелись, — лицо Беса озарила улыбка. Сергей, наверное, был единственным человеком, кто увидел его улыбающимся.

— Не будет Александра — не станет и Луция.

— Ты уж постарайся тогда. Я человек рискованный, но против генерала не пойду.

— Я услышал тебя.

Сергей развернулся и пошел было прочь, но его остановил голос Беса:

— А офицер Черного легиона не боится, что я могу все рассказать?

— Ты давно видел проповедника Степана?

— Давно, а что?

— Говорят, он вышел за стену прочитать проповеди работникам и пропал. Суровые нынче времена. Сейчас беспокойно даже в великом Новом Риме... Но знаешь, я слышал другую историю. Я слышал, что Степану запрокинули голову и вогнали нож прямо под ухо. Кстати, я тоже

говорил с ним о правильности выбора. Жаль, что он не послушал меня. Надеюсь, мой нынешний собеседник куда смысленее.

Сергей пошел прочь, а Бес еще долго смотрел ему в спину, размышляя над тем, что услышал.

Глава XXXIV

«Я ДАЮ ЛЮДЯМ ТЕБЯ»

Пустая серая комната с потрескавшимися стенами наполнялась теплом углей из камина. Марс грелся, ожидая Ярослава. Он мельком глянул на свисающий с потолка массивный кусок бетона. Глыба в любой момент могла сорваться вниз и размазать по полу оказавшегося под ней, переломав ему все кости. Почему ее до сих пор не убрали? Может, потому, что людям стало плевать на опасность на этой опостылевшей им планете? Старик словно в воду глядел. Когда живешь по уши в дерьме, не замечаешь, как приходит апокалипсис. Он в точности повторил слова Виктора. Может, когда-то действительно был бог, он создал людей, а теперь его победил дьявол? Нет. Все бред, ерунда...

Он снял перчатки, потер руки и выдохнул на ладони теплый воздух. Пошевелил большим пальцем, который еще иногда ныл, напоминая о травме. Сбежать? Но когда и как? Вновь окинул взглядом серые стены, окно с решеткой, скривился. Он сидел словно в ожидании приговора, не зная, что будет дальше — смерть или помилование.

К сердцу подкатил ком, кулончик снова обжег грудь, пальцы предательски задрожали. Марс сжал кулак и стиснул зубы. Что это? Приступ надвигающейся болезни? Странно, раньше такого не было. Или просто-напросто он устал? Впору было помолиться, как делал Виктор в трудные минуты. Впрочем, старик просил у небесного покровителя спасения постоянно — и где Виктор сейчас? Хочется верить, что в лучшем из миров, если, конечно, такой есть.

Марс обхватил голову руками, попытался представить Катю, представить, что она чувствует в плену у «Огненных братьев». Жива ли она вообще? Князь говорил, что жива. Но верить ему, да и вообще кому-то, он не привык. Сколько прошло времени с того момента, как он потерял ее? Месяц, два, три? Он надеялся, что она цела и невредима. Хотел надеяться. Больше ему ничего не оставалось.

Он снова посмотрел на висевший кусок бетона. Как все-таки мало отведено человеку для жизни, но как много дано для уничтожения всего вокруг. Он поежился и еще раз потер руки.

— Замерз, что ли? — раздался голос Ярослава. Дверь за спиной Князя захлопнулась, и он быстрой походкой направился к камину.

— Нет, просто задумался.

— Думать — это хорошо, — Ярослав расстегнул куртку и размотал шарф. — Если человек думает, значит, он еще живой. Значит, не все еще потеряно. А что такой грустный-то? — он хлопнул Марса по плечу и улыбнулся, словно закадычный приятель.

— Грустный? Отнюдь. Я веселюсь. Согласно твоему плану.

— Ну, дружок, такова твоя участь. Благодарю своих родителей, давших тебе это имя. Теперь ты для всех что-то типа живого бога, — усмехнулся Князь. — Сам ты быть им не хочешь — приходится тебя заставлять. А что делать? У меня народу с каждым днем все больше и больше, а еды все меньше. Я и так усилил патрули, чтобы пришедшие не начали жрать мертвецов. Нам еще тут каннибализма не хватало для полного счастья. И так воров и разбойников постоянно вешаем. В старую часть города лучше вообще не ходить, там сплошное кладбище. Так что давай, соответствуй образу. Раз не можешь накормить всех манной небесной, так хотя бы святым духом подбадривай. Осталось немного. Новый Рим на нас всю свою орду кинул. Через пару-тройку дней будем встречать.

— Они бойню тут устроят. Я видел их в деле.

— Многие их видели в деле. Волков бояться — в лес не ходить.

— Они не «волки». Они хуже. «Волков» я помню.

— Это поговорка, Марс. Поговорка. Кстати, на вот. С трудом отыскал для тебя, — он протянул собеседнику, достав из заднего кармана, замусоленную книжицу в мягком нейлоновом переплете с едва различимым золотым крестиком на обложке.

— Что это?

— Мессия, а не знаешь.

Марс взял книгу и без интереса полистал. На форзаце надпись «Максиму от Петра», на полях много заметок, некоторые строки обведены карандашом.

— Мне это выучить нужно? Может, еще и рясу дашь?

— Понадобится — дам. Людям вера нужна. Без идеи умирать трудно, а вот за что-нибудь — это народ поймет.

— Сам-то хоть в это веришь? — лицо Марса искривила ехидная улыбка.

— Нет, конечно. Для меня все это лишь игра, средство для удовлетворения своих алчных потребностей. И я это не скрываю, по крайней мере от тебя.

— Я уже это понял. Ты дал слово, что я отомщу.

— Так ведь отомстил.

— Ну да, ну да. Только вот чуть сам головы не лишился.

— Брось, ты же с ними легко разделался.

— А если бы нет?

— Тогда пришлось бы вносить некоторые поправки в мой план. Хотя я почему-то верил, что ты справишься. Уж очень о тебе много было слухов. Да и выживать столько времени в одиночку не у многих получалось. А насчет этого, — он кивнул на Библию, — так в умных руках это прекрасный инструмент управления народом. Думаешь, «Огненные братья» все поголовно верят в Млечный путь? Нет, конечно. И их наставник Александр это хорошо понимает. Но он сумел их объединить общей идеей. Вот и ты мне поможешь такое провернуть. Сейчас для этого уж очень благоприятное время. Думаешь, в этой книге написано про бога? Брось. Ее раньше читали как священники, так и яростные противники религии. Я открою тебе одну вещь. Как религия есть надругательство над богом, так и мы есть надругательство над верой. Вопрос лишь в том, чего мы хотим? — Марс посмотрел снизу вверх на Ярослава. — Да-да, мой милейший друг. Ты правильно все понял. Так что нужно иногда дружить, образовывать союзы, чтобы чего-то добиться. Без цели и мечты нет смысла жить. Ты можешь искать мессию или самого бога, а можешь — религию или власть. Мы даем людям то, что им нужно. И только мы видим и прекрасно понимаем эту разницу. Я стараюсь проложить легкий путь, дать людям то, что заменит им сложную и нудную философию о добре и зле. Я даю людям тебя.

— Мой отец говорил так же, все время молился, даже крест носил. Толку только?

— Твой отец был верующим человеком. Мы с тобой другие. Давай искать компромисс. Хватит мотаться по миру, пора брать его в свои руки.

— Точнее сказать, ты хочешь взять его в свои.

— Да. Ты прав. Но мы можем править им вместе.

— Два медведя в одной берлоге? Не смеши меня. Обычно одному становится мало места, и он убивает второго.

— Это смотря как поделить сферы влияния. Зачем же жрать тушу с одного края и мешать друг другу? Ты будешь символом, я буду правителем. Сейчас наилучшее время для создания новой религии. Сам посмотри, что творится. Мир меняется, но люди... Люди остаются прежними: жадными, похотливыми, боящимися смерти. И у каждого из них в голове есть свой потаенный мирок, тяга к чему-то необъяснимому, к чему-то сверхъестественному. Сейчас этот мирок девственен и ничем не заполнен. Но даже самый убогий человек имеет надежду на то, что некий мессия даст ему рай на земле и он станет жить счастливо и сыто. Мы соединим их желания с нашими возможностями, привнесем желанную веру в их никчемное существование. Хочешь много еды? Хочешь спать спокойно и никого не бояться? Все возможно. Нужно только поверить во

второе пришествие мессии, одолеть Новый Рим и «Огненных братьев», чтобы потом наслаждаться жизнью.

— Все, конечно, за умеренную плату?

— Конечно.

— Плату ценой в жизнь?

— В книге, которую я тебе дал, многие отдали свои жизни за то, чтобы их вера возвысилась на века.

— Я знаю. Только их так называемый мессия отдал жизнь тоже. Насколько мне помнится, его приколотили к кресту.

— Ну, мы теперь ученые. Теперь-то мы не дадим тебя в обиду. Хочешь вернуть девчонку — придется стать мессией. Придется покончить с Александром и его приспешниками.

— Не все глупцы, Ярослав.

— Я знаю. Но любая религия начинается именно с глупостей. Кто-то что-то сказал, кому-то что-то показалось, другой подхватил, приукрасил — и понеслось. Потом все забудут, с чего все началось, и будут верить лишь в то, что есть.

— Допустим. Но сколько просуществует этот мир и твоя новая религия?

— Неважно. Зато мы будем на вершине. Я, мой сын, ты и твоя девчонка. Ты сможешь защитить ее и дать ей беззаботную жизнь. Разве не это главное? Разве не для этого мы живем? Ты же не вечен, Марс. Может, все же довольно смертей среди тех, кого мы любим?

— А среди остальных?

— Тебе не все ли равно, что будет с остальными?

— Мне нужно спасти Катю. Вот все, что я хочу, — Марс встал и пристально посмотрел в глаза Ярослава. — А еще мне нужна голова Демьяна.

— Баш на баш, Марс. Баш на баш.

— Ладно. Я согласен. Только еще одно условие.

— Какое?

— Я устал сидеть взаперти, словно пес на привязи.

— Хочешь погулять? А не боишься за свою голову?

— Я же для них, как ты выразился, бог — что они могут со мной сделать? Или, быть может, ты не уверен в своих людях?

— Хм. Только без глупостей. Я не шучу.

— Да какие тут глупости? Повсюду твои бойцы. С юга идет полчище Нового Рима. Попроповедую твою... нашу веру, — Марс засунул Библию во внутренний карман. — Да и так, хоть развеюсь.

— Хорошо. Будем считать, что ты говоришь мне правду, а я тебе верю. Не хотелось бы оплакивать так и не состоявшееся божество.

— Не будешь, не бойся. Как ты там говорил? Нужно искать союзников для общего дела.

Марс кивнул на дверь, как бы уточняя: они все обсудили — он может прогуляться? Ярослав мотнул головой в знак согласия.

Глава XXXV

ПИР ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Погода ухудшилась. Еще несколько часов назад бескрайние белые поля с островками растительности казались застывшей картиной. Теперь же край неба налился сумрачным свинцом, все вокруг стало похоже на монохромный снимок. Природа затихла в предвкушении надвигающейся бури. По белым коврам полей порывисто задула поземка. Поднялся пронизывавший до костей ветер, повалил снег. Генерал обратил взор к небу, прищурился. От былой тишины не осталось и следа.

Луций приказал разбивать лагерь: двигаться дальше было небезопасно. Армия остановилась и стала укрепляться. Первые отчетливо слышные порывы метели заглушили шум моторов и голоса людей. Пейзаж вокруг превратился в непроглядную движущуюся массу. Не было больше ничего, кроме белого, свалившегося из ниоткуда хаоса.

В разведку отправились люди Балабека. Кочевники хорошо ориентировались даже в пурге и легко переносили ненастье. Оказалось, что уже в нескольких километрах находились первые укрепления Князя, неплохо замаскированные под ландшафт. Но даже кочевникам пришлось повернуть обратно, чтобы не сгинуть в пурге.

Черный легион встал лагерем, генерал принял решение ждать, когда погода успокоится. Луций не хотел вести войска вслепую, хотя Сергей настаивал на быстром продвижении. Тем более Законник укрепился чуть севернее, а Боров — южнее, разбив небольшой блокпост Ярослава. Но генерал был непреклонен.

— Мы теряем время, — Сергей вышел вперед. — А можем подойти к ним незамеченными. Погода нам только на руку. Влад, ну согласись, я же прав.

Влад промолчал. Луций стоял спиной к офицерам в своей палатке. Ветер снаружи завывал, брезентовые стены хлопали, словно их выбивали, как ковер.

— Влад правильно делает, что молчит. Спешка нужна лишь при ловле блох, — генерал обернулся. — Да, мы подойдем незамеченными, но будем измотаны. Я лучше потеряю людей в сражении, чем просто так заморожу их в пурге. — Он склонил голову, почесал переносицу и, бросив

пронзительный взгляд на собравшихся, добавил: — И кто-нибудь из вас может объяснить мне, где сейчас люди Виталия? Он не дает о себе знать уже двое суток.

Офицеры виновато опустили головы, стараясь не смотреть на своего командира.

— Если что-то выбивается из плана, значит, за этим стоит какая-то причина. А я не люблю сбоев. На войне дважды не ошибаются. Сергей!

— Да, генерал.

— Займешься этим лично. Даю тебе сорок восемь часов. Через два дня я хочу знать, где находится этот чертов наемник и как обстоят дела у Законника и Борова. Нужно сообщить им, что наступление продолжится лишь после прекращения метели.

— Я могу взять свой отряд для выполнения задания?

— Делай все, что считаешь нужным. Но через два дня я должен иметь полную информацию обо всем, что происходит.

— Разрешите идти?

— Ступай.

Луций подошел к карте.

— Влад, подойди. Выставишь тут и тут ребят с пулеметами. Здесь метров за двести поставишь сигнальные пашки. Один взвод отправишь в хвост колонны — вдруг попробуют обойти. Сегодня в ночь выстави двойной дозор. Лучше перестраховаться.

— Будет сделано.

Когда стемнело, погода совсем взбесилась. Казалось, что пурга теперь навечно, что солнечный свет навсегда угас, а в мире не осталось ничего, кроме пронизывающего до костей ветра. С каждым годом погода становилась все хуже. Зимы были холоднее, а лето испепеляюще жарким.

Звук двигателя военного «Урала» перемешивался с завыванием пурги. Два луча от фар резали темноту в непогоде. Солдат, стоявший у станкового пулемета, тщетно всматривался в пургу, крутя головой по сторонам. Стекло на шлеме постоянно обмерзало, и он, открыв забрало, щурился, пытаясь разглядеть хоть что-то впереди себя. В кузове, прижавшись друг к другу, сидели еще двадцать бойцов Черного легиона, двадцать самых верных солдат Сергея. Сам же он ехал с водителем в кабине.

— Командир, не видно же ни черта. А если нарвемся на людей Князя?

— Рули давай. Приказы не обсуждаются. Лагерь Борова должен быть уже близко.

— Приказы, приказы. Когда уже?

— Ты язык-то за зубами держи. Когда нужно, тогда и будет.

Луч света наконец выхватил из пурги группу людей, похожих на неандертальцев. Они были замотаны в накидки из шкур, отдаленно напоминавшие шубы. Не у всех было огнестрельное оружие, один и вовсе был с вилами. Пулеметчик сверху оживился, припал к оружию, солдаты повскакивали с мест, машина резко остановилась. Неандертальцы тоже схватились за оружие.

— Свои! Отставить! Не стрелять! — открывая дверь и высовываясь из кабины, проорал Сергей. — Спокойно. Мы из Нового Рима. Я от генерала Луция.

— Какого дьявола вас притащило в такую погоду? — подходя ближе к машине и закрывая лицо от ветра, проорал мужик в облезлой меховой шапке. Через плечо у него свисал карабин. Остальные пристально наблюдали за прибывшими, держа оружие наготове.

— Мне нужен Боров.

Сергей спрыгнул вниз и очутился перед старшим группы дозорных, коих было вокруг немало.

— Где вы расположились? — стараясь переорать стонущие порывы ветра, поинтересовался Сергей.

— Чуть дальше, километра три вперед. Там были укрепления воронежских, мы их заняли. Поедете прямо, там будут еще наши ребята из второго кольца оцепления. Они доведут вас до места.

— Сильно вас потрепали?

— Да нет. Мы с ними быстро разделались. Зато теперь трофеев до фи́га, — он оскалился в улыбке. — Разведка четко сработала. Голодать точно не будем.

— Ясно. Будьте начеку.

— Да мы всегда.

Сергей забрался в теплую кабину и захлопнул за собой дверь.

— Долбаные каннибалы. Перестрелять бы их всех. Трогай.

Длинное, вытянутое строение, наполовину разрушенное, с подветренной стороны было занесено снегом почти до крыши. Рядом находилось еще несколько зданий в таком же плачевном состоянии. В разбитых стеклах мерцал свет костра. По периметру, окопавшись, соорудив убежище от непогоды, расположились дозорные. Грузовик, загребая снег бампером, остановился. Мотор сделал последний глоток топлива и затих. Офицер Черного легиона вышел наружу, ветер пронизывал тело до костей. Из пролома в стене появилось несколько вооруженных людей.

— Меня зовут Сергей. Я старший офицер Черного легиона. Боров тут?

— Он-то тут. А вот тебя чего нелегкая притащила в такую погоду?

— Передай, от генерала Луция прибыли. Мне с ним поговорить нужно.

— Ну, раз нужно, пойдём.

— Бойцов моих в тепло заведите.

— Можем даже накормить. У нас сейчас с продовольствием проблем нет.

— Нет, благодарю. У нас свое. Пусть укроются от непогоды, а то окоченели, наверное, пока до вас добрались.

— Да не вопрос, обогреем. Баб бы предложили, да на этом блокпосту их не было.

Они прошли по темному короткому коридору, где уже чувствовался запах жареного мяса и слышались вопли пирующей толпы. Идущий впереди брезгливо пнул покосившуюся дверь ногой. Она звонко отлетела и ударилась о стену, чуть не сорвавшись с петель. Длинное помещение с бетонными полами было разделено на загоны для скотины. Вдоль прохода стояло подобие стола, посередине которого пирамидой были сложены отрезанные головы. Вокруг расположилось человек пятьдесят, не меньше, — приближенные Борова. Сам он сидел во главе стола. Повсюду горели небольшие костры, от которых в продуваемом помещении все же было тепло. Воздух наполнился запахом крови, пота, перегара и жаркого. На столе лежало несколько зажаренных человеческих тел. Пирующие отрывали от них мясо руками, обсасывали кости жирными губами, отрывивая, смеясь и обсуждая недавнюю победу. Слева от входа лежало еще несколько тел, раздетых донага, выпотрошенных и готовых к приготовлению.

Рядом с Боровым находился пленный, которому не посчастливилось умереть. Его привязали ржавой проволокой к бетонному столбу. На расстоянии вытянутой руки стоял эмалированный смятый таз, почти доверху набитый углями, сверху лежала металлическая решетка. На пленном виднелись следы от срезанной плоти, по его лицу, искаженному страхом и болью, тек ручьями пот. Свора Борова пировала, запивая изобилие еды спиртом из канистры.

— Какие люди! — разводя руки в стороны, проголосил Боров. — Какими судьбами? Неужто на ужин к нам заглянул? — его жирное лицо тряслось, словно желе, при каждом сказанном слове.

Сергей снял шлем, продел в него левую руку, правой провел по волосам.

— Я по делу.

— Ну а как же по-другому? По-другому сейчас нам встречаться незачем. Проходи, садись, — Боров кивнул головой на место возле себя. Сидевший рядом с толстяком услужливо вскочил.

Сергей быстро прошел вперед, положил шлем на стол и опустился на скамью.

— Я гляжу, празднуете, — без особых эмоций произнес офицер, наблюдая за тем, как от лежащего тела на столе бородатый мужичок в

старом овчинном тулупе грязными руками отламывает ребра и начинает объедать с них мясо.

— Ужинаем чем бог послал. — Боров заржал, а его тело завибрировало. Шутку оценили соратники, и воздух содрогнулся от тупого омерзительного ржания. — Так зачем я понадобился генералу?

Боров повернулся к привязанному человеку. Жертва дернулась. Стекланный взгляд устремился на мучителя. Человек тяжело и отрывисто задышал, потом стал молить о пощаде. Когда нож вошел в бедро, а металл заерзал туда-сюда, отрезая кусок плоти, бедолага взвыл. Черная кровь, пульсируя, хлестала из раны. Глава каннибалов оценивающе посмотрел на добрый шматок мяса, плюхнул его на решетку. Кусок звонко зашипел над раскаленными углями, а в воздух поднялась струйка сизого дыма. Кто-то из приближенных ловко перетянул ногу проволокой, останавливая кровь и не давая жертве отойти к праотцам.

— Так ты чего молчишь? — обратился он к Сергею, отрываясь на секунду от приготовления «стейка». — Может, выпить хочешь? Пойло хорошее, аж до задницы пробирает.

— Нет. Благодарю. Я прибыл узнать о Виталии. От него давно нет вестей, и он перестал выходить на связь. Его люди отвечают за разведку, а сам он должен был еще два дня назад встретиться с генералом.

— Странно, — Боров перевернул «стейк» на другую сторону. — Он был у меня перед тем, как мы отбили этот блокпост. Провел разведку четко. Тут ничего не скажешь. Мы, можно сказать, почти никого и не потеряли. Может, случилось чего?

— Вот это я и пытаюсь понять.

— Хотя стой. Погоди. Эй, Серый! Пойди сюда!

— Да.

— Ты ж людей Виталия принимал?

— Ну а кто ж?

— Ничего не слышал? Может, болтали чего?

— Да нет. Все как обычно. Хотя... — он почесал затылок. — Точно. Был у них разговор один.

— О чем? — насторожился Сергей.

— Говорили, что, мол, как тут закончат, им нужно будет с кем-то еще встретиться.

— Может, с генералом?

— Да нет. Точно нет.

— Может, с Законником? — сдвигая брови, поинтересовался Сергей.

— Может. Да я точно не знаю, просто слышал, что они после нас двинутся на юг.

— Назад? Зачем?

— Да почему мне знать-то? Слышал, что к лесу пойдут вдоль реки, — насупился Серый. — Что слышал, то и говорю. А больше ничего не знаю.

— Ну, ступай, — Боров махнул рукой, и его подчиненный послушно удалился. Главарь каннибалов снял вилкой свой «стейк» с решетки, положил его прямо на стол, отрезал кусок и сунул в рот, прикрыв глаза от удовольствия. Долго жевал. — Знаешь? А я бы сейчас сожрал молочного новорожденного. Ну, от которого еще тянет материнским молоком. Зажарил бы в фольге и прямо бы целиком стрескал, — он открыл глаза и посмотрел на Сергея. — Я слышал, ты и сам был не прочь полакомиться человечинкой? Такое ведь не забывается? Кто стоял на вершине пищевой пирамиды, вниз не падает, — на его лице образовалась улыбка. — Еще какие вопросы есть, офицер?

— Нет, — Сергей, раздраженно схватив шлем со стола, поднялся.

— Мне-то что прикажешь делать? — Боров вновь отрезал кусок и сунул его в рот.

— Ждать распоряжений от генерала. Как метель стихнет, к вам прибудет гонец. Пока тут сидите.

— Так мы и сидим. Только вот проблема. У меня простой дорого стоит. Моих парней кормить надо.

— Кажется, с продовольствием у тебя сейчас проблем нет.

Сергей резко выхватил нож и вонзил его в грудь привязанного человека. Тот встrepенулся и обмяк. Офицер так же быстро вынул клинок и сунул обратно в ножны. Люди Борова мгновенно вскочили с места, взявшись за оружие. Повисла неприятная, напряженная пауза. Толстяк прищурил глаза, потянул воздух, раздувая ноздри, потом злобно ухмыльнулся и жестом руки дал понять своим парням, что все нормально. Они зашипели, словно змеиный клубок, нехотя и медленно опустили на свои места.

— Как прикажете. Вам там сверху виднее, — Боров вновь отрезал кусок человечины. — Что-то еще?

— Ждите приказа. Если Виталий объявится, генерал должен об этом знать. — Сергей развернулся на пятках и пошел к выходу, сопровождаемый прожигающим взглядом Борова.

Глава XXXVI

ЧЕЛОВЕК СО СТОРОНЫ

Марс вышел на полуразвалившуюся террасу, втянул полной грудью прохладный воздух и от ощущения свободы, хоть и мнимой, прикрыл глаза. По затылку пробежали мурашки, как в детстве, когда волос касалась мама. Он помнил ее плохо, но теплое ощущение мурашек всегда ассоциировалось именно с ней.

Даже с закрытыми глазами он почувствовал прожигающий взгляд охранников. Двое крепких ребят потягивали горький дым самодельных папирос. Поежившись, Марс сунул руки в карманы, спустился по лестнице и медленно пошел вперед. Для большинства он был чем-то вроде горящей лампы под иконой надежды, но не стоило забывать, что на площади он убил людей, у которых были друзья, и эти друзья могли отомстить, несмотря на слово, данное Князем.

Марс прошел вдоль развалин, стараясь не привлекать к себе внимания. Шапку натянул ниже бровей, длинный воротник свитера поднял так, чтобы видны остались одни глаза и его никто не узнал. Впрочем, как он ни старался, в новенькой одежде он выглядел белой вороной. За ним не прекращая следило окружение Ярослава.

Справа Марс увидел сидевших на разбитой машине людей, которые негромко пересмеивались. В большой бочке из-под топлива потрескивал костер. Когда поравнялся с ними, они замолчали. Проводив мессию пристальным взором, стали шушукаться за его спиной. Марс хмыкнул, почувствовал себя прокаженным с открытыми гнойными язвами среди благоуханной идиллии. Только почему-то эта идиллия смердела хуже помойной ямы.

Верить Ярославу он не собирался. Этот человек расправится с ним, как только получит свое. Марс поднял глаза на серое небо. Слишком спокойное, словно перед бурей. Снова задумался о Кате. Как она там? Что с ней? Огляделся по сторонам, прикинул, что можно будет попытаться улизнуть во время боя, если, конечно, к нему не приставят надсмотрщиков типа Демьяна.

Он дошел до выхода из так называемой резиденции, но пройти дальше ему не дали, развернули обратно. Гуляй, человечек, гуляй, дыши

воздухом. Тут его, конечно, никто не тронет, но и выйти не позволят. Словно скотина в стойле: кормят, поят, лечат, оберегают, а потом все равно прирежут, ибо держат изначально только для мяса.

Легкое дуновение ветра погнало по земле мелкую поземку, зацепило старую алюминиевую банку и звонко ударило о торчавшую из бетонного столба арматуру. Глупо на что-то надеяться. И так везло слишком долго. Марс подошел к заметной скамейке, смахнул с нее снег и уселся.

— Неплохо устроился, — голос Казака резанул слух. Демьян подошел в окружении доброй дюжины подручных. Холодок прокрался по жилам. — Позволишь?

— Нет. Но ты все равно же сядешь. Так чего спрашиваешь моего разрешения?

— Пытаюсь быть вежливым. Сам понимаешь, приказ.

— Слушай, а если тебе прикажут засунуть голову себе в задницу, сможешь такое исполнить?

— Ха-ха-ха. Очень смешно, — Демьян сел и локтем пробил Марсу по ребрам. Тот согнулся и закашлялся. — Ты шути, шути. Чего перестал-то?

— Что-то живот прихватило. Неожиданно, — отдышавшись, буркнул Марс.

— А-а-а-а, бывает. Ты себя береги.

— Я постараюсь. Я же ваше спасение. Ты пришел попросить у меня благословения перед грядущей битвой? Или, быть может, грешки твои отпустить? Могу и исповедать, если что.

— Почти угадал. Знаешь, я был удивлен, как ты разобрался с моими парнями на площади. Серьезно. Те ребята были не молокососы какие-то, а одни из лучших. Теперь я верю, что ты в одиночку с бандой Змея справился. Сотник был моим другом, моей правой рукой. А ты взял и отсек мне к чертям собачьим конечность. Понимаешь, о чем я? Кто теперь мне его заменит?

— Слушай, я так тебе сочувствую. Помнишь, со мной была девушка? Она тоже была моим другом.

— Вот ты въедливый. Сам остался живой — и радуйся. Пора забыть наши разногласия. Как думаешь? Ты девчонку потерял, я — друга. Может, на этом и порешим? Жизнь продолжается. Ты себе бабу найдешь новую. Хочешь, я сам тебя сосватаю? Мало, что ли, тут девок бродит? За кусок хлеба они знаешь какие чудеса творят? А насчет сотника, так свято место пусто не бывает. Князь подберет кого-нибудь — и будет у меня новый дружок. Разве мало у нас врагов на этом свете? Нам с тобой дружить нужно. Сейчас день прожил — и слава богу. А так, согласись, ко всему дерьму, которое творится, еще ходи и думай: вдруг кто-то не нарочно курок спустит или пику под ребра загонит. Хлоп — и нет человечка. Мессия ты, не мессия — бессмертных-то нет.

— Говорят, был один такой чудотворец.

— Правда?

— Он еще по воде ходить умел.

— А с простреленным черепом он тоже мог бы чудеса творить? Так что ты подумай, хорошенько подумай, дружок, — он хлопнул Марса по плечу, подмигнул ему и, покрутив ус, поднялся. — Пойдем, ребята, нужно посты проверить. А ты сиди и думай.

— Я подумаю. Уже думаю.

Марс встал и пошел обратно под крышу, к теплому камину. Проходя мимо переулка, услышал звон камня, ударившего о ржавый кузов машины. Остановился. Второй камушек угодил ровно ему в голову, да так, что он охнул, схватился за затылок и резко обернулся. В проем обвалившейся стены кирпичного дома скользнуло темное очертание человека. Рука невольно потянулась к поясу, туда, где обычно было оружие. Высокий человек высунулся на мгновение из проема и махнул рукой, призывая к себе. Холодок пробежал по затылку и спустился ниже. Порыв ветра со скрипом опрокинул прогнивший дорожный знак, который ударился о мостовую, подняв легкие пушинки свежеснеженного снега. Внутренний голос упорно советовал Марсу убраться. Он бы так и поступил, если бы голова снова не вынырнула из темноты и уже настойчиво произнесла:

— Пс-с-с-с!

Оглядевшись по сторонам, Марс неуверенной походкой все же направился к темной дыре.

— Иди быстрее, пока не спалили, — донесся сиплый шепот отсюда.

Шаг в неизвестность, мгновенный и тяжелый. Ни черта не видно. Спокойное дыхание над головой. Незнакомец явно выше ростом, притом намного. Если не убил, значит, хочет чего-то. Может, благословения?

— Привет, — голос показался знакомым.

— Я тебя знаю?

— Пашка я. Ты чего, не признал, что ли? Я ж тебе еще рукой махал, когда тебя вели показать толпе. Ну ты, брат, даешь. Как тебя сюда угораздило попасть-то? Ну-у-у, — легкий толчок в плечо слегка пошатнул Марса. — Я как узнал, что ты у Князя, сразу со своими людьми к нему направился. Лизка-то где? Соскучился по ней, сил нет.

Марс стоял словно оглушенный взрывом. В голове только пронзительно звенел тонкий звук. Глаза понемногу привыкли к темноте. Теперь более или менее можно было разглядеть здоровяка Павла, главу правобережных. Он что-то говорил и говорил, жестикулировал, даже прижал к себе ватное тело Марса.

— Мы-то после того, как ты ушел, в бега подались. Да-да. Хорошо хоть Лизу к тебе отправил. Знал, что с тобой ей лучше будет. Она еще, дуреха, сопротивлялась. Ты словно кремень, Марс, — он хлопнул Марса

по плечу. — А нас, прикинь, эти твари из Нового Рима обложили. Неделя прошла, как спокойно пожили, и тут на тебе. Грузовики с их головорезами. Отборные солдаты, экипировка, оружие. Короче, все как положено. Мы сутки продержались с боями. А потом стало ясно, что уходить нужно, не выстоим. Еле ноги унесли, многих положили. Скитались долго. А что делать? С нами и дети, и старики. Не бросишь же их. С родной земли, суки, выгнали. Один раз чуть на каннибалов Борова не наткнулись, те всей толпой на юг двигались, наверное к «Огненным братьям». Короче, потом слухи до нас дошли, что, мол, мессия объявился у Князя. Я сразу понял, что речь о тебе. Ну мы сюда и двинули. Вот видишь, снова встретились. Уж и не чаял, — он вновь обнял собеседника, словно родного, прижал к себе так, что затрещали кости. — Ну, рассказывай, как вы. Крестница-то моя где?

— Нет ее, — Марс высвободился из объятий, отшагнул назад, опустил голову.

— В каком смысле? — у Павла еще слышалась радость в голосе.

— Убили ее.

Слова, стократно отражаясь от стен, прорезали сознание здоровяка. Он склонил голову набок и оцепенел.

— В каком смысле? — почти по буквам выдавил из себя Павел.

— В прямом, — на выдохе ответил Марс. — Нет ее больше, Паша. Убили ее люди Князя.

— Ты...

— Думаешь, я в этом виноват? Нет. Ты. Ты отправил ее ко мне, а от меня одни несчастья. Я никакой не мессия. Я приношу только страдания тем, кто рядом со мной. Все умирают. Понимаешь? И я бы позволил тебе убить себя, но даже этого я сделать не могу. Не потому, что не хочу, а потому, что не могу. Потому что должен помочь своему другу. Единственному, кто еще остался в живых. Надеюсь...

Павел подошел вплотную, взял Марса за грудки и потрянул так, что у того потемнело в глазах.

— Другу?! А для моей крестницы ты кем был? Я думал, ты...

— Я просто человек, Паша. Просто человек. Я не могу творить чудеса, летать, оживлять мертвых. Очнитесь же вы все наконец!

— Она мучилась?

— Очень. Она мучилась сильно и долго. Она женщина, а ты знаешь, что с ними делают.

Павел оттолкнул его с такой силой, что Марс отлетел назад, споткнулся о грудку мусора и упал.

— Почему?

— Что «почему»? — поднимаясь, спросил Марс.

— Почему ты допустил это?

— Потому что их было много, а нас двое. Потому что меня разоружили, избили и связали, потому что я не бог и не мессия, который может щелкнуть пальцами и поразить всех взглядом. Понимаешь? Я бы сделал все, чтобы помочь ей, но так случилось. Я не могу ничего исправить. Если тебе станет легче, я убил четверых из них там, на площади. Но лично мне легче от этого не стало.

— Мне тоже от этого не легче!

Удар пришелся Марсу в область виска. Когда очнулся, он был уже один. Голова раскалывалась. Он потер рукой ушибленное место.

— Хорошо приложил. Вот зараза.

Сел, окинул взглядом обстановку. В ушах звенело. Плюс был только один: теперь его одежда будет меньше отличаться от одежды остальных. Размазав по ней грязь, Марс встал и, пошатываясь, пошел к дыре, держась рукой за больную голову. «Ну вот мало у тебя врагов? Теперь еще один будет. Странно, почему не убил?»

На улице ветер уже лихо завывал. Марс черпанул горсть снега, приложил к ушибленному месту. Черное небо опустилось почти до земли, сквозь пургу слышались какие-то голоса и ощущалась суета. Мимо пробежали пятеро, вооруженные, нервные, о чем-то спорили. Когда увидел их выбегающими из пурги, подумал, что за ним, но нет, на него не обратили никакого внимания. Побрел к себе, словно пес в будку, держа холод на больном месте.

— Ты где шатаешься? — голос Демьяна пронзил пургу, когда Марс почти дошел до места своего заточения.

У ступеней стояло еще человек двадцать. Ясно было, что это не просто солдаты, а главари отрядов и общин. Слишком хорошая одежда и оружие. Все о чем-то спорили.

— Гулял.

— А с рожей чего?

— Упал. Скользко, — он отбросил нерастаявший кусочек снега в сторону. — Что за собрание?

— Пошли, тебе там все растолкуют.

Казак махнул рукой, человек десять окружили Марса плотным кольцом и провели в дом, расталкивая всех. Сам Казак сопровождал Марса к столу, за которым сидел Ярослав со своим сыном и приближенными.

— Ну слава богу! Я уже переживать стал. Да и мои люди волнуются. Что с лицом?

— Упал, — ответил Марс. — Стряслось чего?

Собравшиеся смотрели на Марса как на идола. В их глазах читались и надежда, и сомнение. Он стоял перед ними, из плоти и крови, простой человек, да еще и с разбитой рожей, но в него верили как в спасителя. Поэтому Ярослав подошел к нему и слегка преклонил голову, указав на место рядом с собой.

— Прошу, присаживайся.

Марс окинул собравшихся взглядом — теперь в их глазах была вера. Если голову преклоняет сам Ярослав, что остается им? Только верить. Словно желторотые птенцы, они смотрели на него, готовые к приему любой ахинеи, которой он их накормит в угоду Князю. Прищурился глазом на ушибленной стороне лица, истинный мессия прошел вперед и занял оставленное специально для него место.

— С твоего позволения, я начну, — обратился к нему Князь

Марс кивнул. Представление началось, и нужно было соответствовать распределенным заранее ролям. Зритель должен верить, иначе отдавать жизни за идеи Ярослава никто не захочет.

— Я собрал вас всех для того, чтобы объявить неприятную весть. Объединенная армия «Огненных братьев» подошла к границам наших земель. Ее основа — это Черный легион, солдаты Нового Рима, хорошо обученные и экипированные. В их распоряжении есть даже бронетехника. Командует легионом генерал Луций. Надеюсь, объяснять, кто это, не надо.

— Твою мать!

— Да нам тогда хана.

— Неужто сам лично ведет армию? Я на это не подписывался, и мои люди тоже, — поднялся коренастый и широкоплечий мужичок с косматой бородой. За ним встали еще несколько. Начался гомон.

— Вы пришли сюда ради лучшей жизни? В поисках новой веры и чуда? — вступил Марс, заставив всех затихнуть. — Если вы покинете нас, вы покинете и себя. Если к чуду не стремиться и ничего для него не делать, оно вряд ли произойдет. Если бы я не сражался, я бы погиб. Чудеса случаются там, где в них верят, там, где есть согласие и стремление. И чем больше вера, тем больше вероятность, что чудо произойдет. Вы все слышали обо мне, видели, на что я способен. Так чего вы боитесь?

— Ходят слухи, что генерал Черного легиона бессмертен.

— Ходят слухи, что и меня не существует. Однако я перед вами.

На лице Ярослава появилась еле заметная улыбка. Бог должен быть жестоким и сильным. Слабый никому не нужен. Слабый уже был.

— Почему мои люди должны умирать тут? Генерал не знает жалости. Говорят, его никто не может победить. У меня и так, в принципе, есть все, и ваша вера в лучший мир мне не нужна.

— Конечно, у тебя есть все, — Марс пристально посмотрел на бородача. Кулончик снова стал тяжелым и горячим. В голове что-то щелкнуло. — Твое «все» — это жалкое существование, вечный голод и страх смерти. Я же предлагаю вам новый мир. Я предлагаю вам рай.

— Да-а-а-а! — проорал Ярослав. Его подхватили все, кто был рядом.

После этого была разработана стратегия дальнейших действий, распределены участки обороны и засад. Потом все разошлись и Марс с Ярославом остались наедине.

— Потрясающе. Нет, серьезно. В тебе, оказывается, много скрытых талантов. Ты удивил не только их, но и меня.

— Да я и сам... — Марс потер рукой область груди.

— Кстати, забыл тебя познакомить с одним моим хорошим другом. Когда мир покотился к чертовой матери, мы долго с ним были вместе, старались выжить. Потом наши дорожки разбежались. У каждого были свои мечты и идеи. Он возглавил свою группу, командовал ею довольно успешно. По воле случая он тоже пришел сюда в поисках мессии и привел своих бойцов под мою крышу. Я хочу назначить его на место погибшего сотника. Я знаю: мои люди раздражают тебя. И многие из них обидятся, так как они метят на эту должность, но, я думаю, в нынешней ситуации пусть лучше это будет человек со стороны.

Входная дверь хлопнула, раздались уверенные, твердые шаги.

— Кстати, вот и он, — развернулся на звук Князь. — Рад тебе представить Павла.

Глава правобережных уверенно подошел к Марсу и протянул руку, как будто впервые видел его.

— Павел.

— Марс.

Здоровая лапа обхватила руку и сжала ее до хруста.

— Рад лично познакомиться с тобой. Наслышан о многих твоих деяниях.

Глава XXXVII

РАДИ КОГО ОН ЭТО СДЕЛАЛ

Висевшее на кресте тело облаком окружили мухи. Солнце высоко поднялось и безжалостно испепеляло гору. Луций приблизился. Песок скрипнул под армейскими калигами.

Голова распятого свисала. Терновый веноч шипами раздирал кожу на лбу. Потрескавшиеся губы что-то шептали. Генерал прислушался.

— Не... человек...

— Что? — Луций поднял голову.

Мухи ползали по лицу несчастного, но он не реагировал. Его глаза были прикрыты.

— Ты не такой уж плохой человек...

Луций вздрогнул. В его палатку вошел Влад и отрапортовал:

— Генерал, у лагеря посыльный от Виталия. Просит его принять. Говорит, что Сергей попал в засаду и окружен.

Луций провел рукой по лицу, отгоняя видение. Он приказал вести бойца к нему и потянулся за стаканом с остатками остывшего чая.

Засада? Сергей нашел Виталия, и они попали в засаду? Он попытался проанализировать полученную информацию, бросил взгляд на карту. В метели все может произойти. Однако слепы не только они, но и люди Князя. Случайно нарвались на разведчиков? Тогда при чем тут засада? У Виталия почти двести бойцов, у Сергея еще двадцать два человека плюс пулемет на машине. Что за бред? Он водил пальцем по карте, прикидывая, где бы могла быть устроена западня, но не находил такого места.

За стенами палатки слышались голоса. Бас Влада заглушал вой ветра. Через мгновение входной полог распахнулся. Внутри ввели бойца в белом камуфляже, закапанном кровью. Генерал пристально осмотрел вошедшего.

— Влад!

— Да, генерал.

— Готовь людей. Усади их в три грузовика.

— Броневики нужны?

— Нет. Толку от них больше будет в лагере.

— Когда мне выступать?

— Как только я кое-что уточню. А ты, — он бросил взгляд на солдата, — рассказывай, что да как.

Человек Виталия, прихрамывая, подошел к карте и ткнул пальцем. Река, лес и поле. Ничего особенного.

— Я слушаю.

— Мы помогли Борову взять точку. После этого направились к Законнику. Действовали по установленному плану. Но началась метель. Говорят, — солдат понизил голос и пристально посмотрел на Луция, — это он ее вызвал.

— Кто он?

— Мессия. Пророк, пришедший спасти мир и установить новый порядок на земле... Они напали из пурги, неожиданно. Со всех сторон нас обложили, словно выросли из-под снега. Мы еле успели окопаться и встать в оборону.

— Не носи чушь! — генерал схватил его за грудки. — Что ты тут сказки рассказываешь? Какой мессия?

— Я говорю правду. Клянусь. Этот парень словно, мать его, демон. Они нас там потрепали не на шутку.

— Мой офицер как с вами оказался? — отталкивая от себя наемника, прокричал Луций.

— Вы же сами его послали найти нас. Мы в окружении были. Говорю же, что нам помощь нужна, а вы тут меня допрашиваете. Сергей, когда от Борова выдвинулся, наткнулся на людей Князя, пробился с боем к нам, и мы вместе заняли оборону. Если вы не поможете, они там всех положат. И так времени много прошло, пока я к вам сюда добрался.

— Сколько их?

— Я не знаю. Много. Больше, чем нас. Мы взяли одного в плен, раненым. Он сказал, что часть пойдет на ваш лагерь, часть нападет на Борова.

— Как же ты прошел сквозь них?

— Я был в группе из пятнадцати человек. Больше никто не выжил! — солдат ударил по столу кулаком. — Вы все еще не верите мне? Какого черта?! Мы в союзе с «Огненными братьями», вы обязаны нам помочь!

— «Огненные братья» остались в Новом Риме. А я вам ничем не обязан. Единственное, почему я пойду на риск, так это потому, что там мой офицер, — рывкнул генерал, потом выдержал паузу и спросил: — Какой шлем у Сергея?

— Красный, как у всех ваших офицеров.

— Что за рисунок на нем?

— Череп на затылке. Что за дурацкие вопросы?

— Влад!

— Да, генерал.

— Останешься тут. Я поведу людей сам. Посмотрим, что там за мессия. Всех в боевую готовность. Примете удар, если он будет. Сами в бой не лезьте. Просто сдержите атаку и ждите меня.

— Может, лучше мне пойти?

— Нет, Влад, я хочу сам посмотреть, что там такое. Если этот мессия бросил мне вызов, я его приму. Эй, ты, — крикнул он посыльному, — со мной поедешь.

Выехали из лагеря на трех машинах. Наемник указывал дорогу. Генерал стоял на кузове рядом с пулеметчиком. Через три часа прибыли.

— Туда, — солдат, посмотрев на компас, указал в сторону деревьев, проглядывающих сквозь пургу.

— Что-то слишком тихо, — прищурился генерал.

— Может, всех положили?

Через пару сот метров показался грузовик, очень напоминающий тот, на котором уехал Сергей. Рядом лежали тела нескольких солдат, запорошенные снегом.

— Я же говорю, всех положили. — Солдат спрыгнул с кузова и побежал вперед.

— Стой! Стой, твою мать! Куда?! — заорал генерал.

— Они здесь! Они здесь! — внезапно закричал наемник и упал в снег.

Из грузовика заработал пулемет. Лежавшие в снегу трупы повскакивали и открыли огонь на поражение. Свинец крошил автомобиль генерала. Луций чудом среагировал и соскочил на землю. Легионеры пытались выбраться из машин. Справа и слева из-под снега поднимались люди и расстреливали их. Раненые орали, живые открывали ответный огонь. Из пурги прилетела граната и подорвала одну из машин вместе с солдатами. Живые факелы разбегались в стороны, падали в снег и катались.

— Отходим! Отходим! — командовал Луций, пытаясь перекричать шум боя.

Солдаты Черного легиона перегруппировались и слаженно отошли, неся большие потери. Позади, словно призрак, появился Сергей со своими бойцами, двигавшимися цепью. Увидев его, Луций улыбнулся.

— Наконец-то! Чего так долго? Прикрой нас.

Сергей поднял руку, то ли приветствуя командира, то ли отдавая приказ солдатам.

— Прикрой нас, пока мы отойдем! — проорал генерал.

Рука офицера в красном шлеме резко опустилась, а его люди открыли огонь по отступающим к ним солдатам. Подорвалась еще одна машина. Наемники Виталия сжимали кольцо. Сергей вскинул автомат и,

прицелившись, нажал на курок. Черный ствол АК рванул вверх и вправо, выпуская очередь раскаленного свинца. Грудь Луция обожгло, а тело отбросило назад. Генерал упал навзничь. Дышать стало тяжело, внутри что-то хлюпало и булькало. Раньше он такого не испытывал. Рука судорожно искала на поясе меч, но сил обнажить его уже не было. В ушах — выстрелы и стоны, взрывы, а потом — тишина.

Хлопья снега падали на лицо генерала. Он ловил воздух ртом отрывисто и судорожно. Кровь подступила к горлу. Над головой показалось очертание Сергея. Он поднял стекло шлема, смотря на лежащего командира сверху вниз. Теперь генерал отчетливо видел лицо предателя. Сомнений не осталось.

Через лежащее тело Луция переступил Виталий:

— Нужно добить раненых. Никто не должен знать, что тут произошло.

— Пусть твои люди этим займутся и обставят все так, будто это сделали бойцы Князя.

— Не вопрос. — Главарь наемников перевел взгляд на умирающего. — А ты говорил, его убить нельзя.

— Он еще не мертв.

— Так за чем дело стало? — Виталий вынул нож-бабочку и протянул его Сергею. — Ну, надеюсь, я с тобой не прогадал.

— Я же сказал, что займешь мое место.

— Тогда режь поросеночка.

Генерал медленно хлопал глазами, перед которыми все плыло и мутнело.

— Они боялись тебя, да и сейчас боятся, — девушка с большими карими глазами опустила полотенце в воду и приложила к ранам. Стало прохладно.

— Ты ушла, потому что тоже боялась меня? — бормотал генерал, но его никто не слышал. Губы только подергивались.

— Да, — робко ответила она. — Ты стал другим.

— Меня сделали таким.

— Нет, тебя только подтолкнули к этому, а все остальное ты сделал сам, Луций. Когда я тебя встретила, в твоих глазах был огонь. Когда я уходила, твои глаза были мертвы. Ты сделал свой выбор. У каждого есть выбор. Тебя все время водили за нос. А теперь ты будешь свободен. Оставь этот мир.

— Я не могу. Хочу к тебе, но не могу. Что-то держит.

— Не что-то, а кто-то, — она улыбнулась, мутный облик прояснился.

— Ты не Татьяна. А она не ты.

Сергей склонился над телом, и эти слова он разобрал отчетливо.

— О чем ты, генерал?

— Она не моя Мария.

— Кончай его. Пора уходить.

Сергей схватил Луция за подбородок, подтянул к себе, оголяя шею, и резким движением перерезал сонную артерию. Генерал вздрогнул. Алая кровь фонтаном вырвалась из раны. Луций еще подергивал ногами, сгибая и разгибая их в коленях. Рука судорожно искала рукоять меча. Сергей не без опаски наблюдал, как жизнь покидает его командира, которого он раньше считал богом. Теперь богом будет он, а богиней та, ради кого он это сделал. Тело в последний раз дернулось и застыло. Генерал умер. Да здравствует генерал!

Александр раскрыл рот, из которого шла кровавая пена, его зрачки закатились под веки, тело забилося в конвульсиях. Трясущейся рукой он обхватил шею, словно зажимая невидимую рану. Сил больше не осталось, ни на Тринадцатого, ни на самого себя. Александр исчерпал все свои жизненные ресурсы и теперь лишь хрипел, сидя на своем троне в своей комнате, ставшей для него склепом, и ожидая приближения неизбежного.

Татьяна плавными движениями резала мясо и аккуратно складывала кусочки в большую миску из нержавеющей стали. Лезвие скользило по красным волокнам. Лицо девушки на секунду искривилось, и она, отложив нож, быстро поднесла большой палец ко рту. Неприятные ощущения сменились улыбкой, когда она оторвала от губ свой пальчик. Кровь тоненькой струйкой текла из раны. Она смотрела на порез, словно замороженная. Рана не затягивалась на глазах, как раньше, палец немного подергивало. Давно забытые ощущения. В голове пронеслось только одно: неужели все? Неужели больше не нужно бояться, что Луций поймет, кто она? Неужели теперь она сможет вздохнуть спокойно, спать спокойно и не играть в навязанную Александром игру?

Она подошла к клетке с тремя питбулями. Еще вчера Татьяна перевела своих питомцев к себе. Они, виляя хвостами и становясь на задние лапы, поскуливали от радости и преданно смотрели на хозяйку.

— Знаешь, почему я люблю собак?

— Они не предают своего хозяина, — Законник сидел за столом и курил сигарету.

— Именно, — она обернулась к собеседнику, смотря на лежащую перед ним книгу.

— Но собаки не могут выбирать. — Он затянулся и выпустил облако дыма. — Александр пережил сам себя. Его должен был кто-то заменить, и его пса тоже. Сильный всегда пожирает слабого. Сдохнуть со всем миром в мои планы совершенно не входило, как и ускакать в его Млечный путь. Я хочу еще немного пожить, и пожить нормально.

— Я ценю твое решение, ты сделал правильный выбор. Тебя хорошо вознаградят. После того как мы расправимся с Князем, будешь править его землями.

— Надеюсь, Борова не пустят в город?

— После окончания войны твои люди и мой Черный легион во главе с Сергеем расправятся с остатками каннибалов. А сейчас, извини, нужно попрощаться со старым приятелем. Если, конечно, еще будет с кем прощаться.

Она открыла клетку, взяла со стола книгу и удалилась. Ее питомцы последовали за ней.

Александр пытался собраться с последними силами, но тщетно. Его передернуло.

— Тринадцатый, — с шипением протянул он, медленно склонился и тяжело рухнул с трона.

Учитель беспомощно лежал на полу и хрипел. Силы окончательно покинули его, роковой час был уже близок. Он слышал разговор за дверью, слышал, как скрипнули петли, видел, как ноги девушки медленно приближаются к его телу, а за ней, цокая когтями по полу, следуют ее псы.

— Вижу, ты не очень хорошо себя чувствуешь, великий учитель, — она отодвинула стул и присела, кривя лицо от запаха гнилой плоти, коим была наполнена комната Александра. — Если честно, я не ожидала увидеть тебя еще живым. Хотя очень на это надеялась. Посмотри, — она показала рану на пальце, — видишь, она не заживает. И ты знаешь почему. Ты утратил свои силы. И теперь Луций умрет. И ты больше не сможешь воскресить его. Никогда! Наконец-то я перестану притворяться, перестану быть куклой в ваших руках, перестану дарить ему свое тело. Как вы мне все осточертели! Ваши правила, ваша вера, ваша напыщенность. Ох как долго я мечтала вам всем отомстить за то, что вы сделали со мной, с моей семьей, с моей жизнью. Сначала отняли у меня все, потом дали могущество, потом отняли и его, превратив в шлюху. Хватит. Теперь я буду на вершине мира, а ты вместе со своими богами уйдешь в небытие. Тебя все предали, великий учитель. Из высших существ теперь осталась только я. Думал обхитрить меня? Думал, что ваш Тринадцатый вспомнит все и убьет меня? Не вышло. Вы хотели уничтожить мир — я же дам людям новый шанс. Останется убрать с дороги только выродка Луция, и ваше правление на земле закончится, — она швырнула книгу в камин. — Теперь я бог.

— Теперь ты всего лишь человек.

— Заметь: свободный от вас человек!

— Хозяин видит все, — еле прошептал Александр. — Хочешь быть как они? Глупая ты девчонка. Они не позволят. Мы всего лишь игрушки.

— Я уже как они. Фас.

Псы бросились на беспомощное тело и стали рвать на куски великого учителя «Огненных братьев». Татьяна смотрела не отрываясь на страшную картину. Пламя в камине жадно пожирало последние сохранившиеся сведения о Тринадцатом. На лице девушки появилась улыбка. Старые мосты сожжены, теперь нужно возводить новые.

Глава XXXVIII

ВОСХОЖДЕНИЕ

На полу было разбросано то, что осталось от тела Александра. Татьяна сидела за столом. Один из псов лежал у нее в ногах и обгладывал часть руки учителя. Два других питомца, ощетинившись, рычали на стоявших в дверях Беса и великого пастыря Ивана. Псы сорвались в лай и уже бросились было на них, но Татьяна властным голосом остановила ощетинившихся собак, из раскрытых пастей которых стекали слюни. Их хозяйка лишь улыбалась, глядя на ошарашенных посетителей. Она потянулась к бокалу с вином, но прежде чем сделать глоток, произнесла:

— К моему глубокому сожалению, наш великий учитель Александр умер. Он отправился в свой Млечный путь. Только истинный бог может быть бессмертным. Мы же все смертны. Как ни печально это признавать, но его час пробил, и мы будем скорбеть об этой утрате.

— Мерзкая девка! — взревел великий пастырь. Его седая борода вздрогнула. Он откинул свой красный капюшон с черной каймой и хотел броситься к телу Александра, но псы вновь залаяли и остановили его. — Что ты натворила?!

— Тише, тише, старый ты дурачина. Я же сказала, Александр окончил свою проповедь и завещал всем долго жить и следовать верным путем. Перед смертью он возжелал видеть меня на его месте.

— Ты лжешь! О великий бог «Огненных братьев», покарай эту отступницу! Она чарами погубила нашего учителя. Он никогда не говорил, что собирается поставить тебя на свое место. Тебя стоит предать суду, очистить твоё тело и направить душу в Млечный путь.

— Бла-бла-бла, — девушка нагнулась и потрепала пса за ухом. Тот оторвался от еды, задрал морду, прикрыл глаза от удовольствия.

— Да как ты смеешь?!

Бес стоял молча, переводя взгляд то на Татьяну, то на Ивана, ожидая, чем закончится перепалка.

— Смею, Иван, смею. — Она сделала несколько глотков, потянулась на стуле и, улыбнувшись, пренебрежительно зевнула.

— «Огненные братья» не поддержат тебя. Ты всего лишь орудие, как и генерал. Истинная власть должна принадлежать братству. Бес,

заточи ее в камере, — пастырь судорожно ткнул в Татьяну сухим старческим пальцем, но начальник гвардии стоял неподвижно. — Выполняй приказ! Гвардейцы служат ордену!

— Значит, ты сделал свой выбор, — задумчиво произнесла девушка.

— Бес, выполняй приказ!

— Ну конечно, гвардейцы служат ордену. Но подумай, Бес, кому служит Черный легион? — она подмигнула ему и снова приложила к вину.

Начальник гвардии оживился, схватил Ивана за седые длинные волосы и, упершись ногой под колено, опустил старика на землю.

— Изменник! Ты будешь гореть в пламени, когда предстанешь перед истинным творцом! Вы все будете гореть! Все!

— Это будет еще не скоро, а сейчас я пытаюсь сохранить себе жизнь, как и все, — спокойно ответил Бес и взглянул на свою новую повелительницу.

— Глупый старичок, твое время прошло вместе с кончиной Александра. Я надеялась, что ты сделаешь правильный выбор, но ты, старый маразматик, упираешься и несешь чушь. Ну да ладно. «Огненные братья» — это пережиток прошлого. С вами пора прощаться.

— Ты будешь проклята, мерзкая ведьма!

— Я проклята уже так давно, что тебе даже и не снилось. И скажу тебе напоследок: из проклятых осталась только я одна.

— Думаешь, сможешь стать как великий учитель? Тринадцатый вернется и отомстит за нас.

— Тринадцатый? Хочу тебя огорчить. Он сейчас наверняка бежит вслед за твоим любимым Александром по вашей млечной дорожке.

— Его нельзя убить. Он бессмертен. Это его проклятие, глупая ты девчонка.

— Бес, — она перевела взгляд на гвардейца.

— Да, госпожа.

— Отправь его в Млечный путь к их истинному богу. Они же так мечтают об этом.

— Воля ваша.

Бес мгновенно выхватил кинжал, острие впилося под лопатку старика, скользнуло по ребрам, пронзило легкие и сердце. Кинжал на мгновение показался из груди и нырнул обратно в плоть. Старик всхлипнул, его глаза округлились, а тело вытянулось, чуть загнувшись назад. Гвардеец оттолкнул его от себя, и великий пастырь Иван рухнул вперед. Бес достал из кармана смятый, заляпанный темными пятнами платок, вытер клинок и убрал в ножны. Татьяна удовлетворенно кивнула головой.

— И что теперь мне делать, госпожа?

— Командовать своими людьми, под моим чутким руководством, — резко проговорила девушка.

— Боюсь, у проповедников, оставшихся без великого пастыря и своего истинного учителя, возникнет много вопросов по поводу произошедшего, — Бес вытянулся по струнке и склонил голову.

— Не возникнет, — ее голубые глаза налились злобой.

— Резать всех? — догадался гвардеец.

— О-о-о-о, вижу, главного палача и командира гвардии Нового Рима можно ничему не учить. Он понимает все практически без слов. — Татьяна подняла бокал, показывая, что выпьет за Беса, и улыбнулась.

— Я не первый год живу, моя госпожа.

— Когда закончите с фанатиками, принеси мне голову девчонки.

— Как прикажете.

— И приведи ко мне китайца. Я сама вырву ему сердце.

— Да, госпожа.

Гвардеец кивнул и вышел за дверь.

Маленькая комната, стол, стул, кровать и самодельная печь — все удобства, дозволенные высшему составу Черного легиона. Генерал не любил излишеств сам и не одобрял их у подчиненных. Доев паек, Шон скомкал остатки и выбросил в огонь. Взял со стола меч, закинул его в ножны за спину, натянул на голову капюшон и, захватив пакет со съестным для Кати, вышел из своей каморки.

Он пересек площадь и ускорил было шаг, но тут же встал столбом: нога вляпалась в красное. Кровь, сомнений не было. Но откуда? Шон осмотрелся. Из кустов торчали человеческие ноги. Медленно достал катану, подошел ближе, отодвинул мечом ветки. На земле лежал проповедник в красном балахоне, смотрел в небо стеклянными глазами, правой рукой прижимая рану на боку.

— Я иду в Млечный путь, я иду в Млечный путь, — слабо бормотал слугитель «Огненных братьев».

— Эй? Кто тебя так?

— Гвардейцы. Они убивают нас, — слугитель снова забормотал о том, что он улетает к своему богу.

— Гвардейцы? Какого черта?!

Но пояснений Самурай не услышал. Раздались отдаленные хлопки выстрелов. На парапете второго этажа, прямо над подвалами с камерами, Шон заметил возню и кинулся туда. Двое гвардейцев прижали к парапету слугителя веры, третий, смеясь, отрезал ему голову. Увидев Самурая, он остановился и выпрямился, так и не закончив свое кровавое дело.

— Чего застыл? Давай режь.

— У нас гости, парни, — палач кивнул в сторону Шона.

— Какого черта вы делаете? — заорал на них Самурай и сделал несколько шагов навстречу.

Теперь уже перед Шоном стояли все трое. Мертвец слегка подергивался, словно пытаясь уползти.

— Приказ повелительницы Татьяны, — отрапортовал палач.

— Кого? — кисть крепче сжала меч.

— Александра больше нет. Татьяна возглавила Новый Рим. «Огненных братьев» приказали пустить в расход.

— Генерал в курсе происходящего?

— Мы не служим генералу. Мы подчиняемся нашему командиру, а он — великой Татьяне.

Самурай склонился влево и посмотрел вниз. На площади лежало еще с десятков тел служителей. Стрельба и крики теперь слышались отчетливо и повсюду. Он убрал меч в ножны и перевел взгляд на гвардейцев.

— Слава великой Татьяне!

— Татьяне слава! — проголосили ему в ответ гвардейцы и вновь занялись своей жертвой

Самурай развернулся и поспешил к камере, где сидела Катя. В голове уже складывалась нехорошая картинка. Бессмертный Александр мертв. Как такое возможно? Если умер Александр, что тогда с генералом? И что вообще творится? Идеальный мир, который хотел построить Новый Рим, рушился на глазах, и Самурай не понимал почему.

У дверей, где держали пленницу, дежурили четверо вооруженных здоровых мордоворотов. Они явно ждали его.

— Эй, ты! Иди сюда, — приказал один из гвардейцев.

— Я? — произнес Самурай так, словно тут был еще кто-то, к кому они могли обратиться.

— Ты-ты. Иди сюда. Открой дверь, нам нужна девчонка. Приказ великой Татьяны. А тебя велено сопроводить к повелительнице.

— Как прикажете.

Шон достал ключи и без всяких разговоров открыл дверь камеры. Катя при виде гвардейцев вжалась в угол. Они толпой вперлись в маленькую камеру, оставив Самурая позади себя, и слишком поздно поняли свою ошибку. Три трупа свалились на пол. Когда старший из гвардейцев обернулся, то увидел лишь, как катана пронзила его тело. Клинок вошел снизу в брюхо и, проткнув внутренности, вышел из спины. Самурай провернул меч в теле, отчего жертва привстала на цыпочки. Так же мгновенно катана выскользнула обратно. Гвардеец упал на колени и уперся лбом в живот Шона. Он оттолкнул гвардейца в сторону, резким движением меча смахнул с клинка кровь и убрал его за спину.

— Шон, что происходит? — дрожащим голосом бормотала Катя и еще больше вжималась в стенку. — Ты пришел убить меня? Тебе приказали? Ты убьешь меня? Да?

— Вставай. Нужно уходить, — он схватил ее за руку. Катя лишь кивнула, прижимая к себе свою куклу. — Идешь за мной и делаешь все, что я тебе говорю.

Они окольными путями прошмыгнули к воротам, которые, на удивление, были открыты. Раньше тут стоял взвод охраны. Теперь — только двое бойцов. Все остальные, по-видимому, были увлечены расправой над «Огненными братьями». Над воротами висели вздернутые за шею проповедники Млечного пути. Их тела болтались, раскачиваемые ветром.

— Ничего не бойся. Просто иди рядом и ни с кем не разговаривай. Нам нужно покинуть город.

Катя кивнула и пошла след в след за Самураем. А Шон думал только об одном: как бы скорее добраться до генерала.

Вход преградили охранники, но Самурай даже не дал им открыть рта.

— Убирайтесь с дороги! У меня срочное послание от великой Татьяны к генералу Луцию!

— Нас не предупреждали, — передергивая затвор, ответил один из стражников.

— Солдат, ты разве не знаешь, кто я такой? — Самурай схватил гвардейца за грудки. — Хочешь болтаться вместе с красными над входом? Зови тогда сюда Беса. У меня нет времени ждать. А я посмотрю, что он с вами сделает, когда узнает, ради чего его оторвали от веселья.

Гвардейцы переглянулись: все знали о Бесе, славящемся жестокостью и непредсказуемостью. Шон оттолкнул от себя замешкавшегося охранника.

— За мной! — скомандовал он Кате и, не оборачиваясь, зашагал вперед.

Вышли за ворота, и Катя увидела, как ее спутник облегченно вздохнул и пошел расслабленно. Позади них на стенах дежурили люди. Шон знал об этом, но гвардейцы сейчас больше смотрели внутрь города, нежели за его стены. Все интересное теперь творилось в самом Новом Риме. Нужно было уйти как можно дальше. К вечеру они дойдут до спрятанных квадроциклов (техника была специально разбросана в разных местах за городом на непредвиденные случаи). Он возьмет один из них и отправится к генералу. Чтобы сбить с толку возможную погоню, сделает крюк на запад, а потом лесами поедет туда, где должен быть Луций.

Глава XXXIX

ПРОЛЬЕТСЯ ЕЩЕ МНОГО КРОВИ

Метель стихала. Ветер успокоился, снег падал медленно и ровно крупными пушистыми хлопьями. К обеду совсем прояснело и уже стала видна на горизонте линия покосившихся высоковольтных столбов. Многочисленные мелкие развалившиеся здания торчали из-под снежного покрова. Солнце с трудом пробивалось сквозь густые серые облака. Колонна, возглавляемая Сергеем, вышла к расположению Черного легиона и была встречена дозорным отрядом, который сопровождал пришедших в лагерь.

— Сергей? Живой! Где машина? Где генерал? — выскочил из палатки генерала Влад и кинулся к офицеру.

— Пойдем, нужно поговорить, — Сергей взял Влада за локоть и потащил обратно в палатку.

Виталий проводил взглядом офицеров, положив руки на болтающийся спереди автомат. Бойцы Сергея потянулись к кострам. Их окружили солдаты, расспрашивая, что да как, но те только отнекивались, уходили от ответов, ссылаясь на усталость.

Сергей положил на стол оружие, расстегнул на подбородке ремешок, снял шлем и отбросил его в сторону, взял со стола початую Луцием бутылку с вином, жадно приложился к ней. Влад с недоумением смотрел, как ходит вниз-вверх кадык Сергея. Бордовая жидкость тонкой струйкой текла по губам, по шее, за шиворот. Сергей выпил почти половину, вытер рукавом рот и поставил бутылку на место.

— Хорошо-то как. Ну чего ты на меня так смотришь, Влад? Может, ты не рад, что я живой вернулся? — обернувшись, выпалил он.

— Ты взял бутылку генерала. Никто не вправе брать что-либо в его шатре без его разрешения. Ты же знаешь.

— Правда?

— Что стряслось? От Виталия прибыл гонец, говорил, что вы попали в засаду. Генерал лично поспешил тебе на выручку.

— Гонец? Да, посылали. — Сергей откашлялся в кулак. — В засаду тоже попали. — Хмель слегка ударил ему в голову. Он обошел стол и плюхнулся вальяжно на стул. Снял перчатки, швырнул их на стол. — Нет

больше генерала, Влад, — он скрестил руки на груди и уставился на собеседника, ожидая ответной реакции.

— Как это нет?

— Вот так, — почесав у виска, ответил тот.

— Генерал бессмертен. Он не может умереть. Не я один видел, как его тело, изуродованное ранами, восстанавливалось. Ты что несешь?

— Да, было такое. Но я что видел, то и говорю! — Сергей ударил по столу кулаком. — Нас там, как уток в тире, расстреляли. Еле ноги унесли из окружения. Нет больше генерала, убили его. Понимаешь? Убили. — Он взял бутылку и допил остатки. — Нужно в Новый Рим гонца отправить, сообщить, что Луций погиб. И притом срочно.

Влад стоял бледный, словно мертвец, устремив бессмысленный взгляд на Сергея.

— Чего застыл? Думаешь, я вру? Это правда, Влад. Жестокая, мать твою, правда. Я и сам в это до конца поверить не могу.

— И что теперь? — приходя в себя, сиплым голосом произнес Влад. — Что нам делать? Ты точно уверен, что он погиб?

— Ты думаешь, я бы приперся сюда и начал нести это, не будь я уверен в его смерти? Мы все замечали, как он последнее время сдавал. Вспомни, каким он был раньше. Эта охота на долбаного мессию его вконец измотала. Я сам видел, как его изрешетили, видел, как он истекал кровью. Я тащил его на себе несколько километров, а эти твари преследовали нас и стреляли в спины. Я думал, что он, как всегда, быстро поправится, что, как всегда, смерть обойдет его стороной... Я рыдал над его телом. Рыдал. Я видел, как он захлебывался кровью, как стонал в предсмертной агонии. А люди Князя шли по пятам. Нам пришлось бросить тела и раненых. Но ничего. Ничего. Мы отомстим за него. Это я тебе обещаю. Я был верен ему и обязан жизнью, как все офицеры.

— Генерал никогда не оставлял солдат на поле боя, — строго заметил Влад.

— Он приказал так сделать. По всей видимости, понимал безвыходность положения. Я бы никогда не посмел ослушаться. Ты же знаешь! Я бы сражался насмерть. Я бы отдал жизнь за него, как и все остальные в легионе. Он приказал спасаться тем, кто может. Приказал отступить к лагерю и воздать по заслугам этим прихвостням Князя и его лживого мессии. А еще он приказал мне взять командование легионом на себя, — спокойным и властным голосом добавил Сергей.

Влад поднял глаза, прожигая взглядом Сергея. Скулы Влада дернулись.

— Не смотри на меня так. Не моя воля. Его. Его приказ. Теперь нужно мстить. Завалить их вшивый город трупами, женщин и детей отдать солдатам на развлечение, а самого Князя и этого мессию, как и хотел генерал, приколотить к крестам и выставить на всеобщее обозрение.

— Тут ты прав. Отомстить нужно. Ты был его правой рукой. Никто не справится с командованием лучше, чем ты. Но это говорю я, а не все офицеры, не весь легион. Мало того, недостаточно получить поддержку офицеров, нужно благословение Александра. А от великого учителя во многом зависит назначение на должность. Я немедленно пошлю человека в Новый Рим. — Он прикрыл глаза, словно задумался о чем-то. — Жаль, что нет Самурая. Его бы сейчас для этого задания.

— Жаль. Но будем исходить из того, что имеем.

— Хорошо.

— Помоги мне, Влад, заручиться поддержкой офицеров. Если ты поддержишь меня, они безоговорочно подчинятся. Нельзя допустить того, чтобы Князь почувал нашу слабость. Он собрал армию, он убил генерала — мы никогда не были так морально слабы. Но мы можем переломить ситуацию. Мы по-прежнему сильнее физически, лучше вооружены и подготовлены. Встань рядом со мной и будь моей правой рукой во всем, — Сергей поднялся и подошел к Владу, искренне заглянул ему в глаза и протянул руку.

— Ради генерала я поддержу тебя. Ты всегда был его верным солдатом, и он доверял тебе, — Влад пожал руку. — Но пока не будет благословения от Александра, легион вряд ли сможет куда-то двинуться. Придется ждать. А теперь разреши мне удалиться — нужно сообщить эту печальную весть легиону.

— Ступай и позови ко мне Виталия.

— Как прикажете, генерал. — Но после этих слов Влад замер, осматривая с ног до головы Сергея. — А где его меч?

— Что?

— Меч. Ты не забрал его? Это же дар Александра, символ власти над Черным легионом. Генерал должен быть с мечом.

Сергей замешкался.

— Я недостойн носить его оружие.

— Это не просто оружие. Это символ. Его нужно вернуть любой ценой. Да и тела павших нельзя оставлять, не отдав последней почести. Я пошлю отряд.

— Мы и так потеряли много людей. Трупы наверняка завалило снегом. Сейчас нужно готовиться к битве. После победы мы вернем меч, похороним павших братьев и воздадим должные почести генералу, как это и положено. Но сейчас, Влад, нужно думать о живых. Нужно победить Князя. Нужно убить зверя, называющегося мессией. И нам придется это сделать ради спасения всего человечества.

— Хорошо, — офицер ударил себя в грудь рукой и отсалютовал Сергею. Тот сделал то же самое.

Через пару минут в палатку зашел Виталий, потирая руки и улыбаясь.

— Выпить-то есть чего? А то продрог до костей в этих полях.

— Там, — Сергей кивком головы указал на походный ящик. — Вино устроит?

— Вполне. — Виталий ногой открыл крышку, резким движением руки поддел бутылку и подбросил ее вверх, поймал, мгновенно развернул нож-бабочку, срезал пленку, протолкнул пробку внутрь и приложился к горлышку. — Давно не пил хорошего пойла.

Он убрал нож, облизнул губы, уселся на раскладной походный стул в углу, сделал еще несколько глотков и посмотрел на Сергея.

— Ну так что, генерал, — язвительно произнес он, — ты доволен?

— Я пока не генерал.

— Это как?

— Нужно признание офицеров легиона плюс благословение из Нового Рима. Глупые формальности. Пережитки маразматика Александра. Пока они не присягнут мне, я формально такой же офицер, как и они.

— Надо же, какие сложности. — Виталий снова сделал глоток.

— Я отправил гонца в Новый Рим. Надеюсь, там все уже улажено.

— Татьяна — хищная кошка. Она сожрет любого. Я таких за версту чую. Жажда власти у нее в крови. Если ты смог прирезать Луция, значит, Александр уже мчится по своей млечной дорожке и благословение тебе обеспечено. — Он снова сделал глоток. — Ух, ну и хорошее все же это пойло. Ты позволишь, я возьму еще пару бутылочек с собой?

— Да бери!

— Что ты нервничаешь?

— Что я нервничаю? Знаешь, я убил своего командира, и если об этом узнают, даже не представляю, что со мной сделают.

— Брось. Знаем только ты да я.

— Ну да. А еще твои люди и мои.

— Ну, мои точно будут молчать. Как насчет твоих?

— Мои тоже не дураки. Я обещал им офицерские должности. И они прекрасно знают, что будет с ними за предательство. Каждый из них обязан мне жизнью. И поэтому они верны мне до мозга костей.

Виталий лишь улыбнулся, сделал глоток и произнес:

— Ты не забыл про меня? Я хочу быть правой рукой генерала Черного легиона.

— Не забыл. Но пока я сказал Владу, что он займет это место.

— Может, ты еще кому пообещал мою должность? Не слишком ли много будет у тебя правых рук?

— Не дави на меня. Я прекрасно помню, что говорил, и всегда выполняю свои обещания.

— Генералу ты тоже обещал быть верным, — усмехнулся Виталий.

— Тут другое.

— Интересно, что же?

— Не твое дело.

— Хорошо, не мое. Но я помог тебе, и ты обязан.

— Дай мне вступить в должность, а потом я поставлю тебя своим заместителем.

— А этот Влад захочет уступить мне место?

— Влад не стенка, можно и подвинуть.

— Хороший настрой. И еще я буду очень признателен, если мои люди получают офицерские должности. Ты ведь не против?

— Не против.

— Я так понимаю, прольется еще много крови.

— И ты мне во всем поможешь.

— Да как скажешь, дружище. Ты же знаешь, что мне и моим парням все равно кого резать. — Виталий допил вино, поставил пустую бутылку на пол и вытащил из ящика еще две. — Не знаю, как ты, а я сейчас пойду и завалюсь спать. Советую и тебе сделать то же самое.

Глава XL

В ОЖИДАНИИ УДАРА

Стояла очередная длинная холодная ночь, но разжигать костры было крайне опасно. Чтобы согреться, пришлось искать не продуваемый северным ветром угол в пригородных развалинах. Висевшее в воздухе напряжение изматывало до невозможности. Вчера Марсу привиделись люди, крадущиеся вдоль стены дома напротив. Он даже схватился за пистолет. Бойцы, что были рядом, тоже вскочили с мест, прижались к проломам и окнам. Потом долго матерились из-за ложной тревоги. Но в глаза Марсу высказывать боялись. А вдруг и вправду он приведет их в райские кущи?

Двое суток они сидели в этих чертовых руинах. Павел, ставший сотником, командовал людьми Демьяна во время его отсутствия. Их задача была оберегать мессию. Сам Казак отбыл к Князю по каким-то очень срочным делам и должен был вернуться на днях. Что за такие важные дела, не знал никто. Это настораживало даже Павла.

Марс проводил почти все время в одиночестве, страдая от скуки и холода. Он даже начал мечтать о том, чтобы наконец началось столкновение, и, может, тогда в суматохе ему удалось бы улизнуть. Мысли о побеге не покидали его ни днем, ни ночью. Его здесь попросту держали на привязи, на приличном расстоянии от передовой. Где-то там, вдали от них, периодически происходили стычки между разведгруппами, но более серьезных действий никто не предпринимал.

Марс прошелся, наблюдая за бойцами, занятыми повседневной рутинной. Люди относились к нему по-разному: одни верили в его предназначение, другие сомневались. Однако его присутствие даже у скептиков поднимало боевой дух. Сам же Марс хотел только одного — поскорее найти Катю и уйти куда-нибудь подальше, туда, где про него никто не знает.

Павел не замечал его, словно Марс был пустым местом, разговаривал только со своими подчиненными, а с ним — лишь короткими дежурными фразами, да и то показывая всем видом, что общаться им незачем. Но разве это Марс убил Лизу? Нет. Это сделали люди Князя, с

которыми Павел сейчас так любезничал, будто бы они ни в чем не виноваты.

Поежившись, Марс расчистил ногой снег на бетонном полу, сел, оперся спиной о кирпичную кладку и прикрыл глаза.

— Спишь, что ли? — перед ним стоял Павел и строгал ножом сухую ветку.

— Похоже, задремал.

— Пойдем.

— Куда?

— Куда нужно. Вставай, — он отбросил ветку и покрутил нож в руках. — Пошли.

Марс подчинился. Они спустились в полуподвальное помещение. Тут было намного теплее, чем снаружи. Тускло горел костер, вокруг сидели люди. Кто-то разогревал банки с консервами, кто-то уже ел. Всего Марс насчитал двенадцать человек и усмехнулся про себя. Двенадцать. Словно апостолы, а он их Учитель. Какая чушь.

— Замерз как бобик, пока лазил по снегу. Можно сказать, со смертью играл, два раза чуть на их посты не напоролся, — говорил парень, снимая с себя промокшие от снега ботинки и ставя их поближе к костру.

— Ты не стой, проходи, — Павел пихнул легонько Марса в спину.

Тот невольно пошел вперед и сел неподалеку от огня. Увидев здоровяка с мессией, люди насторожились, а тот, что говорил, замолк. Кто-то поднялся и поклонился, кто-то махнул рукой, но напряжение все же оставалось, пока не вступился Павел:

— Продолжай. Он с нами.

— С кем это с вами? — тихо произнес Марс и поднял на него взгляд.

— Я не думаю, что тебе нравится быть марионеткой Ярослава. Ты что-то совсем руки опустил. Раньше ты был другим, более самостоятельным и решительным. За тобой хотелось идти хоть на край света, — он протянул Марсу разогретую банку и нож. — А ты, Муха, продолжай.

— Ну, так я говорю... — Парень кашлянул в кулак, медленно снял с себя повывавшую на своем веку, когда-то белую куртку и, поддев ее палкой, закрепил для просушки почти над костром, сам подвинулся ближе к жару, вытянул руки. — Короче, у них там явно что-то неладное. Стоят лагерем, никуда не движутся. Бойцов у них тьма. Я столько народу уже лет пятнадцать не видел.

— Ну и сколько? Тысяча? Две?

— Какая тысяча?! Дурак, что ли?! Тысяч десять, не меньше! Техника разная. Бэтээры даже есть. Они нас, как букашек, прихлопнут, мы и пискнуть не успеем. Куда нам с вилами на их броню?!

— Так они если и попрут, то не сюда и не на нас. А там ребята Князя их встретят. Они тоже не лыком шиты. И гранатометы, и мины есть. Подходы зря, что ли, минировали? Ты от темы не отходи.

— Ладно. Короче, я, пока в полях лазил, слышал один интересный разговор. — Парень выдержал театральную паузу. — Слышал я, что генерала завалили. И скорее всего, об этом знаю не только я. Такую тайну не скроешь. Князь, наверное, Демьяна именно поэтому к себе вызвал так срочно.

— Брехня! Чушь собачья! — возразил хриплый голос из-за костра.

— Да я говорю, что слышал. А слышал я это вот этими ушами, — Муха указал пальцем на свое ухо. — Я в засаде сидел метрах в трехстах от их лагеря, в кустарнике. Зарылся, значит, я с ночи еще в снег по самое не балуйся и наблюдаю в бинокль. Тут слышу — шорох позади меня. Ну все, думаю, прощай, моя жизнь никудышная. Спалили. Сам руку на ствол и затаил. Жду, значит. Слышу голос, потом второй. Я притаился, сижу, почти не дышу. А они между собой болтают. Стоят так вразвалочку и ничего не боятся, словно у себя в Новом Риме.

— Ты ж сказал, что они сзади были? Как ты их увидел-то?

— Так я просто гипотетически.

— Ты давай без «гипотетически», не сказку рассказываешь.

— Ну, один другому и говорит, что генерала убили. Якобы кто-то из них должен новым генералом стать во главе легиона, и что все дело затягивается, так как нет гонца с благословением от Александра. Мол, со дня на день должна состояться присяга. Короче, смысл в том, я понял, что медлят они с нами, так как нет командира у них сейчас. Потом они мимо меня прошли. Один — в красном шлеме, другой — в белом камуфляже. А как чуть смеркаться стало, так я и назад, восвояси.

— Чушь это все полная! — темный силуэт поднялся из-за костра и сделал несколько шагов вперед. Огонь осветил человека небольшого роста, сухого телосложения, в невзрачных лохмотьях. Изуродованное лицо рассекал наискось глубокий шрам. Вместо срубленного носа остались две уродливые дырки. Правого глаза не было. Сросшаяся неровно щека зияла желтыми зубами, а сам шрам уходил по шее и скрывался под шерстяным свитером. Марс пристально смотрел на незнакомца, который выглядел как живой мертвец, прошедший последний круг ада.

Поднявшийся приблизился почти вплотную к парню, принесшему новость, склонился над ним, словно смерть, и прохрипел:

— Его нельзя убить.

— Да что ты несешь, Мертвец? — Муха с улыбкой сделал жест окружающим — мол, калека не в своем уме.

— Вы сидите тут и думаете, помер генерал или нет. Вон даже мессию притащили эту байку послушать, которую птичка на хвосте

принесла. Такое ощущение, что нашему спасителю и заняться больше нечем, только бред всякий слушать. Никто из вас генерала и в глаза не видел.

— А ты, что ль, видел?

— Я-то? — Мертвец схватил Муху, заставил его подняться и подтащил к себе вплотную. — Я-то его видел! Вот как тебя. А сейчас посмотри на меня повнимательней. Видишь, каким знаком он меня отметил? — Мертвец оттолкнул Муху. — Я видел Луция, даже сражался с ним, еще тогда, когда вы метались в поисках лучшей жизни. Шныряли то на юг, то на север, примыкая к еще многочисленным правителям. Тогда-то я впервые и услышал о Млечном пути и о некой общине, которая предлагала всем истинную веру. «Огненные братья»! Так они себя называли. Помню, их проповедники пришли к нам с речами о лучшем мире, но мы отказались от их помощи. Мы же тогда строили свой мирок, отдельно ото всех. Тогда их служитель в красном, как кровь, балахоне предупредил нас, что того, кто не примкнет к ним, поглотит геенна огненная и падет кара страшная на головы, ибо нет веры, кроме их веры, и нет бога истинного, кроме их бога.

— И что? — сглотив, поинтересовался паренек, сидевший у костра.

— Спустя некоторое время их предсказание и впрямь сбылось. Пришел генерал со своими солдатами. Они вырезали всех: женщин, стариков, детей. Всех. Этот пес «Огненных братьев» не человек, нет. Я выскочил тогда на него в разгаре сражения. С трех метров разрядил в него барабан своего нагана. Шесть пуль прямо сюда, — он ударил рукой в грудь. — Шесть пуль! А он даже не шелохнулся. Я видел, как пули пробивают его сверкающие доспехи, как из-под металла льется кровь, а он даже не вздрогнул. Только капюшон снял и ухмыльнулся... — Мертвец посмотрел пристально на мессию и скривил лицо в безобразной улыбке. — На тебя чем-то похож. Глаза такие же. Звериные. Вы с ним как братья. Может, у богов все на одно лицо, а?

— Что было дальше? — поинтересовался Марс.

— Дальше? Дальше была пустота. Когда я очнулся, наше поселение было разрушено до основания. Вокруг горы трупов и черный дым от пожарища. Я чудом остался в живых.

— Чем же он тебя так?

— Он всегда сражается мечом, никто не видел его с огнестрельным оружием, только с мечом. Рукоять меча — в виде змеи. Генерал — это зло, воплощенное в человеческом теле, всадник апокалипсиса, спустившийся на землю от самого Сатаны. Его нельзя убить.

— Что за бред? Люди живут и умирают, бессмертных нет.

— Может, и мессии, по-твоему, нет? А, Муха? — усмехнулся Мертвец.

— Мессия есть, вот рядом сидит. Все видели, как он расправился с сотником и его людьми в одиночку. Но ему бог помог, и он не бессмертный. Правильно я говорю? — обратился Муха к Марсу. — Ты ж из плоти и крови? Правильно? Ну, правильно же? — не унимался парень.

— Что-то типа того.

— О чем и речь. У них — генерал, у нас — мессия. А добро всегда побеждает зло.

Вокруг костра завязался спор: кто в итоге победит, генерал или Князь. Павел уловил взгляд Марса и кивком головы позвал его.

— Валить нужно, — тихо произнес здоровяк, как только они отошли чуть подальше.

— Я думал, ты на меня злишься. Думал, что...

— Что ты думал? Ты понятия не имеешь... Убить тебя сначала хотел, потом Казака и Ярослава.

— И?

— Ты ни при чем. Жизнь эта скотская во всем виновата. Все у меня отняли: родных, землю. За Лизу нужно отомстить и уходить.

— Кому ты собираешься мстить?

— Как кому? Демьяну. Я ему сердце вырежу, — скрипя зубами от злости, тихо прошипел Павел.

— А дальше что? Повсюду его люди.

— Эти — мои, — Павел кивнул в сторону галдящих у костра.

— Хм, — Марс усмехнулся.

— Да, я знаю. Было больше, но их всех раскидали под разных командиров. Князь не дурак, боится заговора. Вот и моих всех перетасовал. Если бы знал, что они Лизку... — он махнул рукой. — Нужно уходить, Марс. Пойдем на юг, к побережью. Найдем там место, обоснуемся и будем жить.

— Хорошо все это звучит. Хорошо и заманчиво. Только весь юг перекрыт блокпостами «Огненных братьев» и вряд ли нам удастся пробраться. Даже если мы каким-то чудом пройдем, то что ждет нас там? Да и как ты собираешься свалить отсюда? У костра двенадцать, и нас двое. А у Демьяна людей сколько? А сколько у Князя? Только тут — сотня с лишним, и они отборные головорезы, преданные своему командиру. Нет, Паша, не выйдет. Я уже и сам всю голову сломал, как бы свалить.

— И что тебя держит?

— То, что Князь пообещал мне помощь в спасении друга. А мне для этого нужна армия.

— Может, твоего друга-то и в живых нет?

— Может. Но я должен знать наверняка.

— И что ты предлагаешь?

— Я же мессия, Паша. Ты что, забыл?

— Да я-то помню. И что из этого?

— Сейчас пришедших под власть Князя в три раза больше, чем его собственных людей. Понимаешь, о чем я?

— Пока нет.

— Как ты думаешь, если Князя не станет, кого поддержит народ?

— Кого?

— Тебя, — усмехнулся Марс и невольно прижал рукой кулончик, который опять стал тяжелым и обжег грудь.

— Почему меня?

— Потому что мессия так захочет, чтобы новым главой стал Павел. Ты же хочешь найти подходящее место для жизни? Но зачем его искать, когда можно забрать готовое?

— А что тебе с этого?

— Помоги мне вернуть Катю. Ты не Князь, тебе я верю.

— И как мы это сделаем?

— Ярослав тебе доверяет и не будет подозревать. Его сына уберем тоже. Я займусь Демьяном. Только нужно все хорошо продумать: как и когда нанести удар.

Глава XLІ

ЖАЖДА ВЛАСТИ

Четыре дня потребовалось гонцу, чтобы добраться до Нового Рима. Татьяна приняла его в верхних покоях, расположившись на троне Александра в окружении гвардейцев.

Подземелье угнетало ее еще с того времени, когда она попала к «Огненным братьям». Теперь все, что было связано с ними и Александром, горело на задних дворах Нового Рима. Гвардейцы сжигали трупы. Уже четвертые сутки из-за стен поднимался черный смердящий дым. Все подконтрольные территории были извещены о том, что правительницей и новым учителем является Татьяна и что «Огненные братья» теперь вне закона. Многие проповедники, быстро смекнув, скинули с себя красные балахоны, пришли с покаянием и надеждой на милость к новому учителю. И она прощала. Непокорных было больше. Таких нещадно истребляли.

Татьяна перекраивала правила игры, брала власть в свои руки, управляла, приказывала, миловала и карала, и ей это необычайно нравилось. Скинув Александра и став независимой от богов наверху, она воплощала в жизнь свою идею — стать живым богом на земле. А затем возродить то, что так долго разрушал Александр ради милости своего хозяина. Единственное, что ей мешало, это злополучный мессия, за которым они так безнадежно охотились последние годы. Слухи о нем распространялись со скоростью ураганного ветра, а люди с каждым днем все больше и больше преувеличивали его деяния и способности. Такая ситуация была ей совсем не на руку. Если Марс поднимался, то угроза ее власти возрастала.

Когда Александра не стало, вместе с ним не стало и последних бессмертных. По крайней мере, проверять эту гипотезу на себе она не хотела. Татьяна взглянула на порезанный палец — все как у людей: запекшаяся кровь образовала небольшую корочку. Раньше от этой царапины не осталось бы и следа. Восхождение к власти стоило ей дорого. Но, как она всегда думала, лучше раз напиться крови, чем всю жизнь питаться падалью. И с этой идеей она шла к своей цели. Пусть ей отведен обычный человеческий срок, но она знает, как им распорядиться. Теперь

мир будет крутиться вокруг нее, теперь она бог и это ее игра, только ее. После того как она узнает наверняка о смерти Луция, останется расправиться с последним, и она освободит людей полностью. Татьяна улыбнулась сама себе. Сын Тринадцатого всего лишь человек, а люди (она вновь посмотрела на порез) уязвимы, им свойственно умирать.

Она окинула взглядом собравшихся в покоях. Двое гвардейцев стояли в дверях, еще дюжина — вдоль стены. Бес занял место возле трона. Прикажи она ему, и он сядет у ее ног и высунет язык, словно преданный пес. От этих мыслей на ее лице вновь появилась легкая улыбка. Она откинулась на спинку трона и забросила ногу на ногу, слегка постукивая острыми длинными ноготками по конским черепам, которые украшали подлокотники.

На щеке начальника гвардии красовались четыре глубокие отметины от ее ногтей. Она была в бешенстве, когда узнала, что Самурай и девчонка сбежали, улизнув прямо из-под носа. В первые же секунды, когда Бес доложил об этом, ей хотелось предать его самой жестокой казни, но потом Татьяна остыла. Заменить его пока было нечем, да и незачем. Такие, как он, хотят быть при власти, но не хотят самой власти. К тому же на своем месте она еще не утвердилась окончательно. Черный легион, командиром которого должен стать Сергей, был в походе, и единственной защитой для нее сейчас являлась гвардия. А за беглецами уже послали отряд и рано или поздно их догонят. Бежать им особо некуда. Юг принадлежал ей, а север был слишком опасен. Скитаться зимой без крова и припасов — верная смерть.

Сейчас ее беспокоило, как со всем справился Сергей. Но Марс волновал ее еще больше. Уничтожив его, она освободит себя от оков полностью. Останется только она, которая знает правду, и люди, которым она даст свою новую религию. Дьявол, Бог, Александр, Матвей, Луций — как же она ненавидела их всех! Наконец-то настал тот час, когда она может начать строить свой мир. Мир, который у нее отняли так давно. Ничего так не манило ее, как желание расквитаться со всеми, кто был причастен к ее бедам. Кто был виноват в том, что с ней сделали. Мечта быть богом сводилась лишь к низменной ничтожной человеческой жажде мести. Это чувство постепенно сжирало Татьяну, как и всех, кто был до нее. Она не подозревала, что, получив власть, лишь продолжит начатое Анатасом. Игра не закончится, пока на доске будут стоять фигуры...

Гонец вытянулся по струнке, ударил себя в грудь рукой и отсалютовал, как полагалось приветствовать высшие чины. Татьяна ответила ему легким кивком.

— Госпожа, меня послали сообщить страшную весть. Генерал пал, — последние слова солдат еле выдавил из себя. Гвардейцы удивленно переглянулись.

— Продолжай, — спокойно ответила Татьяна.

— Офицеры ждут благословения Александра, чтобы выбрать достойного на должность генерала.

— Ты разве видишь здесь Александра?

— Никак нет, — тихо и настороженно ответил гонец, не отрывая от девушки взора.

— Александр тоже пал, — с надменной ухмылкой произнесла она. — Пал, как и твой генерал, как и «Огненные братья».

Солдат замешкался, его глаза заметались.

— Александр передал всю власть мне.

Гонец снова ударил себя в грудь, его рука взмыла вверх.

— Передай офицерам, что я благос... — Татьяна задумалась. Старые порядки нужно искоренять. — Скажи им, что я назначаю Сергея на должность генерала.

— Простите, госпожа, — лицо гонца выражало изумление, — назначаете?

— Ты все правильно понял. Именно назначаю.

— Но офицеры сами выбирают генерала, так было заведено Александром. Он благословлял кандидата, а они прислушивались к его мнению.

— И много ли раз офицеры утверждали другого кандидата? — правая бровь Татьяны поднялась.

Солдат проглотил слюну, молча смотря на девушку.

— Так вот. Передай, что я назначаю Сергея, — она подалась вперед. — Ты меня понял?

— Так точно!

— Вот и прекрасно. И передай новому генералу, что я хочу видеть лжемессию прибитым к кресту! И как можно скорее! А теперь ступай, — ее руки сжались в кулаки.

Гонец склонил голову и, развернувшись на пятках, вышел из помещения.

— Генерал мертв? — Бес повернул голову к Татьяне.

— Тебя что-то смущает?

— Нет, госпожа. Просто генерал был легендой.

— Он ею и останется, — она слегка ухмыльнулась. — Сергею будет на кого равняться, как ты думаешь?

— Мое дело — приказы выполнять, а не думать.

— Это я заметила. Думать не по твоей части, — раздраженно отметила она.

Бес потупил взор и провел рукой по расцарапанной щеке.

— Я послал за ними людей. Их найдут рано или поздно.

— Их нужно было найти еще вчера, мой милый начальник гвардии. Понимаешь? Вчера.

— Этот узкоглазый был лучшим разведчиком в легионе. Его не так-то просто поймать. Он петляет и запутывает следы.

— Если бы ты сам пошел и отрезал ему чертову голову, а не увлекся расправой над проповедниками, ловить бы никого не пришлось. Да и не в нем дело, а в девчонке, куриные твои мозги. А теперь иди и уж, будь добр, постарайся больше не оплошать.

Когда все покинули помещение, вошел Законник. Казалось, что сигарета не покидала его рта. Желтые, почти коричневые зубы гоняли самокрутку из стороны в сторону.

— Вас можно поздравить?

— Ты перешел на «вы»? — кончики ее губ дернулись.

— Ваше положение обязывает к вам так обращаться. Теперь вы повелительница, а не просто... — Он затаился и выпустил дым через ноздри.

— Подстилка генерала и марионетка Александра, ты это хотел сказать? — ее брови сдвинулись, а голубые глаза стали ледяными.

— Ну что вы, разве я теперь могу.

— Так с чем ты хотел меня поздравить?

— С получением в ваше распоряжение самой могущественной армии, которая сейчас есть в мире. Надеюсь, новый генерал справится с Князем, а то будет обидно потерять армию, а заодно и власть, не успев ею насладиться.

— Ты много болтаешь. Тебе так не кажется?

— Я говорю то, что знаю. И я всегда говорю правду.

— Вы все говорите правду. Именно поэтому Александр мертв, а ты находишься здесь.

Она откинулась назад и глубоко вдохнула, но вдох получился тяжелым и сдавленным. Уперлась головой в спинку трона, прикрыла глаза. Запах тлена умершего учителя пропитал все вокруг. Нужно будет избавиться от этого чертова стула. В пекло его и все, что связано с Александром, Анатасом и Тринадцатым. Она прольет много крови, чтобы потом все жили счастливо под ее началом. А пока придется побыть в роли Луция. Как он говорил? Власть — это одиночество. Не сломав старого, не построишь нового.

Глава XLII

«КТО РАЗРЕШИЛ ВАМ УКАЗЫВАТЬ ЛЮДЯМ?»

Бензин в квадроцикле кончился. Шон скатил его с пригорка и закидал снегом. Еще сутки они пережидали пургу. Самурай не решился идти дальше, хотя время играло против них. Что за ними пошлют погоню, было очевидно. Он соорудил подобие берлоги, в которой они сидели и слушали, как воет ветер. Катя не выдержала и нарушила молчание:

— Есть охота.

Шон потер глаза указательным и большим пальцем, похлопал себя по груди, расстегнул ворот плаща и достал из-за пазухи сверток:

— Держи, тебе нес. Что-то совсем из головы вылетело.

— А как же ты?

— Ешь, я перебьюсь. Не беспокойся обо мне.

Катя развернула сверток. Немного сухарей, консервы с кашей и брикет вермишели. Раскрыла брикет и принялась грызть сухую вермишель.

— Кипяточком бы залить... — Она хрумкала, слегка улыбаясь, совсем по-детски. — Твоя сабля?

— Что?

— Твоя сабля, можно ее посмотреть?

— Это меч, а не сабля, — Шон достал оружие из ножен и положил себе на колени. — Катана, — добавил он и осторожно протянул оружие девочке.

— Легкий. Я думала, что он намного тяжелее.

— Килограмм с небольшим. Осторожней, он очень острый.

Катя взялась за рукоять двумя руками, посмотрела на свое расплывчатое отражение.

— Как ты думаешь, я красивая?

Шон даже поперхнулся, подставил ко рту кулак, прокашлялся и, резко выдохнув, стукнул себя в грудь.

— В каком смысле?

— Ну как женщина я красивая?

— Не знаю.

— Тебе что, не нравятся женщины? — Катя изумленно уставилась на Самурая.

— Почему? Нравятся.

— А-а-а, а то я подумала...

— Чего ты подумала? Так, хватит дурацкие вопросы задавать. Тебе лет-то вообще сколько?

— Максимыч говорил, что четырнадцать или пятнадцать. Но это приблизительно, точно я не знаю.

— Понятно. Шмакодявка, значит, еще, — фыркнул Шон.

— Я уже взрослая! Максимыч сказал, что в этом мире детей нет!

— Твой этот Максимыч — зло. Понимаешь? Его убить нужно, тогда всем хорошо станет. Все беды людей из-за него.

Острие клинка застыло у горла Самурая, он невольно поднял голову.

— Ты чего? Спокойней. Тише, тише, — он медленно поднял руки, растопырил пальцы.

— Это вы — зло, а он хороший. Он никому не делает плохого, если его не трогать. Это вы на нас охотились постоянно. Вы! А мы просто убежали! Вы дядю Витю убили! Меня украли!

— Тише, тише, — сглотнул слюну Самурай.

— Не смей так о нем говорить!

— Хорошо, я понял.

— Он придет за мной. И когда он это сделает, я скажу ему, чтобы он не убивал тебя. Скажу, что ты помогал мне и хорошо ко мне относился. Но не смей о нем больше так говорить. Понял? Он самый лучший в этом мире.

— Да понял я, понял.

Катя убрала острие от горла Шона, и он облегченно вздохнул.

— На. Забирай свою саблю.

Самурай осторожно взял меч.

— Дура ты, конечно, но с характером. Генерал бы оценил твою храбрость. И запомни, это не сабля, а меч, — он убрал катану.

— Сам ты дурак. И все вы дураки. И генерал ваш дурак.

— Луций легенда. Он спасение. Ясно? Мы людей объединяем и даем им надежду на лучший мир. Просто люди этого не хотят понять и сопротивляются. Вы как щенята, которые недавно родились. Берешь такого за холку и тащишь к миске. Суешь мордой в нее, а он отворачивается и уползает. Его опять тычешь туда же, а он опять жрать из нее не хочет. А потом все равно к ней приползет и станет из нее трескаться.

— А если не станет? То вы его убиваете, да?

— Лучше устранить часть тех, кто не хочет принять новый мир, и спасти тех, кто попросту заблуждается.

— А кто сказал, что ваш мир кому-то нужен? Кто вообще разрешил вам указывать людям?

— Так! А ну-ка, брось тут демагогию разводить. Ты вообще еще сопля малолетняя для того, чтобы понимать, что хорошо для кого, а что плохо.

— Ну конечно. Я маленькая пленница, и ты еще не решил, что со мной делать, так как тебе не отдали приказ.

— Я подчиняюсь генералу, и он приказал охранять тебя. Я и охраняю.

— А приказал бы убить — и ты бы отрубил мне голову, да?

— Да! — злобно рявкнул Шон.

— Ах так? Ну на, — Катя встала на колени, оттянула ворот одежды, оголяя шею. — Давай руби. Ну же, руби.

Шон со злости пнул ее ногой, и она отлетела назад, упала и заплакала.

— Совсем сдурела, глупая девчонка? Я что, по-твоему, мясник какой или палач? Ты хоть знаешь, что такое честь? Верность? Да я... — он отвернулся. — Ничего ты не понимаешь.

— Максимыч вас всех на куски порежет. Всех. Он меня спасет, вот увидишь.

— Хорошо, пускай так и будет, а сейчас заткнись и отдыхай. Скоро выдвигаться нужно будет. Слышишь, ветер стихает.

— Твари. Ненавижу вас всех, ненавижу, — она поежилась и затихла.

Шон смотрел на свернувшееся калачиком тело, худое и беззащитное. Сейчас он за много лет почувствовал себя беспомощным, почувствовал себя тем самым мальчишкой, который чудом остался в живых. Генерал сделал из него воина, как сделал воинов из многих, научил быть храбрыми, не бояться смерти. Но он лишил их самостоятельности... На секунду в голову вкралась мысль: прикажи ему генерал убить ребенка, сделал бы он это? Раньше такие мысли ему на ум не приходили. Все поменялось, вся жизнь за какие-то дни покатила к чертовой матери, словно решила взять свое обратно и вновь поставить его на колени. Нет, на это он не подписывался. Он доберется до легиона, до генерала, и тогда все встанет на свои места, ему наконец-то объяснят, что произошло в Новом Риме. А сейчас просто надо выжить, а это он умеет. Сутки, максимум двое — и они выйдут к ставке генерала. А там все наладится. Они разобьют Князя, убьют лжемессию и...

Он снова взглянул на Катю. Почему, чтобы стало хорошо, нужно кого-то убить? Разве без этого нельзя? Видимо, нет. Не он придумал все это, и не ему это менять. А она просто девочка, которая не понимает, что ее приятель и есть истинное зло. Не будь его, все было бы по-другому. Мир бы не катился в пропасть. Всего-то и нужно — убить зверя. Одна жизнь в обмен на всеобщее благо... Шон прикрыл глаза и задремал.

Сорок восемь часов на ногах, с небольшими перерывами на отдых и сон, утопая по колено в снегу. Сил уже почти не осталось. Один раз Катя потеряла сознание от усталости и он чудом не ушел без нее дальше. Вовремя спохватился, вернулся, привел ее в чувство. Теперь он двигался позади девочки, смотря на тощенькие плечики. Как только это хрупкое тельце находило силы двигаться, он не понимал. Хорошо хоть не было ветра и мороза. Он поднес правую руку ко рту, выдохнул в кулак теплый воздух, растер ладони. Катю вновь пошатнуло, но он успел подхватить ее.

— Все хорошо, просто как-то качнуло, — еле пробормотала она, прижимая к себе тряпичную куклу.

— Что-то не похоже, что хорошо.

— Спать хочется.

— Ты что? Не-не-не. Даже не думай. А ну, — он стал тормошить ее. — Так, давай терпи. Немного осталось. Скоро выйдем к лагерю, там будет тепло.

— Опять меня запрете в каком-нибудь подвале?

— Подвал лучше, чем мороз и голод. Ты давай не распускай нюни.

Он подхватил ее под руку и потащил вперед, рассказывая, что их ждет теплое место и еда. Еле прошли пару-тройку километров, как спутница Шона закатила глаза, ее ноги подкосились, а он только и успел, что подхватить ее и уложить аккуратно на снег.

— Эй, ты чего? Хорош придуриваться. Ну же! Ты сильная. Давай открывай глаза. Ну же!

Он легонько стал хлестать ее по щекам, потом отер лицо снегом. Что делать в таких случаях, он не знал. Он следопыт, разведчик, но никак не доктор. Тупо сидел перед ее телом на коленях, а она лежала то ли живая, то ли мертвая. Наконец вышел из ступора, встряхнул ее за плечи, и Катя что-то промычала. Из последних сил поднял ее на руки и понес вперед. Весь в мыле. Легкие горели. От перенапряжения мышцы рук ломило. Спина затекала. Он останавливался, падал на колени, тяжело дышал, ел снег. И все повторялось снова.

Когда увидел поселок, начало темнеть. Черные очертания домов маячили вдалеке. Каждый живший на этой земле знал, что любой город, любая деревня таит в себе опасность. Он находился на территории противника, но им с Катей требовалось укрытие. Нужно было развести огонь и передохнуть. Девчонка не выдержит, если продолжать в таком же темпе, да и он сам был на пределе человеческих сил. Когда совсем стемнело, он оставил Катю, которая по-прежнему пребывала в полуобморочном состоянии, а сам пошел в неизвестность.

Шныряя меж строений, обшарил близлежащий квартал. Никаких следов присутствия людей не было. Выбрал один из домов, спустился в подвал. Из трубы и тряпки соорудил плохенький факел. Проверил наличие

выходов, на случай если придется быстро и незаметно уходить. То, что нужно. Перегородок не было — значит, можно чуть что пройти все здание и выйти из любого подъезда. Проржавевшие трубы теплотрассы, словно вены огромного зверя, тянулись по потолку. Много всякого хлама, которого хватит на всю ночь, чтобы поддерживать огонь.

Вернулся за Катей и притащил ее в найденный подвал. Развел огонь. Сделал настил и уложил девочку.

Первые сутки просто отсыпались. Шон то и дело поднимался, прислушивался, дышит ли девочка. На второй день Катя пришла в себя. К тому времени Шон, порыскав по округе, раздобыл чайник, пару кружек и даже банку варенья, старого, засахаренного, но вполне съедобного.

— Где это мы? — поднимаясь на локтях и озираясь, произнесла Катя.

— В подвале.

— Опять в подвале, — девочка сморщилась.

— Здесь безопасно, — он протянул ей кружку с растворенным в кипятке вареньем. — Ты долго спала.

— Вкусно, — отхлебнув, Катя улыбнулась. — Мне плохо стало, да?

— Да. Пришлось сделать привал. Я тут немного осмотрелся, место глухое. Даже следов нет. Отдохнешь, и пойдем дальше.

— Есть хочется.

— Да, понимаю. Но ничего нет. Только вот это, — он кивнул на полупустую банку. — Так что нужно как можно быстрее добраться до нашего лагеря. Одни мы долго не протянем.

— Мы с Максимычем были одни, и он справлялся со всеми проблемами.

— Болтай поменьше. Даю тебе еще день, и выдвигаемся. Так что лучше прикрой рот и побереги силы, они тебе потребуются.

— Почему ты меня не бросил? Почему возишься со мной?

— Я приказ выполняю. Я же говорил. Тебе не понять.

— Ну, конечно, — она допила так называемый чай, протянула кружку Шону. — Спасибо.

— Не за что.

— Я не про чай.

— Я понял.

Долго сидели молча, смотрели, как горит небольшой костер. Шон соорудил что-то вроде комнаты: отгородил их разным тряпьем и старыми фанерными листами, чтобы тепло не распространялось на весь подвал, а хоть немного задерживалось рядом с ними.

— Почему ты так предан генералу? — с неприязнью произнесла Катя.

Самурай посмотрел на нее исподлобья, пошевелил костер.

— Он мне жизнь спас. Приютил. Дал мне все то, что я сейчас имею. Я должен был погибнуть много лет назад. Теперь моя жизнь принадлежит ему. Весь высший состав офицеров предан ему. И любой отдаст за него жизнь.

— Меня Максимыч с дядей Витей тоже спасли. Вырастили, заботились обо мне. Дядя Витя верил в Бога, верил в то, что Он нам поможет. Верил в то, что Марс спасет нашу планету, если указать ему путь, дать ему какой-то цветок жизни. Однажды я слышала, как он молился. Просил, чтобы Максимыч не потерял этот самый цветок. В молитвах он просил дать ему силы и уберечь Марса от отца его. Просил, чтобы он не был таким. Каким «таким»? — она пожала плечами.

— Это же ересь, — встрепнулся Шон. — Нет никаких богов. Молитвы бессмысленны. Религия довела наш мир до этого, — он провел рукой перед собой. — Все верили в разных богов и убивали друг друга из-за них. Я знаю, о чем говорю. Наша община верила тоже. А те, кто нас поработил, верили в медведя. И их медведь оказался сильнее. Мы для них были недочеловеки. Вера только одна. Истинная вера в Млечный путь.

— Тогда почему «Огненные братья» висели над входом в Новый Рим?

— Вот этого я не знаю. Почему и надо найти генерала.

— Я видела, как «Огненные братья» убивают тех, кто не хочет верить в их Млечный путь. Так чем их религия лучше остальных?

— Я что, похож на проповедника? Сказано «лучше», и точка.

— Вот все так и говорят. А дядя Витя в добро верил и в то, что Марс нас всех спасет. Правда, сам Максимыч в это не верил и все над ним посмеивался. А я верю в то, что он тот самый, про кого говорят.

— Слушай, ты можешь заткнуться? — Шон недовольно ломал табуретку и кидал ее части в огонь. — А то я устал слушать про твоего хорошего Максимыча, от которого страдает весь мир.

— А если я убегу от тебя?

— Беги, — усмехнулся Шон. — Только куда?

— Ты прав, некуда. — Она повернулась на бок, свернулась калачиком и заплакала.

Шон какое-то время сидел молча, потом достал из-за спины ее куклу, повертел в руках. Обычная самодельная, почти бесформенная игрушка, сделанная из клочков одежды. Встал и подошел к Кате. Без слов положил игрушку рядом с ней. Его пленница так же молча прижала ее к себе. А он какое-то время смотрел на нее. В голове пустота, никаких мыслей.

С рассветом Шон вышел на поверхность. Все кругом серое, даже снег показался темным. Отошел от дома, осмотрелся. Вернулся и дождался, когда Катя проснется. Допили чай из варенья и двинулись в путь.

— Нас что, больше не преследуют? — шурясь от дневного света после подвальной темноты, спросила Катя.

— Я не видел следов. Возможно, они нас потеряли, хотя расслабляться не стоит: если они нас ищут, то весь отрыв, который был у нас, сошел на нет. Мы сделали добрый крюк, дабы запутать их, но у гвардейцев тоже есть хорошие следопыты. Если ты больше не будешь падать при смерти, — он глянул на нее и ухмыльнулся, — то через день должны выйти к нашим позициям, — достав компас и посмотрев на него, добавил он.

— Шон?

— Что?

— Ну ты же лучше гвардейцев?

— Я на это надеюсь.

Шли медленно, и Самурай изрядно нервничал. Катя была ослаблена, да и он тоже не в лучшей форме. К вечеру прошли только полпути из намеченного, пришлось заночевать в зарослях. Развели костер, смастерили из сухих веток подстилку, улеглись на нее и прижались друг к другу, чтобы было теплее. Перед рассветом огонь потух. Лишь два обнявшихся тела, покрытых инеем, лежали в морозной тишине.

Скрип снега и треск сучьев разбудил Шона. Невысокого роста, подтянутый бородатый человек с двустольным обрезом отвел от себя в сторону ветку. За ним еще двое. У одного в руках массивная цепь, у другого — охотничий карабин. Бородатый обернулся к своим спутникам, прижал указательный палец к губам. Затем жестом показал, чтобы тихо шли за ним. Раздался приглушенный хлопок. Бородатый рухнул лицом в снег, второй хлопок унес жизнь того, что был с карабином. Самурай резко поднялся, держа третьего на прицеле. Катя открыла глаза и вскрикнула, подскочив от неожиданности.

— Тише, — протянул Шон.

— Не убивай! Не убивай! — человек с цепью бросил свое оружие в снег и задрал руки.

— Шон, кто это?

— Мне самому интересно.

— Мы просто хотели проверить, живы вы или нет, вот и все. Просто хотели проверить. Не убивай.

— Кто такие? Из какой общины? Сколько вас всего? Отвечай.

— Не убивай, прошу.

— Катя, посмотри, что у них при себе, — приказал он девчонке и кивнул головой на мертвецов.

Она послушно кинулась к лежащему бородачу. Стала рыться по карманам, потом с трудом перевернула его на спину, расстегнула ворот куртки и отшатнулась: на шее болталось ожерелье из человеческих зубов и костей.

— Шон, это каннибалы.

— Слушай, мы, мы не каннибалы, это ошибка. Я понятия не имею, о чем это она.

Катя сорвала с шеи мертвеца бусы.

— А это что?

— Перестань, брат. Девчонка ошибается.

— Ты из людей Борова?

— Да не знаю я никакого Борова.

Шон подошел вплотную и приставил дуло пистолета ко лбу мужчины.

— Ты из людей Борова? Спрашиваю последний раз.

— Ты убьешь меня? — незнакомец облизал пересохшие губы, его кадык дернулся.

Шон только слегка склонил голову набок, пристально смотря в глаза.

— Да. Да! Мы из его стаи! — заорал незнакомец и от страха зажмурился.

— Далеко отсюда стоите?

Выстрела не последовало, и мужик открыл глаза.

— Полдня пути.

— Почему вы тут? Вы должны участвовать в войне против Князя вместе с легионом Нового Рима.

— Какая война? Все покатило к черту. Люди Князя нас потрепали изрядно. Армия Нового Рима пыталась штурмовать, но их отбросили назад. У нас жрать нечего.

— И вы вышли на охоту?

— Типа того, — тихо пробормотал незнакомец.

— Ты лжешь. Генерал не терпит поражений, — Самурай с силой ткнул дулом в лоб.

— Говорят, генерала больше нет. Мы точно не знаем. Сообщение нарушено. Боров вообще подумывает уйти.

— Что за бред ты несешь? Как нет генерала? А кто тогда командует легионом?

— Да я почем знаю? Я что, похож на того, кто что-то знает? Хочешь узнать — спроси у Борова.

— Веди меня к нему.

— Мы что, пойдем к тем, кто ест людей? — глаза Кати округлились.

— Пользоваться оружием умеешь?

— Меня Максимыч учил стрелять, а что?

— Отлично. А ты — встал на колени и руки за голову. Дернешься — пристрелю.

Незнакомец послушно исполнил приказ. Шон снял с мертвеца верхнюю одежду, укутал девочку, проверил оружие. Патронов оказалось мало. Карабин закинул за спину, обрез отдал Кате. Скомандовал незнакомцу, и они направились в стан к людоедам.

Глава XLIII

«ЗАТКНИСЬ И СЛУШАЙ»

После трех дней непрерывающихся боев, трех дней безуспешного штурма укреплений Князя Сергей был отброшен на исходную позицию, где три дня назад его назначили генералом. Генералом чего? Поражения? Неудач? Он злобно сжал кулаки. Перед ним лежала карта Луция с нанесенными маневрами. Новый генерал сделал все согласно плану прежнего генерала. И ничего. Только огромные потери живой силы и техники. Треть солдат убита, сотни раненых. Противник тоже понес большие потери, но кого интересовали люди Ярослава?

Офицеры толпились в палатке, потрепанные, многие ранены, смотрели на Сергея озлобленными, потерявшими надежду глазами. Раньше они не терпели поражений. Какого дьявола город еще не в его руках? А эти слухи о мессии? Все только и перешептываются, что его не победить без генерала Луция. Но генерал он, Сергей, и он не может вернуться к Татьяне с поражением.

— И что вы на все это скажете? — сурово произнес Сергей.

В голове тут же скользнула мысль о том, что Луций не спрашивал такого. Он просто приказывал, и приказы выполнялись безоговорочно. Чертов Луций мог побеждать даже в совсем безнадежных ситуациях.

— Что сказать? — Виталий вышел вперед. Он получил должность, которую хотел. Влада казнили за то, что сдал позиции. Хотя он сражался храбро, стоял почти сутки без подкрепления: Сергей специально сделал все, чтобы тот не смог выполнить приказ. — Один танк мы потеряли. Оказывается, у них есть РПГ. Вторую машину чудом вывели, но на ней теперь вряд ли возможно вести бой. Кто вообще додумался загнать их на окраины города? — он обернулся к офицерам.

Толпа мгновенно расступилась, выплунув из себя еле стоявшего на ногах человека с забинтованными руками и головой и следами ожогов на лице.

— Нам пришлось. Там были наши солдаты, и, если бы мы так не поступили, потери были бы гораздо больше.

— Потери и так значительней, чем ожидалось! — выкрикнул Сергей. — Раз у нас теперь нет брони, зачем мне нужен ты? Пошел вон!

Пошли все вон! — Он плюхнулся на стул и, зажмурив глаза, стал растирать лицо. Толпа потянулась к выходу. — Виталий, ты останься.

— Слушаюсь.

— Что я делаю не так?

Виталий достал бутылку вина, налил до краев два стакана.

— Ты делаешь все правильно. Это война. Никто не говорил, что Князь сдаст нам город вот так просто. Или, быть может, ты думал, что он вынесет тебе ключ? Даже Луций не взял бы его с ходу. Нужно подождать. У Ярослава плохо с продовольствием, плохо с боеприпасами. Мы победим, — он подвинул стакан ближе к собеседнику.

— У нас тоже не все гладко, тебе так не кажется? — Сергей осушил залпом половину. — Я приказал казнить Влада, чтобы ты занял его место. Офицерам это не очень понравилось, так что, будь любезен, не разочаруй меня.

— Разочарование бывает разное, генерал. — Виталий сделал глоток. — Князь — крепкий орешек, его нельзя недооценивать. Я как-то работал на него, так что знаю, про что говорю. Хитрый двуличный змей. Ты уж поверь мне.

— Знаешь, я тоже как-то раз с ним пообщался. После этого я привез в Новый Рим машину, доверху набитую трупами. И скажу честно, я запомнил это и желаю поквитаться. Посажу мразь на кол, когда возьму город. Живого или мертвого. Но живого было бы лучше.

— Мечь, мечь, мечь. Это скучно. Она забивает голову, а мысли должны быть светлыми.

— Твою мать, Виталий! Светлыми? Ты что, стал проповедником? Ты видишь здесь хоть что-то светлое? В нашей ситуации, по-моему, преобладают только черные оттенки. — Он допил вино. — Что у нас по существу?

— Начну с плохого, — Виталий пододвинул ногой стул поближе и сел. — Итак. Мы закрепились вот тут, тут и тут. Основные наши силы откинута назад.

— И сколько продержатся наши солдаты на позициях, которые мы захватили?

— Продержатся столько, сколько будет нужно. Но меня напрягает другое: потеряна связь с Боровом.

— Каннибалы меня не интересуют.

— А зря. Они держали южный фланг, а теперь мы не знаем, что там. Я уже выставил на этом направлении солдат на всякий случай.

— Что еще плохого?

— Люди Законника отошли назад, их тоже изрядно потрепали, но у их главаря свои интересы, и он будет стоять до конца.

— А какие твои интересы, Виталий?

— Мои? В каком смысле?

Генерал с недоверием посмотрел на своего офицера.

— Кажется, всего, чего я хотел, я добился. Я теперь второй человек в вашей... В твоей армии.

— Хоть что-то хорошее, — почесал переносицу Сергей.

— Не спеши с выводами. Не все так безоблачно в нашем королевстве. С отступлением Законника открылся проход, хотя Князь, по моему, об этом пока не знает. Если не закроем брешь...

— Так закрой!

— Хорошо, — спокойно отреагировал Виталий. — И наконец, Балабек увел остатки своих.

— Сбежал, однурукий паскуда.

— Ну, крысы первыми бегут с корабля.

— С тонущего корабля, Виталий. С тонущего. А мы не тонем!

— Нет, конечно, не тонем. Ты успокойся. Война — это дело сложное и непредсказуемое. Да и кочевников осталось всего с сотню.

— Ну и что? Да хоть один! Смысл в том, что они ушли. Кинули меня! Луций отрубил этому узкоглазому руку, и он повиновался. Боялся, но повиновался. Ненавидел его, но повиновался. Пошли за ним людей, пускай прикончат их всех! — внезапно взревел Сергей и вскочил с места.

— Это nepозволительная роскошь, генерал. Но если ты прикажешь... — Виталий взял бутылку и снова налил вина.

— Я приказываю! Я не могу проиграть! Понимаешь?! Не могу!

— А кто сказал, что ты проиграешь? Ты пей, не думай о мелочах. У тебя есть я для таких дел. Сейчас передохнем, залижем раны, все обдумаем и отрежем голову и Балабеку, и этой змее Князю. Твоя цыпочка будет довольна.

Сергей схватил Виталия за горло и прошипел:

— Она не цыпочка. Не смей о ней говорить в таком тоне, или я сам вырежу твой язык несмотря на то, что ты для меня сделал. Ты меня понял?

— Я понял. Не кипятись и убери руки. Еще не хватало нам с тобой поцапаться.

Что-то твердое уперлось в живот Сергея. Он опустил взгляд: нож-бабочка прижался своим жалом к его телу. Сергей ослабил хватку и отошел.

— Ладно, давай думать. А то мне уже кажется, что в наших поражениях и вправду виноват этот мессия.

Ярослав, сложив руки за спину, мерил шагами свою комнату. Его люди держали оборону, но при этом несли огромные потери. Этого стоило ожидать. Мертвых складировали в кучи, хоронить не было времени. Но ничего, его противник тоже измотан. Они отбросили людей Законника на севере. Демьян почти разбил каннибалов. Крепким орешком оставались только солдаты Черного легиона. Не зря их боялся весь мир.

В распахнувшуюся дверь ввалился Даниил. Лицо грязное, на щеке глубокий порез. Кровь запеклась черным пятном и походила на безобразное родимое пятно.

— Какого черта?! — прохрипел Ярослав.

— Отец, мы их не выбьем. Эти гады хорошо окопались вблизи города.

— Что с лицом?

— Царапина. Мы провели разведку боем.

Князь подошел к Даниилу вплотную и схватил за грудки.

— Какого черта ты полез в пекло? Ты мой единственный сын. Я стараюсь для тебя. Ты что, хочешь, чтобы тебя убили? Тогда для чего я все это затеял?

— Я мужчина, отец. Люди должны видеть, что я могу возглавить их, — убирая отцовскую руку, ответил Даниил.

— Люди? Глупец. А ну, сядь!

Даниил послушно исполнил приказ, а Ярослав быстро заходил по комнате.

— Люди, Даниил, — это стадо. Ими управлять нужно, а не самому лезть в дерьмо. Храбрость они любят, но войну выигрывают трусы.

— Ты хочешь, чтобы я, поджав хвост, сидел и смотрел, как эти убивают наших?

— Заткнись и слушай. Правители не воюют. Они отдают приказы. Думаешь, мы побеждаем потому, что мы так храбры? Нет, мы побеждаем потому, что у нас есть Марс. Мессия. Они верят сейчас не в тебя и не в меня, а в него. Дай ему делать свое дело, а потом мы сделаем свое. Учись управлять людьми и направлять их мысли в нужное русло. Не будет меня, кто займет это место? Ты! И ты должен научиться играть роль, любую роль, как актер. Должен уметь вложить в умы своих подчиненных идеи, нужные тебе. Вот в чем секрет управления: люди должны полностью разделять твое мнение, не замечая при этом, что они всего лишь пешки. На это работает миф. Думаешь, Марс — это мессия? Бред! Люди измождены и бессильны. Им только дай того, кто их спасет, и они поверят.

— Так он что, обычный человек?

— Конечно! Думаешь, Будда, Иисус или Мухаммед были богами? Брось. Богами их сделали люди типа меня. Мы создадим новую религию, благодаря которой твои дети и дети твоих детей будут править вечно. Эффективный способ убеждать подчиненных состоит в создании и повторении грандиозной лжи.

Князь остановился возле сына.

— Посуди сам. Разве есть хоть малейшее доказательство существования мессии? Нет. И не будет. Потому что все это ложь. А отсутствие доказательств нам на руку. Мы можем врать про что угодно, и люди поверят. Ты даже не представляешь, сын, насколько люди

примитивны. Примитивнее даже, чем ты сейчас вообразил себе. Они считают истиной ту информацию, которая им знакома. Вот почему ложь должна быть простой и без конца повторяющейся. Ложь, сказанная тысячу раз, становится правдой.

— А что им мешает пойти за ним, а не за тобой?

— Мозги, — рассмеялся Ярослав, указывая пальцем себе на висок. Он неторопливо подошел к столу, взял стакан и плеснул в него воды из чайника, сделал хороший глоток. — Они будут слепо делать то, что им прикажут, тупо веря мне, а потом тебе. «Огненные братья» пришли бы сюда и так, даже не будь мессии. Сейчас всем нужна еда, нужен плодородный кусок почвы. Не пришли бы они — мы бы пошли к ним. Эта война — война за выживание. И нужна сказка, ради которой люди будут воевать еще яростней, — он резко поставил стакан с водой.

— Ты убьешь его?

— Хороший бог должен пожертвовать собой ради своей паствы. Иначе что это за бог такой? — усмехнулся Князь. — А пока пусть он играет свою роль, ты — свою, а я — свою. Ты понял меня?

Даниил кивнул.

— Вот и прекрасно.

Глава XLIV

«ЗАДАДИМ УБЛЮДКАМ ЖАРУ»

Холодно. Казалось, что вся имеющаяся жидкость в организме замерзла и от малейшего движения осколки льда изнутри пронзят кожу. Очень холодно и больно. Невыносимо больно.

— То, что всегда было мертвым, умереть не может. Этот мир не место для людей. Этот мир — ошибка.

Слова донеслись словно из самого ада, в который Марс не верил, но в котором ему приходилось жить. Кулончик, висевший на шее, сдавил грудь, стало трудно дышать.

Перед глазами — пустошь, разбитые грузовики, занесенные снегом, и трупы, трупы, трупы... Под белой пеленой — тело, стеклянный взгляд устремлен в небо. Черная форма, поверх — старые доспехи со множеством повреждений. Вокруг — темная, вмерзшая в белый наст кровь. Из снега вылезает змея, сворачивается на груди убитого в клубок и шипит. Мертвец моргает и поворачивает голову:

— Ты мой, плоть от плоти.

Марс схватился за грудь, тяжело задышал, сполз с лежака. Павел подбежал к нему, но приступ уже прошел. Марс, весь в поту, втянул сквозь зубы воздух, чтобы набрать полные легкие.

— Эй, ты чего? Ты чего? — суетился вокруг него здоровяк, пытаясь поднять и усадить на место.

Марс оттолкнул его. Потянул за горловину свитера так, что одежда затрещала, сорвал с себя кулончик и швырнул в сторону. Тяжело продышался и посмотрел на удивленного Павла. Потом обвел взглядом помещение, наконец поднялся, сел на лежак и с безумным видом уставился на костер, который еще теплился в старом ржавом корыте.

— Марс, ты чего?

— Я бы выпил сейчас. У тебя ничего нет? — не отрываясь от пламени, спросил тот.

Павел расстегнул пару пуговиц, достал из-за пазухи армейскую фляжку, открутил крышку и сам приложился к ней, потом вытер губы, протянул Марсу. Тот жадно прилип к горлышку. Самогон лился в глотку

как вода. Наконец остановился и выдохнул, уткнулся носом в рукав куртки.

— Отвратительное пойло.

— Зато мозги на раз прочищает, — забирая фляжку, ответил здоровяк. — С тобой все нормально?

— Я в порядке.

Павел поднял с пола черный камень, разглядывая, как играют на нем отблески тусклого света. Кулончик покачивался, словно гипнотизируя.

— Красивая штука. Дорогая, наверное, была раньше?

— Ни черта она не стоила и сейчас не стоит. Просто память. Все, что осталось от отца, — Марс протянул руку.

— Негоже так поступать с единственной вещью, напоминающей о родном человеке, — Павел отдал кулон и осуждающе покачал головой.

— Знаю, — Марс потер грудь, завязал на узел порванный шнурок и надел кулончик на шею. — Что там у нас сегодня по плану?

— Ждем Демьяна с его ребятами и попытаемся окончательно продавить Борова.

Они вышли на морозный воздух. Люди уже собрались и ждали только их. Сотня с небольшим плюс команда Павла. Еще должен был подойти Казак со своими. В общем набиралось двести с лишним бойцов. У Борова людей было больше, и они будут обороняться, но последняя атака показала, что каннибалы не такие уж хорошие воины. Умирать за идею они не намерены. Марс залез на второй этаж разрушенного дома и припал к биноклю, всматриваясь вдаль, где был враг. Разрушенный поселок. Чуть ближе к ним — бывшие стойла для животных. Раньше Боров со своими людьми укрепился там, теперь их оттуда выбили и они отошли.

Позади послышался шум. Длинной змеей тянулась вереница людей, во главе которой шагал Демьян.

— Вот и надзиратель, будь он проклят. — Марс ловко слез вниз и предстал перед Казаком.

— Мессия, — чуть ли не кланяясь, с сарказмом поприветствовал его Демьян. — Что, зададим этим ублюдкам жару?

— Зададим. Чего не задать-то? — ответил вместо Марса Павел.

Пленник шел впереди, сгорбившись и боясь оглянуться. Шон шагал за ним на расстоянии нескольких метров, девчушка старалась не отставать, шла след в след за Самураем: так было легче, чем по нетронутому снегу. Легкий южный ветерок гнал мелкую поземку по насту. Шон угрюмо переставлял ноги, измотанный и зверски голодный. Он бы предпочел сейчас броситься в яростную атаку, кинуться в самую страшную мясорубку, чем голодному брести по бескрайнему белому полю. Но он принял решение исходя не из своих интересов, а из

соображений совести и чести. Спас девчонку, не бросил ее. Он обернулся и мельком посмотрел на Катю. Оружие в ее руках выглядело игрушкой. Он смотрел на нее и понимал, что правильно все сделал. Невозможно думать о себе, когда рядом тот, кто нуждается в твоей помощи больше всех остальных, кто без тебя попросту беззащитен. Хотя у этой девчушки стальные нервы и характер покруче, чем у многих мужиков, которых ему доводилось видеть и убивать.

Вскоре на горизонте появились разваленные домики.

— Долго еще?

— Почти пришли, — ответил пленный, не оборачиваясь.

— Стоять, — скомандовал Шон и по привычке поднял согнутую в локте руку.

— Что-то случилось? — тихо спросила Катя.

— Вон, — он указал на еле заметные следы, которые почти занесло.

— Ты же сам хотел попасть к Борову. Пойдем.

— Пошли туда, — Шон схватил пленника за шею, развернул в нужную сторону и пихнул в спину.

— Куда мы? — поинтересовалась Катя.

— Тебя нужно спрятать. Сейчас найдем место поукромнее.

Они прокрались вдоль обезображенных зданий поселка, обходя стороной людские тропы. Шон остерегался ловушек, которые каннибалы умело ставили повсюду. Остановились у фонарного столба. Самурай окинул его взглядом, словно оценивая, можно ли на него взобраться.

— Пока тут побудешь, — Шон пристегнул пленника наручниками к фонарному столбу. — Катя, ты за мной.

— А он не сбежит?

— Ну, если только у него вырастут крылья. Тебя нужно спрятать, и чтобы он не видел где.

Они скрылись за поворотом. Самурай выбрал место — бывший поселковый магазинчик с разбитыми витринами и кучей человеческих следов возле него. Перевернутые полки, сгнившие холодильники. Худая девчушка с темными кругами под глазами выглядела жутко в этом хаосе. В одной руке кукла, в другой — обрез. Ребенок современного мира. Хотя детей сейчас нет. Так говорил генерал. Сейчас все — общая масса. Люди без признаков пола и возраста.

— Послушай, сзади есть еще один выход. Спрячешься тут. Здесь они все обыскали и сюда больше не сунутся.

— Не уходи, — внезапно пробормотала Катя жалостно, и в глазах задрожали слезы.

— Я вернусь. Я же должен исполнить приказ своего генерала? А значит, я вернусь.

— Ты не вернешься. Так всегда бывает. Максимыч обещал меня не бросать — и что из этого вышло? Обещания — это просто слова.

— Ты права, я могу и не вернуться, но я постараюсь, — он стер со щеки Кати покотившуюся слезинку. — Если к утру меня не будет, не жди, убегай.

Он развернулся и пошел к выходу, а Катя еще долго смотрела ему вслед. Раньше она ненавидела его, ненавидела их всех. Теперь, оставшись одна, боялась, что этот парень больше никогда не появится.

Шон достал пистолет, вытащил обойму, проверил и вставил обратно, передернул затвор. Поднял голову к небу, долго тянул прохладный воздух носом с каким-то небывалым удовольствием. Пленник молча наблюдал за ним, гадая, чего ожидать. Самурай подошел и снял оковы.

— Веди, — резко скомандовал он и пихнул его в спину.

Ноги утопали по колено, и это было плохо: быстро не убежишь, да и сражаться трудно. Он заметил сломанную ветку и следы.

— Уже близко, — буркнул пленник.

Сугроб, который Шон поначалу принял за кочку, поднялся. За ним еще один и еще. Люди в маскировочных халатах, укутанные в несколько курток, были похожи на мифических чудовищ. Шон мгновенно схватил пленника, закрылся им, как щитом, и тихо прошипел:

— Это ваши?

— Наши, — со злобной радостью ответил каннибал.

«Чудовищ» оказалось шестеро. Они держали Шона и его пленника под прицелом.

— Дохлый, ты кого притащил?

— Парни, не стреляйте. Этот хрен говорит, что он из Нового Рима.

— А где Старый и Димон?

— Я убил их, — выкрикнул Шон.

— Чего? — группа зашевелилась.

— Мне нужно поговорить с Боровом.

— Да пошел ты! Мы с тебя сейчас шкуру спустим.

— Эй, эй! Парни, не кипятитесь! — Дохлый поднял руки, успокаивая дружков.

— Я сказал, мне нужен Боров. Дайте с ним поговорить, потом делайте что хотите.

— Да чего его слушать?

— Я — главный разведчик Черного легиона. Мой непосредственный командир — генерал Луций. Меня зовут Самурай. Мне нужно поговорить с Боровом. Это все, о чем я прошу.

— Да врет он все. Весь легион стоит лагерем, а генерала...

— А ну, заткнулись! Заткнулись, я сказал! Захлопнули свои поганые рты! Живо! — скомандовал старший и опустил оружие. — Хорошо, будет тебе Боров. Отпусти нашего.

Шон медлил, но других вариантов он не находил.

— Отпускай, я сказал, а то могу и передумать.

— Хорошо, — Самурай убрал пистолет.

— Ну что, сука, выкусил? — пленник поспешно развернулся и попытался ударить, но Шон мгновенно увернулся и контратаковал.

Дохлый упал в снег. Старший группы заржал, его ребята тоже. Дохлый еле поднялся, сплюнул на снег зубы и кровь. Старший не спеша подошел ближе, с презрением ухватил Дохлого всей пятерней за разбитую рожу и отпихнул в сторону.

— Оружие отдай и пойдём.

Самураю пришлось разоружиться. Пистолет отдал без колебаний, с мечом долго не мог расстаться.

— Давай, — старший протянул руку и получил катану. — Вот и молодец. Теперь пойдём. Хочешь пообщаться с нашим боссом? Пообщаешься.

Глава XLV

«СПАСАЙТЕСЬ, ПРИШЕЛ МЕССИЯ!»

Бес перевернул тело ногой. Солдат в гвардейской форме лежал в луже собственной крови. Голова, откинута вбок, держалась только на позвоночнике, желтоватая трахея безобразно выступала наружу, кожа опустилась, оголив мясо. Начальник гвардии осмотрел мертвеца с выражением безмятежности, склонился и вытер о труп свой кинжал. Законник с интересом следил за кровавым пятном на полу, которое расплзлось все больше и больше. Его внимание переключилось на Татьяну. Девушка стояла отвернувшись ото всех и смотрела в окно. Создавалось впечатление, что она где-то далеко, так далеко, что все произошедшее вовсе ее не касается.

— Прошу прощения, госпожа. Но вы так можете остаться без верных людей, если будете пускать кровь всем, кто не смог выполнить приказ. Замечу, даже генерал Луций не проливал столько крови, сколько пролили вы за последнее время, — начал Законник.

Ее каблуки зацокали по полу. Татьяна перешагнула через мертвеца, пройдя по красной луже.

— А что мне делать с теми, кто не исполняет моих приказов?

— И все же нужно иногда миловать, а не только казнить.

Законник достал было сигарету, но Татьяна выбила ее из руки:

— Ты понимаешь, что происходит? Я попросила избавиться от девчонки и этого узкоглазого. Итог? Они улизнули. Я послала за ними погоню. Итог? Они улизнули. — Она обернулась и, указав на труп, посмотрела на Беса. — Ты должен был быть на этом месте. За неисполнение моих приказов должен кто-то отвечать. Или я не права?

— Вы правы во всем.

— Где твои люди, милейший Законник? Они славно ведут войну против Князя?

— Нет. Они отступили.

— Так кто в этом виноват? Те, кого ты назначил командовать, или ты сам?

— Я отправлюсь туда и разберусь.

— Прекрасно, — она царственно разместилась на своем троне и улыбнулась, как ни в чем не бывало. — Я хочу построить новый мир, но мне все ставят палки в колеса. Я разве о многом прошу? Разве вы не хотите жить в гармонии и мире? В новом мире? — она развела руки в стороны и вопросительно посмотрела на присутствующих. — Но я не могу этого сделать, пока ходят слухи о каком-то там мессии, который хочет нас с вами уничтожить. И я хочу заметить, он приближается к своей цели. Раньше мы были великим Новым Римом. Услышав одно лишь наше имя, все бежали прочь или вставали на колени. А теперь? Что происходит теперь? Ярослав обзавелся этим лживым ублюдком, и мы никак не можем сломить их. У нас есть армия, оружие, еда, наконец.

— У нас нет веры, — тихо добавил Законник.

— Что? Что ты сказал?

— У них вера есть. У них есть за что умирать, — он перевел взгляд на лежавший в луже собственной крови труп. — У нас, к сожалению, сейчас нет ни Александра, ни «Огненных братьев». Сергей неровня Луцию. Как бы вы ни лю... Как бы вы ни рассчитывали на него.

— Я не понимаю, на чьей ты стороне, Законник? — она встала со своего места. — Ты предал Александра, теперь хочешь предать меня?

— Мы все тут предатели и поэтому еще живы. Я говорил правду в глаза великому учителю, говорил правду генералу, говорю правду и вам.

— У вас должна быть вера в меня. Этого что, мало?

— У нас есть вера в вас, но у солдат...

— И что ты мне предлагаешь? Поехать в легион и сражаться вместе с ними?

— Это отличная идея. Сражаться вам не надо, а вот присутствовать... У Князя есть мессия. Пусть и наши воины лицезрят свою богиню. Прибудь вы туда, — он ухмыльнулся, — люди бы с большей радостью стали отдавать жизнь за ваши мечты.

Он достал сигарету и немного помедлил. Татьяна улыбнулась и разрешающе кивнула. Законник закурил.

— Бес, подготовь гвардию. Оставь тут только треть солдат для охраны. Боги должны встретиться. Мы едем воевать.

Шона впихнули в двери особняка. Большой дом, в котором раньше жили, по всей видимости, зажиточные люди. Просторный холл на первом этаже, закрытые ставни, полопавшаяся штукатурка на стенах, сверху лохмотьями свисало то, что осталось от натяжного потолка, плешинами на полу кое-где виднелся вспученный паркет. Главарь каннибалов качался на чудом уцелевшем кресле-качалке. Перед ним находилась пластиковая ванночка, в которой раньше купали маленьких детей. Теперь она на четверть была наполнена багровой жидкостью, забрызгавшей все вокруг. По обе стороны от толстяка лежали трупы. Еще в одежде. По всей

видимости, их убили несколько минут назад. Сколько было мертвецов, сразу и не определишь. Впрочем, Шон не очень-то и хотел их считать.

— Вот, тебя видеть хотел, — доложил сопровождавший Борову. — Двоих наших положил.

— Эту тварь замочить нужно! Я его сам выпотрошу! — заорал бывший пленник Самурая и кинулся на него, но его отпихнули.

— Заткнись, Дохлый. Хлебало лучше утри.

Боров сложил толстые пальцы на пупке, раскачиваясь взад и вперед. Его заплывшие жиром глаза изучали человека, который осмелился убить его людей да еще набрался наглости прийти к нему. Он лениво поднял руку и нехотя взмахнул ею. В тот же момент с Шона содрали капюшон и пихнули в спину.

— А я тебя знаю, — с появившейся на лице улыбкой сказал Боров. Его многочисленные подбородки вздрогнули. — Я как-то видел тебя с генералом. Ха. Теперь у меня только один вопрос. Зачем ты убил моих людей?

— Они напали, я защищался, — спокойно ответил Шон.

— Защищался. Сейчас это не оправдание. Сейчас защищаются все, — Боров прижал свою пухлую ладонь к глазам.

— С ним девчонка была еще. Он ее спрятал, — заорал Дохлый.

— Девчонка? — Боров растопырил пальцы и посмотрел через них на Шона.

— Молоденькая такая. Нежная. Эта сучка могла бы нас тут поразвлечь. Она была с ним. Он привязал меня к столбу, а ее спрятал.

— Это уже интересно, — Боров подался вперед всем телом, и кресло под ним затрещало.

— Девчонка тут ни при чем. Она пленница генерала Луция, и я сопровождаю ее к нему.

— Пленница генерала Луция? Я не ослышался? — на лице толстяка появилась улыбка, и он залился смехом.

Шон недоуменно смотрел на трясущееся человекоподобное желе. Смех Борова подхватила его шайка, и дом содрогнулся в отвратительном ржании.

— Что смешного?

— Ух, — толстяк смахнул слезинку с края глаза, поднял руку, словно дирижер, и его адский хор затих. — Все не было бы так смешно, если бы не было так плохо. Я так подозреваю, что ты, парень, совсем не в курсе того, что происходит?

— Если бы был в курсе, не сунулся бы к вам.

— Тогда почему не пошел к своим? А?

— Вы были ближе. Я привык доверять союзникам.

— Союзникам? О-о-о-о, браток. Союз был, пока был жив генерал.

От последних слов мир сузился и Самурай почувствовал, как пол уходит из-под ног, а тело становится ватным. Остальную речь Борова он практически не слышал.

— Нас тут потрепали изрядно. А Черный легион даже не удосужился прислать подмогу. Я договаривался с тем, кто побеждал. Я договаривался с бессмертным. Но бессмертный подох, а армия Нового Рима наплевала на союзников. Мои люди живут впроголодь. Мне обещали женщин, детей, веселье и легкую наживу. В итоге я потерял большую часть своих людей и пока веселья не наблюдаю. И я так понимаю, эту войну мы проиграем. Так что я расторгаю договор и собираюсь уйти со своими людьми, пока нас окончательно тут не перебили.

— Как это произошло? — пересохшим ртом еле выдавил из себя Шон.

— Что произошло? Произошло то, что нас тут убивают? Произошло то, что на их стороне сражается чертов мессия? Что ты имеешь в виду?

— Что произошло с генералом?

— И это ты спрашиваешь у меня? Я не играю в ваши игры. Мы просто хотим оставаться на вершине пищевой пирамиды. Единственное, что мне известно, так это то, что он попал в засаду, которую устроил новый спаситель Князя, и его там порешили. Говорят, его прикончил сам парень с именем Красной планеты. Но об этом тебе бы лучше рассказали твои ребята из Черного легиона. Хотя я не буду тешить тебя надеждами. Ты вряд ли с ними встретишься, — он сделал жест рукой и ему по цепочке передали оружие Шона.

— Я... — начал Самурай, но Боров только приложил пухлый палец к губам и шикнул на Шона, чтобы тот заткнулся.

— Я и так слишком долго терплю твое присутствие, — Боров положил пистолет на колени и взял в руки катану. — Прекрасный меч. Многих ты убил им?

— Достаточно.

— О-о-о-о, это великолепно. Оставлю его себе, на память. Тащите его сюда.

Шону заломили руки за спину, подвели к Борову, поставили на колени и опустили голову.

— Я пришел к вам по своей воле, пришел как к союзникам! — крикнул Самурай.

— Мы сражались за добычу. Добычи нет. Нам понадобится много еды для отхода. Будем считать, что ты малая компенсация нашего ущерба.

Шон глубоко вдохнул, осознав, что это может быть его последний вдох. Боров склонился над ним, толстые пальцы вцепились в волосы на темени, холодное лезвие коснулось горла.

— И что, умолять не будешь?

— Режь, — спокойно ответил Самурай.

— Страх — прекрасное чувство. Ты даже представить себе не можешь, как приятно отнимать жизнь, чувствовать страх жертвы, видеть страдания. Никогда не понимал таких, как ты. Даже убивать тебя неприятно. Но ничего, я буду резать медленно. Тебе понравится.

— Не тяни.

Что-то сильно грохнуло, и с потолка полетело перекрытие и кирпичи. Потом грохнуло еще раз, и все окутала белая дымка. Шон не мог дышать, горло и ноздри наполнились кровью. Люди бегали и что-то орали. Упавшего Борова еле подняли и стали вытаскивать на улицу. Шон вынырнул из кровавого месива, откашливаясь и харкая чужой кровью. Ванночка перевернулась, содержимое разлилось по полу. Он посмотрел вверх — через дыру в крыше виднелось серое небо. Вытер лицо от вязкой и отвратительной жижи. Какое-то время не мог надышаться. За стенами шел бой. Взрывы, крики, стрельба. Пыль медленно оседала. Шон раскопал под обломками меч. Рядом оказался и пистолет. Шатающейся походкой пошел к выходу. Мимо пробежал его бывший пленник, держась за простреленную руку и крича из последних сил:

— Мессия пришел покарать всех нас за содеянное! Спасайтесь, пришел мессия!

Глава XLVI

«Я СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. РАЗВЕ ТЫ ЗАБЫЛ?»

День выдался тихим. Над землей повис плотный туман. К наступлению все было готово. Люди получили приказы, каждый знал, что делать. Павел, припав на одно колено, пытался высмотреть впереди врага, но белая дымка застелила почти все до горизонта. Марс тянул через нос воздух полной грудью и никак не мог надышаться. Высокие, чистые сугробы. Маленькие деревца, покрытые серебряным инеем. Красота утопала в безмятежной молочной пелене. И скоро всего этого не будет, а будут трупы, кишки, кровь и стоны умирающих. Скоро все изменится.

Марс медлил.

— Начинай, не тяни. Нужно действовать, пока не поднялся ветер и не разогнал туман, — голос прозвучал в голове мессии.

— Что? — Марс повернулся к Павлу.

— Ты что-то спросил? — здоровяк поднялся с колена и стряхнул с себя снег.

— Я думал, ты.

— Я жду твоей команды. Казак пойдет в атаку только после нас.

— Значит, Боров в большом доме? Что ж, у Демьяна есть человек с гранатометом, попробуем накрыть главаря прямо внутри. Без Борова они сражаться не станут, разбегутся, поджав хвосты. — Марс жестом подозвал Павла ближе. — Казак не должен пережить этой битвы. Ты сказал своим людям, что им делать? — Павел кивнул. — Тогда начнем.

Бойцы разбились на группы по десять человек и двинулись вперед ползком и перебежками. Сквозь туман показались первые дозорные врага. Их очертания просматривались через пелену размазанными образами. Марс затаился.

— Словно не воевать пришли, а, как всегда, охотиться, — прошептал Павел. — Что с них взять? Падальщики — они и есть падальщики.

— Не научили мы их, видимо, прошлый раз ничему, — начал Мертвец, но Марс цыкнул на него. — Как же ты на генерала похож! Не знал бы я, что ты не он, не отличил бы. Страсть как похож.

— Это только тебе кажется. Я — это я, а этот твой генерал, надеюсь, помер.

Грудь обожгло, Марс аж поморщился. К горлу подкатил приступ кашля, но Марс сдержал его. «Это только первый шаг к вершине. Ты истинный бог. Я помогу тебе», — голос вновь прозвучал в голове. Марс резко обернулся. Люди вжались в холодный наст, в ожидании приказа наблюдая за дозорными. Он отер снегом лицо.

— Паш, возьми Муху и Мертвеца. Зайдите справа, если что — прикроете. Остальные за мной. Уберем их по-тихому.

Через несколько минут они оттащили тела подальше и присыпали их снегом.

— Там кровь осталась, ее тоже закопайте.

— Сделаем.

Туман постепенно стал растворяться, и уже отчетливо было видно, как метрах в двухстах другая группа тоже сняла часовых.

Основные силы каннибалов располагались у большого дома: стая всегда держалась рядом с вожаком. Они и впрямь превратились в животных — брали числом, нападая на более слабых. Поэтому и сейчас, даже будучи изрядно потрепанными, не извлекли из поражения никакого урока.

Когда они заметили людей Князя, было уже поздно. С земли поднялся человек Казака и вскинул ручной гранатомет на плечо. Секунда на прицеливание — и снаряд устремился вперед, оставляя за собой полосу белого шлейфа. Крыша особняка разлетелась. Черный дым повалил вверх сквозь красно-оранжевые языки пламени. В стане Борова началась паника. Хотя у каннибалов имелся численный перевес, но выглядело совсем наоборот. Со всех сторон на них выскакивали мелкие группы и атаковали. Там и тут шла рукопашная возня. Люди Демьяна, став цепью, отрезали убегающим путь к спасению.

Из ставки Борова вывалились люди, таща на руках толстяка, который держался за разбитую голову. Стая подтягивалась к своему вожаку, кучкуясь, словно пчелы возле матки. Толстяк заорал и ткнул пальцем в сторону Казака. Тут же с полсотни каннибалов кинулись в атаку. После недолгой перестрелки завязался ближний бой.

— Марс! Марс! — Муха держался за кисть. Два пальца болтались на одной коже. Лицо бледное.

— Чего тебе?

— Демьяна прижали. Момент хороший, — лицо было искривлено то ли от боли, то ли от радостной новости.

— С рукой что?

— Да я сам не понял, чем зацепило. Ерунда.

— Дай сюда, — Марс схватил руку парня, вытащил нож и отрезал уже ненужные части тела. Муха только сморщился, глядя, как в снег упали его пальцы. — Перевяжи чем-нибудь и найди Пашу. Встречаемся у того здания.

Павел, словно медведь, раскидал двоих, третий чудом не пристрелил его, но здоровяк успел отвести от себя оружие, уцепившись за дуло рукой. Один рывок — и приклад собственной винтовки противника со всего маху размозжил ему череп. Кто-то повис на плечах. Павел стащил его с себя, как котенка, кинул на снег и рухнул сверху, прижимая к земле. Ухватился за волосы, правой рукой вцепился в пасть, просовывая пальцы за щеку и разрывая ее. Когда подоспел Муха, здоровяк сидел на корточках в окружении тел и вытирал окровавленные руки о снег. По лицу обильными струйками стекал пот.

— Там это... Марс...

— Чего Марс? Ты где был? Я думал, ты меня прикрываешь.

— Так я это.... Вот... — он выставил вперед перемотанную руку. — Как шарахнуло рядом... Я и не понял... Только пальцы...

— Пальцы, пальцы. Главное — не голова. А это ерунда все. Чего Марс-то?

— Так ждет нас. Вон там, у дома. Там Демьян попал под раздачу. Шанс хороший. А остальные где?

— Нет остальных. Те, кто со мной были, убиты. Мертвец куда-то пропал. Ладно, пойдем.

Из двенадцати бойцов Павла у дома собралось шестеро, двое из которых были ранены. Их затащили в укромное место и оставили до исхода сражения.

— Посмотри туда, — Марс кивнул головой.

Павел высунулся из-за угла.

— Хорошо их там прессуют. Но Демьян каннибалов перебьет. Какой план?

— Нужно его сюда заманить. Тебе он поверит, а я его тут встречу.

Павел и еще двое, пробиваясь через людей Борова, устремились к Демьяну, который со звериной улыбкой крушил врагов шашкой. Лицо покраснелось, волосы прилипли ко лбу, от разгоряченного тела шел пар. Папаха слетела и валялась в метре от него. Закончив с очередной партией неприятелей, Казак поднял шапку, отряхнул ее от снега и, нацепив на голову, уверенно зашагал спасать своего человека, которого душил каннибал. Подойдя, полоснул противника шашкой, ногой свалил его в сторону.

— Поднимайся, чего разлегся? — протянул руку уже приготовившемуся к смерти бойцу, поставил его на ноги. — Оружие подними — и вперед. Ну, чего застыл?

Павел с трудом добрался до Казака:

— Демьян!

— Живой?

— Да что со мной будет! Но у того дома прижали нашего мессию. Крепко прижали, помощь нужна, а то как бы нам его не потерять раньше времени.

— Мессию, говоришь? — Казак на секунду задумался. — А может, бросить его к чертям собачьим? Он же сын бога? Пускай бог ему и помогает. Явит нам очередное чудо. А? Как думаешь?

В тот же момент папаха слетела с головы Демьяна. Все как по команде упали на землю. Казак дотянулся до шапки и просунул в нее руку. Палец вылез наружу.

— Вот черт! Будем считать это знаменем. Где, ты говоришь, его прижали?

— Там, у здания.

— Много их?

— Я с собой двоих взял. Ты, получается, четвертый. Думаю, справимся.

Демьян нахлобучил шапку, скептически глянул на людей нового сотника.

— Ты давай тут оставайся, покомандуешь за меня. Я своих ребят возьму, а то твои какие-то щуплые.

— Да брось, пробьемся.

— Я сказал, тут покомандуй, а я к нашему мессии сам проберусь, — он хлопнул Павла по плечу. — Продвигайтесь к тому особняку. Боров где-то там находится. Но без меня его не трогайте. Сам ему кровь пущу. Хочу посмотреть своими глазами, что он прячет в жирном брюхе.

— Так, может...

— Все, я сказал!

Демьян вложил два пальца в рот и свистнул так, что заложило уши, махнул рукой. Трое бойцов бросились к нему.

— Учужал, гад, что-то, — пробормотал Муха.

— Возможно. Нужно обойти, а то Марсу несдобровать.

— Не успеем, а за Казаком идти — верная смерть всем.

— Обойдем. Надо обойти.

Марс смотрел на то, что творилось вокруг. В голове все смешалось. Раньше его заботой было только выживание — собственное и тех, кто был рядом, а рядом были всего двое. Теперь же приходилось думать не только о том, как спастись самому, но и как всему войску выиграть бой. Люди сражались. И ради чего? Князь был прав: людям всегда будет нужно нечто, за что они смогут умереть. Да провались пропадом этот Ярослав со

своими нравоучениями! В самом пекле за него решать его проблемы. Кому это нужно? Уж точно не Марсу.

— Мне это нужно, — голос из ниоткуда заставил его обернуться. — Как долго я ждал этого!

— Что за черт? Кто здесь?

Кулончик стал невероятно тяжелым. Воздуха снова не хватало.

— Ты сопротивляешься. Не стоит. Теперь я все осознал. Теперь я понял, для чего я создан. Ты создан. Мы созданы. Вместе мы станем непобедимы. Марс, я не дам тебя в обиду.

— Отвали! — Марс схватился за голову и оперся о стену. — Отвали!

— Они ввали мне. Пользовались мной. Все вранье.

— Отвали!

— Они пользуются и тобой. Ради чего ты тут?

— Ради друга!

— У богов нет друзей. Разве ты еще этого не понял? Ты здесь, потому что ты моя плоть. Человеческая сущность давит на нас, и мы становимся похожими на людей, но мы не такие. Я возведу тебя на вершины этого мира.

— Прочь из моей головы!

Шум поблизости вернул Марса в реальный мир. Через груды битого кирпича лез Демьян. Увидев мессию одного, он замедлил ход, рука сжала шашку.

— Мне сказали, ты тут попал в переделку?

— Было такое, — приходя в себя, выдавил Марс и понял, что Казак обо всем догадался.

Рука мессии рванула пистолет, но Демьян ловко прижал Марса к стене. Грянул выстрел, который повалил на землю шедшего следом человека Казака. Демьян сделал шаг к мессии и резко ударил его головой в переносицу. Мир перевернулся с ног на голову, и Марс потерялся в красном тумане, падая на землю.

«Ты слаб. Я больше не дам себе умереть», — пронеслось у него в голове.

Демьян ловко зафиксировал Марса, заломив его правую руку. Боль была адской. Казалось, еще немного — и кость треснет. Из носа лила кровь, дышать было трудно.

— Ты так ничего и не понял. А я ведь хотел быть другом. Правда хотел. Если б ты не был так нужен Ярославу, я б с тобой сейчас как с той девкой поступил. Мессия.

— Я не мессия, — чужим голосом прохрипел Марс.

Кулончик обжег грудь, боль и дикая злоба растеклись по его организму, подняли его с земли. Такой силы Марс еще не чувствовал никогда. Неодолимая, огромная, звериная, нечеловеческая. Он вскочил на ноги и резким движением отбросил Казака так, что тот долбанулся о

стену. Секунды хватило, чтобы поднять пистолет и несколько раз выстрелить в человека, стоявшего рядом. Боец упал, захрипел и затих. Марс перевел ствол на Казака, который поднимался с земли, шаря рукой в поисках пашки. Чьи-то сильные руки обхватили сзади плечи мессии. Тут же последовал бросок, и Марс всем своим весом ударился о землю, да так, что екнуло все нутро. Глянул на помповое ружье, лежавшее рядом с убитым, но подскочивший Казак быстро отбросил оружие ногой в сторону и с занесенной пашкой кинулся на Марса. Марс поджал ноги и оттолкнул от себя Демьяна, тот вновь упал.

— Не трогай ублюдка! Я сам его кончу! — поднимаясь, проорал Казак своему солдату.

Марс перекатился через плечо, вскочил на ноги, выхватил нож. Боец Казака уже наставил на него оружие. Это был крепкий высокий парень в сером пальто, совсем молодой. В его глазах читались страх и растерянность.

«Убей всех и станешь богом!» — голос в голове не давал Марсу покоя. Невероятная ярость растеклась по его венам. Впервые Марс перестал думать о тех, кого он потерял, о тех, кто был ему дорог. Что-то происходило с ним, что-то страшное, но одновременно приятное. Казалось, что разум его освободился от тела. Ни тебе страха, ни сожаления, ни жалости — ничего.

Марс кинулся на солдата, отводя левой рукой оружие в сторону. Повезло, что парень был неопытен, иначе он бы не оставил Марсу и шанса. Нож вонзился снизу в подбородок. Хруст костей и ужас в глазах умирающего. Труп пал на землю. Теперь Марс остался один на один с Демьяном. Развернулся и по-звериному посмотрел на Казака.

«Чувствуешь? Вот она, настоящая сущность твоя и моя! — заликовал голос в голове Марса. Кулончик потянул шею вниз. — Не сопротивляйся. Тебе без меня его не победить».

— Думаешь, я верю в сказки, которые рассказывает Ярослав? Ты просто кукла, которой поиграют и выкинут. Тебя имеют как девку! — взревел Демьян, наступая на Марса и занося пашку над головой.

Клинок со свистом прорезал воздух. Марс уклонился, прижался к стене дома.

— Знаешь, что мне сказал Князь? — Демьян повторно занес пашку и бросил ее на мессию. Лезвие высекло искры о кирпичи. — Он сказал убить тебя, если ты что-то задумаешь. А ты задумал отомстить мне, задумал поиграть по своим правилам. Но правила тут устанавливает только Князь.

«Не сопротивляйся, или он убьет нас», — не умолкал голос.

Вдох и выдох.

Демьян остановился, увидев, как у мессии белки глаз затягиваются черной пеленой.

— Это что за фокусы?

— Помнишь, как ты обокрал меня? Как посмеялся надо мной? — голосом Марса словно разговаривал сам дьявол.

— Да какого... — Казак взмахнул шашкой.

Марс сделал шаг навстречу и заблокировал ее у себя над головой ножом. Удар ногой в живот. Демьян, задрав ноги, полетел на землю. Марс тут же оказался сверху.

— Что ты такое?

— Я спасение человечества. Разве ты забыл?

Холод прошел по спине Демьяна, когда он осознал, что сейчас должно произойти.

Железные пальцы сомкнулись у него на горле. Демьян хрипел, выгибался, царапал руки своего убийцы, гаснущим взором смотрел в черные как ночь глаза. Грудная клетка его сокращалась, стараясь ухватить последние глотки воздуха. Судорога несколько раз прошла по его телу, и наконец под пальцами месии захрустели трахейные хрящи. Казак дернулся последний раз и распластал руки. А Марс еще долго не мог разжать пальцы на его горле, давил все сильнее и сильнее.

— Марс, берегись! — голос Павла вывел месию из транса.

Человек в черном плаще с капюшоном немного замешкался, но вновь кинулся вперед, занеся над собой катану. Марс отскочил в сторону, схватил шашку Казака и отбил удар. Шон ударил коленом, повалив месию на спину. Марс сделал кувырок назад, вскочил на ноги и пошел в атаку. Клинки снова скрестились. Впервые противники оказались лицом к лицу.

— Генерал? — всмотревшись в Марса, тихо прошептал Шон с неподдельным трепетом в голосе.

Марс с силой навалился вперед, отталкивая напавшего от себя. Шашка виртуозно сделала пируэт в воздухе. Шон дернулся в сторону. Прозвучали выстрелы, и оба сражавшихся пригнулись. Пули вырывали из стены куски кирпичей, превращая их в щебень. Шон, зажав плечо, рванул назад и скрылся за стеной дома.

— Твою мать! — осколком кирпича немного рассекло щеку, и Марс прижал рану рукой. — Вы что, меня вместе с ним положить захотели? — проорал он подбегающему Павлу.

— Да он чуть тебя не зарубил, — сгибаясь и опираясь руками о колени, еле вымолвил запыхавшийся здоровяк. — Муха, давай за этим уродом.

— Не стоит. Этот парень явно не из людей Борова.

Павел остановил своего человека, долго смотрел на труп Демьяна, потом на мертвецов, лежавших вокруг.

— Ты либо везучий, либо и вправду не такой, как все.

— Скорее везучий, — ответил Марс, прикладывая снег к разбитой переносице.

— Надеюсь, эта тварь долго мучилась. — Павел плюнул на тело Демьяна.

— Не знаю. Надеюсь, что так.

— Спасибо, что отомстил за Лизу.

Марс отбросил комок окровавленного снега в сторону. Он как-то и не подумал об этом. А ведь он мечтал убить Демьяна. Отомстить за крестницу Павла. Все же затевалось ради мести? Что с ним вообще творится последнее время?

— Дай-ка, — здоровяк протянул руку, требуя шашку.

Павел резко взмахнул клинком и одним ударом отсек мертвецу голову, поднял ее за волосы и долго смотрел на застывшие в предсмертном ужасе глаза Демьяна. Потом подкинул ее, словно мяч, и ударил ногой.

— Это тебе за девчонку, мразь!

Глава XLVII

ВСЕМ ВОЗДАСТСЯ

Шон с силой ударил плечом дверь. Та с грохотом распахнулась. Самурай пробежал сквозь дом, по дороге схватив стул. Оконное стекло разлетелось вдребезги. Он выскочил на улицу, огляделся по сторонам — никого — кинулся прочь. За углом наткнулся на человека. Разбираться не стал. Теперь все враги. Отскочил в сторону, выгнулся кошкой, с потягом рубанул. Человек вздернул руки и осел, а Шон помчался вперед. Бежал, высматривая лазейку, чтобы не нарваться на бойцов. Ему нужно было вернуться к девчонке.

Когда добрался до магазина, где оставил ее, и дернул дверь на себя, — навстречу тотчас выскочил трезубец, чудом не пропоров Самурая живот. Шон схватился за древко, рванул на себя изо всех сил. Нападавший от неожиданности упал на колени, выпустив оружие из рук. Шон коленом нокаутировал неприятеля и добил трезубцем. Грянул выстрел. Над головой Самурая в двери образовалась дыра. Грянул второй. Кто-то повалился на пол, с дребезжанием разбрасывая утварь, еще оставшуюся в магазине. Самурай спрятался за витрину, вытащил катану и затих.

— Шон, это ты? — тихий испуганный голос прорезал мертвую тишину.

— Кать, все хорошо?

— Да, все нормально. Я, кажется, его убила.

— Сколько их тут?

— Было двое.

Шон облегченно выдохнул, убрал меч, пошатываясь, вышел из укрытия. Девчонка брела ему навстречу, сжимая в руках обрез.

— Остатки банды Борова, — проходя мимо трупа, определил Шон.

— Ты ранен?!

— Есть немного.

— Пойдем, я посмотрю, — она помогла ему пройти в комнату с хорошим освещением и усадила на пластиковый ящик из-под бутылок. — Господи, да ты кровью истекаешь!

Шон сидел сгорбившись. Кровь текла по плащу, толчками выходя из распоротого плеча. В голове звенело от кровопотери. Только теперь он

ощутил, как чертовски болела рана. Единственное, о чем думалось, — как бы не свалиться в обморок. Катя помогла снять плащ.

— Во внутреннем кармане бинт, йод и игла с ниткой, — заплетающимся языком пробормотал Шон.

Дальше все в тумане.

Два дня они сидели в разваленном здании. Все это время Шон боролся с приступами горячки. Катя поила его растопленным снегом, ухаживала, как могла, обрабатывала рану. На третий день Самурай более или менее пришел в себя, смог подняться. Девочка помогла надеть плащ.

— Как ты?

— Нормально. Бывало и хуже.

— Кто тебя так? Каннибалы?

Шон ничего не ответил. Вышли на свежий, прохладный воздух, и тут Самурай произнес:

— Уходи. Мне больше не нужно держать слово. Ты свободна.

— Вот спасибо! Только я тебя не брошу: ты еще слаб.

— Слушай, девочка, вали, пока я не передумал. Все, ты свободна.

Убирайся!

— Да что на тебя нашло? Куда я, по-твоему, должна пойти?

— Уходи к людям Князя. Твой спаситель у них.

— Максимыч? Откуда ты знаешь, что он... Ты что, его видел?

Шон скривил лицо, повел больным плечом.

— Я не знаю, что я видел, но я знаю точно, что он у них. А мне нужно попасть к своим. Я должен узнать, как погиб генерал и что сейчас происходит в моем легионе.

— Если твой проклятый генерал умер, зачем тебе что-то узнавать? Они нас чуть не убили в городе. Откуда такая уверенность, что не убьют в твоём лагере?

— Там остались Сергей и Влад. Я должен узнать у них, почему все пошло наперекосяк.

— Зачем тебе это? Пойдем со мной. Я прошу, пойдем. Если Максимыч у Князя, он не даст тебя в обиду.

— Ты слишком добрая. И слишком юная. Тебе не понять. Пошли, я покажу тебе дорогу, — Самурай неловкой походкой двинулся вперед.

— Ты бессердечный и неблагодарный засранец! Вот кто ты! Эгоист чертов! Нужно было тебя оставить тут помирать! Я бы и без тебя нашла Марса! — голос сорвался, и Катя заплакала.

Марс расположился в развалинах дома, где ранее было логово Борова. Людям Казака Павел сообщил о храброй смерти их командира, сказал, что на правах сотника берет командование на себя до тех пор, пока они не вернутся в город. Там уже Князь решит, как поступать дальше. Зачистив от каннибалов район, бойцы стягивались к указанному месту.

Пленных не брали, кроме самого Борова с десятком приближенных. Выставив охрану и отправив раненых в город, оставшиеся собрались возле дома, где находился Марс. Туда же притащили и пленных. Боров стоял в окружении противников, а Марс пристально смотрел на него.

— Чего смотришь? Думаешь, буду умолять о пощаде?

— Казнить тварей! Казнить! — толпа скандировала, чувствуя свое превосходство.

Кто-то метнул камень и угодил одному из пленников в голову.

Марс молчал. Ему не доводилось судить людей. Раньше он был сам по себе, теперь он ощущал небывалую силу, которая стремилась куда-то выше, куда раньше его мысли не заходили.

Круг стал смыкаться. Озлобленный народ живой волной накатывал на каннибалов.

«Чего ты стоишь? Их сейчас растерзают без тебя, — включился голос в голове Марса. — Ты сейчас бог. Только ты можешь решать и управлять. Прочувствуй это. И ты поймешь, что такое власть. Суди их. Суди по всей строгости сам и ни в коем случае не давай делать это другим. Псы должны подчиняться, а не решать».

Марс, храня молчание, поднял руку. Павел гаркнул на толпу так, что люди отступили назад.

— Ты привел свою стаю сюда для наживы. Что ж, теперь нажива — вы. Ты присоединился к Новому Риму. Что ж, их время тоже настанет. — Марс развел руки в стороны и воскликнул: — Я спаситель этого мира! Я мессия! И я буду судить вас по делам вашим и за грехи ваши! Так узрите гнев мой!

Кто-то из толпы встал на колени. За ним вся масса склонилась к земле. Волна неописуемых ощущений прокатилась по телу Марса: озноб радости, эйфории вознес его над всеми. Марс медленно перевел взор на Павла. Тот, немного замешкавшись, также преклонился перед ним. Часть каннибалов пала ниц в надежде на милость победителя.

Принесли и поставили у ног Марса пластиковую ванночку, которую еще недавно использовал Боров.

— Жирного оставить напоследок, — скомандовал Марс. Он вытащил нож и передал его Павлу: — Пусти им кровь. Пускай получат награду, за которой пришли.

Павел резал пленных одного за другим. Каннибалов подводили к Марсу, заломив руки за спиной. Павел поднимал им головы и перерезал глотки. Кровь сливалась в ванночку, в которой раньше купали детей. Трупы складывали у ног мессии. Некоторые молили о пощаде, плакали, дергались и извивались. Другие крепились, сами подходили к палачу, плевали в сторону Марса и становились на колени. Предпоследним подтащили Дохлого. Он упирался ногами, брыкался, когда поставили на колени, обмочился. Раздался короткий прерывистый визг, и нож Павла

успокоил молящего о пощаде. Боров бился в истерике. Его держали четверо парней. Он орал что было мочи, видя, как режут его людей.

— Будь ты проклят! Ты не мессия! Ты убийца, такой же, как я! Только я не прикидываюсь святошей! Я хищник! А ты хищник еще пострашнее меня! Вы возносите дьявола на престол, думая, что он бог!

Жирное тело подтащили к Марсу, наклонили над ванночкой, из которой шел пар от теплой человеческой крови. Павел поднес нож к горлу, но Марс остановил его. Зашел сбоку к толстяку, склонился к уху:

— Я убил твоего брата Змея, размозжил ему череп его же кувалдой. Я убью и тебя. Убью вас всех. Потому что я устал убегать. Потому что устал всем говорить, что я не тот, за кого меня держат. Я так устал от этого, что решил стать тем, о ком ходят легенды.

Боров не успел ничего ответить, как Марс схватил его за лысую голову и сунул в пластиковую емкость. Толстяк трепыхался, пока не захлебнулся в крови своих же людей. Когда тело перестало подавать признаки жизни, Марс поднялся и воскликнул:

— Всем воздастся! Ибо пришел я! Спаситель человечества!

Глава XLVIII

ОСОЗНАНИЕ

Павел подошел к Марсу, который наблюдал, как поземка засыпает лежащий на земле труп.

— Все готово. Ребята займут оборону. Оставим человек тридцать, а нам нужно возвращаться в город.

— Я просто хотел спасти друга, — Марс покачал головой. — Просто спасти друга. Я не хотел всего этого.

— Мы обязательно спасем ее. Если понадобится, мы разрушим этот Новый Рим до основания, но найдем ее.

— Все это как-то не так.

— Что не так?

— Все!

Марс зашагал вперед.

— Постой. Ты куда? Эй!

Марс уходил не оглядываясь.

— Муха! Веди ребят в город. И позови ко мне Мертвеца.

Дошли до окраины поселка. Как Павел ни старался уговорить Марса вернуться, все было бесполезно. Мессия молчал и не оборачивался к следующим за ним здоровяку и Мертвецу.

Впереди показались несколько грузовиков из собственности каннибалов.

— Вот черт! — Павел развел руками. — Неужто на ходу? Теперь с ветерком домой домчим.

Марс потер грудь, сморщил лицо, посмотрел на здоровяка, и тот понял, что мессия не собирается обратно.

— Что ты задумал? Мне-то хоть объясни. Куда ты идешь?

— Туда, — Марс указал в сторону леса.

— Ты же понимаешь, что там могут быть солдаты легиона? А что подумает Ярослав, если ты не появишься? Мы же все решили. Отступать некуда. Или ты хочешь сбежать? Хочешь сбежать — так сказал бы. Я бы своих забрал.

— Теперь все мои.

— Хорошо, твои, но объясни...

— Пока сам не могу понять. Нужно туда.

— Ну и черт с тобой. Ладно, Мертвец, помоги завести! — Павел направился к грузовику.

Спустя несколько часов пути вдалеке показались черные скелеты сожженных машин. Марс кивнул в их сторону:

— Туда.

— Как скажешь, — Павел недовольно скривился и повернул машину.

Остановились. Марс открыл дверь и прыгнул на землю.

— Чего мы сюда приперлись? — Мертвец поежился на сиденье. Здоровяк только пожал плечами.

— Я сейчас, — закрывая дверь, произнес Марс и направился вперед.

— Князь нас на куски порвет. Сами себе могилу роем, — Мертвец вытащил смятую пачку сигарет.

— Дай-ка мне одну. — Павел затаился. — Он свое мыслит. Нам, видимо, этого не понять.

— Пойдем, когда вернемся! Думаешь, Князь поверит, что Демьян ради мессии жизнью пожертвовал?

— Ладно, не бухти. Тут дела высшие творятся.

— Хотелось бы верить.

Марс какое-то время постоял, обдуваемый ветром. Потом развернулся, сделал несколько шагов и стал раскапывать снег. Руки скользнули по чему-то гладкому и блестящему. Озноб пробил все тело. Марс схватился за голову.

— Молится, что ли? — предположил Мертвец.

— Молитва, она всегда кстати. Я бы тоже помолился, только вот не умею, да и не знаю кому.

— А ты, Паша, ему помолись.

Солнечный жаркий день. Задорно щебетали птицы. Дети возились в песочнице. По дороге проехал автомобиль. Мальчик, радостно бегавший по зеленой траве, вдруг замер перед человеком в кожаном плаще. Мужчина мило улыбнулся. Рука в кожаной перчатке легко сжимала рукоять трости в виде золотого черепа.

— Привет!

Мальчик посмотрел на странного человека с неподдельным интересом.

— Чего ты хочешь?

— Хочу много конфет! — радостно воскликнул малец.

— Конфет? Хм. Я дам тебе нечто большее, — мужчина вынул из кармана маленький камушек черного цвета и протянул ребенку. — Они хотели обмануть нас, Марс. Хотели создать тебя таким, чтобы ты противостоял своему отцу, — он погладил парня по волосам. —

Рожденные от единого единым и станут. Считай, что я дарю тебе частичку души Луция. Смерть не разлучает, она объединяет и уравнивает всех, в особенности избранных.

— А конфеты? — мальчик поднял глаза на незнакомца.

— Богу не нужны конфеты, — тот усмехнулся. — Луций укажет тебе дорогу, а ты сделай правильный выбор. Ты увидишь мир таким, какой он есть на самом деле, без масок, безо лжи, без богов. Когда придет время и люди обнажат свои личины, освободятся от оков порядка и морали, задай себе вопрос: «Нужен ли вообще такой мир?» Береги мой подарок, он бесценен. По нему твой отец всегда сможет найти тебя.

Мальчик сорвался с места и побежал к сидевшей на лавке женщине:

— Мама! Мама! Паук!

Павел и Мертвец припали к лобовому стеклу.

— Он что, труп откопал?

— Похоже.

Марс стряхнул с мертвеца снег, отер ему лицо и замер в оцепенении, словно нашел свое же тело.

— Они убили меня. Убьют и тебя. Пешки пытаются стать королями, — голос вновь врезался в голову. — Мы служили всем. Пришла пора взять судьбу в свои руки. Сейчас мы свободны. Люди нам не союзники, а лишь средство для достижения цели.

— Какой цели?

— Убить всех и стать богом.

— Богом чего? Пустоты?

— Вселенная — это пустота. Вспомни, как тебе было хорошо, когда тебя не было. С рождением появляются проблемы. С первым вздохом человек погружается в грех. Если не будет ничего, не будет и грехов. Не будет страданий, зависти, ненависти. Разве это не рай? Когда ничего нет, а есть только бесконечность времени и пустота, в которой нет ничего лишнего и нет ничего такого, чего нельзя делать. Это идиллия. Это блаженство. И мы сделаем всех идеальными, мы сделаем всех частью небытия.

— А как же быть с теми, кто уже существует?

— Мы позаботимся об этом. Иногда приходится творить зло во благо. Даже врач, спасая человека от гангрены, отсекает ему часть тела. Мы же спасем всех. Что это за мир, который нас сейчас окружает? Разве есть в нем хоть что-то, способное привлекать и радовать? Нет! Только страдание. Люди потеряли свой цветок жизни. Небытие уравнивает всех.

— Мне нужно найти друга. Катю. Виктор говорил, что она — цветок жизни.

— Забудь. Забудь о ней и о других. Мир должен вращаться вокруг тебя, а не ты вокруг мира. Будь тем, кем тебя считают. Будь мною.

Что-то шевельнулось рядом с трупом. Черная змея с ярко-красными глазами заползла на грудь генерала и свернулась клубком. Кулончик впервые стал легким, а тело Марса наполнилось необыкновенным спокойствием. Переливающаяся черная чешуя манила. Ему захотелось дотронуться до нее, почувствовать эту неопишуемую и влекущую силу. Он протянул руку, и вдруг рептилия укусила его. С пальцев потекла кровь, окропляя торчавшее из-под снега лезвие меча.

Павел и Мертвец вылезли из кабины, встали перед грузовиком.

— Марс, нам пора. Марс! — голос Павла глушил даже завывающий ветер. — Марс, ради всего святого, нам пора ехать.

Марс поднял прекрасной работы клинок с рукоятью в виде змеи. Потрудившись, снял с мертвого тела доспехи и плащ, надел на себя. За всем этим, словно загипнотизированные, наблюдали его попутчики. Когда он застегнул на поясе меч и двинулся в сторону автомобиля, Мертвец машинально перекрестился.

— Господи, Паша, кажется, мы с тобой помогли дьяволу вернуться в наш мир.

— О чем это ты?

— Надо валить.

Но было уже поздно — Марс подошел к ним вплотную. Глаза с черными, как угли, белками оценивающе осмотрели стоявших.

— Помнишь меня? — не своим голосом произнес Марс, обращаясь к Мертвецу. Левая рука прижалась к груди, где в доспехах отчетливо виднелись шесть пулевых отверстий.

— Господи Иисусе, — все, что смог вымолвить Мертвец. Павел не успел произнести и этого.

Уверенной поступью Марс перешагнул через трупы, открыл дверь грузовика и забрался в кабину. Мотор взревел. Машина развернулась и двинулась в обратном направлении.

Глава XLIX

ЗАЧИСТКА

Шон остановился. Катя застыла позади.

— Что случилось?

— Тише, — он положил руку ей на плечо и надавил, давая понять, чтобы она присела. Сам сделал то же самое.

Теперь уже четко слышалось урчание многочисленных двигателей. Самурай медленно привстал и на полусогнутых вышел к старой трассе, залег в кустах. Сначала показалась голова железной колонны, потом она вся потянулась длинной вереницей. Гвардейцы из Нового Рима двигались к лагерю легиона. Самурай дождался, пока не скроется последняя машина, и вернулся к Кате.

— Что там, Шон?

— Солдаты. Я провожу тебя до места, где стояли каннибалы. Теперь там, скорее всего, люди Князя. Я дальше не пойду, мне нужно в легион. Там остались те, кто мне дорог. Мои друзья там.

— Шон, пойдем со мной! — глаза девочки заблестели.

— Мне нельзя. Или ты забыла, что мы с тобой по разные стороны баррикад? Найдешь своего святого друга — и все будет хорошо. Скажешь ему, чтобы он меня не трогал, — лицо его засияло от улыбки, а больное плечо невольно потянулось вверх.

— А как же ты?

— А что я? Я могу пробраться куда захочу. Тем более я знаю, как расставляют посты и как действует охрана лагеря, так что я подойду к своим незаметно. Мне нечего бояться. Там Влад, Сергей и остальные. А ты, когда найдешь своего Марса, уходи с ним. Уходите далеко, очень далеко. Я не смогу вам помочь, если мы встретимся снова... — Он опустил голову, гоня мысль о том, что может произойти. — Бегите отсюда. Князю не выстоять.

— Я тебя больше не увижу?

— Надеюсь, что нет. Наше знакомство и так затянулось. Ладно, — Шон посмотрел вдаль, — нам пора.

Ярослав сидел за столом, положив голову на руки, сын докладывал ему о том, что каннибалы разбиты, говорил о храброй смерти Демьяна и о том, что Марса нигде нет, как и сотника Павла. Он много о чем говорил, восторгаясь сражением и хваля Марса. И не понимал самой сути. Князь поймал себя на мысли, что сын все же больше похож на мать, чем на него. Эмоции не давали Даниилу взглянуть на происходящее трезво. Маленькая победа — это еще не выигрыш в войне. Даниил напрочь забыл о том, что Марс всего лишь инструмент в великих делах Князя.

Ярослав отодвинул от себя пустой стакан и, прикусив губу, задумался. Что-то идет не так. Что-то он упустил. Но что? Демьян погиб, отдав жизнь за Марса? Он усмехнулся. Демьян — последний человек, который подставился бы за этого мессию. Значит, Марс все же нашел способ разделаться с ним. И скорее всего, ему кто-то в этом помог. А если это так, то парнишка все же решил поиграть в свою игру. Видимо, Ярославу так и не удалось его переломить, убедить. А ведь он давал Марсу право выбора, право быть рядом. И что получил взамен? Дьявол!

Даже его собственный сын восхваляет этого мессию, не видя правды. А единственная правда та, которую говорит он, Князь. И точка! Кулаки невольно сжались.

Люди и впрямь сейчас сражаются лучше. Общины пополнили ряды войска Князя, придя к мессии и встав под его знамена. Но игра затянулась и становится слишком опасной. Князь чересчур много врал, и теперь ложь стала правдой. Что же делать?

А Даниил безостановочно все восторгался и восторгался, сам не замечая, как преувеличивает роль Марса. Ярослав смотрел сквозь сына, погруженный в свои мысли, и только с умным видом кивал головой, делая вид, что внимательно слушает.

После большой лжи любая правда также становится ложью. Князь продолжал рассуждать. Нужно будет сказать, что мессия сделал все так, как приказал он, Князь. Что именно под его чутким руководством разгромили каннибалов. Даже если Марс что-то и планирует, пока не стоит вмешиваться. Пускай Марс думает, что Князь ни о чем не догадывается. А когда придет время, Ярослав выведет мессию из игры тихо и незаметно. Все же мертвому богу поклоняться легче, чем живому. А пока Князь не станет делать резких движений. Животное, загнанное в угол, кинется на тебя, даже если ты в сто раз сильнее.

Демьяна, конечно, жалко, но такой вариант развития событий Ярослав рассматривал. Павел может занять место заместителя, но остается вопрос, где сейчас этот здоровяк. Неужто его тоже убили? А Марс? Куда он делся? Сбежал? Вряд ли. Ему нужна девчонка, а для ее освобождения нужна армия. А что, если Марс задумал прибрать владения Князя к своим рукам? Глаза Ярослава сверкнули.

— Теперь, отец, нужно разбить Законника. Разреши мне повести людей? — закончив восторгаться, выпалил Даниил.

— О Законнике не беспокойся — считай, с ним уже кончено, — спокойно, как об уже решенном вопросе, сказал Князь.

— В каком смысле?

— В прямом. Нужно думать, как теперь сломить легион, в который из Нового Рима прибыли еще и гвардейцы. Они всех собрали в один кулак. Как я и предполагал. Осталось только теперь эту заразу прижечь каленым железом.

— Отец, я чего-то не знаю?

Ярослав молча отвернулся. Беседовать дальше он не видел никакого смысла. Махнул рукой.

— Ступай, я все понял.

Даниил, насупившись, выскочил вон, а Ярослав еще долго смотрел в одну точку, размышляя.

Виталий покинул лагерь со своими людьми в тот же вечер, как из Нового Рима прибыла великая Татьяна с гвардейцами. Пополнение давало возможность перебросить часть людей на фланг, которым командовал Законник, и Виталий незамедлительно поспешил к нему для усиления позиций на случай, если Князь решит их атаковать. Разгром Борова был ощутимой потерей, и потерять еще и этих союзников не то чтобы означало крах, но грозило окружением и ставило легион в очень трудное положение.

По дороге к отряду Виталия присоединилась еще одна группа. И уже к рассвету Виталий подошел к стану Законника.

— Стой! Кто идет? — голос из полумрака огласил пространство.

— Свои! Генерал Сергей прислал нас к вам на подмогу! Меня зовут Виталий!

— Слава Татьяне! — снова прокричал голос.

— Татьяне слава! — выкрикнул в ответ Виталий.

Темный силуэт вразвалочку вышел из темноты. Его руки лежали на оружии, болтающемся на животе. За первым выползли из укрытия еще люди.

— Что-то Законник не предупреждал, что нам ждать подкрепления... — Рука вышедшего дернулась вниз, и все резко подняли оружие, но стоявший в полумраке ухмыльнулся белыми зубами. Нынче такая улыбка была редкостью. — Да вы, парни, нервные, — он залез в карман, достал пачку сигарет и зажигалку, закурил.

— Станешь тут нервным, — опуская ствол, хмыкнул Виталий. — Слышал, что творится?

— Ты про Борова?

— И про него тоже.

— Паскуде и смерть паскудная. Туда ему и дорога, — презрительно сплюнул парень.

— Это да, только мы остались без прикрытого фланга.

— Это все хорошо, но я повторяюсь: я не слышал о том, что к нам движется подкрепление.

— Так и будем тут лясы точить или ты меня к Законнику отведешь? Он меня знает.

— Да я тебя тоже знаю. Доводилось видеть в Новом Риме. Иначе давно вас «с любовью» встретили бы, — окурок улетел в темноту и, угодив в ствол дерева, осыпал его искрами.

Меньше чем через час они вышли из дебрей на дорогу. Местами снег был утоптан: раньше тут явно была застава. Узкая тропа уходила вдаль. Видимо, Законник собирал своих людей в лагере.

— А что, застав нету, что ли? — Виталий обратился к долговязому парню, который шагал рядом с ним, держа руки поверх оружия.

— А зачем? За нами никто не идет следом, за вами же хвоста не было? — он усмехнулся своей белоснежной улыбкой. — Тем более я оставил ребят. Если что, дадут знать. А Законник сейчас силы стягивает. Как-никак сам будет командовать наступлением. Вас же к нам не отсиживаться направили?

— Это да, — Виталий оглянулся и кивнул одному из своих людей, который замедлил ход и затерялся в толпе.

Утром Законник выбрался из своего укрытия, которым служил один из домов заброшенного населенного пункта. Оставив охрану, он постарался уединиться. Свернул привычную самокрутку, затянулся обжигающим легким дымом, поднял голову и выпустил струйку дыма вверх. Долго смотрел на серое небо, прикидывал, как лучше поступить. Предав Александра, он остался жив сам и сохранил своих людей, но что теперь? Может, сбежать? Плохая идея. Кочевники вон пытались сбежать... Да и куда? Лучше быть с сильным. Принципы Законника изменились. Это раньше он был предан, делал все по понятиям, не нарушал данное обещание и требовал того же от своих людей. Теперь же никому не нужны честь, справедливость и совесть. Скоро он поведет своих людей в бой — и что ожидает его? Победа или поражение? Александр был хитрым и мудрым, умел все предвидеть. Окурок обжег пальцы, Законник вздрогнул. Привычным щелчком отшвырнул бычок в сторону.

Утреннюю тишину потревожил окрик поста. В ответ послышался отзыв, а затем в лагерь проследовала вереница людей. Законник еще раз посмотрел на небо, нахмурил лоб. Что он имел от своего предательства? Жизнь. Татьяна бы его не пощадила, если бы он остался верен

Александрю. Она смогла обыграть даже генерала, что уж тут говорить о нем.

Гомон в лагере становился все громче.

— Да кого там принесла нелегкая? — он поспешно скрутил сигарету и направился встречать гостей.

Темная масса людей стояла кучно. Впереди — высокий парень в зимнем камуфляже. Подходя ближе, Законник с удивлением узнал в нем Виталия.

— Наемник? Какого черта ты тут делаешь?

— Меня направили к вам.

— Татьяна не говорила ничего об этом, — Законник подошел вплотную и чиркнул спичкой.

— А я, в принципе, не от нее.

— Генерал, что ли, послал?

— Нет.

Законник втянул дым, его глаза округлились, озарение ударило его как молния. Он даже раскрыл рот, чтобы заорать об измене, но в руках Виталия вспорхнул нож, и его жало четко вошло сбоку в шею, перерезая артерию седому, когда-то чтившему законы человеку. Законник захрипел, зажимая рану. Тело невольно сделало несколько шагов назад, рука по инерции вытянулась, ограждаясь от убийцы. Сквозь мутнеющее сознание Законник видел, как пришедшие нападали на его парней и беспощадно убивали, а те даже не понимали, что происходит. Долговязый с белоснежной улыбкой так и рухнул замертво, убитый выстрелом в затылок. Законник почувствовал толчок, его тело повалилось на снег, а над ним склонился Виталий. Красная предсмертная пелена перед глазами затмевала мир. Наемник ногой прижал руку умирающего к земле, дабы тот не зажимал рану. Виталий, улыбаясь, наблюдал, как жизнь покидает тело седовласого человека.

— Тебе Князь передавал привет.

Глава L

СРОВНЯТЬ С ЗЕМЛЕЙ ВСЕХ

— Зачем ты приехала?

— Считай, что я соскучилась, — Татьяна провела пальчиком по щеке Сергея и потянулась губами к его губам, но он отстранился. — Что с тобой?

— Со мной? А как ты думаешь? У меня тут все просто здорово. А вот что у тебя?

— В каком смысле? — она склонила голову набок.

— Что произошло в Новом Риме? Что ты там устроила?

— А-а-а-а... Ты об этом? Старый дурачина Иван решил, что я виновата в смерти нашего учителя.

— Можно подумать, что это не так, — Сергей усмехнулся.

— Я предложила ему сделать выбор, а он подумал, что мне можно указывать. Пришлось немного сократить число наших ртов. Тем более от этих проповедников никакого толка. Они уже отжили свое. Единственное, — она стиснула зубы и сжала губы, в глазах блеснул гнев, — ваш узкоглазый смог улизнуть и прихватить девчонку. А ведь все шло так хорошо. Если бы не оболтус Бес, — она покачала головой, — остался бы только один этот проклятый мессия.

— Значит, Шон улизнул?

— Да, как ни печально это признавать.

— Погоню послали?

— Послали. Толку только? Гвардейцы потеряли след, когда началась метель.

— Он был лучшим следопытом и разведчиком при Луции. Я не удивлен, что он смог это сделать. К тому же он весьма предан и принципиален. Ему дали приказ охранять девчонку — и он будет исполнять этот приказ, пока не умрет или пока не узнает, что генерал мертв. Интересно, куда он мог деться? По идее, он должен был прийти сюда.

— Да какая разница? Смысл в том, что девчонка еще жива. И жив этот лжец, выдающий себя за спасителя.

— Я думаю, он вернется сюда. Если он услышит, что генерал мертв, то захочет знать, что произошло. А когда узнает, скорее всего, захочет отомстить.

— Кому?

— Думаю, тебе. Он обвинит тебя, поскольку вряд ли догадается, что это я убил Луция. Шон уверен в том, что легион — это единое целое. По крайней мере, я бы думал так, если бы был на его месте. Все бы так думали. Все... — Он хмыкнул и улыбнулся.

— Но ты не на его месте. Твое место рядом со мной, — Татьяна прижалась к Сергею и уткнулась в его грудь лицом. — И что ты сделаешь, если он появится?

— А как ты думаешь? — Он страстно впился в ее губы, затем отстранился и посмотрел на нее глазами преданной собачонки.

— Что-то не так, мой генерал? Что с тобой?

— Знаешь, я ради тебя готов на все. Я готов предавать и убивать. Но я не могу командовать легионом. Я не справляюсь.

— С чего ты это взял?

— Они все шепчутся за моей спиной о Луции, говорят, что мне не стать им. Я проигрываю войну.

— Не говори ерунды. Мы не можем проиграть. Столько всего уже сделано.

— Ты не понимаешь. Мы разрушили систему, а не должны были так поступать. Боров разбит. Говорят, этот мессия лично убил его. Балабек сбежал, но Виталий добил остатки кочевников. Люди Законника отступили. Все катится к черту. Мы грызем друг друга, и от этого Князь со своим спасителем становится сильнее.

— Законник прибыл со мной. Он все уладит. За нами — легион и гвардия. Виталий с наемниками. Мы гораздо сильнее, чем тебе кажется. Нас ничто не остановит.

— Никто уже ничего не уладит, — Сергей замотал головой, подошел к столу и плеснул вина в стакан. — Нам нужно отступить и отвести войско назад в наш город. Зря ты... Зря мы все это затеяли. Александр, Луций — они были богами, а кто мы такие? — он посмотрел на нее исподлобья, сделал глоток. — Ты была богиней. А теперь? Что теперь? Что мы натворили?

— Ты опять завел свою шарманку? Посмотри на меня. Посмотри! — ее голос сорвался на крик. — Ты понятия не имеешь, через что мне пришлось пройти и что испытать. И поверь мне, лучше прожить одну человеческую жизнь, чем быть богом. Настоящие боги — это люди. Я, ты, остальные. А они были не из этого мира. Посмотри, что они сделали с нашей жизнью, с нашей планетой, со всем человечеством! Их цель была уничтожить все. Думаешь, этот их мессия станет что-либо восстанавливать? Он один из них. Я прожила долгую жизнь и успела

понять и осознать одно: единственное, что они нам дали полезного, — это вера. А знаешь, что это на самом деле значит? Они дали нам оружие, которое должно уничтожить нас. Мы так и не сумели понять сути их дара, и в итоге победил тот, кто нас ненавидел с самого нашего сотворения. Мы должны положить конец всему этому. Осталось всего-то прикончить этого выскочку. И все. Мы будем свободны. Пойми. Для них это было просто игрой, и они доведут ее до конца, если я их не остановлю. Настала наша эпоха.

— Настала эпоха конца. Мы больше не увидим ничего. Мы вымерем. Разве ты этого не понимаешь? Сколько нас осталось? Какие-то крохи. И те стараются уничтожить друг друга.

— Вначале нужно разрушить оставшееся. Трава растет лучше на удобренной золой почве. Нужно искоренить всех из нашего мира. Они хотели уничтожить нас, а мы уничтожим их. Убьем последнего и освободимся от всего, что они нам навязали. А потом построим свой мир, в котором высшим созданием будет человек. Мы создадим единое государство, и больше не придется ни с кем воевать, не придется никого убивать. Мы создадим рай, из которого нас изгнали. Создадим сами, без помощи каких-либо богов.

— А был ли он вообще, этот рай? Я всю сознательную жизнь прожил в аду, и для меня единственная радость — это быть с тобой.

За занавесом послышался шум. Караульный доложил, что возле лагеря появился человек, который каким-то чудом обошел все посты и заставы и теперь стоит с поднятыми руками.

— Как это «появился»? — генерал сдвинул брови.

Солдат только пожал плечами.

— Вы бы сами взглянули, а то мы не знаем, что делать. Сначала пристрелить хотели, но...

— Ко мне его ведите. Возьми десяток бойцов, и тащи его сюда. Если дернется или будет хоть малейшее подозрение на засаду, убейте его. Сообщите офицерам, пускай поднимут людей. Все должны быть наготове. Пусть усилят охрану вокруг моей палатки в два раза. Нет, в три.

— Но, генерал, может, вы все же сами посмотрите?

— Исполнять приказ, боец. Я встречу его тут.

— Что это? — настороженно спросила Татьяна, когда они остались наедине.

— Я не знаю, — Сергей пожал плечами.

— Почему ты сам не пошел туда?

— Не люблю сюрпризов последнее время, — Сергей передернулся всем телом, по спине пополз предательский холодок.

— Чего ты боишься?

— Я боюсь сейчас всего. Сейчас даже от собственных людей можно ожидать чего угодно. Ты привела сюда всю гвардию? — сиплым голосом пробормотал он, хватая девушку за плечи.

— Да, я привела всех. Почти всех. Бес на моей стороне, гвардия тоже. Легион подчиняется новому генералу, а он — мне. Не будь параноиком.

— Хоть легион и подчиняется генералу, но после военных неудач, после того, как ты провозгласила меня генералом, а не благословила, как это требовалось от нового владыки Рима, после того, как я разделался с офицерами и поставил на их места людей Виталия, — после всего этого я как-то стал сомневаться в преданности моих подчиненных. Тут меня жди. Спрячься за ширмой.

Сергей нервно отодвинул Татьяну и, схватив оружие, направился к выходу. Шум становился все громче. К палатке стягивались солдаты. Генерал нигде не мог найти Виталия. Вдалеке уже показались бойцы, которые вели незваного гостя в темном плаще. Он медленно приближался, прихрамывая и держась за плечо. Сергей вздрогнул. Ему на мгновение показалось, что мертвец восстал из самой преисподней. Рука предательски отщелкнула предохранитель на оружии, а горло пересохло так, что язык прилип к нёбу.

— Генерал! Генерал! Генерал! — скандировали солдаты. Монотонно, отчетливо, словно он вновь стоял рядом с Луцием, а тот осматривал свой легион.

Сергей зажмурился, встряхнул головой. Наваждение ушло.

— Шон? — он сделал шаг вперед, приходя в себя.

— Разрешите доложить? — собираясь с последними силами, Шон поприветствовал старшего.

— Ты жив?! — Самурай открыл было рот, но Сергей не дал ему произнести и слова — схватив за плечи, прижал к себе. Шон скривил лицо от боли. — Я рад, что ты жив. Мы многих потеряли. Пошли, все обсудим, — он почти с силой затащил его к себе, подальше от лишних ушей и глаз, не давая опомниться.

— Значит, это правда... — Шон с настороженностью осмотрелся вокруг.

— О чем ты?

— О том, что генерал погиб. Я так понимаю, теперь ты на его месте?

— Луций пал, спасая меня.

— А где Влад и остальные старшие офицеры?

— Почти все погибли в ходе боев... — Сергей подошел к столу и взял бутылку. — Выпьешь?

Шон покачал головой.

— Ну как знаешь. — Сергей сделал несколько жадных глотков.

— Ты в курсе, что произошло в Новом Риме?

Сергей аж поперхнулся, вытер рукавом с губ вино, стряхнул капли с одежды.

— Я слышал, «Огненные братья» подняли восстание, когда их учитель умер.

— Александр был учителем не только для них, но и для всех нас.

— Да ты ранен! Нужно позвать медика! — Сергей устремился к выходу, меняя тему разговора.

— Они не поднимали восстания. Гвардейцы их просто вырезали и провозгласили Татьяну верховным правителем Нового Рима.

— Александр перед смертью передал власть Татьяне. Теперь она великий правитель Нового Рима. И она дала мне благословение на командование легионом.

— Как вообще они смогли умереть? Ты же, как и я, сражался рядом с Луцием и видел, что он творил и как смерть обходила его стороной. Как бессмертный мог умереть?

— Я не понимаю, о чем ты. Мы все скорбим, но это не повод...

— Я видел колонну с гвардейцами. Они прибыли сюда.

— Это подкрепление. У нас большие потери.

— Татьяна пыталась убить меня. Я думаю, она стоит за всем этим.

— Брось, что за чушь ты несешь? Она любила Луция. Говорят, она была убита горем, когда генерал пал. А ты сбежал, прихватив девчонку, вместо того чтобы помочь. А ведь солдат, а тем более офицер легиона должен в первую очередь служить Новому Риму и его правителю. — Сергей замолчал, осознав, что наговорил лишнего.

— Откуда ты все это знаешь? — Шон сделал шаг вперед.

— Как мне об этом не знать? Тебя признали дезертиром. К тому же ты сбежал с заложницей нашего заклятого врага. Ее стоило пустить в расход. — Сергей подошел к Самураю, схватил за грудки и встряхнул: — Где она? Куда ты ее спрятал?!

— Убери от меня руки!

— Я твой генерал! Отвечай на вопрос!

— Луций был генералом, и он не отдавал приказа убить ее. А теперь генерала не стало.

— Я твой генерал! Где эта маленькая дрянь?! Отвечай!

— Я проводил ее к тому, у кого мы ее забрали. Я отпустил ее.

— Что?

Край ширмы подлетел кверху, и новая правительница выскочила из-за нее словно фурия.

— Ты отпустил ее к нему?! — голубые глаза блестели, а голос дрожал от ярости.

Самурай изумленно посмотрел на нее, потом на Сергея. Головоломка моментально сложилась. Все совпадения, когда он видел Сергея и Татьяну вместе, были не случайны. Рука дернулась за мечом, но

Сергей опередил его. Он рванул Самурая на себя, а холодное лезвие ножа вошло в тело, прорезая одежду. Шон вздрогнул, стиснул зубы, попытался вцепиться в Сергея, но нож вновь и вновь входил в его тело. Татьяна с неким наслаждением смотрела на эту картину, сладостно наблюдая, как тело Самурая сползало все ниже и ниже, пока не опустилось на колени перед ее генералом.

Держась за живот, Шон уставился на своего убийцу.

— Неужто оно этого стоило? — последнее, что прошептал Самурай, прежде чем перед глазами все поплыло и он оказался в мире своих кошмаров, где грузовик вновь и вновь подминал девочку под колеса. Но теперь Шон был спокоен: одну девочку он все же смог спасти.

— Он мертв? — тихо поинтересовалась Татьяна.

— Мертв.

— Это хорошо. Плохо, что наш мальчик получил свою подружку обратно.

— И что из этого?

— А он может попросту взять и улизнуть: для него теперь нет смысла сражаться с нами.

— Это если она до него дошла. Я не думаю, что Шон довел ее до самых ворот города и передал ее лично ему. Я знаю, на что способен Князь и его люди.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю сровнять с землей их всех. Завтра выдвигаемся.

Глава LI

ДАЖЕ БОГИ УМИРАЮТ, КОГДА О НИХ ЗАБЫВАЮТ

Что было тогда, когда ничего не было? А что есть сейчас? Как раз сейчас мир превращается в ничто. Оказывается, даже боги умирают, когда о них забывают. Так долго его убеждали в том, что он спаситель этого мира. Так долго Виктор бежал от «Огненных братьев», уверяя, что его ведет рука Бога. И куда она его привела? Нет, больше он бежать не будет. Люди видят в нем мессию, и он станет им. Старый учитель боялся власти, боялся людей, боялся, что их найдут. А нужно было делать все наоборот. Тогда бы не пришлось бежать. Тогда бы никто не погиб. И Катя была бы рядом. И они смогли бы править людьми, а не подчиняться и уж тем более не бояться. Зачем служить Ярославу, если служить могут ему — спасителю? Теперь Марс понял свое предназначение. Он четко осознал, что должен сделать. Если тебя превращают в бога, грех не стать им. Для этого в первую очередь нужно отнять власть у Ярослава, а потом уничтожить тех, кто хотел покончить с самим Марсом.

— Я убил тех, кто верил в меня! — кулончик обжег грудь и потянул вниз.

— Ты устранил проблему. Маленькая ложка дегтя в бочке с медом. Иначе они бы отrekliсь от тебя. Зло во благо, Марс. Всего лишь зло во благо. У тебя нет друзей. У тебя есть цель. Я взял тебя за руку и проведу через тернистый путь к звездам.

— Но Виктор...

— Забудь ты наконец о своем старике! Забудь обо всем. Я покажу тебе истинное твое предназначение. Доверься мне. И ты станешь тем, кем они тебя считают. Довольно унижений перед ними! И поднимайся уже с колен.

Марс вздохнул полной грудью. Кулончик вновь стал легким. Сознание охватила эйфория. Он надавил на газ до предела, руки впились мертвой хваткой в баранку автомобиля.

Машина остановилась на подъезде к городу. Путь преградили солдаты Князя. Для Марса теперь все они были однообразной массой,

которой он воспользуется. Бойцы настороженно вскинули оружие, стали всматриваться. Марс не заставил их долго ждать. Дверь хлопнула, сапоги опустились на снег. Он резким движением поднял ворот и сделал несколько шагов к тем, кто осмелился его остановить. Люди, чувствуя неладное и держа оружие наготове, попятились, шепотом передавая друг другу: «Мессия, мессия, мессия». «Точно мессия. Я его видел», — склонив голову и пав на колени, сказал один. Лицо Марса исказилось улыбкой. Голос, который терзал его раньше, исчез. Он сам стал этим голосом. Он впитывал гнев и ненависть всего мира и чувствовал, как это дает ему силы, силы на свершение чего-то важного и одновременно страшного.

Когда он достиг города, его уже окружала толпа людей, идущих следом, словно верующие за пастырем. Эту процессию вышел встречать сам Князь. Ему доложили о том, что происходит, и он с ужасом собрал всех, кто еще оставался ему верен. Сына же он отправил из города, дал ему лучших людей и приказал идти к Виталию.

Собравшись с духом, Ярослав вышел вперед и с очаровательной улыбкой, раскинув руки в стороны, поприветствовал мессию. Марс молча выслушал его, после чего сделал несколько шагов навстречу.

— Я не впечатлен, — скупое бросил он Ярославу.

В рядах людей Князя явно царило смятение. Марс чувствовал страх, чувствовал, как их сердца дрогнули. Слишком долго и упорно в их головы вдалбливали то, что он сын божий, что он их спаситель.

— У нас одна с тобой цель или ты забыл? У нас один враг.

— Я помню о цели. Я помню обо всем, Ярослав. Только зачем теперь мне ты?

— Это мои люди, Марс. Не шути со мной. Они порвут тебя, если я прикажу. Только я могу дать тебе то, что ты хочешь. Хочешь вернуть девчонку? Без меня ничего не выйдет. Мои люди не пойдут за тобой. Мои люди...

— Это мои люди. Они уже все мои. Даже те, кто еще этого не знают, тоже принадлежат мне. А я есть небытие. Скоро мы все станем едины и свободны... — Марс положил руку на меч, белки глаз почернели, словно угли. — Они пойдут за богом, а не за человеком. Ты больше не нужен ни мне, ни им. Скоро людям больше ничего не будет нужно. Вы все так долго делали из меня бога, что мне пришлось им стать.

Князь с багровым лицом скрежетал зубами от злости. От гнева он не замечал, что происходило вокруг, не замечал того, как изменился его собеседник и как тьма окружила Марса. Рука потянулась к пистолету, что вызвало у Марса лишь улыбку.

— Да, ты правильно все понял, Ярослав. Ты создал бога, и теперь только ты можешь убить его. Ну же, смелее. Если ты отдашь им приказ, они не поймут тебя. Они верят в меня, верят мне, я приношу им победу за

победой, я спаситель, я мессия, я сын божий. А кто теперь ты для них? Ну же, смелее. Попробуй. Возможно, у тебя получится.

— Ты чудовище.

— Такой же, как все. Ничуть не лучше и не хуже тебя.

Мгновение — и Ярослав ухватился за обрубок руки. Кисть, сжимающая пистолет, упала на землю. Князь пошатнулся, колени подкосились, но он нашел в себе силы устоять на ногах. Он с мольбой посмотрел на тех, кто стоял за ним, но так и не увидел в их лицах поддержки. В их глазах был только нечеловеческий страх перед Марсом. Шатаясь, Ярослав повернулся, чтобы принять смерть, но Марс убрал меч в ножны.

— Ты проиграешь без меня, — срывающимся шепотом пробормотал Князь. — Ты всего лишь человек.

— Я бог, — скупно бросил ему Марс и, проходя мимо, нарочно пихнул плечом. — Такие, как ты, сделали меня им.

Людское кольцо предательской удавкой стало стягиваться вокруг Ярослава. Он почувствовал нехватку воздуха. Словно зомби, безвольные люди проглотили своего бывшего правителя. Истошный визг разнесся по округе.

Даниил замер и оглянулся, будто почувствовал неладное.

— Ты чего? — Виталий подошел к парню, поправляя на плече оружие.

— Не знаю. Предчувствие какое-то нехорошее. Может, с отцом что случилось? На душе тревожно стало, — он потер рукой грудь, сморщился. — Уж слишком неожиданно он меня к тебе отправил. То от себя не отпускал, а то вдруг «давай собирайся». Вон людей своих самых лучших отдал.

— Ну и что из этого? Ты ж его наследник. Брось. Я твоего отца с детства знаю. Мы теперь весь мир вертеть знаешь где будем? — рассмеялся Виталий.

— Все равно беспокойно что-то.

— Пойдем. Наша задача — зайти в тыл к этим фанатикам, а он ударит по центру. Еще одна атака пойдет от стана, где Боров был. И все, мышеловка захлопнется. Какие бы вояки они ни были, а окружение — это тебе не шутка. Тем более мы их в одном месте собрали. Генерала у них нет, а этот Сергей, — Виталий покачал головой и усмехнулся, — баран просто. Дальше своего носа не видит. Даже не понял, что я кочевников на нашу сторону переманил и теперь они нас в тылу ждут. А я как-никак правая рука командира легиона. Вот они удивятся, когда поймут, что им пришел конец и что за всем этим стоял я.

— Дай-то бог. Все должно получиться. Тем более с нами мессия.

— Мессия, не мессия. Это все пустой пшик. Он человек. Просто человек, который в руках твоего отца стал инструментом. Убивает не оружие, а рука, которая его держит. Так что этот парень только для ободрения масс, так сказать, для поддержки штанов. С верой умирать легче. Потом его в расход пустим.

Катя медленно приближалась к своей цели. С того момента, как Шон оставил ее, прошла, казалось, целая вечность. Она специально сделала вид, что уходит, а сама спряталась, наивно полагая, что он пойдет за ней. Но нет, он все-таки бросил ее. А она еще долго сидела одна. Потом все же, собрав волю в кулак, направилась в сторону, указанную Самураем. Терять ей теперь было нечего. Оставалось только нарушить первый закон выживания, которому учил Марс, и выйти к людям. Но одинокая и голодная смерть пугала куда больше того, что могло с ней произойти у какого-то Князя. Она вышла к глубокой колее, пошла вдоль нее. Двигалась вперед, напрочь забыв об осторожности, держа в руках оружие. Кукла аккуратно спрятана за пазухой. Впереди показались первые строения. Снег повсюду стал утоптаным, тут и там виднелись багровые следы. От страха заколотилось сердце, она остановилась, но поняла: бежать уже поздно. Движение заметила не сразу, но потом люди стали появляться со всех сторон. Темные, унылые силуэты. Все словно на одно лицо.

— Я ищу своего друга! Его зовут Марс! — ничего умнее ей не пришло в голову.

Секунды словно вечность. Организм сам знает, когда нужно спасаться. Дернулась назад и тут же уткнулась в кого-то. Ее схватили, отобрали оружие. Она заорала что было сил, но ей быстро заткнули рот и потащили в сторону от дороги.

Глава ЛII

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Марс двинул все силы на штурм лагеря легиона ранним утром. Удар нанесли в лоб со стороны поселка, где ранее располагались каннибалы. Еще одну группу он отправил на блокирование сил Законника, чтобы связать их боем и не дать возможности помочь легиону. Хотя наступление было стремительным, Черный легион, понеся большие потери, все же сдержал натиск. Разбить с ходу хорошо обученных солдат не получилось, бой стал затягиваться.

Еще на рассвете, когда слышались первые раскаты взрывов и стала доноситься стрельба, к Виталию прибежал Даниил и с недоумением на лице стал расспрашивать о происходящем.

— Да я сам не пойму, в чем дело. Мы должны были объединиться с твоим отцом и обсудить план действий.

— А может, это легион на нас попер?

— Нет. Я Сергея знаю. Без меня бы он атаку не начал. А я, мать твою, тут нахожусь. Это Ярослав ударил. Не знаю, по какой причине, но это точно он.

Почти в ту же минуту подоспели несколько бойцов из разведгруппы Виталия и подтвердили, что войско Князя начало атаку.

— Черт знает что! — снимая автомат с плеча, проревел Виталий. — Что это за самодеятельность такая?! Мы же договорились, что атака начнется после того, как я буду в лагере!

— Может, случилось что?

— Может, — Виталий пристально посмотрел на Даниила.

— И что делать будем?

— «Что, что» — тут либо все пополам, либо вдребезги. — Он жестом подозвал к себе бойца. — Беги к Балабеку и передай, что мы выступаем. Пускай нас поддержит. Даниил, бери своих парней и держись правее от меня, метрах в ста. И не вступай в бой, пока я не начну. Все понял?

— Понял.

Сергей находился в своем командирском шатре. Он привстал со стула, постоял и снова сел. Напряжение и тревога не покидали его уже который день. Он нервничал. Это видела Татьяна, которая молча наблюдала за поведением нового генерала. Бледный лоб его покрывала испарина. Он постоянно вытирал о штаны вспотевшие ладони.

— Ты очень изменился.

— Ты думаешь? — он поднял на нее взгляд и скривил улыбку. — А ты что-то чересчур спокойна. Знаешь, на войне без потерь не бывает.

— Я знаю. Только нужно сделать так, чтобы эти потери были как можно меньше.

— Меньше?! — он вскочил со стула. — Я не могу выйти к солдатам, не ощущая их презрительный взгляд. Я убил Луция, чтобы быть с тобой. Я убил Шона и приговорил Влада, а вместе с ним и старших офицеров, поставил на их должности наемников. И теперь эти наемники исчезли из лагеря. Твою мать! — он развернулся и что было мочи ударил ногой по стулу, который с грохотом отлетел в сторону. — Гребаный Виталий! Ублюдок! Где его черти носят?! Он ведет себя так, будто я ему не командир вовсе!

— Прежде чем договариваться о сделке с Виталием, мог бы посоветоваться со мной.

— Я генерал! Генерал легиона! — ударив себя в грудь несколько раз, проорал Сергей.

— Тебе нужно успокоиться и готовиться к штурму города. Эта война затянулась.

— Да неужто? А как я буду готовиться к штурму без разведгруппы наемников? Самурая у меня тоже нет. У меня нет лучших. Меня окружают бездари.

Его слова прервали взрывы, за которыми последовала пулеметная очередь и потоком полился свинцовый дождь. Взревели двигатели бронетехники, закричали офицеры, и сотни ног затопали по всему лагерю.

Группы Даниила и Виталия шли вперед. Остатки кочевников прикрывали тыл. Где-то уже совсем близко был слышен бой. Виталий жестами показал, что они рядом с лагерем. Даниил со своей группой остановился, а Виталий обошел его.

— Не стрелять! Свои! Слава Татьяне! — проорал наемник, и в ответ ему тут же раздался отзыв:

— Татьяне слава!

Быстро разделавшись с караульными, они стали прятать трупы, но не успели: на них вышла группа солдат, посланных для усиления тыла. Повисла немая пауза. Легионеры мешкали в недоумении, увидев, чем занят Виталий — их старший офицер.

— Вот черт! — Виталий покачнул недовольно головой. Такого он явно не предвидел.

Даниил вскинул оружие и выстрелил. Легионеры, понеся потери, слаженно отступили. Их старший отдал приказ, и несколько бойцов устремились обратно к лагерю.

— Не дайте им уйти! — срывая голос, орал наемник. — Не дайте им уйти!

Бой длился уже почти сутки. С рассветом на позиции Марса выдвинулся последний танк Черного легиона. За ним шла пехота. Марс наблюдал в бинокль. Происходящее напоминало ад. Повсюду лежали трупы. От порохового дыма, повисшего в морозном утреннем воздухе, першило в горле и слезились глаза. Тяжелая машина перемалывала траками тела мертвых и раненых, двигалась вперед, словно инопланетное существо. От выстрела орудия заложило уши. Снег мелкой пылью поднялся в воздух и облаком завис над техникой. Снаряд попал в укрытие. От каменной постройки, в которой прятался пулеметный расчет, осталась только куча обломков.

— Уничтожить их броню! — отдал приказ мессия.

Люди не перечили ему. Богу нельзя говорить нет, за него можно только умереть. Рай всегда доставался человеку через смерть. Глупая штука рай. Почему для того, чтобы жить хорошо, нужно умереть?..

Людям Марса удалось подбить танк. От удара порвалась гусеница. Машину развернуло боком, обнажив уязвимое место. От второго попадания сдетонировал боекомплект. Тяжелая башня взлетела вверх.

— Превосходно, — Марс убрал бинокль. — Добивайте пехоту.

— Мессия! Мессия!

Марс обернулся на голос. Перед ним стоял напрочь измотанный человек. Пот лился ручьями по лицу. Парень отер его, сняв шапку. От мокрой головы повалил пар.

— Я из группы, которой раньше Демьян командовал. Мы начали атаку южной стороны лагеря. На легион кто-то напал с тыла. Мы не знаем кто. Черный легион оттянул силы от нас и перебросил в тыл. У них там хорошая заварушка, а на нашем направлении оставили только заградотряд.

— Те, кто атаковал легионеров, воюют и с нами?

— Нет, наши позиции они не трогают. Среди них хорошо вооруженные ребята и... — он замялся, — кочевники. Они раньше ведь против нас были. С легионом сюда пришли. Мы не знаем, что делать.

Марс прикрыл глаза. Пальцы в кожаных перчатках застучали по биноклю. Парень стоял и смотрел на него, не отрывая взгляда, а через толпу ожидавших приказа ринуться в бой людей пробирался еще кто-то. Человек в возрасте вынырнул из толпы и рухнул на колени, сгребая под

собой снег. Марс открыл глаза и свысока, словно с небес, посмотрел на него.

— Их нет! — с пеной у рта, словно загнанная лошадь, с трудом выхаркал из себя слова пришедший. — Нет их. Никого нет. Только мертвецы. Все в лагере Законника мертвы.

«Бог всегда знает, что делать, Марс. Ты не должен размышлять, ты должен действовать. Думаешь, он долго рассуждал, когда создавал вас и этот мир? Нет. Он просто делал то, что считал нужным. Ты есть я. Вспомни, как люди смотрят на тебя, потому что верят в тебя. Забудь обо всем, стань тем, кем рожден».

Марс мотнул головой, дернул шеей.

— Хм. Кто-то облегчил нам задачу. Знать бы только, кто это. Мертвецы не могут причинить зла. Бояться стоит живых. Передай своему командиру приказ идти на лагерь. Раз Законник разбит, негоже этим не воспользоваться.

Гонец склонил голову, поднялся с колен и, попятившись, скрылся в людской массе. Марс повернулся к первому.

— Ты еще здесь?

Парень изумленно смотрел на мессию. В его глазах читалось недоумение и растерянность.

— Кто не с нами, тот против нас, — промолвил Марс и, отвернувшись, снова припал к биноклю.

Парень, поклонившись, поспешил обратно к своему отряду.

— Какого дьявола тут происходит? — Сергей был в бешенстве. — Почему нас отовсюду атакуют? Где Законник и его люди? Где Виталий? Где мой высший офицерский состав? Кто мне доложит, какие потери мы несем? Или мы побеждаем? — он схватил за шиворот одного из подчиненных. Тот только отвел глаза в сторону.

Татьяна, скрестив руки на груди, изрядно нервничала. Раньше смерть не пугала ее, раньше она не думала о том, что можно умереть. Теперь все было гораздо сложнее. Оказалось, вновь быть человеком намного страшнее, чем она предполагала. Рядом раздавались взрывы, крики, выстрелы. Офицеры, которых смог собрать генерал, потупляли взор и молчали. Весь высший состав пропал вместе с Виталием. Армия держалась лишь на прежнем боевом духе, привитом Луцием. И сражались солдаты бесстрашно только потому, что не умели по-другому.

Вдалеке появилась группа гвардейцев во главе с Бесом. Они тащили на привязи троих пленных с мешками на головах. Бес с надменной улыбкой шел впереди, гоня в зубах тонкую веточку.

— Похоже, твой пес с добычей, — обернувшись к Татьяне, прохрипел Сергей.

— Он любит свою работу.

— Он просто любит убивать.

— В сложившейся ситуации это совсем даже неплохо. Или ты не согласен?

— Великая Татьяна, — Бес склонил голову, приложив руку к груди.

— Генерал, — перевел взгляд на Сергея, сделал то же самое.

— Кто это?

— Сами посмотрите, — Бес указал рукой на пленных с язвительной улыбкой, всем своим видом намекая, что генерал будет крайне удивлен.

Сергей подошел к первому, одна рука его была замотана тряпкой, кисть отсутствовала. Резко сорвал мешок с головы и отшатнулся.

— Балабек... — протянул он почти шепотом, ярость сдавила связки. — Мерзкая ты тварь.

Второй пленный поразил уже всех. Виталий зажмурился на секунду от яркого света.

— Ты-ы? Ты? — еле сдерживая гнев, прохрипел Сергей. — Неужели?

— Зашли к нам в тыл и перебили наших солдат. Хорошо, что я вовремя подоспел. Взяли их в кольцо и вырезали, оставили только этих. Так сказать, на развлечение, — смаковал Бес каждое слово. Убивать он любил, и о смерти говорить ему нравилось.

— Как ты мог?! Ладно этот, — Сергей с брезгливостью взглянул на Балабека. — Я же дал тебе все.

Руки сжались в кулаки. Слышно было, как хрустят костяшки под кожаными перчатками. Виталий лишь надменно сплюнул кровавую слюну в сторону. Даже через грязь на лице просматривался огромный синяк под заплывшим глазом. Волосы на виске слиплись от застывшей крови. Сергей сдернул мешок с последнего. Лицо парня показалось знакомым, но он не мог вспомнить, где его видел, и вопросительно посмотрел на Беса.

— Сын Князя, — тут же ответил тот. — Хотел застрелиться, да не рассчитал патронов в обойме.

— Сын Ярослава? — Сергей развел руки в стороны. — Какого хрена тут вообще происходит? Почему его сын оказался у нас в тылу вместе с этими? — он не смог произнести даже их имен, а только скривил лицо, с отвращением смотря на плененного Виталия.

— Садар эм, — Балабек дернулся к Татьяне с перекошенным злобой и бессилием лицом. — Твоя тварь подохнуть. Как и твой бывший пес. Слышишь? Сам дьявол идет за твоя душа.

— Он обожрался дряни, о великая. Кочевники, чего с них взять? Вечно жрут свои корни для храбрости, — усмехнулся Бес. — Вы можете не переживать: я смогу защитить вас хоть от дьявола, хоть от бога, хоть от мессии.

Кончики губ Татьяны слегка поднялись вверх, рисуя на ее лице еле заметную улыбку. Сергей прожег Беса ревнивым взглядом.

— Вы лишите меня моего народа. Александр был велик. Вы не чета ему. Его хозяин отомстит вам за все. Садар эм. Вы отступили от истинной веры. Никто не может скрыться от его гнева.

— Бес, вырви ему язык.

Дважды просить палача не пришлось. Бес с размаха ударил азиата. Кочевник согнулся и упал. Бес вскарабкался на него, вспорол ему глотку и, просунув руку в разрез, вытащил наружу язык, ловко отделил его от тела. Поднявшись, он протянул трофей девушке.

— Я же не сказала убить его, тупая твоя голова.

— Простите, — Бес склонил голову, прижал к себе руку, державшую язык Балабека.

— Что здесь происходит? — Сергей обернулся к Татьяне и указал рукой на еще дергающееся тело. — Это мои пленные. Почему ты не советуешься со мной, когда что-то решаешь?

— Потому что ты тупой идиот, — рассмеялся Виталий и тут же получил в морду от стоявшего рядом гвардейца, который лишил его двух передних зубов.

— Ты тоже не советовался со мной, когда решил заключить сделку с этим, — она кивнула на сплевывающего кровь и зубы наемника. — Можешь теперь делать с ними все, что захочешь, только принеси мне голову Марса. Или я возьму вместо его головы твою. Или его голова, или твоя! — Она развернулась и пошла прочь.

Сергей еще какое-то время смотрел ей вслед, не понимая, пошутила она или сказала всерьез. Та, ради которой он пожертвовал всем и предал всех, просто вытерла об него ноги. В присутствии солдат гвардии.

— Тебе никогда не стать Луцием. Ты ничтожен. Ты был хорош, только выполняя приказы, но ты никогда не сможешь командовать, — Виталий раскрыл в улыбке щербатый окровавленный рот.

Сергей вздрогнул. Словно очнулся от дурного сна. Он обернулся и подошел к наемнику, не спеша вытащил у него из кармана нож-бабочку, сделал несколько оборотов.

— Знаешь, я любил генерала. Всем своим сердцем. Он спас меня, обучил всему. Но так случилось, что между нами встала она.

— Все зло из-за баб. Как это банально. Мир висит на волоске, а ты ведешься на ее милое личико. Ты ничтожней, чем я думал, Сергей.

— За нее я бы убил даже родную мать. Единственной моей ошибкой было то, что я поверил тебе. Интересно, ты воюешь за всех или только за себя? В чем смысл всего этого, Виталий?

— Я всегда был на стороне Ярослава, тупой ты идиот. Думаешь, Боров так легко взял то село? Да мы просто сдали его вам, и ты проглотил наживку, решив, что я свой в доску. Князь знал о каждом вашем шаге, обо всем, что вы планируете и что делаете. И я не завидую вам, когда он придет сюда. А он придет. У него есть тот парень, за которым вы так

безнадежно охотились. Князь смог приручить его. И теперь они разобьют вас, потому что этот долбаный Марс ведет их в рай земной. А куда ведете вы своих людей, а, Сергей?

— Это мы еще посмотрим. Как тебя зовут, парень? — повернувшись к Даниилу, поинтересовался генерал.

Тот молчал. До последнего Даниил думал, что его все же обменяют на кого-нибудь. Однако, по всей видимости, богу, сыну которого он служит, угодно по-другому. Пускай даже в это не верит его отец — он-то знает, что все, что делает Марс, все истина, которая должна привести их в рай. Сергей же очень хорошо помнил машину, набитую трупами. Этого он простить, а уж тем более забыть никак не мог.

— Молчишь, значит. Ну-ну. Виталий, а хочешь, я заключу с тобой сделку, как ты заключил со мной?

— Удиви.

— Есть нож, — он показал его обоим. — Между прочим, именно этот нож лишил жизни Луция. Кто знает, может, он особенный? Ну так вот. Было три глупца. Правда, сейчас в живых осталось только двое. В общем, эти придурки решили, что смогут победить легион Нового Рима. Смешно? Конечно смешно. Но есть выбор. Да-да, именно я дарю вам выбор. Если вы решите, кто умрет, второго я не убью. Но решить вы должны обоюдно. Даю вам две минуты на размышление. Если, так сказать, консенсуса не будет, Бес с вас шкуру снимет, с живых. Думаю, вы в его способностях не сомневаетесь. Не беда, что у тебя нет друзей, не правда ли, Виталий? Беда в том, что если они есть, то они продажны.

— Меня убей. Даниил, скажи, что ты согласен.

— Я не могу, — еле слышно пробормотал сын Ярослава.

Ему не приходилось раньше решать и брать на себя подобную ответственность. Отец всегда был рядом и всегда ограждал его от таких вещей. Инстинкт самосохранения говорил ему, что сейчас произойдет что-то ужасное. Адреналин наполнял тело, а мысли путались. Он только мотал головой и бубнил:

— Я не могу так поступить. Я не могу. Я не знаю.

— Меня режь. Меня, — шепелявил Виталий, брызгая кровавой слюной. — Оставь парня в живых. Ярослав его выкупит, пойдет на сделку ради сына. Он хороший заложник.

— А ты что думаешь? — поигрывая ножом, поинтересовался генерал у Даниила.

— Я не знаю.

— Время.

— Меня режь!

— Тебя, Виталий?

— Да. Меня. Меня!

— Ну, хорошо. Выбор есть у всех, Виталий, кроме тебя.

Даниил захрипел и пал на колени, когда в его грудь по самую рукоять генерал загнал нож. Виталий дернулся вперед, но его скрутили два гвардейца.

— Чувствуешь? Это называется предательство. Я себя ощущаю точно так же, смотря на тебя. Мне не нужны пленные. Я хочу, чтобы она была счастлива. Я прирежу и Князя, и этого вашего мессию. Я приколочу его к кресту и вырежу на груди ее имя. Бес!

— Да, генерал.

— Сделай с ним что-нибудь очень страшное. Я хочу, чтобы его визг долго разносился над лагерем. Чтобы сам Князь слышал, как поет его дружок, когда из него живого вытаскивают жилы.

— Ты не услышишь от меня ни слова.

— Ну-ну, — Бес только похлопал Виталия по плечу.

До поздней ночи в лагере легиона раздавался нечеловеческий крик: Бес хорошо знал свою работу и любил причинять людям страдания.

Глава LIII

«ТЫ ЗАБЫЛ СКАЗАТЬ „ГЕНЕРАЛ“»

Сергей стоял с бутылкой возле своего шатра, упершись одной рукой в ствол дерева, медленно потягивал спиртное из горлышка, слушая, как несмолкающий шум боя прорезает воздух, а лагерь наполняется стонами раненых. Вино горячило душу, мутило разум, Сергея переполняли обида и раздражение, а гнев просился наружу. Демон, скрывавшийся в темноте его души, пробуждался: «Или его голова, или твоя. Или его, или твоя». Сергей сжал зубы, с размаха ударил о ствол дерева. Как же так? Они же любят друг друга. Или любит только он? Тогда что было между ними все эти годы?

— Генерал, — перед Сергеем возник солдат с перевязанным лицом. Он походил на пирата: глаз, по всей видимости, вытек — на грязной повязке проступило багровое пятно. Через шею был перекинут ремень, на котором висела рука. С пальцев медленно капала вязкая кровь. Лицо было то ли покрыто копотью, то ли так сильно обожжено — не разобрать. В уголках сухих полопавшихся губ виднелась слюна. Он водил оставшимся глазом — единственным белым пятном на его лице. — Фронт почти разбит. Танк подорван. Мы отступаем с потерями, но пока держимся. Нам нужно подкрепление.

Сергей сделал глоток из бутылки. Они умирают, отступают, но не сдаются. Это заслуга Луция, не его. Наверное, в душе этот солдат прокликает нового генерала, но готов умереть, выполняя его приказ.

— Генерал, нам нужно подкрепление. Их намного больше, чем мы думали.

Это уже третий гонец за последние два часа. Держится только тыл. Но там стоит гвардия, которая подчиняется Татьяне. Он и сам подчиняется ей... Вот оно: он подчиняется. В случае провала гвардия и Татьяна смогут спокойно бежать назад, к неприступным стенам Нового Рима, а его бросят. Бросят прикрывать и стоять до последнего. И без того серое лицо Сергея стало пепельным. Неужели она сможет так поступить? Нет, она его не любит — у нее на уме только месть. А он всего лишь инструмент. Луция она ненавидела и боялась. О Сергея же она просто вытирала ноги, ловко подкидывая дровишки в костер чувств, чтобы тот не затух. Не любовь

толкнула Татьяну в его объятия — ее толкнула ненависть. Страшная ненависть к тем, кто исковеркал ее жизнь. К тому старику, Виктору. Око за око. Для нее суть всей жизни была в мести. А потом она переключилась на генерала, Александра, ту девчонку и Марса, будь он неладен. Этого человека он в глаза не видел, но уже ненавидит. А почему? Потому что она ненавидит.

Сергей сделал глоток и посмотрел на солдата.

— Ступай, будет вам подкрепление.

В жизни Сергея было много всякого дерьма. А можно сказать, что вся его жизнь была одним сплошным дерьмом. Он жил ради того, чтобы выжить, затем ради того, чтобы служить. И вот словно ангел, сошедший с небес, она. Такая величественная и такая красивая. Разве он мог мечтать об этом? Когда его привезли в Новый Рим, он понял, что его сердце принадлежит ей. Это была настоящая любовь, искренняя. Тогда Сергей был еще мальчишкой. Впервые в жизни он увидел реальных богов, до которых можно было дотронуться, которые разговаривали с ним, хотелось в них верить и делать то, что они приказывают. По сравнению с Луцием и Александром Татьяна была другая. Светлая. Такая близкая — и такая недостижимая, словно звезда.

В тот знаковый день солдаты вели спасенных Луцием людей вдоль стены, а она, заметив Сергея, улыбнулась ему и бросила яблоко. Тогда он даже не знал названия этого фрукта, а его вкус показался ему совершенным. В то мгновение в нем зародилась настоящая любовь. Хотя подобное чувство Сергей испытал впервые, но он точно знал, что это.

Татьяна подкидывала в разгорающийся огонь соломинку за соломинкой, прутик за прутиком, полено за поленом до тех пор, пока пламя не начало пожирать преданного солдата. Ради нее Сергей становился сильным и выносливым. Даже выполнять самые страшные приказы было проще. Он все делал ради нее. В итоге из мальчика вырос боевой офицер Черного легиона и по праву занял место рядом с генералом. Выше расти было некуда. А Татьяна делала все, чтобы Сергей сместил своего спасителя. Женщины умеют убеждать мужчин. У них есть свои способы, против которых сильный пол безоружен. Она была прекрасной богиней, которая ради него хотела спуститься на землю. И он верил в это. Мышеловка захлопнулась. Он полностью стал принадлежать ей.

Но ей мешал проклятый генерал, творивший с ней всевозможные гадости, не любивший, принижавший, лишивший ее всего демон. Ей мешал Виктор. Ей мешал Александр. И об этом она постоянно твердила Сергею, смыслом жизни которого стало сделать Татьяну счастливой. До сегодняшнего дня он смотрел на нее глазами влюбленного человека.

Сергей сделал большой глоток, вытер рукавом губы. Если бы он умел плакать, он бы заплакал, но командир легиона не имел такого права.

Татьяна оказалась не ангелом, а раковой опухолью, которой он сознательно позволял уничтожать его. Одного он не мог отрицать — он любил ее, любил больше жизни, любит и теперь. Разве он мог представить, что все выйдет именно так? Что ж, вера умирает последней, оставляя тебя наедине с безнадежностью. Сам виноват.

Бой шел совсем рядом, и было понятно, что новый генерал его проигрывает с позором, потому что он умел только подчиняться, и в этом сукин сын Виталий был прав.

— Эй, — генерала окликнул гвардеец, — тебя зовет к себе великая Татьяна, — парень кивнул головой в сторону, куда Сергей должен был пойти.

Генерал окинул мутным взглядом надменного юнца, которому было не больше двадцати и которому повезло родиться в Новом Риме. Вот и настал этот день для Сергея, день озарения. Он с жадностью допил остатки и тихо произнес:

— Ты забыл сказать «генерал».

Бутылка раскололась о голову гвардейца, осыпав его битым стеклом. Из рассеченной головы потекла алая кровь. Резкий удар вогнал в глаз лежащего парня оставшуюся в руках от разбитой бутылки «розочку», а армейский ботинок забил ее до упора.

Мир, словно листок бумаги, скомкался в неровный шарик. Все это время Сергей был просто рабом и только сейчас осознал это. Единственные, кто уважал его и верил в него, были Влад, Шон и Луций, а он убил их и стал посмешищем. Нога поворачивалась то вправо, то влево. Стекло с хрустом раскалывалось в черепе гвардейца, точно так, как раскалывалась жизнь Сергея. Он видел один выход: возможно, этот мир не для них — возможно, в другом они будут счастливы. Ведь «Огненные братья» обещали Млечный путь после смерти. Обещал Александр, великий учитель и маг, а он не мог ошибаться. Если нет счастья тут, значит, оно есть там. Сергей убрал ногу с трупа, нащупал рукой нож-бабочку и уверенно направился к своей цели.

Ветер поднимал с земли мелкую сыпь и нес вперед, хлестко обжигая лицо. Марс, прикрываясь от снежной пурги, наблюдал, как его люди добивали неприятеля. Пленные на этой войне не были нужны никому. Люди оживленно готовились к финальному наступлению.

— Пора! — прокричал Марс и сам возглавил атаку, уводя за собой бойцов.

Глава LIV

«Я УСТАЛ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ»

Почти трое суток упорных боев, тысячи погибших с обеих сторон — и вот она, победа. Побеждает тот, кто терпит. А может, побеждает тот, на чьей стороне правда. А может, тот, кто не боится смерти и готов ради победы пойти на все, даже на невыносимые вещи.

Марс уверенной поступью шел вперед в сопровождении своих людей. Ключа от ворот и почестей победителя он не ждал. Перед ним лежал полностью разрушенный лагерь легиона. Черный дым от догорающей техники устремлялся клубами в небо. Трупы под ногами — словно кочки на дороге, через которые попросту перешагивают, не обращая внимания. Снег был утоптан и раскрашен красным. От едкого запаха гари першило в горле. Все было перевернуто вверх дном. Такова цена победы.

Марс двигался вперед. С ним шагали только старшие группы, бойцы следовали позади. Никто не кричал от радости, никто не праздновал. Ветер трепал разорванные палатки, бессмысленно хлопая оставшимися клочками, словно аплодируя победителю.

— Ах, это сладкое слово «победа».

— А что дальше? — Марс остановился, прикрыл глаза и задал вопрос голосу.

— Дальше только звезды. Кто был никем, тот станет всем. Вот ты и перестал убегать. Теперь бежать будут от нас.

— А в чем смысл?

— Смысл? Разве в деяниях богов есть смысл? — голос расхохотался. — Был бы смысл, Вселенная не была бы бесконечной.

— А как же они? — Марс обернулся, посмотрел на измученных и израненных людей.

— Они? Брось. Что они тебе сделали хорошего? Ты совершенен. Пора из мессии стать богом. Эту планету, этот мир уже не спасти. Ты не спаситель. Ты — это я. А я должен остаться один, и тогда мы докажем ему, что есть человек на самом деле.

— Кому «ему»?

Голос вновь расхохотался, а люди рядом с Марсом оцетинились, словно волки, оскалились, вскинули оружие. Какой-то безумец, сжимая в руках катану, медленно двигался на них. Кончик меча оставлял за собой длинный след на утоптанном снегу. Шедший остановился, словно увидел перед собой призрака.

— Я убил тебя один раз, убью еще. Ради нее. Все только ради нее...
— Он указал на Марса мечом: — Сразись со мной. Сразись на равных.

Марс стоял напротив и просто молчал. Рука легла на рукоять меча, когда безумец сорвался с места, занося над собой катану. Люди Марса ждали приказа. Мессия медленно поднял руку.

Сергей двигался словно в полной пустоте. Тело само несло вперед и не могло остановиться. Солдаты провожали своего командира молчаливыми взглядами. Пару раз он даже с кем-то столкнулся, так и не поняв, с человеком или с предметом. Его разрывало от запаха любимой женщины. Этот запах был повсюду, словно он сам был пропитан им. Сергею хотелось сорвать с себя одежду вместе с кожей и хорошенько выстирать. Но он не мог, он любил ее какой-то извращенной, непонятной любовью. Как пес любит злого хозяина, который его бьет. Но стоит хозяину позвать, присвистнуть, почесать за ухом, как все обиды отходят в прошлое и остается лишь бесконечная любовь. Мир катился к чертям, его мир, а он хотел только одного — быть с ней навсегда.

— Куда? — несколько гвардейцев заградили проход, не пуская Сергея к шатру Татьяны.

— К ней, — расталкивая их руками и плечами, он пролез сквозь преграду, тихо приоткрыл полог и замер.

— Собирай гвардию и остатки легиона, Бес. Мы уходим в Рим. Похоже, тут все кончено.

— Легионом пока команду я, — медленно входя внутрь и опуская за собой полог, ледяным тоном произнес генерал.

— Сергей? — Татьяна явно не ожидала увидеть его сейчас. Выражение ее лица с изумленного сразу сменилось на властное. — Почему ты здесь? Ты пришел сообщить мне, что этот гаденыш мертв? Тогда почему я не вижу его голову?

— Мне сказали, — он посмотрел на свои руки, вытер ладони о форму, счищая с них капли крови, — ты звала меня.

— Я звала. Но ко мне следует входить с моего позволения.

— С позволения? Мне? — он вновь посмотрел на свои ладони, потом перевел взгляд на Татьяну.

— Мне остаться? — Бес вопросительно поглядел на девушку.

— Нет, ступай. Делай, что я тебе сказала. Я разберусь сама.

— Может, все же...

— Я же сказала!

Начальник гвардии слегка склонил голову. Проходя мимо генерала, он с издевкой склонил голову и перед ним.

После того как они остались одни, Татьяна улыбнулась:

— Иди ко мне. Ты глупый, бестолковый малыш.

Сергей на ватных ногах приблизился к ней, словно кролик к удаву. Чем дальше он был с ней, тем беспомощнее и безвольнее становился. В секунду все, что было до этого, исчезло. Осталась только она. Его богиня.

— Ты очень устал. Тебе нужно отдохнуть. Когда ты последний раз спал? Так нельзя. Иди ко мне, — она вытянула руки, чтобы он пал в ее объятия. — Я решила отойти назад, за стены. Этот мир наш. Мы соберем армию еще бóльшую и вернемся. Иди ко мне. Иди.

Ее запах, ее вид, ее тело. Она его наркотик, она его богиня. Ему было достаточно смотреть на нее, чтобы чувствовать себя счастливым. Ноги сами делали шаги навстречу, и он не помнил, как утонул в ее объятиях, прижимаясь к теплому телу.

— Ты мой любимый. Тебе нужно отдохнуть. Всем нужно отдохнуть. Просто пока надо еще немного потерпеть, совсем чуть-чуть. Этот Марс не должен помешать нашему счастью. Следует его задержать, пока мы будем отходить к Риму. Ты же любишь меня?

Сергей кивнул, крепче прижимая ее к себе, словно маленький мальчик держал любимую игрушку, боясь с ней расстаться.

— Ты думал о детях? Мы с тобой можем стать хорошими родителями. Ты и я, и наш будущий малыш. Раньше я не могла, не хотела, а теперь у меня есть ты. Когда мы окажемся в Новом Риме, то, может быть, подумаем об этом? Ты не против?

Естественно, он был не против.

— Ты меня любишь?

— Очень, — еле выдавил он из себя пересохшим от счастья и неожиданности ртом.

— Мой мальчик, мой спаситель. Никто, кроме тебя, меня не понимает. Никто. Я уведу гвардию за стены Рима, а ты не дашь этому самозванцу помешать мне. Задержишь его и сразу догонишь меня. Лучше тебя нет никого, и никто не защитит меня, только ты. Оставь себе кого считаешь нужным, остальных я заберу.

— Я сделаю ради тебя все.

— Мой милый.

Вдруг Татьяна вздрогнула и охнула. Сергей, улыбаясь, поцеловал ее и прижал к себе со всей силы.

— Зачем тебе бросать меня, если ты можешь остаться? Мы будем вместе с тобой. Навсегда.

Он повторно вогнал меж ребер Татьяны нож. Металл проник сквозь грудную клетку и пробил легкое. Глаза девушки округлились, лицо исказилось от острой боли, слезы потекли по щекам. Она попыталась

оттолкнуть генерала, но Сергей только сильнее прижал ее к себе и впился в ее губы, страстно целуя. Он повернул рукоять ножа, отчего Татьяна поднялась на цыпочки. Девушка закашлялась, дыхание стало хриплым. Генерал аккуратно положил ее на пол и сам припал на колени.

— Господи, как больно, — Татьяна смотрела на своего убийцу и не могла поверить в то, что совершил Сергей. Становилось холодно.

— Прости, — он уткнулся в ее живот головой. Горячая кровь испачкала лицо. — Прости.

— Больно. Как же больно... — Она внезапно улыбнулась. — Я и забыла, как человек хрупок.

— Мы будем с тобой вместе. Прости.

— Может, это лучшее, что ты сделал со мной. Может, это самое лучшее, что произошло со мной за все эти годы... — Она снова закашлялась. — Не надо больше думать о том, что делать и кому мстить. Смерть, оказывается, может быть приятной.

— Прости. Я просто не мог уйти туда без тебя. Я не мог.

— Убей его, — внезапно приподнимаясь, произнесла она.

— Кого?

— Марса. Убей, как убил меня. И все будет кончено. Не останется больше никого. Люди будут свободны. Их игра закончится.

— О чем ты?

Она схватила его за грудки.

— Поклянись. Поклянись мне, что убьешь его. Ради меня. Марс — это демон. Он уничтожит все, сам того не понимая.

— Я хочу уйти с тобой.

— Они испоганили всю мою жизнь. Прошу. Дай мне спокойно умереть, зная, что ты покончишь с ним. Мы справились с Луцием, теперь ты должен справиться и с его наследником.

— Я не понимаю.

— Тебе и не надо. Просто сделай то, что я прошу.

— Хорошо, хорошо, — он прикоснулся своим лбом к ее. — Я клянусь. Я убью его, а потом приду к тебе.

— Потом просто живи.

— Я не смогу без тебя. Прости. Я знаю, что ты хотела меня бросить. Я просто не мог тебя отпустить.

— Мне очень больно. Прошу тебя. Я слишком долго не чувствовала боли. Она мне не нравится.

Сергея трясло. Желваки на скулах дергались. Он прикрыл глаза.

— Прошу, мне очень больно.

Генерал резко выдернул нож. Она выгнулась. Мгновение — и стальное лезвие прорезало сердце. Татьяна вздрогнула. Потом словно попыталась свернуться клубком и наконец выпрямилась. Голубые глаза замерли. Сергей впервые за долгие годы всхлипнул. Его организм не сразу

понял, что нужно делать в такой ситуации. Слез не было, только беспомощность, граничащая с истерикой. Он безудержно целовал остывающее тело. Он бы ушел вместе с ней тут же, но он поклялся.

Тихие шаги позади немного отрезвили его. Бес посмотрел на пару сверху вниз, медленно снял оружие с плеча и взвел затвор. Генерал с видом безумца какое-то время глядел на начальника гвардии, затем отвернулся и вновь припал к телу девушки. Начальник гвардии постоял неподвижно, затем развернулся и вышел к солдатам.

— Генерал и великая Татьяна решили пойти на дно вместе с тонущим кораблем. Что ж, это благородно. Но нам еще жить. Мы уходим назад, в Рим. Собираем тех, кто может идти, и отступаем.

— А что с парнями из легиона?

— Я думаю, они не очень довольны сложившимися обстоятельствами и нынешним генералом. Если кто последует за нами — милости просим. А кто хочет сложить голову, оставаясь верным присяге, — их право.

Марс махнул рукой. Его люди дали залп. Сергей по инерции сделал несколько шагов вперед и пал перед мессией на колени, опираясь только на вонзенную в землю катану. Марс окинул взглядом разрушенный лагерь. Его клинок так и не покинул ножен. Сергей хрипел, покачиваясь из стороны в сторону.

— Я бросил тебе вызов. Ты должен был биться со мной. У тебя нет чести.

— Я устал быть честным, — Марс прошел мимо, не обращая внимания на Сергея, тянущего к нему руку, которая лишь скользнула по плащу мессии. — Заберите его клинок, возьму себе как трофей. И общите здесь все. Раненых добить. Оружие, одежду, еду — собрать.

— Прости меня, — Сергей прохрипел что-то еще себе под нос и поднял взгляд. Последнее, что он увидел, — мужик в старой одежде, улыбаясь, приставил к его голове оружие.

Глава LV

И ВСЕ ЖЕ ОНИ СОВЕРШЕННЫ?

До самого утра снимали одежду с мертвых, собирали оружие и еду. Забирали все, что имело хоть какую-то ценность. Грузили на машины, которых не хватало. Делали носилки-сани, впрягались и тащили по насту. Победители растянулись в длинный обоз, медленно двигавшийся в город. Возвращаться решили по южной дороге. Там уже была проведена зачистка.

Марс ехал в первом грузовике. Ветер все не стихал. От его порывов хлопал брезент. Марс поежился. Победа не доставила ему радости. Пустота заполняла его. Он достал самурайский клинок и долго рассматривал трофей, слегка вытащив из ножен. Красивая и смертельная вещь, хотя и не сравнится с его мечом. Спрятал клинок в ножны и закинул его за спину.

Что делать дальше, когда вернуться в город? Двинуться сразу на Новый Рим или дать отдохнуть людям, собраться с силами, подлечить раненых? Подлечить? Больше половины раненых умрут от заражения крови. Возможно, на место павших подойдут еще люди, которые услышат о его победе. Он приложил руку ко лбу, большим и указательным пальцем сжав виски. Что-то еще он хотел. Что-то важное. Словно упустил некую сакральную мысль, идею. Ведь он о чем-то постоянно думал. Или ему так кажется? Марс прикрыл глаза, сдвинул брови, но так и не вспомнил. Ладно. Возможно, это и неважно, раз он забыл.

В голове всплыли слова того смертника с катаной. Он что, и вправду думал, что Марс будет с ним биться? Смелый глупец. Но выживают трусы, а не герои. Что он там сказал? «Убью тебя еще раз»? Разве можно убить человека дважды? Мир точно сошел с ума.

Колонна вскоре подошла к месту боя с каннибалами. Снег скрыл почти все следы. Весной тут будет страшное месиво и омерзительный запах.

У одного из разрушенных домов собралась группа бойцов. Солдаты бойко обсуждали что-то и смеялись. При виде месивы они склонили головы. В разбитом окне Марс заметил подозрительное движение черных людских силуэтов. При их виде что-то екнуло в груди. Ударом кулака о железную

крышу он остановил тяжелый грузовик. Машина подалась сначала вперед, а затем назад и встала.

Странное чувство. Словно сердце обхватили рукой и сжали. Голос попытался что-то ему сказать, но в этот раз Марс не стал его слушать. Он спрыгнул с кузова и устремился к разрушенному зданию. Из выбитого окна доносились стоны и ругань. Страх залез за шиворот, на секунду остановив Марса, прежде чем он зашел внутрь.

— Там это... — робко начал чей-то голос, но Марс только сделал жест рукой, чтобы тот заткнулся.

Он тихо приоткрыл дверь, темнота ударила по глазам, но они быстро привыкли, и Марс разглядел несколько человек, возившихся на полу с яростным сопением. Марс шагнул дальше. Дверь хлопнула. Один поднялся, поправляя штаны.

— Рано еще. Чего приперся? Наша очередь. Вали давай. И так со вчерашнего дня ждали.

На полу еще двое держали кого-то. Этот кто-то не сопротивлялся, но мужики зачем-то били несчастного. Первый поднявшийся устремился к Марсу, подошел почти вплотную. Чувствовалось его зловонное дыхание. Он говорил и кричал об очереди. А Марс не мог оторвать взгляда от происходящего на полу. Теперь он четко видел: там лежала девчонка. С нее содрали одежду. Белые худющие ноги с огромными синяками проступали в полумраке.

Марса толкнули в грудь, и он невольно сделал шаг назад. Он что-то забыл, что-то очень важное. Но что? Снова толчок. Его явно хотели выпихнуть наружу. Что же он стоит? Тело, ерзавшее на несчастной, сверкавшее волосатым бесформенным задом, наконец поднялось, поправляя штаны, отошло к стене, уступая очередь.

Земля стала уходить из-под ног, голова закружилась: на полу лежала Катя. Не может быть! Это просто дурной сон. Ему показалось. Она просто похожа. Его Катя в плену у «Огненных братьев» в Новом Риме. Он же... Он забыл про нее! Вот что он забыл. Забыл о том, что ради нее согласился быть этим проклятым мессией. Забыл, что ради нее все это было затеяно. Чтобы спасти ее. А теперь? Что же это? В кого он превратился?

Голос внутри захохотал. Марса снова пихнули в грудь. Он стал одним из них. Таким же, как Демьян, как Ярослав, как эти чертовы выродки из Нового Рима. Девчонка, пользуясь моментом, перевернулась, встала на четвереньки, попыталась уползти. У нее дрожало все тело, подламывались руки, она упала. Мужики ржали. Она попыталась вновь подняться, но тот, что с нее недавно слез, пихнул ее ногой, и она завалилась на бок. От этого заржал даже тот, кто выпихивал Марса на улицу.

— Не девка, а кремень. Она еще не один раз всех нас выдержит. Давай иди, а то еще уползет.

Марс смотрел на все и не мог поверить, что это происходит с ним. Словно попал в тот чертов подъезд, где его лишили матери. Такое же оцепенение, такая же беспомощность.

— Ну же, шевелись! Чего ты стоишь?! Делай же что-нибудь уже! — орал он сам себе.

— Что же ты будешь делать? — подначивал его голос.

— Заткнись! Все это из-за тебя!

— Из-за тебя! — эхом отозвался голос и расхохотался.

Рука сама рванулась к мечу. Темнота наполнилась криками. Тяжелой поступью Марс прошелся по дому, превращая живых в мертвых. Последний попытался выбежать, но ноги запутались в спущенных штанах. Он упал, перевернулся на спину, одной рукой старался натянуть на себя штаны, вторую выставил вверх, в надежде оградить себя от такого же чудовища, как и сам, но не вышло. Марс снес ему полруки. В собственной моче и крови человек катался по полу, визжа и прося о пощаде. Девчонка, забившись в угол, натягивала на себя тряпье.

«О-о-о, мой мальчик. Это называется безумие. А у безумца всегда есть тот, на кого можно свалить тяжесть содеянного. У тебя есть я. Так что действуй и ни в чем себя не ограничивай. Я выдержу все упреки», — продолжал голос.

Марс вложил меч в ножны, взобрался верхом на стонущего от боли, правым коленом прижал обрубок к полу, обхватил оставшуюся руку и впился зубами в палец. Недавний храбрец взвыл. Через секунду Марс выплюнул ему в лицо фалангу и тут же вцепился в другую. Хрящи и кости хрустели на зубах, огненная кровь заполняла рот. Но Марса это не останавливало.

— А-а-а-а! — драл глотку Марс, перекрикивая свою жертву, словно передразнивая ее.

В тот момент он был зверем, под стать миру, в котором он вырос и жил. Его большой палец провалился в глазницу, согнулся в ней и вырвал глаз, запихал его в глотку орущему, тот захрипел, издавая утробные звуки. Марс стал бить его головой о пол до тех пор, пока череп не издал характерный звук и жертва не затихла. Вскочил и растоптал без того разбитую голову, превратив ее в однородную массу.

— Мо-ло-дец! — подытожил голос в голове трясущегося от адреналина мессии. — Никогда не уподобляйся людям. Ты выше их. Захочешь быть человеческим — и они убьют тебя. Ты зверь, хищник, бог. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

— Отвали! — вытирая с лица пот и кровь, проорал Марс. — Отвали! И больше не разговаривай со мной! Никогда!

— Как скажешь! Но если я уйду, с кем ты останешься?

Марс пошатнулся, чуть не упал, поскользнувшись на крови и мозгах, мельком глянул на Катю. Та сидела вжавшись в угол. Марс прошел к

выходу, наступая на трупы, с размаха ударил дверь и вылетел на улицу. На секунду замер, втягивая сквозь зубы холодный свежий воздух.

Мессия предстал перед своими людьми в жутком виде. С ног до головы он был выпачкан кровью. Белки глаз покраснели от ненависти, гнева и напряжения. Это чудовище окинуло всех хищным взглядом.

— Кто?! — указывая на дверь рукой, с которой еще капала чья-то кровь, проревел он. — Кто?!

Люди не понимали, что он имеет в виду и чего хочет. Марс, со вздувшимися венами на шее и красным от чужой крови лицом, стал кидаться то к одному, то к другому, хватал за грудки, тряс, иных бил и орал окровавленным ртом. Наконец остановился и тяжело задышал:

— Вон!

Люди стояли, смотрели и не шевелились.

— Вон! Пошли все вон! Убирайтесь, твари!

Люди стояли.

— Убирайтесь! Ненавижу вас всех! Сброд! Нелюди!

Он выхватил меч, рубанул по первому, кто попался под руку, рассекая лицо и череп. Но никто не побежал, лишь отшатнулись и снова застыли. Он подлетел к другому, занес меч над головой, но человек даже не стал защищаться.

— Радуйся. Теперь это твоя паства. А ты спаситель, — с насмешкой хмыкнул голос. — Ты стал их богом. Ты больше, чем человек, выше, чем они. Стадо это поняло. Разве ты не видишь этого? Ты новый бог, который вправе любить их и наказывать. Они обрели веру. Веру в тебя. Веру в то, что ты построишь для них новый рай на земле.

— Заткнись! Заткнись! Заткнись!!! — он отшвырнул меч, схватился за голову, упал на колени и уткнулся лицом в снег. — Ненавижу все это! Ненавижу! Будь оно все проклято!

Кто-то осторожно присел рядом. Марс поднял голову. Человек протягивал ему его меч, смиренно уставившись в землю и боясь глянуть на бога. Марс вытер глаза, выпрямился, посмотрел на тех, кто окружал его. Люди, как по команде, рухнули на колени. Он взял клинок, убрал его в ножны и поспешно зашагал в проклятый дом.

Через несколько минут Марс перенес девочку, укутанную в тряпки, в другое строение. Катя была без сознания, бредила, дергалась и закрывалась руками, вскрикивала. Непонятно, как истерзанное и измученное тело перенесло все, что с ним сотворили.

Марс сидел рядом с ней. Ему принесли одежду. Он передел Катю в чистое и никого не подпускал ни к себе, ни к ней. Целый день они провели среди рухляди, ящиков и коробок. Марс жег костер, смотрел на Катю, как в лучшие старые времена, которые он всегда считал худшими. Оказывается, что и среди непроглядной мглы бывают серые оттенки, которые и являются светом.

Цветок жизни. Так назвал ее Виктор при первой их встрече. А он не смог уберечь ее, не смог защитить. Забыл про нее ради власти, навязанной ему этим миром. С самого детства Виктор пытался уберечь его, и только сейчас Марс понял от чего. От всего этого. От самого себя. Вот почему он опасался людей, вот почему всегда они были одни. Мессия стал богом. Богом чего? Апокалипсиса! Виктор убегал не от «Огненных братьев». Виктор убегал от Марса, от его второго «я», от голоса, который теперь начал с ним разговаривать и брать верх.

Марс подкинул в пламя остатки деревянного ящика. Отодвинул ногой подальше кастрюлю, в которой снег уже растаял, поднял с пола тряпку, порвал ее на лоскуты и хотел сменить повязки у девочки.

— Марс? — она вдруг открыла глаза.

— Да, — он кинулся к ней, припал на колени, стал гладить по голове. — Ты как?

— Ты мне снишься?

— Нет, это я. Это я! Я здесь, с тобой!

Она вздохнула и отвернулась.

— Поговори со мной. Прошу.

— Я не знаю о чем. Все тело болит.

— Хочешь, расскажу тебе какую-нибудь сказку? Я помню те, которые рассказывал Виктор.

Он нес какую-то чушь, говорил с ней так, как говорил с ней маленькой, когда она просыпалась от ночных кошмаров.

— Не нужно. Я уже большая. Да и в них одна выдумка. В них все хорошо, а такого не бывает. Добро не может победить зло. Зла слишком много. Да и чтобы победить его, добро должно творить вещи гораздо страшнее, чем делало зло, — она посмотрела на Максимыча и заплакала.

— Тебя больше никто не обидит. Я обещаю.

— Ты уже обещал один раз. Не нужно.

Она отвернулась.

— Ты ненавидишь меня?

— Я ненавижу себя.

— Ты о том, что случилось? Брось. Главное, что ты жива. Ты поправишься. У меня, у нас теперь есть все: еда, оружие, теплый дом. Нам теперь незачем бежать. Тысячи людей будут делать все, что ты им прикажешь. Ты только поправляйся.

— Я говорила им, что ищу тебя. Я говорила им, что ты мой друг. Им было плевать. Думаешь, что-то изменилось теперь? Ты не можешь управлять всеми и следить за всеми. Это невозможно. Это может только тот человек.

— Какой?

— Тот, который был у Виктора на шее. Тот, кого распяли на кресте из-за людей. А ты не он.

— Ты права, — он склонил голову. — Я далеко не он.
— Наша жизнь — кошмар, и мы кошмар. Зачем мы только живем?
— она повернулась к Марсу, по ее щекам текли слезы.
— Брось. Брось! — Он поцеловал ее, вытер слезы. — Ты жива. Я жив. Столько всякого дерьма с нами приключилось, а мы по-прежнему живы. Мы по-прежнему вместе. Нас разлучили, а мы, пройдя через ад, снова встретились. Значит, так и должно быть.
— Ну да. Возможно. Только все равно жизнь — это полное дерьмо.
— Она немного помолчала и добавила: — Я пить хочу.
Марс кинулся к кастрюле, поспешил обратно.
— Катана?
— Что? — он замер около нее.
— Тот меч. Откуда он у тебя?
— Трофей, — спокойно ответил Марс и присел к ней. — Нравится? Хочешь, я подарю его тебе?
— Ты убил его?
— Кого?
— Человека, которому принадлежал этот меч?
— Да.
Она посмотрела на него совершенно холодным взглядом.
— Держи, пей, — он помог ей приподняться. — А знаешь...
— Давай помолчим, — она откинулась обратно на свою лежанку.
— Ладно.

На следующий день Кате стало хуже. Она снова начала бредить и кричать. Звала неизвестного Марсу Шона, Виктора, разговаривала в бреду с матерью. Марс стоял над ней, мочил в холодной воде тряпку, прикладывал ко лбу, отирал ей лицо. Днем приходил врач. Хотя теперь каждого, кто умел зашивать раны и останавливать кровь, можно было назвать врачом. Марс чуть не убил бедолагу, который осмелился сказать, что девочке осталось совсем мало.

Беспомощность. Марса пугало это состояние больше, чем смерть и пытки. Он стоял над ней и не мог ничем помочь. Он знал, что все, кто бывает с ним рядом, всегда уходят от него. Тем не менее он еще надеялся, что все обойдется. Ложился рядом с Катей, слушал ее дыхание. Впервые за свою жизнь молился кому-то, неуверенно, как умел. Вспомнил и про этого казненного на кресте, просил и его. Но никто не сошел с небес, никто не услышал, не помог. Не было и голоса: даже он перестал разговаривать с Марсом, не отвлекая от заботы о единственном друге.

Часы ползли один за другим, длинные, вязкие, бессмысленные. Катя только иногда приходила в себя, просила пить. Называла его Шоном.

Наутро она открыла глаза, попросилась на свежий воздух, сказала, что здесь ей нечем дышать. Он закутал ее потеплее, поднял на руки и вышел из дома.

— Давай погуляем, — еле произнесла она.

Погуляем? В этом безумном, проклятом мире — погуляем? Марс закивал головой и понес Катю вперед. Она смотрела на низкое серое небо. Худое тело почти ничего не весило. Марс шел и не мог на нее насмотреться, словно чувствовал, что она уходит от него, стараясь запомнить все черты ее лица. За ними, держась на приличном расстоянии, двигалось людское стадо. Шли долго, пока девочка вдруг не попросила положить ее на снег. Он понял каким-то внутренним чувством, что жить ей осталось совсем недолго, и на глаза навернулись слезы.

— Ты что, Марс?

— Ничего, — еле сдерживаясь, осипшим голосом выдавил он. — Все нормально.

— Марс?

— Да.

— Что это?

— О чем ты?

— Вокруг твоей головы? — она протянула руку к нему, пытаясь дотронуться до чего-то неосязаемого. — Она светится. Словно вокруг твоей головы шапочка.

— Тебе кажется.

— Да нет. Точно. Точно светится.

— Хорошо. Пускай будет по-твоему, — он провел рукой по ее личику.

Катя взяла его за руку, прошептала:

— Может, ты и вправду мессия?

— Тогда бы я смог помочь тебе. А я не смог.

Девочка из последних сил приподнялась, стараясь заглянуть за спину Марса. Посмотрела на людскую массу.

— Марс, а что со мной произошло? Я ничего не помню.

— Ничего, — он крепче сжал ее руку. — Ты просто немного приболела, тебе нужно отдохнуть. Ты поправишься. Обязательно.

— Нет. Не поправлюсь, — она с улыбкой посмотрела на него с выражением взрослого, все понимающего человека, словно она прожила долгую жизнь. — Мне холодно. Обними меня.

Марс улегся с ней рядом, прижал к себе и заплакал.

Когда пришел в себя, то понял, что обнимает мертвое тело.

Снег повалил большими хлопьями. Марс долго сидел около Кати, плакал. Сорвал с себя кулончик и надел на нее. Сходил за лопатой и стал копать. Рыл ожесточенно, вгрызаясь в промерзшую землю. Откидывал куски руками, сопел, рыдал и рыл, рыл, рыл.

Два дня оставался рядом с могилой, жег костер, вспоминал лучшее — все, что мог вспомнить, хотя хорошего было и мало. На третий день проснулся оттого, что замерз. Костер засыпало. Было жутко холодно. Он

еле поднялся, стряхивая с себя снег. У могилы стояли двое. Марс присмотрелся и не поверил тому, что увидел. Старик Виктор и какой-то незнакомец в странной одежде и доспехах.

— Не уберег, — Виктор присел у могилы и положил руку на холмик.

— Он не с девчонкой возиться сюда послан, — незнакомец заговорил знакомым голосом, тем самым, который Марс слышал в своей голове.

— Силой нужно уметь распоряжаться, Марс. Тебе была дана сила. Как ты ей распорядился?

— Нормально он ею распорядился. Он бог. А вон его паства, — незнакомец шагнул к нему. Марс вытащил меч, выставил вперед. — Да брось! — человек в доспехах схватился голой рукой за лезвие, дернул на себя, подтягивая Марса ближе. — Так-то лучше. Негоже богу скулить.

— Он спаситель, — вмешался Виктор.

— Спаситель кого?

Марс смотрел не моргая. В голове каша. Что это? Галлюцинация? Он умер? Сошел с ума? А мертвый Виктор продолжал настойчиво спорить с незнакомцем. Наконец они о чем-то договорились. Незнакомец грубо развернул Марса за плечи так, чтобы тот видел стоянку людей:

— Посмотри на них. Мы создадим новый легион. Ты возглавишь его и завоюешь мир.

— Какой мир вы завоюете? На земле почти никого не осталось. Нужно спасать эти остатки. Марс, тебе нужно научить их жить по правилам, вернуть им былой человеческий вид. Научить их прощать, любить, сострадать. Ты потерял всех, кто был с тобой рядом, но обрел гораздо большее. Они верят в тебя, надеются на тебя. Помоги им стать лучше. Помоги им не стать такими же, как и ты.

— Конечно. «Научи их сострадать», «научи их быть лучше». Да обернись и посмотри на могилу. Сможешь? Сможешь побороть в людях звериное начало? Обуздать их похоть и низкие желания? Только богом можешь ты для них стать. Лучше кнут, чем пряник. Кнута они слушаются. Людей нужно наказывать, а не жалеть.

Меч вывалился из рук. Марс обхватил голову руками и бессмысленно побрел куда-то, рыча и хрипя, словно зверь. Упал, пополз на четвереньках, поднялся и расхохотался нечеловеческим голосом. Впился руками в снег и завыл, как безумный.

— Он вернется за мечом, — спокойно произнес Анатас, наблюдая за Марсом.

— Думаешь, он настолько глуп, чтобы наступить еще раз на те же грабли? — проговорил человек в белой тоге.

— Они жаждут сравняться с нами. Ни одна потеря, ни одно переживание, ни одно горе не уничтожает в них стремление быть лучше

других. Только это «лучше» порой очень извращено в их понимании. На протяжении всего времени они только и делают, что убивают друг друга. Нужно просто довести их желания до логического завершения.

— Посмотрим.

— Тут и смотреть нечего. Придумай лучше себе занятие более интересное. Согласись, что при любом раскладе выиграю я. Они жалки в своих амбициях и желаниях. Найди себе другую песочницу для игры в куклы. А про эту можешь забыть. Скоро она превратится в пустыню.

— И все же они совершенны.

Эпилог

Безжизненная серая, как пепел, земля. Ни единого звука, ни дуновения ветерка, тихо, будто в вакууме. Высохли реки, озера и моря. На дне бывшего водоема сгрудились полусгнившие бесформенные конструкции.

Армейский ботинок тяжело опустился, подняв небольшое облачко пыли, которая теперь была везде. Человек поправил шарф, натянутый на худое и грязное лицо почти до глаз. Изорванный плащ висел на щуплых плечах, голову покрывал капюшон.

След давно остывшего костра, рядом — оборудованное для ночлега место. Он уже здесь был. Он ходит по кругу. Сколько раз он проходил здесь? Сотню? Тысячу? Он знал, что будет дальше, — длинная автострада, занесенная серой пылью. Снова идти по ней. А вокруг — мертвый, однообразный, унылый пейзаж. Сухие деревья, покосившиеся, поломанные, покрытые засохшим черным мхом. Ржавые автомобили, почти вросшие в почву. Торчащие кости по краям дороги. И ненавистная тишина.

Человек прошел немного вперед и облокотился на кузов автомобиля — рука провалилась сквозь напрочь истлевший металл. Пришлось сделать еще одно трудно дающееся движение, чтобы найти точку опоры. Он стоял, прислонившись к машине, и глядел в пустую даль, туда, где теперь даже горизонт различался смутно. Все было практически одноцветным. Все исчезало, все рассыпалось, превращалось в серую пыль. Даже горы, не говоря уже о городах, от которых остались только неприглядные развалины. Раньше он боялся в них заходить, раньше там были люди. Теперь можно было этого не опасаться. Мир, каким он его знал, давно исчез, остались только воспоминания.

Сейчас он бы отдал все за то, чтобы ощутить запах свежескошенной травы. Он бы многое отдал за простое общение, хоть с собакой. Человек тяжело вздохнул, заставляя себя двигаться. Зачем? Для чего? Только он один знал это. День сменялся ночью, ночь — днем, до рвотной ненависти, безликой, однообразной, бессмысленной. Он прошел мимо вереницы сгоревших легковушек с черными трупами внутри. Его рук дело. Его. Он легонько провел пальцами по крыше машины, собирая черную пыль. Здесь те, кто пытались спастись. Он так и не ограничился Новым Римом. Ему

было мало. Все были виноваты в том, что он остался без Виктора, без Лизы, а потом без Кати...

Теперь он один. Мечется по этой богом забытой и проклятой земле. Холодно и пусто. А самое страшное — тихо.

Сколько лет прошло? Сколько сотен лет? Он был изгоем, потом мессией, теперь богом. Все принадлежит ему. Он обладает всем этим ничем. Он проклят за дело. Бессмертие — глупая награда за то, что он совершил. Теперь он один во всем мире, бог, не умеющий созидать, а только разрушающий. Он разрушил все, кроме себя. Его тело не спешит умирать. Он медленно гниет заживо. Ничто не вечно, только боги.

Странное дело. Сколько еще продлятся его мучения? Но он продолжал идти в поисках того, что потерял. В поисках нового цветка жизни, который не смог сохранить. Вдруг кто-то еще остался в живых. Вдруг он не одинок. Не может же быть так, что он всех убил. Он должен искать, должен идти.

Забирая жизни, он забыл о том, что сила человека — в прощении. Он слишком поздно сделал правильный вывод. Нужно было просто простить людей. Но тогда он этого не смог.

Марс поправил на полусгнившем лице шарф, спрятал руки в карманы. Его путь будет долгим. Раньше люди считали, что ад где-то далеко. Теперь ад спустился на землю, и Марс по праву стал его хранителем. Но даже в аду кто-то обитает, и он должен его найти.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Утрата	3
Глава II. Одиночество	13
Глава III. Андрей	19
Глава IV. Жар	27
Глава V. Когда-нибудь мы обязательно умрем	34
Глава VI. Логово Змея	40
Глава VII. Блокпост 44	51
Глава VIII. «Чем я хуже собаки?»	59
Глава IX. Казнь	70
Глава X. Начало конца	77
Глава XI. Цветок жизни	85
Глава XII. Крестная дочь	91
Глава XIII. Сделка	100
Глава XIV. Выстрел	108
Глава XV. Попутчик	115
Глава XVI. Палач	121
Глава XVII. Царство Аида	130
Глава XVIII. «Кто я?»	135
Глава XIX. Любовь	141
Глава XX. Отступница	147
Глава XXI. Возвращение долга	156
Глава XXII. Новая истина	166
Глава XXIII. Пленение	174

Глава XXIV. Собрание	181
Глава XXV. Игра	187
Глава XXVI. «Вам придется быть со мной»	193
Глава XXVII. Семейные воспоминания	201
Глава XXVIII. «Я разрушу эту планету и отстрою ее заново»	206
Глава XXIX. Неизбежность войны	210
Глава XXX. А потом настанет апокалипсис	216
Глава XXXI. «У меня нет распоряжений насчет тебя»	222
Глава XXXII. Божественное начало	229
Глава XXXIII. Заговор	235
Глава XXXIV. «Я даю людям тебя»	243
Глава XXXV. Пир человеческий	248
Глава XXXVI. Человек со стороны	254
Глава XXXVII. Ради кого он это сделал	261
Глава XXXVIII. Восхождение	268
Глава XXXIX. Прольется еще много крови	273
Глава XL. В ожидании удара	278
Глава XLI. Жажда власти	284
Глава XLII. «Кто разрешил вам указывать людям?»	288
Глава XLIII. «Заткнись и слушай»	297
Глава XLIV. «Зададим ублюдкам жару»	302
Глава XLV. «Спасайтесь, пришел мессия!»	307
Глава XLVI. «Я спасение человечества. Разве ты забыл?»	312
Глава XLVII. Всем воздастся	320
Глава XLVIII. Осознание	324
Глава XLIX. Зачистка	328
Глава L. Сровнять с землей всех	333
Глава LI. Даже боги умирают, когда о них забывают	339
Глава LII. Это называется предательство	343

Глава LIII. «Ты забыл сказать „генерал“»	351
Глава LIV. «Я устал быть честным»	354
Глава LV. И все же они совершенны?	359
Эпилог	368

Литературно-художественное издание

Алексей Сергеевич Поворов

АПОКАЛИПСИС

Компьютерная верстка и оформление

Дмитрия Хованова

Подписано в печать 22.12.2018. Формат 60x90¹/₁₆.
Объем 23 п.л. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 4743

Отпечатано цифровым способом,
по технологии печать по требованию.

ООО «Аполлон принт».
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.
www.apolloprint.ru